

МОСКВА

«ДЕТСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА»

1989

КИР
БУЛЫЧЕВ

ДЕВОЧКА
с ЗЕМЛИ

*фантастические
повести*

ББК 84Р7 Б 90
П Е Р Е И З Д А Н И Е

В книге две фантастические повести:
«Девочка с Земли» и «Миллион приключений».
Героиня обеих повестей — девочка XXI века —
Алиса, которая вместе со своими друзьями
совершает путешествия на другие планеты.
Книга познакомит читателей с парадоксальными

научными гипотезами и идеями, воплощение которых— дело будущего.

Художник Е. МИГУНОВ

4803000000—322 Без ооъявл.
M101(03)—89

ISBN 5—08—002116—0

Состав: «Девочка с Земли». 1974.
«Миллион приключений» 1982

(С) Иллюстрации.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА», 1985

ОТ АВТОРА

Много лет назад я написал несколько маленьких рассказов из жизни Алисы, девочки из XXI века. Мне хотелось представить, как будут жить люди через сто лет. В этих рассказах Алиса встречалась с инопланетными существами, летала на Марс, опускалась на морское дно, но при этом я старался сделать так, чтобы Алиса и ее друзья оставались как бы нашими современниками; то есть я не придумывал человеческие характеры, а брал черты их из жизни сегодняшней, нашей.

Потом прошло некоторое время, и я вернулся к Алисе. На этот раз я написал о ней большую книгу, которая называлась «Девочка с Земли». В ней Алиса отправлялась в большое космическое путешествие и не только открывала мир, как в первых рассказах, но и попадала в ситуации, где ей нельзя было оставаться только наблюдательницей— приходилось

бороться, рисковать, даже сражаться за справедливость.

Книга эта пользовалась популярностью у читателей, и я написал продолжение. Вторая книга называлась «Сто лет тому вперед». Тут мне захотелось столкнуть настоящее и будущее. Поэтому один из героев книги попадает в будущее, а затем и Алиса оказывается в нашей сегодняшней Москве. Наконец, третья книга про Алису вышла под названием «Миллион приключений».

Сегодня истории о девочке из XXI века известны многим читателям, так как по одной из книг сделан фильм «Тайна третьей планеты», по другой – многосерийный телевизионный фильм. Но за годы, прошедшие со дня выхода этих книг в свет, они постепенно истрепались, потерялись, и подросло уже новое поколение читателей, которые книг не читали. Поэтому решено было издать книгу о девочке из будущего, включив в нее «Девочку с Земли» и «Миллион приключений». Они связаны не только общей героиней, но и основной темой – действие этих повестей происходит в космосе, на дальних планетах, и потому они как бы продолжают друг друга.

**ДЕВОЧКА
С ЗЕМЛИ**

ПУТЕШЕСТВИЕ АЛИСЫ

Глава 1. Преступница Алиса

Я обещал Алисе: «Кончишь второй класс — возьму тебя с собой в летнюю экспедицию. Полетим на корабле «Пегас» собирать редких животных для нашего зоопарка».

Я сказал об этом ещё зимой, сразу после Нового года. И заодно поставил несколько условий: хорошо учиться, не делать глупостей и не заниматься авантюрами.

Алиса честно выполняла условия, и казалось, ничто не угрожало нашим планам. Но в мае, за месяц до отлета, случилось происшествие, которое чуть было все не испортило.

В тот день я работал дома, писал статью для «Вестника космозоологии». Сквозь открытую дверь кабинета я увидел, что Алиса пришла из школы мрачная, бросила с размаху на стол сумку с диктофоном и микрофильмами, от обеда отказалась и вместо любимой в последние месяцы книги «Звери дальних планет» взялась за «Трёх мушкетеров».

— У тебя неприятности? — спросил я.

— Ничего подобного, — ответила Алиса. — С чего ты взял?

— Так, показалось.

Алиса подумала немного, отложила книгу и спросила:

— Пап, а у тебя нет случайно золотого самородка?

— А большой тебе нужен самородок?

— Килограмма в полтора.

— Нет.

— А поменьше?

— Честно говоря, и поменьше нет. Никакого нет у меня самородка. Зачем он мне?

— Не знаю, — сказала Алиса. — Просто мне понадобился самородок.

Я вышел из кабинета, сел с ней рядом на диван и сказал:

— Рассказывай, что там у тебя произошло.

— Ничего особенного. Просто нужен самородок.

— А если совсем откровенно?

Алиса глубоко вздохнула, поглядела в окно, наконец решилась:

— Пап, я преступница.

— Преступница?

— Я совершила ограбление, и теперь меня, наверно, выгонят из школы.

— Жалко, — сказал я. — Ну, продолжай. Надеюсь, что все не так страшно, как кажется с первого взгляда.

— В общем, мы с Алешей Наумовым решили поймать щуку-гиганта. Она живет в Икшинском водохранилище и пожирает мальков. Нам о ней рассказал один рыбак, ты его не знаешь.

— А при чем здесь самородок?

— Для блесны.

— Что?

— Мы в классе обсуждали и решили, что надо щуку ловить на блесну. Простую щуку ловят на простую блесну, а гигантскую щуку надо ловить на особенную блесну. И тогда Лева Званский сказал про самородок. А у нас в школьном музее есть самородок. Вернее, был самородок. В полтора килограмма весом. Его школе один выпускник подарил. Он его с пояса астероидов привёз.

— И вы украли золотой самородок весом в полтора килограмма?

— Это не совсем так, папа. Мы его взяли займы. Лева Званский сказал, что его отец геолог и он привезет новый. А пока мы решили сделать блесну из золота. Щука наверняка клюнет на такую блесну.

— А дальше что?

— Дальше ничего особенного. Мальчишки испугались открыть шкаф. И мы тянули жребий. Я

бы никогда не стала брать золотой самородок, но жребий упал на меня.

— Пал.

— Что?

— Жребий пал на тебя.

— Ну да, жребий упал на меня, и я не могла отступить перед всеми ребятами. Тем более что этого самородка никто бы и не хватился.

— А потом?

— А потом мы пошли к Алеше Наумову, взяли лазер и распилили этот проклятый самородок. И поехали на Икшинское водохранилище. И щука откусила нашу блесну.

Алиса подумала немного и добавила:

— А может, и не щука. Может быть, коряга. Блесна была очень тяжелая. Мы искали ее и не нашли. Нырjali по очереди.

— И ваше преступление открылось?

— Да, потому что Званский обманщик. Он принес из дома горсть алмазов и говорит, что золота нет ни кусочка. Мы его отправили с алмазами домой. Нужны нам его алмазы! А тут приходит Елена Александровна и говорит: «Молодежь, очистите музей, я сейчас сюда первоклашек на экскурсию приведу». Бывают же такие несчастливые совпадения! И все тут же обнаружилось. Она к директору побежала. «Опасность, — говорит (мы под дверью слушали), — у кого-то пробудилось в крови прошлое!» Алешка Наумов, правда, сказал, что он всю вину на себя возьмет, но я не согласилась. Если жребий упал, пусть меня и казнят. Вот и все.

— И все? — удивился я. — Так ты созналась?

— Не успела, — сказала Алиса. — Нам срок дали до завтра. Елена сказала, что или завтра самородок будет на месте, или состоится крупный разговор. Значит, завтра нас снимут с соревнований, а может, даже выгонят из школы.

— С каких соревнований?

— Завтра у нас гонки в воздушных пузырях. На

первенство школы. А наша команда от класса — как раз Алешка, я и Еговров. Не может же Еговров один лететь.

— Ты забыла еще об одном осложнении, — сказал я.

— О каком? — спросила Алиса таким голосом, будто догадывалась.

— Ты нарушила наш договор.

— Нарушила, — согласилась Алиса. — Но я надеялась, что нарушение не очень сильное.

— Да? Украсть самородок весом в полтора кило, распилить его на блесны, утопить в Икшинском водохранилище и даже не сознаться! Боюсь, что придется тебе остаться, «Пегас» уйдет без тебя.

— Ой, папа! — сказала Алиса тихо. — Что же теперь делать будем?

— Думай, — сказал я и вернулся в кабинет дописывать статью.

Но писалось плохо. Очень уж чепуховая история получилась. Как маленькие детки! Распилили музейный экспонат.

Через час я выглянул из кабинета. Алисы не было. Куда-то убежала. Тогда я позвонил в Минералогический музей Фридману, с которым я когда-то встречался на Памире.

На экране видеофона появилось круглое лицо с чёрными усами.

— Леня, — сказал я, — у тебя нет в запасниках лишнего самородка весом килограмма в полтора?

— Есть и в пять килограммов. А зачем тебе? Для работы?

— Нет, дома нужно.

— Не знаю, что тебе сказать, — ответил Лёня, закручивая усы. — Они ведь все оприходованы.

— Мне какой-нибудь самый завалящий, — сказал я. — Дочке в школе понадобился.

— Алисе?

— Алисе.

— Тогда знаешь что, — сказал Фридман, — я тебе дам самородок. Вернее, не тебе, а Алисе. Но ты

мне заплатишь добром за добро.

— С удовольствием.

— Дай на один день синебарса.

— Что?

— Синебарса. У нас мыши завелись.

— В камнях?

— Не знаю уж, чем они питаются, но завелись. И кошки не боятся. И мышеловку игнорируют. А от запаха и вида синебарса мыши, как всем известно, убегают со всех ног куда глаза глядят.

Что мне было делать? Синебарс— животное редкое, и мне самому придется ехать с ним в музей и там смотреть, чтобы синебарс кого-нибудь бы не искусал.

— Ладно,— сказал я.— Только пришли самородок к завтрашнему утру, по пневмопочте.

Я отключил видеофон, и тут же прозвучал звонок в дверь. Я открыл. За дверью стоял беленький мальчик в оранжевом костюме венерианского разведчика, с эмблемой первопроходчика Сирианской системы на рукаве.

— Простите, — сказал мальчик. — Вы Алисин отец?

— Я.

— Здравствуйте. Моя фамилия Еговров. Алиса дома?

— Нет. Ушла куда-то.

— Жаль. Вам можно доверять?

— Мне? Можно.

— Тогда у меня к вам мужской разговор.

— Как космонавт с космонавтом?

— Не смейтесь,— покраснел Еговров.— Со временем я буду носить этот костюм по праву.

— Не сомневаюсь, — сказал я. — Так что за мужской разговор?

— Нам с Алисой выступать на соревнованиях, но тут случилось одно обстоятельство, из-за которого её могут с соревнований снять. В общем, ей надо вернуть в школу одну потерянную

вещь. Я вам ее даю, но никому ни слова. Ясно?

— Ясно, таинственный незнакомец, — сказал я.

— Держите.

Он протянул мне мешочек. Мешочек был тяжелый.

— Самородок? — спросил я.

— А вы знаете?

— Знаю.

— Самородок.

— Надеюсь, не краденый?

— Да нет, что вы! Мне его в клубе туристов дали. Ну, до свидания.

Не успел я вернуться в кабинет, как в дверь снова позвонили. За дверью обнаружили две девочки.

— Здравствуйте, — сказали они хором. — Мы из первого класса. Возьмите для Алисы.

Они протянули мне два одинаковых кошелька и убежали. В одном кошельке лежали четыре золотые монеты, старинные монеты из чьей-то коллекции. В другом — три чайные ложки. Ложки оказались, правда, не золотыми, а платиновыми, но догнать девочек я не смог.

Ещё один самородок рука неизвестного доброжелателя подкинула в почтовый ящик. Потом приходил Лева Званский и пытался всучить мне маленькую шкатулку с алмазами. Потом пришёл один старшеклассник и принес сразу три самородка.

— Я в детстве камни собирал, — сказал он.

Алиса вернулась вечером. От двери она сказала торжественно:

— Пап, не расстраивайся, все обошлось. Мы с тобой летим в экспедицию.

— Почему такая перемена? — спросил я.

— Потому что я нашла самородок.

Алиса еле вытащила из сумки самородок. По виду в нем было килограммов шесть — семь.

— Я поехала к Полоскову. К нашему капитану. Он всех своих знакомых обзвонил, когда узнал, в чём дело. И еще накормил меня обедом, так что я

не голодная.

Тут Алиса увидела разложенные на столе самородки и прочие золотые вещи, скопившиеся за день в нашем доме.

— Ой-ой-ой! — сказала она. — Наш музей разбогатеет.

— Слушай, преступница, — сказал я тогда, — я бы тебя ни за что не взял в экспедицию, если бы не твои друзья.

— А при чем тут мои друзья?

— Да потому, что они вряд ли стали бы бегать по Москве и искать золотые вещи для очень плохого человека.

— Не такой уж я плохой человек, — сказала Алиса без лишней скромности.

Я нахмурился, но в этот момент в стене звякнуло приемное устройство пневматической почты. Я открыл люк и достал пакет с самородком из Минералогического музея. Фридман выполнил своё обещание.

— Это от меня, — сказал я.

— Вот видишь, — сказала Алиса. — Значит, ты тоже мой друг.

— Получается так, — ответил я. — Но попрошу не зазнаваться.

На следующее утро мне пришлось проводить Алису до школы, потому что общий вес золотого запаса в нашей квартире достиг восемнадцати килограммов.

Передавая ей сумку у входа в школу, я сказал:

— Совсем забыл о наказании.

— О каком?

— Придется тебе в воскресенье взять из зоопарка синебарса и пойти с ним в Минералогический музей.

— С синебарсом — в музей? Он же глупый.

— Да, он будет там пугать мышей, а ты посмотришь, чтобы он кого-нибудь ещё не напугал.

— Договорились, — сказала Алиса. — Но в

экспедицию мы всё-таки летим.

Глава 2. Сорок три зайца

Последние две недели перед отлётом прошли в спешке, волнениях и не всегда необходимой беготне. Алису я почти не видел.

Во-первых, надо было приготовить, проверить, перевезти и разместить в «Пегасе» клетки, ловушки, ультразвуковые приманки, капканы, сети, силовые установки и ещё тысячу вещей, которые нужны для ловли зверей. Во-вторых, надо было запастись лекарствами, продуктами, фильмами, чистой пленкой, аппаратами, диктофонами, софитами, микроскопами, гербарными папками, записными книжками, резиновыми сапогами, счетно-вычислительными машинами, зонтиками от солнца и дождя, лимонадом, плащами, панاماми, сухим мороженым, автолетами и ещё миллионом вещей, которые могут понадобиться, а могут и не понадобиться в экспедиции. В-третьих, раз уж мы по дороге будем опускаться на научных базах, станциях и разных планетах, надо взять с собой грузы и посылки: апельсины для астрономов на Марсе, селедку в банках для разведчиков Малого Арктика, вишневый сок, тушь и резиновый клей для археологов в системе 2-ВЦ, парчовые халаты и электрокардиографы для жителей планеты Фикс, гарнитур орехового дерева, выигранный жителем планеты Самора в викторине «Знаете ли вы Солнечную систему?», айвовое варенье (витаминизированное) для лабуцильцев и еще множество подарков и посылок, которые нам приносили до последней минуты бабушки, дедушки, братья, сестры, отцы, матери, дети и внуки тех людей и инопланетчиков, с которыми нам придется увидеться. В конце концов наш «Пегас» стал похож на Ноев ковчег, на плавучую ярмарку, на магазин «Универсам» и даже на склад торговой базы.

Я похудел за две недели на шесть килограммов, а капитан «Пегаса», известный космонавт Полосков, постарел на шесть лет.

Так как «Пегас» небольшое судно, то и экипаж на нем маленький. На Земле и других планетах команду экспедицией я, профессор Селезнев из Московского зоопарка. То, что я профессор, совсем не значит, что я уже старый, седой и важный человек. Так получилось, что я с детства люблю всяких животных и никогда не менял их на камни, марки, радиоприемники и другие интересные вещи. Когда мне было десять лет, я пришел в кружок юннатов в зоопарке, потом кончил школу и пошел в университет учиться на биолога. А пока учился, продолжал каждый свободный день проводить в зоопарке и биологических лабораториях. Когда я кончил университет, то я знал о животных столько, что смог написать о них свою первую книжку. В то время еще не было скоростных кораблей, которые летают в любой конец Галактики, и потому было мало космических зоологов. С тех пор прошло двадцать лет, и космических зоологов стало очень много. Но я оказался одним из первых. Я облетел множество планет и звезд и незаметно для себя самого стал профессором.

Когда «Пегас» отрывается от твердой земли, то хозяином на нем и главным начальником над всеми нами становится Геннадий Полосков, известный космонавт и командир корабля. Мы с ним встречались и раньше, на далеких планетах и научных базах. Он часто бывает у нас дома и особенно дружит с Алисой. Полосков совсем не похож на отважного космонавта, и когда он снимает форму капитана-звездолетчика, то его можно принять за воспитателя в детском саду или библиотекаря. Полосков невысокого роста, беленький, молчаливый и очень деликатный. Но когда он сидит в своем кресле на мостике космического корабля, он меняется— и голос

становится другим, и даже лицо приобретает твердость и решительность. Полосков никогда не теряет присутствия духа, и его очень уважают в космофлоте.

Мне с трудом удалось уговорить его полететь капитаном на «Пегасе», потому что Джек О'Кониола уговаривал его принять новый пассажирский лайнер на линии Земля—Фикс. И если бы не Алиса, никогда бы мне Полоскова не уговорить.

Третий член экипажа «Пегаса»— механик Зеленый. Это мужчина большого роста, с пышной рыжей бородой. Он хороший механик и раз пять летал с Полосковым на других кораблях. Главное для него удовольствие— копаться в двигателе и что-нибудь чинить в машинном отделении. Это вообще-то отличное качество, но иногда Зеленый увлекается, и тогда какая-нибудь очень важная машина или прибор оказываются разобранными именно в тот момент, когда они очень нужны. И ещё Зеленый— большой пессимист. Он думает, что «это» добром не кончится. Что «это»? Да все. Например, он прочитал в какой-то старинной книге, что один купец порезался бритвой и умер от заражения крови. Хотя теперь на всей Земле не найти такой бритвы, чтобы порезаться, и все мужчины смазывают утром лицо пастой вместо того, чтобы бриться, он на всякий случай отпустил бороду. Когда мы попадаем на неизвестную планету, он сразу советует нам улететь отсюда, потому что зверей здесь все равно нет, а если есть, то такие, что зоопарку не нужны, а если нужны, то нам все равно их не довести до Земли, и так далее. Но мы все привыкли к Зеленому и на его воркотню внимания не обращаем. А он на нас не обижается.

Четвертым членом нашего экипажа, если не считать кухонного робота, который вечно ломается, и вездеходов-автоматов, была Алиса. Она, как известно, моя дочь, кончила второй

класс, с ней всегда что-нибудь случается, но все ее приключения пока кончались благополучно. Алиса полезный в экспедиции человек — она умеет ухаживать за зверями и почти ничего не боится.

Ночью перед отлетом я спал плохо: мне казалось, что кто-то ходит по дому и хлопает дверьми. Когда я встал, Алиса была уже одета, как будто и не ложилась спать. Мы спустились к автолету. Вещей с нами не было, если не считать моей черной папки и Алисиной сумки через плечо, к которой были привязаны ласты и гарпун для подводной охоты. Утро было холодное, зябкое и свежее. Метеорологи обещали дать дождь после обеда, но, как всегда, немного ошиблись, и их дождь вылился еще ночью. На улицах было пусто, мы попрощались с нашими родными и обещали писать письма со всех планет.

Автолет не спеша поднялся над улицей и легко полетел к западу, к космодрому. Я передал управление Алисе, а сам вынул длинные списки, тысячу раз исправленные и перечеркнутые, и принялся их изучать, потому что капитан Полосков поклялся мне, что, если не выкинуть по крайней мере три тонны груза, мы никогда не сможем оторваться от Земли.

Я не заметил, как мы долетели до космодрома. Алиса была сосредоточенна и как будто о чем-то не переставая думала. Она так отвлеклась, что опустила автолет у чужого корабля, который грузил поросят на Венеру.

При виде опускающейся с неба машины поросята прыгнули в разные стороны, сопровождавшие их роботы бросились ловить беглецов, а начальник погрузки изругал меня за то, что я доверяю посадку маленькому ребёнку.

— Она не такая маленькая, — ответил я начальнику. — Она второй класс кончила.

— Тем более стыдно, — сказал начальник, прижимая к груди только что пойманного

поросенка. — Мы их теперь до вечера не соберем!

Я поглядел на Алису укоризненно, взял руль и перегнал машину к белому «Пегасу». «Пегас» в дни своей корабельной молодости был скоростным почтовым судном. Потом, когда появились корабли быстрее и вместительнее, «Пегас» переделали для экспедиций. В нем были вместительные трюмы, и он уже послужил и геологам, и археологам, а теперь пригодился и зоопарку. Полосков ждал нас, и не успели мы поздороваться, как он спросил:

— Придумали, куда три тонны деть?

— Кое-что придумал, — сказал я.

— Рассказывай!

В этот момент к нам подошла скромная бабушка в синей шали и спросила:

— Вы не возьмёте с собой маленькую посылочку моему сыну на Альдебаран?

— Ну вот, — махнул рукой Полосков, — еще этого не хватало!

— Совсем маленькую, — сказала бабушка. — Грамм двести, не больше. Вы представляете, каково ему будет не получить никакого подарка ко дню рождения?

Мы не представляли.

— А что в посылке? — спросил деликатный Полосков, сдаваясь на милость победительницы.

— Ничего особенного. Тортик. Коля так любит тортики! И стереопленочка, на которой изображено, как его сынок, а мой внучек учится ходить.

— Тащите, — сказал мрачно Полосков.

Я посмотрел, где Алиса. Алиса куда-то пропала. Над космодромом вставало солнце, и длинная тень от «Пегаса» достигла здания космопорта.

— Слушай, — сказал я Полоскову, — мы перегоним часть груза на Луну на рейсовом корабле. А с Луны будет легче стартовать.

— Я тоже так думал, — сказал Полосков. — На всякий случай снимем четыре тонны, чтобы был

запас.

— Куда посылочку передать? — спросила бабушка.

— Робот на входе примет, — сказал Полосков, и мы с ним стали проверять, что выгрузить до Луны.

Краем глаза я посматривал, куда делась Алиса, и потому обратил внимание и на бабушку с посылочкой. Бабушка стояла в тени корабля и тихо спорила с роботом-погрузчиком. За бабушкой возвышалась сильно перегруженная автотележка.

— Полосков, — сказал я, — обрати внимание.

— Ой, — сказал отважный капитан. — Я этого не переживу!

Тигриным прыжком он подскочил к бабушке.

— Что это?! — громовым голосом произнёс он.

— Посылочка, — сказала бабушка робко.

— Тортик?

— Тортик, — бабушка уже оправилась от испуга.

— Такой большой?

— Простите, капитан, — сказала бабушка строго. — Вы что, хотите, чтобы мой сын в одиночестве ел присланный мной тортик, не поделившись со своими ста тридцатью товарищами по работе? Вы этого хотите?

— Я ничего больше не хочу! — сказал загнанный Полосков. — Я остаюсь дома и никуда не лечу. Ясно? Я никуда не лечу!

Бой с бабушкой продолжался полчаса и кончился победой Полоскова. Тем временем я прошел в корабль и приказал роботам снять с борта апельсины и гарнитур орехового дерева.

Алису я встретил в дальнем переходе грузового трюма и очень удивился встрече.

— Ты что здесь делаешь? — спросил я.

Алиса спрятала за спину связку бубликов и ответила:

— Знакомлюсь с кораблем.

— Иди в каюту, — сказал я. И поспешил дальше.

Наконец к двенадцати часам мы закончили перегрузку. Все было готово. Мы еще раз

проверили с Полосковым вес груза— получился резерв в двести килограммов, так что можно было спокойно подниматься в космос.

Полосков вызвал по внутренней связи механика Зеленого. Механик сидел у пульта управления, расчесывал свою рыжую бороду. Полосков наклонился к самому экрану видеофона и спросил:

— Можем стартовать?

— В любой момент, — сказал Зеленый. — Хотя погода мне не нравится.

— Диспетчерская, — сказал Полосков в микрофон. — «Пегас» просит взлёт.

— Одну минуточку, — ответил диспетчер. — У вас нет свободного места?

— Ни одного, — твердо сказал Полосков. — Мы пассажиров не берем.

— Но, может, хоть человек пять возьмете? — сказал диспетчер.

— А зачем? Неужели нет рейсовых кораблей?

— Все перегружены.

— Почему?

— Неужели вы не знаете? На Луне сегодня футбольный матч на кубок Галактического сектора: Земля— планета Фикс.

— А почему на Луне?— удивился Полосков, который не интересовался футболом и вообще за дни подготовки к полету отстал от действительности.

— Наивный человек!— сказал диспетчер. — Как же фиксианцы будут играть при земной тяжести? Им и на Луне нелегко придётся.

— Значит, мы их обыграем? — спросил Полосков.

— Сомневаюсь, — ответил диспетчер.— Они переманили с Марса трех защитников и Симона Брауна.

— Мне бы ваши заботы, — сказал Полосков. — Когда даете взлет?

— И все-таки мы победим, — вмешалась в разговор Алиса, которая незаметно проникла на мостик.

— Правильно, девочка, — обрадовался диспетчер. — Может, возьмете болельщиков? Чтобы отправить всех желающих, мне нужно восемь кораблей. Не представляю, что делать. А заявки все поступают.

— Нет, — отрезал Полосков.

— Ну, дело ваше. Заводите двигатели.

Полосков переключился на машинное отделение.

— Зеленый, — сказал он, — включай планетарные. Только помаленьку. Проверим, нет ли перегрузки.

— Откуда быть перегрузке? — возмутился я. — Мы же все пересчитали.

Корабль чуть задрожал, набирая мощность.

— Пять-четыре-три-два-один — пуск, — сказал капитан.

Корабль вздрогнул и остался на месте.

— Что случилось? — спросил Полосков.

— Что у вас случилось? — спросил диспетчер, который наблюдал за нашим стартом.

— Не идет, — сказал Зеленый. — Я же говорил: ничего хорошего из этого не выйдет.

Алиса сидела, пристегнутая к креслу, и не смотрела в мою сторону.

— Попробуем еще раз, — сказал Полосков.

— Пробовать не надо, — ответил Зелёный. — Значительная перегрузка. У меня приборы перед глазами.

Полосков попытался еще раз поднять «Пегас», но корабль стоял на месте как прикованный. Тогда Полосков сказал:

— У нас какие-то ошибки в расчетах.

— Нет, мы проверили на счетной машине, — ответил я. — У нас резерв двести килограммов.

— Но что же тогда происходит?

— Придется выбрасывать груз за борт. Мы не можем терять время. С какого трюма начнем?

— С первого, — сказал я. — Там посылки.

Подождем их на Луне.

— Только не с первого, — сказала вдруг Алиса.

— Ну ладно, — ответил я ей машинально. — Тогда

начнем с третьего— там клетки и сети.

— Только не с третьего, — сказала Алиса.

— Это еще что такое? — спросил строго Полосков.

И в этот момент диспетчер снова вышел на связь.

— «Пегас», — сказал он, — на вас поступила жалоба.

— Какая жалоба?

— Включаю справочное бюро.

На экране показался зал ожидания. У справочного бюро толпились люди. Среди них я узнал несколько знакомых лиц. Откуда они мне знакомы?

Женщина, стоявшая ближе всех к справочному бюро, сказала, глядя на меня:

— Стыдно всн-таки. Нельзя так потакать шалостям.

— Каким шалостям? — удивился я.

— Я сказала Алеше: на Луну ты не летишь, у тебя пять троек за четвертую четверть.

— И я запретила Леве лететь на этот матч, — поддержала ее другая женщина. — Отлично мог бы посмотреть по телевизору.

— Ага, — сказал я медленно. Я узнал наконец людей, которые собрались у справочного бюро: это были родители ребят из Алисиного класса.

— Все ясно, — сказал Полосков. — И много у нас на борту «зайцев»?

— Я не думала, что у нас перегрузка, —

сказала Алиса. — Не могли же ребята пропустить матч века! Что же получается — я погляжу, а они нет?

— И много у нас «зайцев»? — повторил Полосков стальным голосом.

— Наш класс и два параллельных, — сказала тихо Алиса. — Пока папа ночью спал, мы слетелись к космодрому и забрались на корабль.

— Никуда ты не летишь, — сказал я. — Мы не можем брать в экспедицию безответственных людей.

— Папа, я больше не буду! — взмолилась Алиса. — Но пойми же, у меня сильно развито чувство долга!

— Мы разбиться могли из-за твоего чувства долга, — ответил Полосков.

Вообще-то он все Алисе прощает, но сейчас он очень рассердился.

— Пошли извлекать «зайцев», — добавил он. — Если справимся за полчаса, останешься на корабле. Нет — летим без тебя.

Последнего «зайца» мы извлекли из трюма через двадцать три минуты. Ещё через шесть они все уже стояли, страшно огорченные и печальные, у корабля, и к ним от здания космодрома бежали мамы, папы и бабушки.

Всего «зайцев» на «Пегасе» оказалось сорок три человека. Я до сих пор не понимаю, как Алисе удалось их разместить на борту, а нам — ни одного из них не заметить.

— Счастливо, Алиса! — крикнул снизу Алеша Наумов, когда мы наконец поднялись к люку. — Поболей за нас! И возвращайся скорее!

— Земля победит!.. — ответила ему Алиса. — Нехорошо получилось, папа, — сказала она мне, когда мы уже поднялись над Землей и взяли курс к Луне.

— Нехорошо, — согласился я. — Мне за тебя стыдно.

— Я не о том, — сказала Алиса. — Ведь третий «Б»

улетел в полном составе еще ночью в мешках из-под картошки на грузовой барже. Они-то будут на стадионе, а наши вторые классы – нет. Я не оправдала доверия товарищей.

– А куда картошку из мешков дели? – спросил, удивившись, Полосков.

– Не знаю, – сказала Алиса. Подумала и добавила: – Какими глазами я буду смотреть на стадионе на третий «Б»? Просто ужас!

Глава 3. Ты слышал о трех капитанах?

Когда «Пегас» опустился на лунном космодроме, я спросил у своих спутников:

– Какие у кого планы? Вылетаем завтра в шесть ноль-ноль.

Капитан Полосков сказал, что он остается на корабле готовить его к отлету.

Механик Зеленый попросил разрешения сходить на футбол.

Алиса тоже сказала, что пойдёт на футбол, хотя и без всякого удовольствия.

– Почему? – спросил я.

– Разве ты забыл? На стадионе будет весь третий «Б», а из вторых классов только я одна. Ты во всем виноват.

– Я?

– А кто же высадил с «Пегаса» моих ребят?

– Мы же не могли подняться! Да и что бы сказали обо мне их родители? Вдруг что-нибудь случится?

– Где? – возмутилась Алиса. – В Солнечной системе? В конце двадцать первого века?

Когда Алиса с Зеленым ушли, я решил в последний раз выпить чашечку кофе в настоящем ресторане и пошел в «Луноход».

Громадный зал ресторана был почти полон. Я остановился неподалеку от входа, отыскивая место, и услышал знакомый громовой голос:

– Кого я вижу!

За дальним столом восседал мой давнишний приятель Громозека. Я не виделся с ним лет пять, но ни на минуту о нем не забывал. Когда-то мы были очень дружны, а началось наше знакомство с того, что мне удалось спасти Громозеку в джунглях Эвридики. Громозека отбил от археологической партии, заблудился в лесу и чуть не попал в зубы Малому дракончику— злобной твари в шестнадцать метров длиной.

При виде меня Громозека спустил на пол свернутые для удобства щупальца, в очаровательной улыбке разинул свою полуметровую пасть, дружески потянулся мне навстречу острыми когтищами и, набирая скорость, ринулся в мою сторону.

Какой-то турист, никогда раньше не видевший обитателей планеты Чумароза, взвизгнул и упал в обморок. Но Громозека на него не обиделся. Он крепко обхватил меня щупальцами и прижал к острым пластинкам на своей груди.

— Старина! — ревел он, как лев. — Сколько лет, сколько зим! Я уже собрался лететь в Москву, чтобы тебя повидать, и вдруг— глазам своим не верю... Какими судьбами?

— Едем в экспедицию,— сказал я. — В свободный поиск по Галактике.

— Это замечательно!— сказал с чувством Громозека. — Я счастлив, что тебе удалось преодолеть козни зложелателей и уехать в экспедицию.

— Но у меня нет зложелателей.

— Ты меня не обманешь,— сказал Громозека, тряся укоризненно перед моим носом острыми, загнутыми когтями.

Я не стал возражать, потому что знал, как мнителен мой друг.

— Садись!— приказал Громозека.— Робот, бутылку грузинского вина для моего лучшего друга и три литра валерьянки для меня лично.

— Слушаюсь,— ответил робот-официант и укатил

на кухню выполнять заказ.

— Как жизнь?— допрашивал меня Громозека.— Как жена?Как дочка?Уже научилась ходить?

— В школе учится,— сказал я. — Второй класс кончила.

— Великолепно! — воскликнул Громозека. — Как быстро бежит время...

Тут моего друга посетила печальная мысль, и, будучи очень впечатлительной особой, Громозека оглушительно застонал, и дымящиеся едкие слезы покатались из восьми глаз.

— Что с тобой? — встревожился я.

— Ты только подумай, как быстро течет время!— произнес Громозека сквозь слезы. — Дети растут, а мы с тобой стареем.

Он, расчувствовавшись, выпустил из ноздрей четыре струи едкого желтого дыма, окутавшего ресторан, но тут же взял себя в руки и объявил:

— Извините меня, благородные посетители ресторана, я постараюсь больше не причинять вам неприятностей.

Дым струился между столиками, люди кашляли, и некоторые даже ушли из зала.

— Пойдем и мы,— сказал я, задыхаясь, — а то ты

еще что-нибудь натворишь.

— Ты прав, — покорно согласился Громозека.

Мы вышли в холл, где Громозека занял целый диван, а я притулился рядом с ним на стуле. Робот принёс нам вино и валерьянку, бокал для меня и трехлитровую банку для чумарозца.

— Ты где сейчас работаешь? — спросил я Громозеку.

— Будем копать мертвый город на Колеиде, — ответил он. — Сюда прилетел за инфракрасными детекторами.

— Интересный город на Колеиде? — спросил я.

— Может быть, интересный, — ответил осторожно Громозека, который был страшно суеверен. Чтобы не сглазить, он провел четыре раза хвостом у правого глаза и сказал шепотом: — Баскури-барипарата.

— Когда начинаете? — спросил я.

— Недели через две стартуем с Меркурия. Там наша временная база.

— Странное, неподходящее место, — сказал я. — Половина планеты раскалена, половина — ледяная пустыня.

— Ничего удивительного, — сказал Громозека и снова потянулся за валерьянкой. — Мы там в прошлом году отыскивали остатки корабля Полуночных скитальцев. Вот и работали. Да что я все о себе да о себе! Ты мне лучше о своем маршруте расскажи.

— Я знаю о нем только приблизительно, — ответил я. — Мы облетим сначала несколько баз по соседству с Солнечной системой, а потом уйдем в свободный поиск. Времени много — три месяца, корабль вместительный.

— На Эвридику не собираешься? — спросил Громозека.

— Нет. Малый дракончик уже есть в Московском зоопарке, а Большого дракончика, к сожалению, еще никто не смог поймать.

— Даже если бы ты его поймал, — сказал

Громозека, — все равно на твоём корабле увезти его нельзя.

Я согласился, что Большого дракончика на «Пегасе» не увезешь. Хотя бы потому, что его дневной рацион — четыре тонны мяса и бананов.

Мы помолчали немного. Приятно сидеть со старым другом, никуда не спешить. Старушка-туристка в лиловом парике, украшенном восковыми цветами, подошла к нам и робко протянула блокнот.

— Не откажетесь ли, — попросила она, — написать мне автограф на память о случайной встрече?

— Почему бы и нет? — сказал Громозека, протянув когтистое щупальце за блокнотом.

Старушка зажмурилась в ужасе, и её тонкая ручка задрожала.

Громозека раскрыл блокнот и на чистой странице размашисто написал:

«Прекрасной, юной землянке от верного поклонника с туманной планеты Чумароза. Луна. Ресторан «Селена». 3 марта 2074 года».

— Спасибо, — прошептала старушка и отступила мелкими шажками.

— Я хорошо написал? — спросил меня Громозека. — Трогательно?

— Трогательно, — согласился я. — Только не совсем точно.

— А что?

— Это совсем не юная землянка, а пожилая женщина. И вообще — землянкой раньше называли первобытное жильё, выкопанное в земле.

— Ой, какой позор! — расстроился Громозека. — Но ведь у неё цветочки на шляпе. Сейчас же догоню её и перепишу автограф.

— Не стоит, друг, — остановил я его. — Ты её только перепугаешь.

— Да, тяжело бремя славы, — сказал Громозека. — Но приятно сознавать, что крупнейшего археолога Чумарозы узнают даже на далекой земной Луне.

Я не стал разубеждать друга. Я подозревал, что старушка никогда в жизни не встречалась ни с одним из космоархеологов. Просто ее поразили облик моего друга.

— Слушай, — сказал Громозека, — меня посетила идея. Я тебе помогу.

— Как?

— Ты слышал о планете имени Трех Капитанов?

— Где-то читал, но не помню, где и почему.

— Тогда замечательно.

Громозека наклонился ближе, положил мне на плечо тяжелое, горячее щупальце, расправил блестящие пластинки на круглом, словно небольшой воздушный шар, животе и начал:

— В секторе 19-4 есть небольшая необитаемая планета. Раньше у нее даже названия не было — только цифровой код. Теперь космонавты зовут ее планетой имени Трех Капитанов. А почему так? Там на ровном каменном плато возвышаются три статуи. Поставлены они в честь трех космических капитанов. Это были великие исследователи и отважные люди. Один из них был родом с Земли, второй — с Марса, а третий капитан родился на Фиксе. Рука об руку эти капитаны проходили созвездия, снижались на планетах, на которых снизиться невозможно, спасали целые миры, которым грозила опасность. Это они первыми одолели джунгли Эвридики, и один из них подстрелил Большого дракончика. Это они отыскали и уничтожили гнездо космических пиратов, хотя пиратов было вдесятеро больше. Это они опустили в метановую атмосферу Голгофы и отыскали там философский камень, потерянный конвоем Курсака. Это они взорвали ядовитый вулкан, грозивший истребить население целой планеты. Об их подвигах можно говорить две недели подряд...

— Теперь я вспомнил, — прервал я Громозеку. — Конечно, я слышал о трех капитанах.

— То-то, — проворчал Громозека и выпил стакан

валерьянки. — Быстро мы забываем героев. Стыдно. — Громозека укоризненно покачал мягкой головой и продолжал: — Несколько лет назад пути капитанов разошлись. Первый капитан увлекся проектом «Венера».

— Как же, знаю,— сказал я. — Так, значит, он — один из тех, кто меняет её орбиту?

— Да. Первый капитан всегда любил грандиозные планы. И когда узнал, что решено перетащить Венеру подальше от Солнца и изменить период ее вращения для того, чтобы люди смогли ее заселить, он тут же предложил свои услуги проекту. И это славно, потому что ученые решили превратить Венеру в громадный космический корабль, а нет человека в Галактике, который бы лучше первого капитана разбирался в космической технике.

— А остальные капитаны? — спросил я.

— Второй, говорят, погиб неизвестно где и неизвестно когда. Третий капитан полетел в соседнюю галактику и вернется через несколько лет. Так я хочу сказать, что капитаны встречали множество редких, чудесных зверей и птиц. От них наверняка остались какие-то записки, дневники.

— А где они?

— Дневники хранятся на планете Трех Капитанов. Рядом с монументами, возведенными благодарными современниками по подписке, проведенной на восьмидесяти планетах, есть лаборатория и мемориальный центр. Там постоянно живет доктор Верховцев. Он знает о трех капитанах больше всех в Галактике. Если заедешь туда — не пожалеешь.

— Спасибо, Громозека, — сказал я. — Может, тебе хватит пить валерьянку? Ты сам мне жаловался, что она плохо влияет на сердце.

— Что делать! — всплеснул щупальцами мой друг. — У меня же три сердца. На какое-то из них валерьянка влияет очень пагубно. Но я никак не

могу понять, на какое.

Мы еще целый час вспоминали старых знакомых и приключения, которые нам пришлось пережить вместе. Вдруг дверь в холл распахнулась, и появилась толпа людей и инопланетчиков. Они несли на руках футболистов сборной Земли. Играла музыка, раздавались веселые крики.

Из толпы выскочила Алиса.

— Ну что?!— крикнула она, увидев меня.— Не помогли фиксианцам варяги с Марса! Три — один. Теперь встреча на нейтральном поле!

— А как же третий «Б»? — спросил я ехидно.

— Их не было,— сказала Алиса.— Я бы их обязательно увидела. Наверно, третий «Б» перехватили и отправили обратно. В мешках из-под картошки. Так им и надо!

— Ты вредный человек, Алиса, — сказал я.

— Нет! — взревел оскорблённо Громозека. — Ты не имеешь права так оскорблять беззащитную девочку! Я не дам ее в обиду!

Громозека обхватил Алису щупальцами и поднял к потолку.

— Нет! — повторял он возмущенно.— Твоя дочь — моя дочь. Я не позволю.

— Но я не твоя дочь,— сказала сверху Алиса. Она, к счастью, не очень испугалась.

Но куда сильнее испугался механик Зеленый. Он в тот момент вошел в холл и вдруг увидел, что Алиса бьется в щупальцах громадного чудовища. Меня Зелёный даже не заметил. Он бросился к Громозеке, размахивая рыжей бородой, как знаменем, и с разбегу врезался в круглый живот моего друга.

Громозека подхватил Зеленого свободными щупальцами и посадил на люстру. Потом осторожно опустил Алису и спросил меня:

— Я немного погорячился?

— Немного,— ответила за меня Алиса.— Спусти Зеленого на пол.

— Не будет бросаться на археологов,— ответил

Громозека.— Не хочу его снимать. Привет, увидимся вечером. Я вспомнил, что мне надо до конца рабочего дня побывать на базовом складе.

И, лукаво подмигнув Алисе, Громозека, пошатываясь, удалился в сторону шлюза. По холлу волнами расходился запах валерьянки.

Зеленого мы сняли с люстры с помощью футбольной команды, а на Громозеку я немного обиделся, потому что мой друг хоть и талантливый ученый и верный товарищ, но плохо воспитан, и его чувство юмора иногда принимает странные формы.

— Так куда летим? — спросила Алиса, когда мы подходили к кораблю.

— Первым делом,— сказал я, — отвезем груз на Марс и разведчикам Малого Арктура. А оттуда— прямым ходом в сектор 19-4, на базу имени Трех Капитанов.

— Да здравствуют три капитана!— сказала Алиса, хотя она о них никогда раньше не слышала.

Глава 4. Пропали головасты

Разведчики Малого Арктура встретили «Пегас» очень торжественно. Как только мы опустились на металлический настил посадочной площадки, которая зашаталась под грузом корабля и в щели между полосами брызнула рыжая гнилая вода, они лихо подкатили к нам на вездеходе. Из вездехода вышли три добрых молодца в красных кафтанах, надетых поверх скафандров. За ними последовали ещё три космонавта в роскошных сарафанах, также надетых поверх скафандров. Молодцы и молодницы несли хлеб-соль на блюдах. А когда мы сошли на мокрые металлические полосы космодрома, они надели нам на шлемы скафандров венки из местных пышных цветов.

В нашу честь в тесной кают-компании базы разведчиков был приготовлен торжественный ужин. Нас угощали консервированным компотом,

консервированной уткой и консервированными бутербродами. Механик Зеленый, который был на «Пегасе» шеф-поваром, тоже не ударил в грязь лицом — он поставил на праздничный стол настоящие яблоки, настоящие взбитые сливки с настоящей смородиной и, главное, самый настоящий черный хлеб.

Алиса была главным гостем. Все разведчики—люди взрослые, их дети остались дома— на Марсе, на Земле, на Ганиমেде, и они очень соскучились без настоящих детей. Алиса отвечала на всякие вопросы, честно старалась казаться глупее, чем она есть на самом деле, а когда вернулась на корабль, пожаловалась мне:

— Им так хочется, чтобы я была маленьким несмышлёнышем, что я не стала их огорчать.

На следующий день мы передали разведчикам все грузы и посылки, но, к сожалению, оказалось, что на охоту за местными зверями они нас пригласить не смогут: начинался сезон бурь, все реки и озера вышли из берегов и путешествовать по планете было почти невозможно.

— Хотите, мы вам головаста поймем? — спросил начальник базы.

— Ну, хоть головаста, — согласился я.

Мне приходилось слышать о разных рептилиях Арктура, но с головастом я ещё не встречался.

Часа через два разведчики принесли большой аквариум, на дне которого дремали метровые головасты, похожие на гигантских саламандр. Потом разведчики втащили по трапу ящик с водорослями.

— Это корм на первое время, — сказали они. — Учтите, головасты очень прожорливы и быстро растут.

— Надо готовить аквариум побольше? — спросил я.

— Лучше даже бассейн, — ответил начальник разведчиков.

Его товарищи между тем втаскивали по трапу еще один ящик с кормом.

— А как быстро они растут? — спросил я.

— Довольно быстро. Точнее сказать не могу, — ответил начальник разведчиков. — Мы их не держим в неволе.

Он загадочно улыбнулся и заговорил о другом.

Я спросил начальника разведчиков:

— Вам не приходилось бывать на планете имени Трех Капитанов?

— Нет, — ответил он. — Но иногда к нам прилетает доктор Верховцев. Как раз месяц назад он здесь был. И должен вам сказать, он большой чудак.

— А почему?

— Зачем-то ему понадобились чертежи корабля «Синяя чайка».

— Простите, а что в этом странного?

— Это корабль Второго капитана, пропавший без вести четыре года назад.

— А зачем Верховцеву этот корабль?

— Вот именно — зачем? Я об этом его и спросил. Оказывается, он пишет сейчас книгу о подвигах трех капитанов, документальный роман, и не может продолжать работу, не зная, как устроен этот корабль.

— А разве этот корабль был особенный?

Начальник базы снисходительно улыбнулся.

— Вы, я вижу, не в курсе дела, — сказал он. — Корабли трех капитанов были сделаны по специальному заказу, а потом ещё перестроены самими капитанами — они ведь были на все руки мастера. Это были удивительные корабли! Приспособленные для всевозможных неожиданностей. Один из них, «Эверест», который принадлежал Первому капитану, стоит сейчас в Парижском космическом музее.

— Почему же Верховцев не мог запросить Парижский космический музей? — удивился я.

— Так все три корабля были разными! — воскликнул начальник разведчиков. Капитаны были люди с характером и никогда ничего не делали по

два раза.

— Ну ладно, — сказал я, — мы полетим к Верховцеву. Дайте нам, пожалуйста, координаты его базы.

— С удовольствием, — ответил начальник разведчиков. — Передавайте ему наш большой привет. И не забудьте перенести головастов в бассейн.

Мы распрощались с гостеприимными разведчиками и улетели.

Перед тем, как лечь спать, я решил осмотреть головастов. Оказалось, что их сходство с саламандрами только внешнее. Они были покрыты твёрдой блестящей чешуёй, у них были большие печальные глаза с длинными ресницами, короткие хвосты раздваивались и заканчивались густыми жёсткими щётками.

Я решил, что перенесу головастов в бассейн с утра—ничего с ними за ночь в аквариуме не случится. Я бросил головастам две охапки водорослей и потушил свет в трюме. Начало было сделано — первые животные для зоопарка уже на борту «Пегаса».

Утром меня разбудила Алиса.

— Пап, — сказала она, — проснись.

— А что случилось? — я посмотрел на часы. Было ещё только семь утра по корабельному времени. — Ты чего вскочила ни свет ни заря?

— Захотела поглядеть на головастов. Ведь их никто еще на Земле не видел.

— Ну и что? Разве для этого надо будить старика отца? Ты бы лучше включила робота. Пока он готовит завтрак, мы бы не спеша встали.

— Да погоди ты, пап, со своим завтраком! — невежливо перебила меня Алиса. — Я тебе говорю, встань и посмотри на головастов.

Что-то в её голосе меня встревожило.

Я вскочил с койки и, не одеваясь, побежал в трюм, где стоял аквариум. Зрелище, которое я увидел, было потрясающим. Головасты, хоть это и

невероятно, за ночь выросли больше чем вдвое и уже не помещались в аквариуме. Их хвосты высывались наружу и висели почти до самого пола.

— Не может быть! — сказал я. — Срочно надо готовить бассейн.

Я побежал к механику Зеленому и разбудил его:

— Помоги, головасты так выросли, что мне их не поднять.

— Я предупреждал, — сказал Зеленый. — Еще не то будет. И зачем только я согласился работать в бродячем зоопарке? Зачем?

— Не знаю, — сказал я. — Пошли.

Зеленый надел халат и поплелся, ворча, в трюм. Когда он увидел головастов, то вцепился себе в бороду и застонал:

— Завтра они весь корабль займут!

Хорошо еще, что бассейн был заранее наполнен водой. При помощи Зелёного я перетащил головастов. Они оказались совсем не тяжелыми, но сильно вырывались и выскальзывали из рук, так что, когда мы опустили в бассейн третьего, последнего головаста, мы запыхались и вспотели.

Бассейн на «Пегасе» невелик — четыре на три метра и глубина в два метра, — но головастам в нем было привольно. Они начали кружиться по нему, искать пищу. Немудрено, что они проголодались — ведь эти существа, видно, собирались установить рекорд Галактики по скорости роста.

Пока я кормил головастов — на это ушла половина одного из ящиков с водорослями, — в трюме появился Полосков. Он был уже умыт, побрит и одет по форме.

— Алиса говорит, что у тебя головасты подросли, — сказал он, улыбаясь.

— Да нет, ничего особенного, — ответил я, делая вид, что такие чудеса мне не в диковинку.

Тут Полосков заглянул в бассейн и ахнул.

— Крокодилы! — сказал он. — Настоящие

крокодилы! Они же человека проглотить могут.

— Не бойся, — сказал я, — они травоядные.
Разведчики
бы нас
предупредил
и.

Головасты
плавали у
поверхности
воды и
высовывали
наружу
голодные
пасти.

— Опять
жрать
захотели, —
сказал
Зеленый. —
Скоро за
нас
примутся.

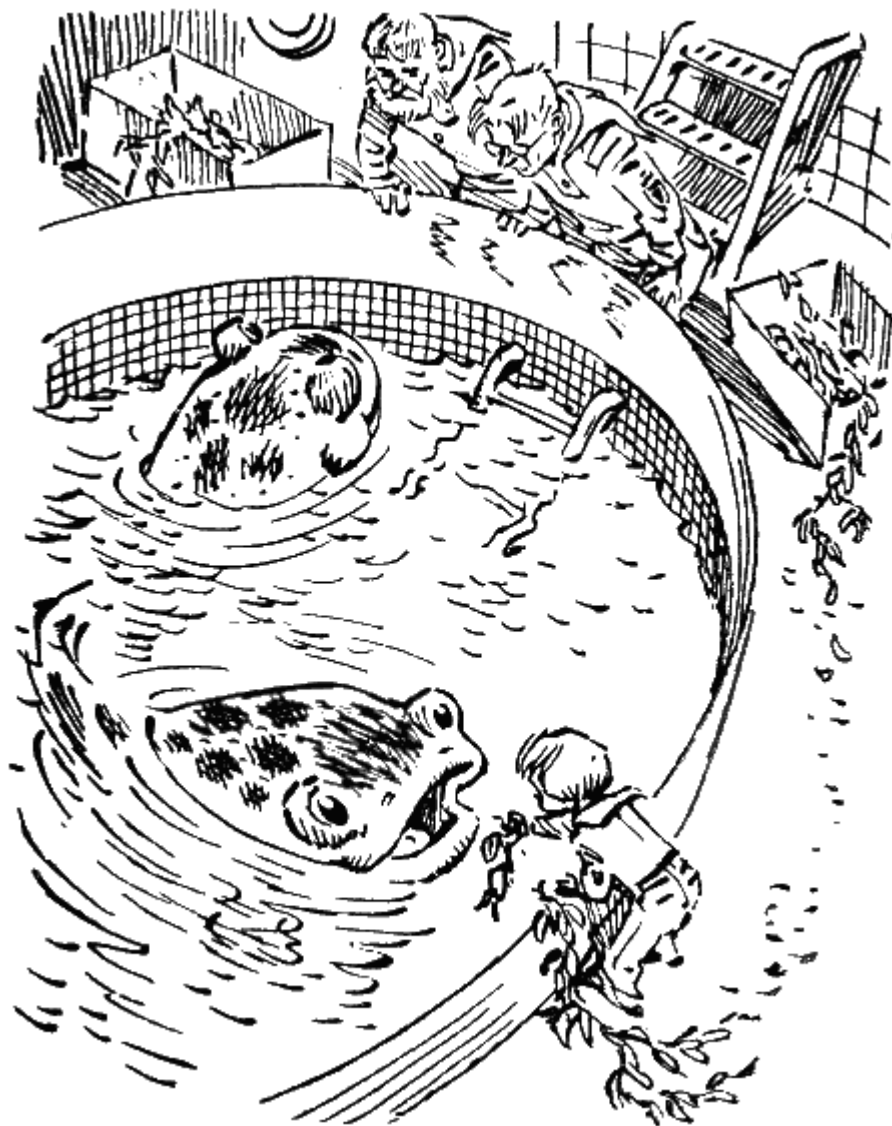
К обеду
головасты
достигли
длины в два
с половиной

метра и доели первый ящик с водорослями.

— Могли бы предупредить, — ворчал Зеленый,
имея в виду разведчиков. — Знали ведь и думали:
пускай специалисты помучаются.

— Не может быть! — возмутилась Алиса, которой
разведчики на прощание подарили вырезанную из
дерева модель вездехода, шахматы из кости
ископаемого параллелепипеда, ножик для
разрезания бумаги, выточенный из коры
стеклянного дерева, и ещё множество интересных
вещей, которые они сами мастерили длинными
вечерами.

— Ну что же, посмотрим, — сказал философски

Зеленый и пошел проверять двигатели.

К вечеру длина головастов достигла трех с половиной метров. Им уже трудно было плавать в бассейне, и они покачивались у дна, всплывая, только чтобы схватить пучок водорослей.

Спать я уходил с тяжелым предчувствием, что головастов до зоопарка мне не довезти. Первый зверь оказался комом. Космос порой загадывает загадки, которые простому земному биологу не по зубам.

Встал я раньше всех. На цыпочках прошел по коридору, вспоминая кошмары, которые меня мучили ночью. Мне снилось, что головастики стали длиннее «Пегаса», выползли наружу, летят рядом с нами в космосе и еще пытаются проглотить наш корабль.

Я отворил дверь в трюм и с секунду стоял на пороге, оглядываясь, не выползет ли из-за угла головастик.

Но в трюме стояла тишина. Вода в бассейне была неподвижна. Я подошел ближе. Тени головастов, длиной метра по четыре, не больше, темнели на дне. У меня от сердца отлегло. Я взял швабру и пошевелил ею в воде. Почему головастики не двигаются?

Швабра уперлась в одного из головастов, и он легко отплыл в сторону, прижав к дальней стенке бассейна своих сородичей. Те и не пошевельнулись.

«Подохли, — понял я. — И, наверно, от голода».

— Ну и что, папа? — спросила Алиса.

Я обернулся. Алиса стояла босиком на холодном пластике, и вместо ответа я сказал:

— Немедленно надень что-нибудь на ноги, простудишься.

Тут открылась дверь, и вошёл Полосков. За его плечом виднелась огненная борода Зеленого.

— Ну и что? — хором спросили они.

Алиса убежала надевать туфли, а я, не отвечая товарищам, попытался растолкать неподвижного

головаста. Тело его, словно пустое, легко плавало по бассейну. Глаза были закрыты.

— Сдохли,— сказал печально Зеленый. — А мы так старались, перетаскивали их вчера! А ведь я предупреждал.

Я перевернул головаста шваброй. Это было сделать нетрудно. Пятнистое пузо головаста было разрезано вдоль. В бассейне плавали лишь шкуры чудовищ, которые сохраняли форму их тел, потому что твердая чешуя, покрывавшая их, не давала шкурам съжаться.

— Ого! — сказал Зеленый, оглядываясь. — Они вылупились.

— Кто? — спросил Полосков.

— Если бы я знал!

— Послушай, профессор Селезнев,— обратился ко мне официально капитан Полосков,— судя по всему, я подозреваю, что на моём корабле находятся неизвестные чудовища, которые скрывались в так называемых головастах. Где они?

Я перевернул шваброй остальных головастов. Они тоже были пусты.

— Не знаю, — честно признался я.

— Но когда ты пришел сюда, дверь была закрыта или открыта?

В голове у меня царило смятение, и я ответил:

— Не помню, Полосков. Может, и закрыта.

— Дела! — сказал Полосков и поспешил к выходу.

— Ты куда? — спросил Зеленый.

— Обыскивать корабль,— сказал Полосков.— И тебе советую осмотреть машинное отделение. Только вооружись чем-нибудь. Неизвестно, кто выводится из головастов. Может, драконы.

Они ушли, а через несколько минут Полосков вернулся бегом и принес мне бластер.

— Чем черт не шутит,— сказал он. — Алису я бы запер в каюте.

— Ещё чего не хватало!— сказала Алиса. — У меня есть теория.

— И слышать не хочу твоих теорий,— сказал я. —

Пойдем в каюту.

Алиса сопротивлялась, как дикая кошка, но мы заперли все-таки ее в каюте и начали обыск помещений.

Это удивительно, как много трюмов, отсеков, коридоров и прочих помещений таится в сравнительно небольшом экспедиционном корабле! Мы втроем, прикрывая друг друга, потратили три часа, пока не осмотрели весь «Пегас».

Чудовищ нигде не было.

— Ну что ж, — сказал я тогда, — давайте позавтракаем, потом осмотрим корабль еще раз. Куда-то же они должны были деться.

— Я тоже буду завтракать, — сказала Алиса, которая слышала наш разговор по внутреннему телефону. — Выпустите меня из заключения.

Мы выпустили Алису и провели под конвоем в кают-компанию.

Перед тем как начать завтрак, мы заперли дверь и положили бластеры рядом с собой на стол.

— Чудеса! — сказал Полосков, принимаясь за манную кашу. — Куда они спрятались? Может, в реактор? Или выбрались наружу?

— Зловещие чудеса, — сказал Зеленый. — Чудеса не в моем вкусе. Мне с самого начала головасты не понравились. Передай мне кофейник.

— Боюсь, что эту загадку нам никогда не решить, — сказал Полосков.

Я кивнул, соглашаясь с ним.

— Нет, разрешить, — вмешалась Алиса.

— Ты уж молчи.

— Не могу молчать. Если хотите, я их найду.

Полосков засмеялся, и смеялся долго и искренне.

— Трое взрослых мужчин искали их три часа, а ты хочешь их найти в одиночку.

— А так легче, — ответила Алиса. — Спорим, что найду?

— Конечно, спорим, — смеялся Полосков. — На что хочешь?

— На желание, — сказала Алиса.

— Согласен.

— Только я одна их буду искать.

— Ничего подобного, — сказал я. — Никуда ты одна не пойдешь. Ты что, забыла, что по кораблю, может быть, бродят неизвестные чудовища?

Я был сердит на разведчиков с их опасными шутками. Сердит и на себя за то, что лег спать и упустил тот момент, когда оболочки головастов опустели. Сердит на Алису с Полосковым, которые затеяли детский спор в такой серьезный момент.

— Пошли, — сказала Алиса, вставая из-за стола.

— Сначала чай допей, — ответил я строго.

Алиса допила чай и уверенно пошла в трюм, где стоял аквариум. Мы шли за ней, чувствуя себя дураками. Ну зачем, скажите, мы ее послушались?

Алиса быстро оглядела отсек. Попросила Полоскова отодвинуть ящики от стены. Он с улыбкой послушался. Потом Алиса вернулась к бассейну и обошла его кругом. Пустые оболочки головастов темнели на дне. По поверхности воды плавали недоеденные водоросли.

— Вот, — сказала Алиса, — ловите их. Только осторожно: они прыгают.

И тут мы увидели, что на водорослях в ряд сидят три лягушонка. Вернее, не совсем лягушонка, а три создания, очень похожие на лягушат. Ростом с наперсток каждый.

Мы поймали их, посадили в банку, и тогда я, раскаявшись в своем упрямстве, спросил Алису:

— Слушай, дочка, как ты догадалась?

— Не в первый раз спрашиваешь, папа, — ответила она, не скрывая гордости. — Всё дело в том, что вы все — взрослые, умные люди. И вы мыслите, как ты сам говорил, логически. А я не очень умная и мыслю, как в голову взбредет. Я так подумала: если это головасты, то потом должны быть лягушки. А лягушата всегда меньше головастиков. Вы ходили по кораблю с пистолетами и искали больших чудовищ. И даже их

боялись заранее. А я сидела запертая в каюте и думала, что, наверно, не надо всегда смотреть вверх и искать что-то громадное. Может быть, посмотреть по углам и поискать ма-а-аленьких лягушат. И нашла.

— Но зачем же лягушатам такие большие вместилища? — удивился Полосков.

— Я об этом не подумала, — призналась Алиса. — Не догадалась подумать. А если бы подумала, никогда бы не нашла лягушат.

— А что ты скажешь, профессор? — спросил Полосков меня.

— Что сказать? Надо будет тщательно исследовать оболочки головастов. Наверно, они что-то вроде фабрик, которые перерабатывают корм в сложный концентрат для лягушонка...А может быть, большим головастом легче обороняться от врагов.

— А про желание не забудь, Полосков, — строго сказала Алиса.

— Я никогда и ни о чём не забываю, — чётко ответил капитан.

Глава 5. Советы доктора Верховцева

Мы послали с дороги радиограмму доктору Верховцеву: «Прилетаем в пятницу. Встречайте». Верховцев сразу же ответил, что с радостью встретит нас и проведет на своем космокатере через опасный пояс астероидов, который окружает планету Трех Капитанов.

В назначенный час мы затормозили у пояса астероидов. Густой рой каменных глыб, словно облака, скрывал от нас поверхность планеты. Почему-то нас всех охватило волнение. Нам казалось, что встреча с доктором Верховцевым приведет к важным и интересным событиям. Может быть, даже и к приключениям.

Космокатер доктора мелькнул среди астероидов, словно серебряная стрела. И вот он несется

перед нами.

— «Пегас», вы меня слышите?— раздался в динамике глуховатый голос.— Следуйте за мной.

— Какой он, интересно? Ему, наверно, скучно одному на планете, — сказала Алиса, сидевшая с нами на мостике в маленьком, специально для неё сделанном амортизационном кресле.

Никто ей не ответил. Полосков управлял кораблем, я исполнял обязанности штурмана, а Зеленого на мостике не было — он остался в машинном отделении.

«Пегас» изменил курс, обошел клыкастый астероид и тут же послушно скользнул вниз.

Под нами расстилалась пустыня, кое-где изрезанная ущельями и отмеченная оспинами кратеров. Серебряная стрелка катера летела впереди, указывая путь.

Мы заметно снизились. Можно было уже различить скалы и высохшие реки. Потом впереди показалось темно-зеленое пятно оазиса. Над ним поднимался купол базы. Катер доктора вошел в вираж и опустился на ровную площадку. Мы последовали его примеру.

Когда «Пегас», чуть покачиваясь, встал на амортизаторы и Полосков сказал «добро», я увидел между зеленью оазиса и нашим кораблем три каменные статуи.

На высоком постаменте стояли три каменных капитана. Даже издали было видно, что два из них— люди. Третий— трехногий тонкий фиксианец.

— Прилетели,— сказала Алиса.— Можно выйти?

— Погоди,— ответил я.— Мы не знаем состава атмосферы и температуры. Какой ты скафандр собираешься надевать?

— Никакого, — ответила Алиса.

Она показала на иллюминатор. Из серебряного космокатера вышел человек в сером обычном костюме и серой помятой шляпе. Он поднял руку, приглашая нас.

Полосков включил внешний динамик и спросил:

— Атмосфера пригодна для дыхания?

Человек в шляпе быстро закивал — идите, не бойтесь!

Он встретил нас у трапа.

— Добро пожаловать на базу, — сказал он и поклонился. — Так редко вижу здесь гостей!

Он говорил немного

старомодно, под стать своему костюму.

На вид ему было лет шестьдесят. Это был невысокий, худенький и похожий на добрую старушку человек. Его лицо было исчерчено тонкими морщинками. Доктор все время жмурился или улыбался, и, если иногда его лицо разглаживалось, морщинки становились белыми и широкими. У доктора Верховцева были длинные, тонкие пальцы. Он пожал нам руки и пригласил к себе.

Мы пошли вслед за доктором к зелёным деревьям оазиса.

— Почему здесь кислородная атмосфера? — спросил я. — Ведь планета — сплошная пустыня.

— Атмосфера искусственная, — сказал доктор. — Её сделали, когда сооружали монументы. Через несколько лет здесь построят большой музей,

посвящённый героям космоса. Сюда будут привозить отслужившие срок космические корабли и всякие диковины с дальних планет.

Доктор остановился перед каменной глыбой. На ней были выбиты слова на космоязыке:

«ЗДЕСЬ БУДЕТ ПОСТРОЕН ГЛАВНЫЙ
МУЗЕЙ КОСМОСА»

— Вот видите, — сказал Верховцев. — Музей будут строить вместе восемьдесят разных планет. А пока, для начала, в центре планеты установлен мощный реактор, который выделяет кислород из горных пород. Сейчас здесь ещё не очень хороший воздух, но к открытию музея воздух станет самым лучшим во всей Галактике.

Между тем мы подошли к подножию монумента.

Монумент был очень велик, с двадцатипятиэтажный дом. Мы остановились и, запрокинув головы, рассматривали трех капитанов.

Первый капитан оказался молодым, широкоплечим, стройным. У него был чуть курносый нос и широкие скулы. Капитан улыбался. На плече у него сидела странная птица с двумя клювами и красивой короной из каменных перьев.

Второй капитан был выше его ростом. У него была очень широкая грудь и тонкие ноги, как у всех людей, которые родились и выросли на Марсе. Лицо Второго было острое и сухое.

Третий капитан, фиксианец в тугом скафандре со шлемом, откинутым на спину, опирался ладонью о ветку каменного куста.

— Они совсем не старые, — сказала Алиса.

— Ты права, девочка, — ответил доктор Верховцев. — Они прославились, когда были молодыми.

Мы вступили в тень деревьев и по широкой аллее дошли до базы. База оказалась обширнейшим помещением, заваленным ящиками, контейнерами и приборами.

— Экспонаты начали в музей присылать, — словно извиняясь, сказал доктор. — Идите за мной, в

мою берлогу.

— Ну прямо как «Пегас» в начале нашего путешествия! — восхитилась Алиса.

И в самом деле, путешествие по базе к жилью доктора Верховцева было похоже на хождение по нашему кораблю, когда он был перегружен посылками, грузами и всяческим оборудованием.

Небольшой закуток между контейнерами, заваленный книгами и микрофильмами, в котором еле умещалась койка, тоже заваленная бумагами и пленками, оказался спальней и рабочим кабинетом хранителя музея доктора Верховцева.

— Рассаживайтесь, почувствуйте себя как дома, — сказал доктор.

Всем нам, кроме хозяина, было совершенно ясно, что рассаживаться здесь негде. Верховцев смахнул груду бумаг на пол. Листки взлетели кверху, и Алиса принялась их собирать.

— Роман пишете? — спросил Полосков.

— Почему роман? Ах да, конечно, жизнь трех капитанов интереснее любого романа. Она достойна того, чтобы ее описать как пример для будущих поколений. Но я лишен литературного дара.

Я подумал, что доктор Верховцев скромничает. Ведь сам прилетал к разведчикам, чтобы найти чертежи корабля одного из капитанов.

— Итак, — сказал доктор, — чем могу быть полезен моим дорогим гостям?

— Нам сказали, — начал я, — что вы все знаете о трех капитанах.

— Ну уж, — Верховцев даже покраснел от смущения, — это явное преувеличение!

Он положил шляпу на грудку книг; шляпа старалась съехать вниз, и доктор ловил ее и снова клал на старое место.

— Капитанам, — сказал я, — удалось побывать на многих неизвестных планетах. Они встречали чудесных зверей и птиц. От них, говорят, остались записи, дневники. А мы как раз ищем на

других планетах неизвестных животных. Не сможете ли вы нам?

— Ага, вот в чем дело... — Верховцев задумался. Его шляпа воспользовалась этим моментом, соскользнула вниз и исчезла под койкой.— Ах,— сказал он, — если бы я знал заранее...

— Папа, можно, я подскажу доктору? — спросила Алиса.

— Да, девочка, — обернулся к ней доктор.

— У одного каменного капитана на плече сидит птица с двумя клювами и с короной на голове. Такой птицы нет в зоопарке. Может, вы знаете что-нибудь о ней?

— Нет,— сказал Верховцев. — Почти ничего не знаю. А где моя шляпа?

— Под койкой, — сказала Алиса. — Сейчас я достану.

— Не беспокойтесь,— сказал Верховцев и нырнул под койку. Оттуда торчали только его ноги. Он искал там, в темноте, шляпу, шуршал бумагами и продолжал говорить. — Скульпторам дали последние фотографии капитанов. Они выбирали те фотографии, которые им больше нравились.

— Может, они придумали эту птицу? — спросил я, наклоняясь к койке.

— Нет-нет!— воскликнул Верховцев, и его ботинки задергались. — Я сам видел эти фотографии.

— Но хоть известно, где они сняты?

— Первый капитан никогда не расставался с птицей,— ответил Верховцев,— но, когда улетел на Венеру, подарил птицу Второму капитану. А Второй капитан, как вам известно, пропал без вести. Пропала и птица.

— Значит, даже неизвестно, где она водится?

Верховцев наконец вылез из-под кровати. Шляпу он смял в кулаке, и вид у него был смущенный.

— Простите, — сказал он, — я отвлекся.

— Значит, неизвестно, где водится птица?

— Нет-нет,— быстро ответил Верховцев.

— Жалко,— вздохнул я.— Значит, неудача. Ничем вы нам помочь не сможете. А мы так надеялись...

— Почему же не смогу?— обиделся доктор Верховцев.— Я и сам много путешествовал.. Дайте только подумать.

Доктор думал минуты три, потом сказал:

— Вспомнил! На планете Эвридика водится Малый дракончик. И ещё, говорят, Большой дракончик.

— Знаю,— сказал я.— Большого дракончика как-то застрелил один из капитанов.

— А вы откуда знаете? — спросил Верховцев.

— Знаю. Мне рассказал мой друг археолог Громозека.

— Странно,— произнес Верховцев и наклонил голову, рассматривая меня, словно видел в первый раз. — Тогда я еще подумаю.

Он думал ещё минуту и сообщил нам о марсианском богомоле. Это было даже смешно. Марсианские богомолы живут не только во всех зоопарках — их даже дома держат. У Алисы один живет, например.

Тогда Верховцев рассказал нам о головастах, о мухоколе с Фикса, об адских птицах с планеты Труль и о других зверях, известных по книге «Животные нашей Галактики».

— Нет, эти звери нам не нужны.

— Простите,— сказал Верховцев вежливо,— но я всю жизнь интересовался разумными существами, и животные как-то мне не встречались. Можно, я подумаю?

Верховцев снова задумался.

— Где же я бывал?— спросил он сам себя. — Ага, — ответил он, — я бывал на Пустой планете.

— Где?

— На Пустой планете. Это недалеко отсюда, в соседней звездной системе.

— Но если это Пустая планета, то какие же там звери? — удивилась Алиса.

— Этого никто не знает. Понимаете, были мы там в понедельник, все небо кишело птицами. А во

вторник ни одной птицы— только волки рыщут стаями. И олени. А в среду — ни тех, ни других. Планета опустела.

— Но, может, звери просто откочевали куда-нибудь?

— Нет, — сказал Верховцев, — не в этом дело. У нас был разведкатель, и мы из любопытства облетели всю планету. Ни зверей, ни птиц. Пустота. И не мы одни этому удивлялись. Я вам координаты дам.

— Спасибо, — сказал я. — Но если вы больше ничего вспомнить не можете, тогда покажите нам дневники капитанов. Они-то уж, наверно, видели разных зверей.

— А кто вам сказал про дневники? — спросил доктор и наклонил голову.

— Наш друг археолог Громозека, — ответил я.

— Никогда не слышал. Да и зачем вам дневники? Я вспомнил о склиссах. О склиссах с планеты Шешинеру. Их там тьма-тьмущая. Мне рассказывали.

— И за это тоже спасибо, — сказал я. Но мне очень хотелось взглянуть на дневники капитанов, а доктор Верховцев почему-то дневников показывать не хотел. Чем-то мы вызвали у него недоверие.

— Пожалуйста.

— А дневники? — спросила Алиса.

— Ой, девочка, что вам в этих дневниках? Кстати, их здесь и нет. Они на Фиксе. Хранятся в архиве. Да-да, в архиве, — и доктор Верховцев вдруг оживился, словно придумал удачную ложь.

— Ну, как хотите, — сказала Алиса.

Доктор смутился, напялил мятую шляпу на глаза и сказал тихо:

— А ещё вы можете побывать на рынке в Палапутре.

— Мы там обязательно побываем, — сказал я. — Мы о нем знаем.

— Тогда я вас провожу, — сказал доктор.

Он встал и повел нас между ящиками и контейнерами к выходу с базы. Он шёл быстро, словно боялся, что мы передумаем и не улетим.

Мы вернулись к памятникам. Остановились возле них.

— А что случилось со Вторым капитаном? — спросил я.

— Он погиб, вы же знаете, — ответил Верховцев.

— Нам сказали, что он пропал без вести.

Доктор Верховцев пожал узенькими плечиками.

— А можно найти Первого капитана? — не сдавался я. — Он жив?

— Да, работает где-то в космосе.

— На проекте «Венера»? Но ведь там несколько тысяч человек.

— Вы же сами знаете, как его искать. И ничего вы от меня больше не добьетесь.

— Ну что ж, — сказал я тогда, — спасибо за прием. Мы, правда, думали, что встреча будет иной.

— Я тоже так думал, — сказал Верховцев.

— Может, когда напишете роман, пришлёте нам экземпляр?

— Я не пишу романов! Не умею! Кто это придумал?

— Я говорю о том романе, ради которого вы летали месяц назад к разведчикам на Малый Арктур и спрашивали у них об устройстве «Синей чайки».

— Что? — доктор Верховцев взмахнул руками. — Какая «Синяя чайка»? Какие разведчики? Я там полгода уже не был!

— Ну хорошо, хорошо, — сказал я, видя, что доктор совсем растерялся. — Мы не хотели вас обидеть.

— То-то, — сказал Верховцев. — Будете мимо лететь, заходите, всегда буду рад вас видеть. Особенно эту очаровательную девчурку.

Он протянул руку, чтобы погладить Алису по голове, но Алиса отошла на шаг в сторону, и

рука доктора повисла в воздухе.

— Значит, не забудьте,— сказал он, остановившись у монумента Трех Капитанов. — Склиссы на Шешинеру и загадка Пустой планеты.

— Спасибо, доктор, — ответил я. — Мы не забудем.

Глава 6. Кустики

Доктор долго стоял у ног громадных каменных капитанов и размахивал шляпой. Золотые лучи заходящих солнц освещали его, и казалось, что он тоже статуя, только поменьше остальных.

— А-а-а! — донёсся вдруг до нас далёкий крик. Мы обернулись.

Доктор бежал к нам, увязая в песке.

— За-бы-ыл! — кричал он. — Совсем забы-ыл!

Доктор подбежал к нам и минуты две пытался отдышаться, все время начинал одну и ту же фразу, но дыхания не хватало, чтобы ее закончить.

— Ку... — говорил он. — У па...

Алиса попыталась помочь ему.

— Курица? — спросила она.

— Не-ет... ку-устики. Я... забыл про кустики сказать.

— Какие кустики?

— Стоял у этих самых кустиков и забыл про них сказать.

Доктор показал на монумент. Даже отсюда, издали, было видно, что у ног Третьего капитана скульптор изобразил пышный куст, тщательно выпилив из камня его ветви и листья.

— А я думала, что это просто для красоты, — сказала Алиса.

— Нет, это же кустик! Вы никогда не слышали о кустиках?

— Никогда.

— Тогда послушайте. Всего две минуты.. Когда Третий капитан был на восьмом спутнике

Альдебарана, он заблудился в пустыне. Ни воды, ни пищи—ничего. Но капитан знал, что, если он не дойдет до базы, корабль погибнет, потому что все члены экипажа лежали пораженные космической лихорадкой, а вакцина была только на базе, на пустой, покинутой базе в горах Сьерра-Барракуда. И вот, когда силы покинули капитана и путь был потерян в песках, он услышал отдаленное пение. Сначала капитану показалось, что это галлюцинация. Но он все-таки собрал последние силы и пошел по направлению к звукам.

Через три часа он дополз до кустиков. Кустики растут в тех местах вокруг небольших водоемов, и перед песчаной бурей их листья трутся друг о дружку, издавая мелодичные звуки. Кажется, что кустики поют. Вот таким образом кустики в горах Сьерра-Барракуда своим пением указали капитану дорогу к воде, дали возможность переждать страшную песчаную бурю и спасли жизнь восьмерым космонавтам, погибавшим от космической лихорадки. В честь этого события скульптор на памятнике Третьему капитану изобразил кустик. Так что, я думаю, вам стоит заглянуть на восьмой спутник Альдебарана и в горах Сьерра-Барракуда найти кустики. Кроме того, Третий капитан говорил, что вечером на кустиках раскрываются большие нежные светящиеся цветы.

— Спасибо, доктор,— сказал я.— Мы обязательно постараемся найти эти кустики и привезти их на Землю.

— А они могут в горшках расти? — спросила Алиса.

— Наверно,— ответил доктор.— Но, по правде говоря, я никогда кустиков не видел — они очень редки. И встречаются только у источника в самом центре пустыни, окружающей горы Сьерра-Барракуда.

...Система Альдебарана лежала неподалеку, и мы решили отыскать кустики и, если можно, послушать их пение.

Восемнадцать раз наш космокатер облетел всю пустыню, и лишь на девятнадцатом заходе мы увидели в глубокой ложбине зелень. Разведкатель снизился над песчаными барханами, и нашим глазам предстали кусты, окружавшие родник.

Кусты были невысоки, мне по пояс, у них были длинные, серебристые с изнанки листья и довольно короткие, толстые корни, которые легко выходили из песка. Мы осторожно выкопали пять кустов, выбирая те, на которых нашли бутоны, набрали в большой ящик песка и перенесли наши трофеи на «Пегас».

В тот же день «Пегас» стартовал с пустынного спутника и взял курс дальше.

Как только кончился разгон, я начал готовить к съемкам камеру, потому что надеялся, что на кустах вскоре распустятся светящиеся цветы, а Алиса приготовила бумагу и краски, чтобы эти цветы зарисовать.

И в этот момент мы услышали тихое, благозвучное пение.

— Что такое? — удивился механик Зеленый. — Я не включал магнитофон. Кто включил? Почему мне не дают отдохнуть?

— Это поют наши кусты! — закричала Алиса. — Надвигается песчаная буря?

— Что? — удивился Зеленый. — Откуда в космосе может быть песчаная буря?

— Пошли к кустам, пап, — потребовала Алиса. — Посмотрим.

Алиса побежала в трюм, а я немного задержался, заряжая камеру.

— Я тоже схожу, — сказал механик Зеленый. — Никогда не видел поющих кустов.

Я заподозрил, что на самом деле ему хочется выглянуть в иллюминатор, потому что он опасается, а вдруг и в самом деле надвигается песчаная буря.

Только я кончил заряжать камеру, как услышал крик. Я узнал голос Алисы.

Я бросил камеру в кают-компанию и побежал скорее вниз, к трюму.

— Папа! — кричала Алиса. — Ты только посмотри!

— Спасите! — шумел механик Зеленый. — Они идут!

Ещё несколько шагов — и я подбежал к двери в трюм. В дверях я столкнулся с Алисой и Зеленым. Вернее, я столкнулся с Зеленым, который нёс на руках Алису. Вид у Зеленого был испуганный и борода развевалась, словно от ветра.

В дверном проеме показались кустики. Зрелище было и на самом деле ужасное. Кустики вылезли из полного песку ящика и, тяжело переступая на коротких уродливых корнях, двигались на нас. Они шли полукругом, покачивая ветвями, бутоны раскрылись, и среди листьев горели, словно зловещие глаза, розовые цветы.

— К оружию! — крикнул Зеленый и протянул мне Алису.

— Захлопните дверь! — сказал я.

Но было поздно. Пока мы толкались, стараясь разминуться, первый из кустов миновал дверь, и нам пришлось отступить в коридор.

Один за другим кустики последовали за своим предводителем.

Зеленый, нажимая по пути все кнопки тревоги, побежал на мостик за оружием, а я схватил стоявшую у стены швабру и попытался прикрыть Алису. Она смотрела на наступление кустиков зачарованно, как кролик на удава.

— Да беги же! — крикнул я Алисе. — Мне их долго не сдержать!

Кустики упругими, сильными ветвями схватились за швабру и вырывали ее из моих рук. Я отступал.

— Придержи их, па! — сказала Алиса и убежала.

«Хорошо, — успел подумать я, — что хоть Алиса в безопасности». Мое положение продолжало оставаться опасным. Кустики старались загнать меня в угол, а шваброй я уже не мог

действовать.

— Зачем Зеленому огнемет? — услышал я вдруг в динамике голос капитана Полоскова. — Что случилось?

— На нас напали кустики, — ответил я. — Но огнемета Зеленому не давай. Я постараюсь запереть их в отсеке. Как только я отступлю за соединительную дверь, я тебе дам знать, и ты тут же закроешь трюмный отсек.

— Тебе не грозит опасность? — спросил Полосков.

— Нет, пока держусь, — ответил я.

И в тот же момент ближайший ко мне куст сильно дернул за швабру и вырвал ее из рук. Швабра отлетела в дальний конец коридора, и кусты, будто ободренные тем, что я безоружен, двинулись ко мне сомкнутым строем.

И в этот момент я услышал быстрые шаги сзади.

— Ты куда, Алиса! — крикнул я. — Сейчас же назад! Они сильные, как львы!

Но Алиса проскользнула у меня под рукой и кинулась к кустам.

Что-то большое, блестящее было у нее в руке. Я кинулся за ней следом, потерял равновесие и упал. Последнее, что я увидел, была Алиса, окружённая зловещими ветвями оживших кустов.

— Полосков! — крикнул я. — На помощь!

И в ту же секунду пение кустов прервалось. Сменилось тихим жуочанием и вздохами.

Я поднялся на ноги и увидел мирную картинку.

Алиса стояла в самой гуще кустиков и поливала их из лейки. Кустики раскачивали ветвями, стараясь не упустить ни капли влаги, и блаженно вздыхали...

Когда мы загнали кусты обратно в трюм, убрали сломанную швабру и вытерли пол, я спросил Алису:

— Но как же ты догадалась?

— А ничего особенного, пап. Ведь кустики — растения. Значит, их надо поливать. Как морковку. А мы ведь их выкопали, посадили в ящик, а полить забыли. Когда Зеленый схватил меня и старался спасти, я успела подумать: ведь они у себя дома живут у самой воды. И Третий капитан по их пению отыскал воду. А поют они, когда надвигается песчаная буря, которая сушит воздух и засыпает песком воду. Вот они и волнуются тогда, что воды им не хватит.

— Так чего же ты сразу не сказала?

— А ты бы поверил? Ты с ними воевал, как с тиграми. Ты совсем забыл, что они — самые обыкновенные кустики, которые надо поливать.

— Ну уж самые обыкновенные! — проворчал механик Зеленый. — Гоняются за водой по коридорам!

Тут уж наступила моя очередь как биолога сказать свое последнее слово.

— Так эти кусты борются за существование, — сказал я. — Воды в пустыне мало, родники пересыхают, и, чтобы остаться живыми, кустам приходится бродить по песку и искать воду.

С тех пор кусты мирно жили в ящике с песком. Только один из них, самый маленький и непоседливый, часто вылезал из ящика и подстерегал нас в коридоре, шелестел ветками, напевал, выпрашивал воду. Я просил Алису не переплаивать малыша — и так уж вода сочится из корней, — но Алиса его жалела и до самого конца путешествия таскала ему воду в стакане. И это еще бы ничего. Но как-то она напоила его компотом, и теперь кустик вообще никому прохода не даёт. Топают по коридорам, оставляя за собой мокрые следы, и тупо тычется листьями в ноги людям.

Разума в нем ни на грош. Но компот любит до безумия.

Глава 7. Загадка Пустой планеты

— Куда сначала? — спросил Полосков.

Он разглядывал космическую карту. На ней был проложен курс на Палапутру, где находится рынок зверей. Но там же пунктиром мы наметили курс на Пустую планету, о которой рассказывал Верховцев.

— На Палапутру мы всегда попадем, — ответил я. — А вот Пустая планета не указана ни в одном космическом справочнике. Может быть, рискнем?

— Но даже сам доктор Верховцев сказал, что на ней звери пропали. Может, они умерли и мы только зря время потеряем?

— И горючего мало осталось, — вмешался в наш разговор Зеленый. — Все равно в Палапутре заправляться придется. А разве на Пустой планете заправишься? Вот и останемся без горючего — жди потом, пока кто-нибудь мимо пролетит.

Но Зеленого мы не стали слушать. Он ведь пессимист. И мы были уверены, что у него горючего наверняка хватит. Он просто хотел перестраховаться.

— И все-таки, — сказал я, — заглянем на Пустую планету. Это загадка, а нет на свете ничего интереснее, чем разгадывать загадки.

И мы взяли курс на Пустую планету.

К сожалению, через два дня оказалось, что доктор Верховцев дал не совсем точные координаты. Мы должны были уже увидеть звезду, вокруг которой эта планета вращается, а впереди была пустота.

Что делать? Мы решили: летим ещё один день и, если ничего не изменится, повернем обратно.

Мы решили так вечером, перед ужином, и после этого Зеленый пошел в радиорубку, чтобы послать радиограмму на Землю о том, что у нас все в порядке, полет проходит нормально. Я отправился вслед за Зеленым.

Я люблю слушать, когда Зеленый включает рацию и космос, такой пустынный и необъятный, оживает. Мы слышим, как разговаривают далекие космические базы и планеты, как перекликаются корабли и автоматические маяки передают информацию с ненаселенных планет и астероидов об обстановке, о путях метеоритных потоков и пульсирующих звездах.

Пока Зелнный готовил радиограмму, я вертел ручку приемника.

И вдруг услышал слабый женский голос:

— Нахожусь в секторе 16-2, зарегистрировала неизвестный метеоритный поток, летящий в системе Блук. Через трое суток поток пересечёт пассажирскую трассу Блук— Фикс. Прошу сообщить всем кораблям.

— Мы как раз в этом секторе, — сказал я Зелёному.

— Я слышал, — ответил Зеленый, который, оказывается, отложил радиограмму и занес сообщение неизвестного корабля в бортовой журнал.

— А раз уж этот корабль в нашем секторе, давай спросим его о Пустой планете, — сказал я Зеленому. — Может быть, мы сбились с курса.

Зеленый сказал, что тот корабль слишком далеко от нас и не услышит, что наша рация наверняка откажет, что та женщина, которая предупредила о метеорах, все равно не знает ничего о планете, потому что ее не существует. Зеленый ворчал, а тем временем его руки крутили настройку рации и, когда неизвестный корабль принял наш вызов, он сказал:

— Говорит корабль «Пегас». Мы находимся в вашем секторе и направляемся к Пустой планете, но не знаем, правильно ли летим.

— Сейчас проверю, — ответил женский голос. — Дайте мне ваши точные координаты.

Мы включили связь с мостиком, и Полосков сообщил нам координаты. Мы их передали по

назначению.

— Все понятно, — ответил женский голос. — Между вами и Пустой планетой висит облако космической пыли, поэтому вам не видна звезда. Смело летите вперед и завтра минуете облако.

— Большое спасибо, — сказал я неизвестному кораблю. — А то нам дали эти координаты на планете имени Трех Капитанов, но дал не космонавт, а хранитель музея, и мы опасались, что он ошибся.

— Доктор Верховцев? — спросил женский голос.

— Да. А вы его знаете?

— Отлично знаю, — ответила женщина. — Он чудесный и добрый старик. Как жаль, что мы с вами не встретились раньше! Мне надо передать ему письмо, а я не смогу к нему залететь. Некогда. Вы не вернётесь к Верховцеву?

— Нет, — ответил я. — Мы потом полетим на Блук, в город Палапутру. Мы биологи и ищем редких животных.

— Я тоже, — ответил женский голос. — Может, когда-нибудь мы встретимся. Но сейчас некогда. Сейчас я должна спешить. Я ищу живую туманность.

— Последний вопрос, — сказал я. — Вы сами не бывали на Пустой планете?

— Была, — ответил женский голос. — Моря там кишат рыбой, но на суше ни единого животного. Желаю успеха.

В динамике раздался глухой шум, разряды.

— Она включила двигатели на полную мощность, — сказал Зеленый, — она куда-то спешит. Что это за живая туманность?

— Живой туманности не существует, — сказал я. — Эту женщину я встретил на конференции и сказал ей, что она заблуждается. Ты слышал, как она отзывалась о докторе Верховцеве? Чудесный, говорит, старик.

— И всё-таки я ему не доверяю, — проворчал Зеленый. — Если он такой чудесный, зачем говорил

неправду? Почему он то пишет роман, то не пишет? Почему уверяет, что не летал на Малый Арктур? Почему не захотел показать нам дневники трех капитанов?

И Зеленый снова принялся за радиogramму.

Женщина была права. На следующий день мы засекли в локаторах маленькую звезду, вокруг которой вращалась всего одна планета. Судя по всему, это и была Пустая планета.

Мы опустились в сумерках на берегу большого озера, на краю бесконечной равнины, поросшей ровной, пожелтевшей травой. Шел мелкий дождь, долгий и скучный. Мы долго стояли перед иллюминаторами – ни зверя, ни птицы. Может, и в самом деле здесь и нет ничего?

Алиса с Зеленым пошли за водой к озеру. Вернулись они не скоро, но я не волновался, потому что мне из иллюминатора видно было, что они заняты чем-то на берегу.

Потом Зеленый вернулся, но прошел не на мостик, а к себе в каюту.

– Ты чего ищешь? – спросил я по внутренней связи.

– Удочку, – ответил Зеленый. – Здесь рыбы в озере – тьма-тьмущая. Мы ведром воды зачерпнули, а в ведре сразу три рыбины. Неужели ты, профессор, не хочешь свежей ухи?

– Нет, – ответил я. – И вам не советую. Даже на Земле бывают ядовитые рыбы, а варить уху на неизвестной планете по меньшей мере легкомысленно.

– Ну ладно, ладно, – сказал Зеленый. – Тогда поймаем чего-нибудь тебе в коллекцию.

Зеленый убежал обратно на берег, а я захватил Алисин плащ, чтобы она не простудилась, взял сеть и пошел к озеру.

Зеленый сетью ловить рыбу отказался, заявив мне, что это не спорт, а он спортсмен. Но мы с Алисой наловили целое ведро. Отнесли рыбу на корабль. Вслед за нами пришел промокший

Зеленый, который тащил свой улов в садке.

— Не забудь дверь на корабль закрыть, — сказал я, ставя ведро у люка.

— Не забуду, — отозвался взволнованным голосом Зеленый, который так стосковался по рыбалке, что готов был ловить рыбу всю ночь, если б не было так темно.

Утром я первым делом выглянул в иллюминатор. За стеклом светило яркое солнце, и множество птиц кружило над кораблем.

— Вот тебе и Пустая планета, — сказал я вслух и пошел будить товарищей.

— Вот тебе и Пустая планета, — повторял я. — Вчера рыбы наловили, сегодня птицы стаями кружат.

Алису и Полоскова я разбудил, но Зеленый уже сам поднялся. Он разбирал крючки и лески.

— Готовлю снасть на большую добычу, — сказал он мне. — Чует мое сердце, что здесь щуки водятся с меня ростом.

— Только осторожно, — ответил я. — Смотри, чтоб какая-нибудь щука тебя не поймала.

Потом я спустился к люку, чтобы поглядеть на птиц поближе. И обнаружил неприятную деталь: оказывается, охваченный рыбацким угаром, наш механик забыл закрыть на ночь дверь «Пегаса». Хорошо еще, что никакой зверь не забрался внутрь, но все до одной рыбы пропали. Видно, птицы залетали в люк, как в пещеру, и перетаскали весь наш вчерашний улов.

— Это очень серьезное нарушение космической дисциплины, — сказал Полосков за завтраком, узнав об оплошности Зеленого. — Но я сам виноват в этом. Так же, как и профессор. Мы обязаны были проверить люк.

— Но ничего же не произошло, — сказала Алиса. — Мы сейчас с Зеленым наловим хоть десять ведер. Вы не представляете, сколько в озере рыбы!

— Не в этом дело, — вздохнул Полосков. — Если такое еще раз повторится, мы можем смело

поворачивать обратно домой. Значит, мы все такие легкомысленные, что в космосе нам делать нечего.

— Прости, капитан, — сказал Зеленый. Он понимал, конечно, что натворил, но мысль о рыбалке так его взволновала, что одной ногой он был уже на берегу озера.

Я заготовил сети для ловли птиц и вынес ружье, которое стреляет иглами, смазанными сонным составом. Пока я готовился к охоте на птиц, Зеленый сидел на берегу, и я краем глаза следил за ним. Меня удивило, что он такой понурый. «Может, переживает?» — подумал я.

Тут погода внезапно испортилась. Откуда-то налетел сильный ветер. Он гнул траву, сдувал птиц с неба, поднял на озере высокие волны. Через несколько минут ни одной птицы на небе не осталось. Куда-то они попрятались.

Зеленый поднялся и пошел к кораблю.

Я тоже решил спрятать в корабль сети и подождать, пока погода исправится и птицы вернуться обратно.

— Ну как? — спросил я Зеленого. — Можно поздравить с уловом?

— Никакого улова, — ответил Зеленый. — Не клюет.

— Как — не клюет? Ты же сам говорил, что в озере рыбы полным-полно.

— Это вчера было. А сейчас, видно, вся рыба в глубину ушла.

— А у меня птицы разлетелись, — сказал я. — Так что нам обоим не повезло. Подождем, пока погода исправится. А ты вечером снова к озеру пойдешь? Может, здесь рыба только вечером клюет?

— Не знаю, не верю я этой планете, — мрачно сказал Зеленый. — Ведь не зря её Пустой планетой называют. Были рыбы — нет рыб. Были птицы — нет птиц.

— Смотрите, — сказала Алиса, которая стояла

рядом и слышала весь наш разговор.— Смотрите, заяц!

Какой-то зверек прыгал в траве. За ним гнался другой, побольше ростом. Мы не успели разглядеть их как следует, а они уже пропали, только трава колыхалась под ветром.

— Вот видишь,— сказал я,— не пустая планета. Звери здесь есть.

— И зверей тоже не будет,— ответил Зеленый.— Помнишь, что Верховцев говорил? Хоть я Верховцеву и не верю!

— Зеленый,— сказал я,— давай проверим, куда ушла твоя рыба. Запустим в озеро биоискатель. Настроим его на рыб, и как только он обнаружит рыбу, даст сигнал.

— Как хочешь,— сказал Зеленый.— Только нет в озере рыбы. Я же старый рыбак, я знаю, когда озеро пустое.

Я вынес из «Пегаса» биоискатель и запустил прибор в озеро. Биоискатель был в водонепроницаемом кожухе и снабжен двигателем. Я надел наушники и стал ждать сигналов. Приборы показывали, что биоискатель опустился к самому дну озера, потом отплыл дальше, к самой середине. Но сигналов не поступало. Озеро было мертвым. Через полчаса мне пришлось отказаться от поисков. Биоискатель ошибиться не мог — в озере не было ни единой рыбешки.

— Если бы я вчера собственными руками не вытаскивал рыб из воды, никогда бы не поверил, что здесь может что-нибудь водиться,— признался я. — Верховцев был прав, планета странная.

— То-то я и говорю,— сказал Зеленый, смотал удочки и ушел в «Пегас».

— На горизонте большое стадо антилоп, — громко сказал динамик.

Это Полосков сверху, с мостика, увидел животных у самого горизонта.

Но я и без него уже понял, что степь кишит зверьем. В траве бегали мыши-полевки, суслик

поднялся столбиком неподалеку, какой-то зверь, очень похожий на медвежонка, прошёл по берегу озера.

— Ничего страшного, — сказал я. — Будем готовить вездеход и отправимся ловить зверей.

И только мы вывели вездеход из «Пегаса», как начался ливень. Это был дождь куда сильнее вчерашнего; налетел он внезапно и гулко застучал по крыше вездехода. Мы с Алисой нырнули внутрь и, не обращая на стук дождя внимания, взяли курс в глубь степи, туда, где паслось стадо антилоп.

Антилоп не было видно. Не нашли мы и других зверей. И когда я вылез из вездехода и наклонился, чтобы рассмотреть мышей, что бегали в траве совсем недавно, оказалось, что и мыши исчезли. На этот раз я запустил биоискатель над равниной. Биоискатель вернулся обратно, долетев до самого горизонта, и не было никаких сомнений — на этой планете нет ни одного зверя.

— Что же будешь делать? — спросил я с отчаянием у Полоскова, когда мы загнали вездеход обратно в «Пегас» и уселись в кают-компанию. — В самом деле пустая планета. И мне не хочется улетать отсюда, пока мы не разгадаем эту тайну.

— Мы же не можем здесь оставаться вечно, — сказал Полосков. — И мы не первые, кто столкнулся с этой загадкой. Может быть, тайна Пустой планеты так и останется неразгаданной.

— Жалко, что Зеленый забыл люк закрыть, — сказала Алиса. — Хоть бы рыбы у нас остались.

— Ладно, он и так расстроен, — прервал я Алису. — Это все-таки удивительно: прилетели вчера, дождь идет — рыб полно озеро, утром птицы летают, потом ветер поднялся, птиц разогнал — звери появились...

— Пап, — сказала вдруг Алиса, — я разгадала тайну этой планеты.

— Ну вот, конечно, — сказал мрачно Зеленый. —

Никто не разгадал, а Шерлок Холмс, по прозвищу Алиса, разгадал!

— Осторожней, Зеленый, — сказал Полосков, — я уже проиграл Алисе желание, когда мы искали головастов.

— Правильно, — согласилась Алиса. — У меня ведь не научное мышление.

— Ну, рассказывай, дочка, — сказал я.

— А можно, я буду не рассказывать, а показывать?

— Если хочешь, показывай.

— Тогда посидите здесь минутку, я скоро вернусь.

— Ты наружу? Но там же дождь.

— Не бойся. Я даже промокнуть не успею. А если ты боишься, что со мной что-нибудь случится, то смотри в иллюминатор. Я только до озера и обратно.

Я подошел к иллюминатору. Видно было, как Алиса, прикрывая голову плащом, бежит к озеру, как она черпает в нем воду ведерком. Еще раз, еще... Вот она бежит обратно.

Алиса вбежала в кают-компанию и поставила ведерко на стол.

— Поглядите, — сказала она.

В ведерке медленно плавала небольшая рыбка.

— Ого! — сказал Зеленый. — Я совсем забыл, что здесь самый клев вечером. Где удочки?

— погоди, — сказала Алиса и сунула руку в ведро. Она достала из ведра рыбу и бросила ее на стол.

— Ты что делаешь?

— Если я права... — начала Алиса, и тут же, у нас на глазах, произошло удивительное превращение. Рыбка раза два дернулась, взмахнула хвостом, и плавники начали превращаться в крылья, чешуя — в перья, и через минуту на столе уже прихорашивалась, управляя перья, маленькая птичка.

Пока мы смотрели, разинув рты от изумления, на

то, как рыба стала птицей, птица взмахнула крыльями и взлетела. Она ударилась о потолок кают-компанияи.

— Ловите ее!— крикнул я. — Она же расшибется!

— Стой, папа, это еще не все, — сказала Алиса.

Птичка несколько раз ударилась о потолок и упала обратно на стол. И, упав, она стала превращаться снова. На этот раз исчезли перья, съежились крылья, и перед нами оказался мышонок. Мышонок скользнул по ножке стола и исчез в углу.

— Теперь все ясно? — спросила Алиса.

Она торжествовала. Все-таки не каждый день удастся разгадать тайну, которая оказалась не по плечу стольким биологам.

— Но как же ты догадалась? — спросил я.

— А ты мне подсказал. Ты вспомнил о том, что дождь шел вчера— были рыбы, солнце — птицы, ветер— звери.

— Все правильно,— сказал я.— Это удивительная приспособляемость, но вполне оправданная на этой планете. Живые существа принимают здесь такую форму, которая им наиболее удобна. Им не страшны ни ветры, ни дожди, ни солнце. Наверно, если наступает зима, они тоже что-нибудь придумывают.

— Это можно проверить,— сказала Алиса.— Положим рыбу в холодильник.

В холодильник мы пока рыбу класть не стали, но соорудили ей клетку, в которой стоял аквариум, и потом часами любовались тем, как рыба, вылезая из воды, взлетала в воздух или убегала в угол, к кормушке.

Глава 8. Что рассказали ушаны

Все коллекционеры и любители всяческих диковин в восьмом секторе Галактики прилетают на планету Блук. Там, у города Палапутра, раз в неделю бывает базар.

В Галактике есть несколько миллиардов коллекционеров. Например, коллекционеры Солнечной системы собираются в первое воскресенье каждого месяца на Марсе, на плоскогорье у Большого канала. Мне рассказывали, что в туманности Андромеды тоже есть могучее братство коллекционеров, а на одной из планет их столько, что они взяли в свои руки власть и вся промышленность той планеты выпускает лишь альбомы для марок, пинцеты и аквариумы.

У марсианских коллекционеров я бывал. Достал там для зоопарка редких летающих рыбок. А вот на Блуке бывать мне не приходилось.

Палапутра оказалась небольшим городом. В ней было очень много гостиниц и складов. А космодрому в Палапутре могла бы позавидовать любая столица.

Как только «Пегас» опустился на бетонное поле, к нему сразу подкатил автомобиль, в котором сидели стражники.

— Вы откуда прилетели? — спросили они Полоскова, затормозив у трапа.

— С Земли, — ответил Полосков.

— Это где?

— В третьем секторе. Солнечная система.

— Ага, так я и думал, — сказал главный стражник.

Он был очень похож на вентилятор. У него было три больших круглых уха, и когда он говорил, то вертел головой так, что поднимался ветер. Поэтому в Галактике жителей Блука прозвали ушанами.

Стражники поднялись на борт и прошли в кают-компанию.

— А что будете продавать? — спросил стражник.

— Мы хотели бы посмотреть, — ответил я, — нет ли здесь интересных зверей для Московского зоопарка.

— Значит, вы ничего не будете продавать? —

спросил стражник.

— Нет.

— И у вас на борту нет никаких зверей?

— У нас есть звери, — сказал я, — но не для продажи.

— Покажите мне их, — сказал стражник.

— Почему? — удивился Полосков. — Мы ваши гости, и вы должны нам верить.

— Вам бы я поверил, — сказал ушан, — но вы мало знаете коллекционеров. Они тащат со всей Галактики разных тварей, а у нас потом сплошные неприятности. Раньше мы были вежливые и не проверяли корабли, а теперь проверяем. Научены горьким опытом.

И стражник, поднимая ветер ушами, рассказал нам такую печальную историю:

— Недавно на рынке обнаружился торговец. Он пришел на базар с маленьким мешочком и банкой. В банке были белые червяки. Любители птиц сразу оценили этих червяков. Червяки были калорийные и очень нравились животным. Один коллекционер купил банку червяков. Второй купил, третий. А торговец развязывал мешок и черпал оттуда все новых. Коллекционеры стали в очередь за червяками. Двести двадцать третьим в очереди стоял известный собиратель экзотических рыбок Крабакас с Баракаса. Он стоял, делать было нечего, и следил за тем, как торговец черпает червяков банкой из мешочка. И подсчитал, что в мешочке может уместиться только три с половиной банки червяков, не больше. Тогда Крабакас с Баракаса догадался, что дело нечисто. Он подошел к торговцу и спросил: «Разве мешок бездонный?»

— Нет, ваше благоушие, — перебил главного стражника его помощник в этом месте рассказа, — он спросил: «Откуда вы берете червяков?»

— Молчи, — сказал третий стражник. — Ничего подобного. Крабакас с Баракаса спросил его: «Дайте мне ваш мешочек посмотреть».

— Молчать!— прикрикнул на своих помощников главный стражник. — Уши откушу, если будете перебивать!.. Торговец не обратил на слова Крабакаса никакого внимания. Может быть, оттого, что диаметр Крабакаса всего полмиллиметра, хотя длиной он восемь метров и сам похож на очень-очень тонкого синего червяка. Тогда Крабакас обратился к коллекционерам, которые стояли в очереди, и воскликнул: «Мне не нравится этот подозрительный торговец!»

— Простите, ваше благоушие, — не выдержал снова помощник стражника, — но я осмелюсь сказать, что Крабакас с Баракаса сказал тогда другим коллекционерам: «Держите вора».

— Ты с ума сошел!— зашипел на него третий стражник. — Крабакас сказал: «Я не менее разумное существо, чем вы, торговец, и попрошу обращать на меня внимание! И вообще отдайте мешок».

— Все, — замахал ушами начальник стражников. — Я ухожу в отставку!

Стражники поссорились, перешли на свой, совершенно непонятный язык, который состоит в том, что они очень хитрым образом шевелят ушами. В кают-компании поднялась буря, и неизвестно, чем бы кончилась ссора стражников, если бы порывом ветра не сдуло со стола кофейник. Кофейник разбился, и стражникам стало стыдно за свое поведение.

— Простите нас,— сказал главный ушан. — Мы немного погорячились.

— Ничего, ничего,— сказал я, стараясь не улыбаться и собирая с пола осколки кофейника, пока Алиса бегала за тряпкой, чтобы вытереть коричневую лужу.

— Крабакас с Баракаса,— продолжал главный ушан,— объяснил коллекционерам свои подозрения, и они общими усилиями отняли у торговца маленький мешочек. В мешочке умещалось всего

две горсти червей. Но когда они выгребли часть червей наружу, то тут же на глазах черви принялись делиться пополам и расти. Вдруг с дальнего конца базара раздался испуганный крик. Один любитель певчих птиц высыпал корм в клетку и увидел, что черви размножаются на глазах.

— Нет, — сказал второй стражник, взмахивая ушами. — Осмелюсь возразить, ваше благоушие...

Но главный стражник не стал слушать возражения. Он схватил своих помощников за уши и вытащил их из кают-компания, захлопнул дверь и сказал с облегчением:

— Теперь я расскажу спокойно.

Но дверь тут же приоткрылась, и в щель просунулось ухо непокорного стражника.

— Осмелюсь... — начал он.

— Нет, это невозможно! — главный стражник прижался к двери тощей спиной и закончил рассказ: — Оказалось, что эти черви размножаются с невероятной быстротой. Так быстро, что в десять минут их уже втрое больше, а за час — в шестьсот раз больше, чем раньше.

— А чем же они питаются? — удивилась Алиса.

— Воздухом, — ответил стражник. — Само собой разумеется, воздухом.

— Кислородом! — крикнул из-за его спины второй стражник.

— Азотом! — закричал третий.

Главный стражник прикрыл лицо ушами от стыда за своих подчиненных. Лишь через пять минут он настолько пришёл в себя, что смог закончить рассказ:

— В общем, уже через три часа весь рынок в Палапутре был на метр завален червяками, коллекционеры и торговцы разбежались куда глаза глядят.

— А торговец? — спросила Алиса.

— Торговец в суматохе исчез.

— Убежал, — послышалось из-за двери.

— Гора червяков расползлась во все стороны. К

вечеру она достигла центра города. Все пожарные машины, которые заливали червяков водой и пеной из огнетушителей, не смогли справиться с нашествием. Червяков пытались жечь, травить, посыпать ДДТ, топтать ногами, но все напрасно. Воздуха на планете становилось все меньше и меньше. Пришлось раздать кислородные маски. Тревожные сигналы SOS полетели с планеты Блук во все концы Галактики. Но спас планету любитель птиц Крабакас с Баракаса. Он напустил на червяков едулок – птичек, маленьких ростом, но настолько прожорливых, что ни один уважающий себя коллекционер их держать не будет: чистое разорение. В конце концов от червяков удалось избавиться, хотя едулки заодно сожрали всех муравьев, пчел, ос, комаров, бабочек, тараканов, шмелей и навозных жуков.

– Так зачем же этот торговец продавал таких опасных червей? – спросила Алиса.

– Как– зачем? Хотел получить прибыль. Ведь этот мешочек был бездонным.

– Нет,– сказала Алиса,– этого быть не может. Не такой уж он дурак. Ведь коллекционеры скоро догадались, в чем дело.

– Конечно, не дурак!– крикнул из-за двери другой стражник.– Он хотел погубить нашу планету!

– А зачем?

– Мы сами не знаем,– признался главный стражник, отошел от двери и впустил своих помощников. – Мы не знаем, но с тех пор проверяем все корабли, приходящие из Солнечной системы!

– Почему именно из Солнечной системы?

– Это тайна,– сказал первый стражник.

– Никакая не тайна,– вмешался второй. – Просто тот торговец был из Солнечной системы. Он был человек.

– Совсем странно,– сказал я.– Но хоть есть его описание? Как он выглядел?

— Никак. Для нас все люди на одно лицо.

— Все равно должны быть какие-то отличительные черты.

— Была черта, — сказал помощник стражника.

— Молчи! — приказал ему начальник.

— Не буду, — сказал помощник. — Тот человек ходил в головном уборе с горизонтальными полями и поперечным углублением наверху.

— Не понимаю, — сказал я. — Что еще за поперечное углубление?

— Ваше благоушие, покажите им фотографию. Может, они нам помогут, — сказал помощник.

— Нет, нельзя, это секретная фотография.

— Можно. Раз я сказал, она уже не секретная.

— Но ты не сказал, а выдал государственную тайну.

— Тем более.

Тогда его благоушие вынул из кармана фотографию. Фотография была помята, она была любительская, смазанная, но все равно никаких сомнений не оставалось: на ней был изображен доктор Верховцев с банкой в одной руке и небольшим мешочком — в другой.

— Быть не может! — удивился я.

— Вы его знаете?

— Да. Он живёт на планете имени Трех Капитанов.

— Ай-ай-ай, на такой хорошей планете живет такой плохой человек! Когда вы его видели?

— Три дня назад.

— А у нас он был в прошлом месяце. Теперь давайте осмотрим ваш корабль. А вдруг у вас на борту есть червяки?

— У нас нет червяков.

— Запирается, — подсказал своему начальнику второй ушан. — Не хочет говорить.

— Тогда не разрешим выходить в город, — сказал начальник. — Где у вас телефон? Будем считать, что все на борту больны галактической чумой. Тогда вы добровольно улетите. А нет — такую

дезинфекцию начнём, что пожалеете, что прилетали.

— Мы ничего дурного не замышляем,— постарался я успокоить стражника. — Мы этого человека видели только раз. И может быть, даже не его. Ведь бывают же очень похожие люди. И зачем доктору, директору музея, торговать червяками?

— Не знаю, — сказал печально главный ушан. — У нас столько несчастий! Мы уже перестали доверять нашим гостям.

— А что еще случилось?

— И не спрашивайте. Кто-то истребил почти всех говорунов.

— Говорунов?

— Да, говорунов. Это наши любимые птицы.

Глава 9. Нам нужен говорун

Мы с Алисой пошли на базар пешком, а вездеходу велели подъехать туда часа через два.

Утро было хорошее, ясное, небо чистое, оранжевое, облака лёгкие, зелёные, песок под ногами мягкий, голубой.

Мы вышли на главную улицу города. По обе стороны её стояли гостиницы. Гостиницы были очень не похожи одна на другую, потому что каждая из них строилась

специально для жителей той или иной планеты или звёздной системы.

Была там гостиница «Крак», похожая на детский воздушный шарик метров сто в поперечнике. Из-под гостиницы торчали края антигравитаторов. В ней останавливались привыкшие к невесомости космические бродяги, у которых не было своей планеты. Они летали на кометах и метеорных потоках и там раскидывали шатры.

Потом мы миновали гостиницу «Чудесное место». Эта гостиница тоже была шаром, но твердым, массивным, наполовину вкопанным в землю. На ней мы увидели вывеску: «Только для жителей метановых планет». Из-за неплотно прикрытой двери шипела струйка газа.

Следующей оказалась гостиница «Сковородка»: ее стены были раскалены – не дотронешься, несмотря на сто слоев изоляции. В «Сковородке» останавливались жители звезд, для которых купание в раскаленной лаве все равно что для нас купание в пруду летним днем.

Были гостиницы, подвешенные в воздухе и зарытые в землю, были с дверью на крыше и вообще без окон и дверей. И вдруг мы увидели небольшое здание с колоннами, самыми обычными окошками и самой обыкновенной дверью. Над ней была вывеска: «Волга-матушка».

– Смотри, пап, это, наверно, для людей! – сказала Алиса.

Мы остановились перед гостиницей, потому что нам приятно было увидеть её – все равно что встретиться со старым знакомым.

Из гостиницы вышел высокий человек в форме космонавта торгового флота. Он кивнул нам, и мы сказали ему:

– Здравствуйте. Вы откуда?

– Мы привезли с Земли на планету Блук регенераторы кислорода, – ответил он. – Может быть, вы слышали – здесь случилась неприятность: они чуть было не потеряли весь

воздух.

Пока я разговаривал с космонавтом, Алиса стояла рядом и глядела на гостиницу. Вдруг она схватила меня за руку.

— Папа, смотри, кто там.

У окна на третьем этаже стоял доктор Верховцев и смотрел на нас сверху. Встретившись со мной взглядом, он тут же отошёл от окна.

— Не может быть!— воскликнул я. — Он не успел бы сюда прилететь.

— Пойдем спросим, как он сюда попал, — сказала Алиса.

Дверь в гостиницу была резная, тяжелая, с позолоченной гнутой ручкой. А внутри холл был отделан, словно боярский терем. Стены расписаны единорогами и красными девицами, а вдоль стен стояли широкие скамьи. Видно, ушанские архитекторы видели знаменитую двадцатисерийную телепередачу «Борис Годунов». Посреди боярских палат я остановился.

— погоди, Алиса, — сказал я. — Мне все это не нравится.

— Почему?

— Посуди сама: мы только что расстались с доктором Верховцевым, прилетаем сюда, и нам стражники говорят, что он чуть было не погубил планету, потому что продавал белых червяков, и тут же мы видим его в окне гостиницы.

— Тем более, — сказала Алиса. — Мы должны его спросить, в чём дело.

— Ну ладно, — согласился я и подошёл к длинному столу, за которым между чучелом лебедя и пластиковым ковшом стоял ушастый портье в белом кафтанчике.

— Скажите, — спросил я его, — в каком номере остановился доктор Верховцев?

— Одну минуточку, добрый молодец, — ответил портье, заложил уши за спину и открыл громадную книгу в кожаном переплете с застежками.— Верховцев.. — бормотал он. — Ве-ри-хо-ви-цев..

Есть Верховцев!

— И где же он живет?

— В осьмом тереме проживает. На третьем этаже, — сказал портье. — А вы будете его друзья?

— Мы его знакомые, — осторожно сказал я.

— Прискорбно, — сказал портье, — что у такого плохого и грубого постояльца есть такие хорошие на вид знакомые.

— А что, — спросил я, — он вас обидел?

— Идите, — ответил портье. — Терем номер восемь. И скажите ему, басурману, что если он будет и впредь варить сосиски на кровати и ломать роботов — стольников-постельников, то мы его попросим съехать с нашего уважаемого постоянного двора.

— А мне Верховцев показался очень тихим человеком, — сказал я Алисе, когда мы поднимались по лестнице.

Навстречу нам спускались люди — линеанцы, фиксианцы и другие существа, которые живут на планетах с такими же условиями, как на Земле. Некоторые из них несли в руках клетки, аквариумы, альбомы с марками или просто сумки. Они спешили на базар.

Восьмой номер находился в самом конце длинного коридора, устланного множеством персидских ковров. Мы остановились перед пластиковой дверью, расписанной под дуб, и я нажал на кнопку звонка.

Никакого ответа.

Тогда я постучал в дверь. От легкого толчка дверь послушно растворилась. Небольшая комната была обставлена и украшена по иллюстрациям в исторических романах из жизни Земли. В ней были хрустальная люстра и керосиновая лампа без фитиля, вольфрамовый самовар и японская ширма. Но Верховцева не было.

— Доктор! — позвал я. — Вы здесь?

Никакого ответа.

Алиса вошла в комнату, заглянула за ширму. Я

от двери сказал ей:

— Пойдём отсюда, неудобно в чужую комнату залезать...

— Сейчас, пап, — ответила Алиса.

Я услышал за своей спиной чье-то быстрое дыхание. Я оглянулся. В дверях стоял очень толстый человек в черном кожаном костюме. У него были пухлые губы и несколько подбородков, которые лежали на воротнике.

— Вам кто нужен? — спросил он очень высоким, нежным, детским голосом.

— Мы ищем своего знакомого, — ответил я.

— Извините, я живу в соседнем номере, — сказал толстяк, — и я услышал, как пять минут назад человек, который здесь живет, ушел. Вот я и решил вас предупредить.

— А куда он пошел, не знаете?

Толстяк почесал свои подбородки, подумал немного и сказал:

— Я думаю, на базар. Куда бы ему еще пойти?

Мы покинули гостиницу и отправились к базару. «Странный человек доктор Верховцев», — думал я.

Мы миновали гостиницу, сделанную в виде аквариума, — в ней жили обитатели планет, покрытых водой, — и гостиницу, похожую на чайник. Из носика чайника вырывался пар — там жили куксы с Параселя. У них на планете жарко, вода кипит, и планета окутана горячим паром.

Из гостиниц выходили их постояльцы. Многие шли в скафандрах, и скафандры были самые разные. Кое-кто полз по земле, кое-кто летел над нашими головами. Под ногами мелькали коллекционеры ростом чуть побольше муравья, а рядом с ними шествовали коллекционеры ростом чуть пониже слона.

Чем ближе мы подходили к базару, тем гуще становилась толпа, и я взял Алису за руку, чтобы она невзначай на кого-нибудь не наступила или кто-нибудь нечаянно не наступил бы на неё.

Базар раскинулся на много километров. Он был

разделён на несколько секций. Сначала мы миновали секцию собирателей раковин. Потом прошли сквозь секцию коллекционеров книг, с трудом пробившись сквозь заполненную народом секцию собирателей минералов и драгоценных камней. Через цветочные ряды мы прошли довольно свободно, только в одном месте мне пришлось взять Алису на руки, потому что ей чуть не стало дурно от запаха фиксианских роз.

Но когда мы очутились в секции филателистов, Алиса попросила меня:

— погоди.

Километровая площадка была уставлена складными столиками. Столиков было, как сказал мне один старожил, четырнадцать тысяч триста. За столиками сидели филателисты— по двое, а где и по четверо. И они менялись марками. Те, кому не досталось места за столиками, обменивались стоя или просто гуляли вокруг. Алиса купила серию объемных движущихся марок с изображением сирианских птиц, черногорскую марку 1896 года, альбом для фиксианских марок, который сам устанавливал марку на нужное место, только поднеси к нему. Потом она поменяла черногорскую марку на две марки с планеты Шешинеру.

— Это специально для тебя, пап, — сказала она.

Одна марка была совсем белая, на второй виднелась лишь надпись маленькими буквами: «Молодой склисс на пастбище».

— Ты, пап, хотел узнать про склисса.

— Но где же склисс?

— А склисс будет завтра, — сказал давешний толстяк, которого мы встретили в гостинице. Он нас догнал.

— Как так — завтра?

— На этих марках изображение появляется не каждый день, а только по четным числам, — сказал толстяк.

— А что будет на второй марке?

— На второй? На второй ничего не будет. Она

истрачена.

— Так зачем же она? — удивился я.

— Это очень редкая марка. Жители Шешинеру не любят писать письма, и потому почти все марки с их планеты попадают неиспользованные. А пустые марки очень редкие. Ваша дочка правильно сделала, что приобрела такую редкую марку.

Сказав это, толстяк помахал рукой и заспешил, подпрыгивая, дальше.

Мы чуть было не заблудились в секциях, подсекциях и отделениях рынка. Но тут впереди послышались птичьи крики, рычание зверей и писк насекомых. Мы вышли на площадь, уставленную клетками, аквариумами, садками, загонами. Это и был отдел космической живности.

Даже мне, опытному космобиологу, было очень трудно разобраться в том, что мы увидели. Звери и птицы были настолько разнообразные, а владельцы их были порой и того разнообразнее, что я начал своё путешествие с грубой ошибки. Я подошёл к темно-синей птице на трех двухметровых желтых ногах. От ее ноги тянулась цепочка к её хозяину — неизвестному мне инопланетчику, составленному из разноцветных шаров. Я спросил у него, сколько стоит эта прекрасная птица. И тут птица ответила мне на хорошем космическом языке:

— Я не продаюсь. Но если желаете, могу продать вам шаровика разнокрапчатого. И попрошу меня не оскорблять.

Оказывается, я перепутал, кто кого держит на цепочке. Стоявшие вокруг коллекционеры и торговцы рассмеялись, а птица тогда обиделась и стукнула меня по голове длинным клювом.

Я поспешил уйти, потому что птицу охватил гнев и она начала примериваться для следующего удара.

— Папа, — сказала вдруг Алиса, — иди сюда. Смотри, как интересно.

Я оторвался от разглядывания кристаллических

жуков, которых мы давно хотели заполучить для зоопарка, и обернулся к ней.

Алиса остановилась перед большим пустым аквариумом. Рядом стоял стульчик, и на нем сидел карлик.

— Посмотри, папа, каких интересных зверей продает этот человек.

— Ничего не вижу,— признался я. — Аквариум пустой.

Человечек грустно вздохнул и смахнул слезу.

— Вы не первый,— сказал он, — вы не первый.

— А что у вас в аквариуме? — вежливо спросил я. — Микроорганизмы?

— Нет, это ужасно!— сказал карлик. — Я уйду. Совсем уйду.

— Папа,— прошептала Алиса так громко, что слышно было за десять метров,— у него там невидимые воздушные рыбы. Он мне сам сказал.

— Невидимые?

— Девочка права, — сказал карлик. — Это самые обыкновенные невидимые рыбы.

— Очень интересно, — сказал я. — А как же вы их ловите?

— Сетями, — сказал карлик. — Невидимыми сетями. Рыбы летят-летят, попадают в невидимые сети, и я их везу домой.

— А можно одну подержать? — спросил я.

— Подержать? — карлик очень удивился. — А как же вы ее будете держать?

— Руками.

— Но вы же ее не удержите.

— Почему?

— Потому что эти воздушные рыбы очень скользкие. Они ускользают, как только до них дотронешься. Вы мне не верите?

Я не ответил. Тогда карлик взмахнул ручками и воскликнул:

— Пожалуйста! Смотрите, хватайте, выпускайте на волю! Делайте что хотите! Унижайте меня! Оскорбляйте!

Карлик стащил с аквариума большую тряпку, цепко схватил меня за руку и заставил залезть рукой в аквариум.

— Ну? — кричал он. — Ну? Поймали? Ничего вам не поймать!

Рука моя ощущала только пустоту. Никаких рыб в аквариуме не было.

— Здесь ничего нет, — сказал я.

— Ну, вот видите? — обратился карлик, заливаясь слезами, к окружавшим нас любопытным. — Он убедился, что рыбы такие скользкие, что их нельзя поймать, но не хочет признаться.

Я поболтал рукой в пустом аквариуме и только вытащил руку наружу, как карлик закричал снова:

— Он выпустил всех моих рыб! Он их распугал! Разве я не предупреждал, что нельзя болтать рукой в аквариуме? Теперь я нищий! Я разорен!

Зрители недовольно роптали на двадцати языках и глядели на меня с осуждением.

Даже Алиса сказала:

— Ну зачем же ты так, папа?

— Но неужели вы не понимаете, — обратился я к окружающим, — что в аквариуме ничего не было?

— Откуда нам знать? — ответил мне вопросом полосатый, как тигр, с белыми усами житель планеты Икес. — А если он прав? Если рыбы невидимые, и их нельзя поймать? Как мы можем проверить, что он говорит неправду?

— Правильно, — поддержал его ушан. — Зачем ему лететь с другой планеты и везти пустой аквариум?

— Чтобы каждый день продавать его снова, — сказал я.

Но никто меня не слушал.

Пришлось заплатить печальному карлику за десять редких рыб. Карлик, видно, не ждал, что я так быстро сдамся, и был растроган, благодарил и обещал, если поймает невидимую рыбу, обязательно принесет ее мне. А когда мы уже

собирались уходить, он сказал:

— Девочка, разреши, я сделаю тебе маленький подарок.

— Пожалуйста, — сказала Алиса. — Я буду очень рада.

— Возьми.

Карлик покопался в кармане и вынул оттуда пустую руку. Сложил ладонь лодочкой, как будто в ней что-то было, и протянул Алисе.

— Это, — сказал он, — шапка-невидимка. Бери, не стесняйся. Я люблю делать хорошим людям бесценные подарки. Только осторожно. Шапка соткана из такой тонкой ткани, что она ничего не весит и ее нельзя почувствовать.

Алиса поблагодарила жулика, сделала вид, что прячет подарок в сумку, и мы пошли дальше.

Вдруг под ноги к нам бросилось непонятное существо. Оно казалось пушистым шариком на палочках и доставало до колен. Удивительного цвета было это существо — ярко-красное в белую крапинку, как мухомор.

— Держи его, пап! — сказала мне Алиса. — Он убежал у кого-то.

— И не подумаю, — сказал я, кладя в карман бумажник. — Может, это не животное, а коллекционер, который ищет убежавшего зверя. Я его поймаю, а он вызовет полицию за то, что я его оскорбил, не догадавшись, какой он умный.

Но тут же мы увидели, как вдогонку за красным шариком спешит толстая двухголовая змея в блестящем, переливающимся скафандре.

— Помогите, — кричала она. — Индикатор убежал!

Красный шар пытался укрыться за моими ногами, но змея протянула одну из ста тонких ножек, болтавшихся у неё по бокам, и подхватила беглеца. Он тут же изменил цвет с красного на желтый и подобрал прямые ножки.

— Простите, — сказал я толстой змее, — что это за животное?

— Ничего интересного, — сказала змея. — Таких у

нас на планете много. Мы их зовем индикаторами. Они не умеют говорить, зато меняют цвет в зависимости от настроения. И бывают очень любопытные цвета. У вас нет куска сахара?

— Нет, — сказал я.

— Жалко, — ответила змея и достала откуда-то кусок сахара.

При виде сахара шарик пошел лиловыми разводами.

— Радуетесь, — сказала змея. — Правда, красиво?

— Очень, — согласился я.

— Мы им специально придумываем новые ощущения, чтобы найти необыкновенные цвета. Хотите, я его стукну? Он станет черным.

— Нет, не надо, — сказал я. — А вы не продадите его нам для Московского зоопарка?

— Нет, — ответила одна из голов змеи; другая тем временем молча свесилась вниз. — Обменять могу.

— Но у меня не на что меняться.

— Ну вот на эту штуку, на этого звереныша, — сказала змея и показала сразу десять ножами на Алису.

— Нельзя, — сказал я, стараясь не обижаться, потому что сам недавно принял разумное существо за неразумную птицу. — Это моя дочь.

— Фу, какой ужас! — воскликнула гневно змея. — Я немедленно вызову блюстителей порядка. Это же запрещено!

— Что запрещено? — удивился я.

— Запрещено торговать своими детьми. И обменивать их на зверей тоже запрещено. Неужели вы не читали правил у входа на базар? Вы изверг и варвар!

— Ничего подобного, — засмеялся я. — Я с таким же успехом могу продать Алису, как она меня.

— И того хуже! — закричала змея, прижимая к груди цветной шар: индикатор, видно, перепугался и стал белым с красными крестиками вдоль спины. — Дочь торгует собственным отцом!

Где вы такое видели?

— Честное слово, — взмолился я, — мы друг друга не продаем! У нас на Земле вообще не принято отцам продавать своих детей, а детям — своих родителей. Мы просто пришли вместе купить каких-нибудь редких зверей для нашего зоопарка.

Змея подумала немножко и сказала:

— Не знаю уж, верить вам или нет. Лучше спросим у индикатора. Он такой чувствительный, — она наклонила обе головы к индикатору и спросила его: — Этим странным существам можно верить?

Индикатор стал изумрудно-зеленым.

— Как ни странно, он уверяет, что можно.

Тут змея успокоилась и добавила совсем другим тоном:

— А ты хочешь, чтобы я тебя им отдала?

Индикатор стал золотым, словно луч солнца.

— Очень хочет, — перевела его эмоции змея. — Берите его, пока я не раздумала. И еще возьмите справочник «Как кормить индикатор и как добиться нежно-розовых эмоций».

— Но я не знаю, что дать вам взамен.

— Ничего, — сказала змея. — Я же вас оскорбила подозрениями. Если вы в обмен на индикатор согласитесь меня простить, я до вечера буду счастлива.

— Ну конечно, мы на вас не обижаемся, — сказал я.

— Нисколько, — сказала Алиса.

Тогда змея взмахнула множеством своих ножек, шар-индикатор взлетел в воздух и упал на руки Алисе. Он оставался золотым, только по его спине, словно живые, бежали голубые полосы.

— Он доволен, — сказала змея и быстро уползла, не слушая наших возражений.

Индикатор спрыгнул с Алисиных рук и пошел сзади нас, пошатываясь на тонких прямых ножках.

Нам встретилась целая семья ушанов. Большой ушан, уши у которого были больше, чем у слона,

его жена-ушанка и шесть ушат. Они несли канарейку в клетке.

— Смотри!— воскликнула Алиса. — Это канарейка?

— Да.

— Это не канарейка,— сказал строго отец-ушан.— Это райская птица. Но мы ее совсем не хотели покупать. Мы искали настоящего говоруна.

— И не нашли, сказали хором ушата, поднимая ветер ушками.— Нет ни одного говоруна.

— Это удивительно!— сказала нам ушанка.— Еще в прошлом году полбазара было занято говорунами, а теперь их совсем не стало. Вы не знаете почему?

— Нет, — сказал я.

— И мы не знаем, — ответил ушан. — Придется нам разводить райских птиц.

— Папа, — сказала Алиса, когда они ушли, — нам нужен говорун.

— Почему? — удивился я.

— Потому что всем нужен говорун.

— Ладно, пойдём искать говоруна,— согласился я.— Только сначала я предлагаю тебе посмотреть на паука-ткача-троглодита. И если нам его отдадут, мы его обязательно купим. Это заветная мечта нашего зоопарка.

Глава 10. Мы купили говоруна

Мы с Алисой обошли весь базар, купили для зоопарка восемнадцать разных зверей и птиц, большинство из которых на Земле еще никому не приходилось видеть. Алиса спрашивала каждого торговца или коллекционера:

— А где достать говоруна?

Ответы были самые разные.

— Говоруны перестали класть яйца, — сказал один.

— Говоруны перемерли от загадочной болезни.

— Говорунов держать нельзя.

— Кто-то скупил всех говорунов на планете.

— Говорунов никогда и не было.

И ещё много других ответов. Но мы так и не поняли, что же произошло на самом деле. Все признавали, что раньше говоруны были самыми обычными птицами и их любили держать дома и в зоопарках. Но за последний год говоруны почти все куда-то исчезли. Говорили, что по домам ходили люди и скупали говорунов. Говорили, что из зоопарка говорунов кто-то украл. Говорили, что в главном говоруньем питомнике они заболели лихорадкой и умерли. И чем безнадежнее было найти говоруна, тем больше Алисе хотелось хотя бы поглядеть на эту птицу.

— А что в говорунах особенного?— спросил я Крабакаса с Баракаса, с которым мы только что познакомились.

— Ничего особенного,— ответил Крабакас вежливо, свивая в кольца синий хвост. — Они говорят.

— Попугаи тоже говорят, — сказал я.

— Про попугаев не знаю, не слышал. Но, может быть, у вас называют попугаями говорунов?

— Может быть,— согласился я, хотя вряд ли попугаи водились на этой планете. — А где они водятся?

— Чего не знаю, того не знаю,— сказал Крабакас с Баракаса.— Может быть, они водились именно на этой планете. Я слышал, что говоруны могут летать между звезд и всегда возвращаются к родному гнезду.

— Не найти нам говоруна,— сказал я Алисе.— Придется возвращаться. Тем более что твой индикатор уже проголодался.

Индикатор услышал мои слова и в знак согласия стал светло-зеленым.

Мы повернули к выходу, и тут меня остановил крик Крабакаса. Он, как синий смерч, взвился над клетками.

— Эй! — кричал он. — Землянин, вернись скорей сюда!

Я вернулся. Крабакас свился в клубок и сказал:
– Хотели посмотреть на говоруна? Ну, тогда считайте, что вам сказочно повезло. У меня за клетками спрятался человек, который принес настоящего взрослого говоруна.

Алиса, не дослушав, бросилась обратно, и за ней семенил индикатор, переливаясь от нетерпения всеми цветами радуги.

За стеной птичьих клеток спрятался маленький ушан с прижатыми ушами. Он держал за хвост большую белую птицу. У птицы было два клюва и золотая корона.

– Ой, – сказала Алиса, – ты узнаешь ее, папа?

– Что-то знакомое, – сказал я.

– «Знакомое»! – передразнила меня Алиса. – Эта птица сидит на плече статуи Первого капитана!

Алиса была права. Я вспомнил. Конечно, именно говоруна изобразил скульптор.

– Вы продаёте птицу? – спросил я у ушана.

– Тише! – зашипел тот. – Если вы не хотите ее и меня погубить, тише!

– Покупайте без разговоров, – сказал мне на ухо Крабакас с Баракаса. – Я бы сам купил, но вам она нужнее. Может быть, это последний говорун на планете.

– Но почему такая тайна? – спросил я.

– Я и сам не знаю, – ответил хозяин говоруна. – Я живу далеко от города и редко здесь бываю. Давным-давно, несколько лет назад, этот говорун прилетел ко мне. Он был истощен и ранен. Я его выходил, и он с тех пор жил у меня в доме. Этот говорун, видно, за свою жизнь побывал на разных планетах. Он говорит на многих языках. Несколько дней назад я был по делам в городе и встретился в столовой с одним старым другом. Мы разговорились, и старый друг сказал мне, что в городе совсем не осталось говорунов. Кто-то их скупает или убивает. А я тогда ответил другу, что у меня живет говорун. «Береги его», – сказал мне друг. Тут к нам подошел один

землянин и сказал, что хочет купить говоруна...

— Он был в шляпе? — спросила вдруг Алиса.

— В шляпе, — ответил ушан. — А вы откуда знаете?

— Пожилой и худой?

— Да.

— Значит, это он, — сказала Алиса.

— Кто— он? — спросил Крабакас с Баракаса.

— Тот самый, который торговал червяками.

— Конечно, это он, злодей!— воскликнул Крабакас.

— Погодите, не перебивайте, — остановил нас ушан. — Я тогда отказался продать свою любимую птицу и поехал обратно домой. И представляете, в ту же ночь кто-то старался проникнуть в мой дом. А на следующую ночь меня хотели поджечь. Но говорун проснулся и разбудил меня. Вчера я нашел еще не оконченный подкоп под мой дом. А сегодня ночью в мою спальню кто-то бросил огромный камень. И я понял: если оставлю птицу дома, не жить мне на свете. Если не боитесь смерти, берите птицу, но за последствия я не отвечаю.

— Берите, — сказал Крабакас, — птица редкая, хорошая, а вам все равно улетать отсюда. Вам не страшно.

— Берем, папа? — спросила Алиса и протянула руку к говоруну.

Я не успел ответить, как говорун легко взлетел на плечо Алисы.

— Прощай, друг, — вздохнул ушан.

Я расплатился с ушаном, и тот сразу убежал. Даже деньги считать не стал.

— Кормить говоруна можно белым хлебом, — сказал нам на прощание добрый Крабакас, — и молоком. Полезно давать шиповниковый сироп.

Сказав так, Крабакас свернулся в синий клубок и улегся на клетку с канарейками.

Мы отправились к выходу с базара. Впереди шла Алиса, и на плече у нее сидел говорун. Правда,

он еще не сказал ни слова, но это меня не волновало. За Алисой семенил индикатор и задумчиво менял цвета. Потом шел я и вел на поводке купленного за бешеные деньги очень редкого, работающего, почти разумного паука-ткача-троглодита. Паук прят аккуратный шерстяной шарф в клеточку, и уже связанный конец шарфа волочился по земле. Сзади ехал автоматический вездеход, полный клетками и аквариумами, — там для человека и места бы не нашлось. Со всех сторон к нам оборачивались коллекционеры и повторяли на десятках языков:

— Смотрите, говоруна несут!

— Говорун!

— Живой говорун!

Вдруг говорун наклонил голову набок и заговорил.

— Внимание! — сказал он по-русски. — Посадка на эту планету невозможна. Я перехожу на планетарную орбиту, а ты, друг милый, не забудь включить амортизаторы.

Сказав это, говорун без всякой паузы перешел на незнакомый нам язык и барабанил на нем минуты две.

— Вот это попугай! — сказала Алиса.

Говорун замолчал, прислушался к ее словам и повторил:

— Вот это попугай!

Потом еще подумал и произнес моим голосом:

— Но почему такая тайна?

Потом голосом своего прежнего хозяина:

— В ту же ночь кто-то старался проникнуть в мой дом. А на следующую ночь меня хотели поджечь.

— Все ясно, — сказал я. — Нам с тобой, Алиса, повезло: это сверхпопугай, всем попугаям попугай. Он запоминает сколько угодно слов, и притом сразу.

А тем временем говорун снова начал говорить по-русски:

— Слушай, Второй, мне нечего тебе подарить. Хочешь, бери моего говоруна. Он будет тебе напоминать о наших скитаниях— ведь у него в голове все умещается, до последнего слова. И ты знаешь, как его настроить на нужный текст.

Говорун ответил сам себе другим голосом:

— Спасибо, Первый. Мы еще увидимся...

Потом в горле говоруна что-то затрепетало, загудело, словно вдали поднимался в небо космический корабль.

— Папа, ты понимаешь, что он говорит? — спросила Алиса.

— Кажется, да, — ответил я. — Кажется, это голоса знаменитых капитанов.

Мы вышли с площади и постарались обойти секцию филателистов, чтобы не проталкиваться с нашим необыкновенным грузом сквозь толпу. Навстречу нам кинулся знакомый толстяк в черном кожаном костюме.

— Ну как? — спросил он. — Нашли, что искали?

— Да, — ответил я. — Все в порядке.

— Мы говоруна купили, — сказала с гордостью Алиса. — И он запомнил такие интересные вещи, что вы и не представляете.

В этот момент говорун снова открыл свои клювы, расправил коронку на голове и заговорил голосом Первого капитана:

— Ты же знаешь, Второй, как мне хочется снова уйти в космос. Но всему есть предел.

Толстяк обернулся к Алисе, увидел говоруна, и лицо у него стало похожим на плоский блин, а глаза побелели и спрятались глубоко в глазницах.

— Уступите его мне, — сказал толстяк.

— Почему? — удивился я.

— Так надо, — сказал толстяк и протянул руку к говоруну.

Говорун изловчился и больно клюнул его в палец.

— Ой! — крикнул толстяк. — Проклятая тварь! Я

давно за тобой охочусь.

— Уберите руку, — сказал я.

Толстяк опомнился.

— Извините, — сказал он. — Я давно ищу говоруна. Я специально за ним прилетел за восемьдесят световых лет. Вы не можете мне отказать! Я заплачу, сколько вы хотите.

— Но мне не нужны ваши деньги, — сказал я. — У нас на Земле вообще уже нет денег. Мы берем их с собой, только когда летим в космос, в те места, где ещё есть деньги.

— Но я вам дам за эту птицу все, что вы хотите! Я вам подарю целый зоопарк!

— Нет, — ответил я твёрдо. — Насколько я понимаю, говорунов уже почти не осталось. В зоопарке он будет в безопасности.

— Отдайте, — сказал толстяк злобно. — А то отниму.

— Только посмейте! — сказал я.

Мимо проходили два полицейских-ушана. Я обернулся к ним, чтобы позвать их на помощь, но толстяк как сквозь землю провалился.

Мы пошли дальше.

— Видишь, папа, с говорунами связана какая-то тайна, — сказала Алиса. — Ты никому его не отдавай.

— Не бойся, — успокоил я её.

Мы шли по пустынной дороге. За невысокой изгородью шумел рынок. Впереди уже виднелись гостиницы города Палапутры. Вдруг сзади послышались легкие шаги. Я быстро обернулся и замер от удивления.

По дороге бежал, догоняя нас, доктор Верховцев. Шляпа его была сдвинута набок, костюм измят, и на вид он был еще хуже, чем прежде.

— Профессор, — сказал он мне, задыхаясь, вам грозит страшная опасность. Как хорошо, что мне удалось вас догнать! Какое счастье!

— Что за опасность? — спросил я.

— Опасность кроется в говоруне. Если вы с ним не расстанетесь немедленно, ваш корабль погибнет. Я знаю точно.

— Послушайте, доктор Верховцев, — сказал я сердито, — ваше поведение более чем странно. Вы себя очень таинственно вели на планете имени Трех Капитанов и сказали нам, что не знаете, какая птица изображена на памятнике. Потом вы, как говорят, приехали сюда и пытались уничтожить весь кислород на планете, торгуя белыми червяками. Вы плохо вели себя в гостинице: варили сосиски на кровати и ломали роботов-стольников. А теперь требуете, чтобы мы отдали вам говоруна... Нет, не перебивайте меня. Когда вы одумаетесь, приходите к нам на корабль, и там мы поговорим в спокойной обстановке.

— Вы пожалеете, — сказал Верховцев и сунул руку в карман.

Индикатор покраснел от страха. Паук-ткач-троглодит замахал на Верховцева недовязанным шарфом.

— Осторожнее, папа, у него пистолет! — крикнула Алиса.

— Полосков! — сказал я в микрофон, висевший у меня на груди. — Засеки мои координаты! Мы в опасности! Срочно на помощь!

Услышав мои слова, Верховцев замер, раздумывая. На наше счастье, на дороге показалась большая толпа коллекционеров, которые волокли упиравшегося зеленого слона. Верховцев перемахнул через загородку и исчез.

— Ой, как мне все это нравится! — сказала Алиса. — Какие настоящие приключения!

— А мне, честно говоря, не очень нравятся такие приключения. Ведь мы ехали собирать животных для зоопарка, а не воевать с доктором Верховцевым.

Через три минуты над нами повис катер с «Пегаса». Это Полосков прилетел на помощь.

Катер медленно летел над нами до самого корабля, и мы добрались до него без всяких осложнений.

Глава 11. Курс к системе Медузы

Как только мы разместили зверей в клетки и накормили их, я прошел на мостик и послал телеграмму на базу разведчиков на Малом Арктуре. Телеграмма была такая:

«Проверьте, где находится доктор Верховцев. Мне кажется, что он не тот, за кого себя выдает».

Вечером пришёл ответ с Малого Аркура:

«Доктора Верховцева на планете Трех Капитанов нет. Больше ничего пока сообщить не можем».

— Мы и без них знаем, что его нет на планете Трех Капитанов, — сказал, прочтя телеграмму, Полосков. — Он здесь.

Для говоруна мы сделали большую клетку и повесили ее в кают-компании. Говорун весь день бормотал что-то на незнакомых языках и никак не хотел изобразить кого-нибудь из капитанов. Но Полосков все равно поверил нам с Алисой и сказал:

— Я тоже думаю, что это тот самый говорун, который принадлежал Первому капитану и которого Первый капитан подарил Второму, когда они расстались.

— А не может так быть, — спросила Алиса, — что Верховцев специально гонялся за всеми говорунами, потому что хотел заполучить этого самого говоруна?

— Но зачем ему говорун? — спросил я.

— Как — зачем? Мы знаем, что Второй капитан пропал без вести. И никто не знает, где он. Мы знаем, что у него был говорун...

— Правильно! — сказал механик Зеленый. — Конечно! Наша девочка совершенно права. Капитана нет, а говорун здесь. Значит, говорун знает, где капитан. И Верховцев хочет это

узнать.

— Так почему он делает из этого тайну?— спросил я.— Мы бы ему с удовольствием помогли.

Послышался стук. Кто-то пришел к нам.

Я отправился к люку и раскрыл его. На трапе стоял толстяк в черном кожаном костюме.

— Простите за беспокойство, — сказал он. — Я хотел извиниться за мое поведение на рынке. Но мне так хотелось получить живого говоруна, что я не удержался.

— Ничего, — ответил я, — мы не обижаемся. Только говоруна мы вам все равно не отдадим.

— Ну и не надо, — сказал толстяк весело.— Только я не хочу, чтобы вы обо мне плохо думали. Пожалуйста, не откажите мне в любезности, возьмите на прощанье от меня подарок.

Он протянул мне очень редкое животное: алмазную черепашку с Менаты. Панцирь этой черепашки сделан из настоящих алмазов и сверкает так, что глазам больно смотреть.

— Берите, не стесняйтесь, — сказал толстяк. — У меня их три.

Конечно, мне не стоило брать подарок от такого странного человека, надо бы поостеречься. Но ведь ни в одном зоопарке Земли нет алмазных черепашек! Пять лет мы охотились за ней, и вот нашёлся человек, который нам ее дарит.

— Не отказывайтесь, — сказал толстяк. — До свиданья. Может, еще увидимся. Запомните, меня знают на ста планетах и зовут Весельчак У.

И он затопал башмаками по трапу, спустился вниз и, подпрыгивая на ходу, направился к Палапутре.

Уже стемнело, оба солнца планеты сели почти одновременно, только с разных сторон горизонта, и потому над космодромом пылали два заката, один красивее другого. И я подумал, что все-таки нельзя думать о людях плохо. Вот толстяк, например, настоящий энтузиаст биологии. И не пожалел подарить нам такое редкое животное.

В очень хорошем настроении я вернулся в кают-компанию и показал моим друзьям подарок. Черепашку передавали из рук в руки, и все любовались причудливой игрой света на алмазах её панциря.

— Куда дальше летим? — спросил Полосков после ужина.

— К склиссам, — сказала Алиса, — на планету Шешинеру.

— Ну что ж, — согласился я, — мы все равно туда собрались.

И вдруг говорун, до того сидевший смирно и глядевший, как мы пьем чай, снова заговорил.

— Ты собираешься лететь? — спросил он голосом Первого капитана.

— Да. Я полечу ему навстречу, — ответил говорун голосом Второго капитана.

— Ну ладно, Второй, если будет трудно, позовешь меня на помощь.

— Если смогу.

— Пришли говоруна. Он расскажет. Знаю, как заставить его говорить. Ты ему передашь все подробности.

— Ну, до встречи.

— До встречи.

Говорун замолчал.

— Ну, ты слышал, Полосков? — спросила Алиса.

— Конечно, слышал, не кричи, — ответил Полосков и задумался.

Говорун покачал золотой короной, словно раздумывал, продолжать или нет. И вдруг сказал медленно и раздельно голосом Второго капитана:

— Держи курс в систему Медузы.

Мы ждали, не заговорит ли говорун снова. Но говорун закрыл глаза и сунул голову под крыло.

— Значит, Второй капитан попал в беду и послал говоруна за помощью, — сказала Алиса. — Как же заставить говоруна все нам рассказать?

— Погодите, — вмешался я. — Ну с чего вы решили? Ведь говорун не полетел на Венеру, где

работает Первый капитан, а вернулся на родную планету. Значит, его никто никуда не посылал. Второй капитан мог просто погибнуть. И тогда говорун полетел домой.

— Все может быть, — сказал Полосков и поднялся из-за стола.

Он вышел из кают-компания и вернулся через пять минут, принеся с собой карту Галактики. Он расстелил ее на столе, отодвинув чашки, и ткнул пальцем в край карты.

— Здесь, — сказал он, — находится система Медузы. Совершенно не исследована. В ней есть планеты. Я предлагаю лететь туда. Если капитан жив, то мы ему поможем. Если он погиб, мы, по крайней мере, будем знать, где это случилось.

— Но ведь он мог погибнуть в открытом космосе, — возразил я.

— Но что могло случиться с великим капитаном в открытом космосе?

— Взрыв корабля, например.

— А говорун остался цел?

— Ну, мало ли что может случиться!

Я молчал. В конце концов, у экспедиции были свои задачи, и неизвестно, есть ли вообще какие-нибудь животные в системе Медузы. Пока мы долетим до системы и вернемся обратно, пройдет все время, отпущенное на экспедицию. А ведь мы ничего не знаем кроме того, что сказал говорун. Вдруг капитан побывал там, а погиб совсем в другой части Галактики? Об этом я и сказал своим товарищам. Но чем дольше я говорил, тем меньше был уверен в своей правоте и тем больше понимал, что ни Полоскова, ни Алису я не убедил.

— Хорошо, — сказал я наконец, — попытка не пытка. Только сначала мы отправимся на Шешинеру. Надо же разобраться, кто такие склиссы.

— Добро, — согласился Полосков, водя пальцем по карте. — Это по дороге. Кроме того, мы сможем останавливаться по пути на других планетах и

искать редких животных для зоопарка.

— Теперь спать, — сказал я.— Завтра с утра подъем и отлет. Все звери накормлены, напоены?

— Так точно, товарищ начальник экспедиции,— ответила Алиса, которая отвечала за кормление зверей.

— А где алмазная черепашка? — спросил я.

— Только что здесь была,— сказал Полосков.— Где же она?

Мы потратили целый час, облазили весь корабль и нашли алмазную черепашку только с помощью индикатора, который отыскал её у самого люка.

— Видно, убежать хотела,— сказал Зеленый. — Я же предупреждал. За этими черепашками глаз да глаз.

Индикатор пожелтел.

Я вытащил табличку цветовых чувств индикатора, которую дала мне двухголовая змея, и сказал:

— Желтый цвет— недоверие.

— Не веришь черепашке? — спросил Зеленый у индикатора. — Я тоже.

Индикатор стал таким желтым, что даже свет ламп померк.

— Ну ладно, — сказал тогда я. — Запрем ее в клетку.

Индикатор оставался таким же желтым, но по спине его поплыли черные полосы. Таблица сообщила нам, что черные полосы на желтом фоне означают несогласие.

— Ну хорошо,— сказал я.— Если ты такой недоверчивый, мы ее на ночь закроем в сейф.

И тогда индикатор стал счастливого темно-зеленого цвета.

Глава 12. Такое печальное изобретение

Когда «Пегас» подлетал к планете Шешинеру, посылок и грузов в нем заметно поубавилось. Можно было ходить по коридорам и не наткнуться

на мешки, ящики и контейнеры.

Мы миновали уже треть Галактики и оказались в таких местах, куда не заходят рейсовые лайнеры с Земли.

Планета Шешинеру лежит в стороне от больших путей. Ее животный мир небогат — еще триста лет назад она была голой и необитаемой, но потом сюда прилетели колонисты с Розодора и сделали на ней искусственную атмосферу, посадили сады и соорудили газоны.

Мы бы не стали тратить время на посадку, но доктор Верховцев еще на планете Трех Капитанов сказал нам, что слышал о том, что на планете Шешинеру живет зверь по имени склисс.

«Пегас» опустился на планету глубокой ночью, в стороне от тусклых огоньков небольшого города. Садись мы тихо, чтобы не разбудить горожан и не испугать их: на Шешинеру редко прилетают корабли, и некоторые шешинерийцы их вообще не видели.

Двигатели смолкли, механик Зеленый расчесал бороду и лнг спать, капитан Полосков остался на мостике, чтобы внести поправки в устаревшую навигационную карту, Алиса писала письмо бабушке, надеясь отправить его с Шешинеру, а я спустился в первый трюм, чтобы выбрать пустую клетку для склисса и накормить зверей.

На корабле было тихо и тепло. Я почти беззвучно шел по мягкому ковру и думал о том, что надо будет заpastись на Шешинеру водой и достать шерсти для паука-ткача-троглодита. Ветвистый кустик подждал меня за углом, и я сказал ему:

— Спать сейчас же! А то завтра не полью.

Кустик в ужасе взмахнул листочками и зашуршал, втискиваясь в свой отсек.

Вдруг я услышал негромкое чавканье. Кто-то залез на склад, где хранились оставшиеся посылки. Я остановился и прислушался.

Неизвестно, кто из зверей вылез из клетки, —

ведь не всякого возьмешь голыми руками.

Я осторожно заглянул в приоткрытую дверь склада. Пусто. Но чавканье стало слышной. Я вошёл в отсек. Чавканье доносилось из-за двери запертого шкафа-холодильника. Там хранились ананасы.

Меня удивило, что ключ торчит снаружи — никто не мог забраться в холодильник и запереть себя без ключа.

Я медленно протянул руку к ключу, повернул его и распахнул дверь.

В шкафу, дрожа от холода, сидел небольшой зеленый человек и грыз остренькими зубками ананас.

Человек в ужасе поднял глаза и прижал ананас к груди.

— Вы не смеете, — сказал он.

— Хотя бы очистили ананас, — ответил я. — И вообще, как вы сюда забрались?

— Поужинать не дадут спокойно! — сказал человек и исчез вместе с ананасом.

Я протер глаза. Холодильник был пуст. Трех

ананасов на полках не хватало. Кто-то дотронулся до моей ноги, и я от неожиданности подпрыгнул.

Оказалось, это все тот же беспокойный кустик бродит по трюму.

— Немедленно спать! — крикнул я на него, хотя никогда не кричу на животных и растения.

Кустик подобрал ветки и бросился наутек.

Я снова взглянул на холодильник. Спinoй ко мне стоял зеленый человек и пытался, поднявшись на цыпочки, стащить с полки большой ананас.

— Стой! — крикнул я.

Человечек оглянулся, и я понял, что это вовсе не тот же самый похититель, который три минуты назад жевал ананас.

— Не волнуйтесь, — сказал человечек, — я имею разрешение.

И он тут же исчез, унося ананас.

Таких чудес я никогда еще не видел. У меня даже голова закружилась. Я глупейшим образом заглянул в холодильник, будто кто-то мог скрываться там, в глубине.

В тот же момент меня толкнули, на полке стоял третий зелёный человек.

— Не мешайте, — сказал он, — зашибу, — и тут же потянулся за ананасом.

— Ну, уж это черт знает что такое! — возмутился я. — Вы откуда?

— Я здесь живу, — ответил человечек, взял ананас и растворился в воздухе.

Это было выше моих сил. Я нажал на кнопку телефона и вызвал Полоскова.

— Гена, — сказал я, — ты не спишь?

— Нет, — ответил капитан. — Работаю. А что у тебя с голосом?

— С голосом? Ничего.

— Он дрожит, как заячий хвост. Что-нибудь случилось?

— Скажи, Гена, люк в корабль задраен?

— Конечно, задраен. Ведь никто не выходил.

— А Зеленый спит?

— Спит. И Алиса спит. Я только что проверял. Алиса писала письмо, писала и заснула на половине. А что произошло?

— Скажи, в каких случаях людям мерещатся зеленые человечки?

— Маленькие? — спросил деловито Полосков. — На плече сидят? С хвостиками? Где-то я об этом читал. В старой книге.

— Нет, — ответил я, — довольно большие, без хвостов, едят ананасы. Вот! Вот он! Четвертый!

И в самом деле, ещё один похититель возник в холодильнике, подмигнул мне и исчез.

— Иду! — сказал Полосков обеспокоенно. — Ничего не предпринимай. Держи себя в руках.

К тому времени, когда Полосков прибежал в трюм, на полках оставалось меньше половины ананасов, и сразу два зеленых человечка подсаживали друг друга, чтобы забраться на верхнюю полку холодильника.

— Нет, — сказал Полосков, — ты их не пугай. Это, наверно, не галлюцинация.

— Какая еще галлюцинация! — обиделся человек. — Можете потрогать.

— Некогда, — прервал его второй.

— Привет Алисе, — сказал первый.

И они исчезли, чтобы уступить место ещё одному.

— Алиса на самом деле спит? — спросил я у Полоскова.

— Спит.

— А откуда они могут о ней знать?

— Ума не приложу. Сумасшедший дом какой-то! В холодильнике было пусто. Никто больше не появлялся.

— Давай закроем туда дверь, — сказал Полосков. — Так спокойнее.

Я захлопнул дверь в холодильник.

— Откуда они могут знать об Алисе? — повторил я. — Опустились мы сюда час назад, никто из нас

наружу не выходил..

Мы долго не спали с Полосковым, старались придумать объяснение странному явлению. Но так ничего и не придумали. Проверили ещё раз запоры на люках, обошли корабль. Пусто, тихо, мирно.

На всякий случай я лег спать в каюте Алисы. Спать было неудобно, потому что коврик на полу был жесткий, а под голову пришлось подложить Алисины резиновые ласты.

К счастью, я успел встать раньше, чем проснулась Алиса, и потому, когда она открыла глаза, я уже как ни в чем не бывало сидел в кресле и листал «Справочник по определению обитателей Галактики».

— Ты что здесь делаешь? — спросила Алиса.

— Да так, зашел поглядеть в твоей библиотеке, как выглядят местные жители.

— А почему ты непричесанный?

Я захлопнул книжку— потом погляжу— и поспешил в каюту привести себя в порядок.

Там, моясь, я чуть было не убедил себя, что никаких зеленых человечков и не было, все это мираж, сон и наваждение.

С такой мыслью я и спустился в трюм заглянуть в холодильник.

Холодильник был раскрыт, абсолютно пуст— ни одного ананаса,— и перед ним стоял задумчиво Полосков.

— В общем, я полагаю,— сказал он,— что местные жители научились проходить сквозь стены, хоть это и противоречит всем законам природы.

— Нет, наверно, это не местные жители,— сказал я.— Наверно, мы подцепили в космосе какую-то паразитическую цивилизацию.

Тут в трюм вошла Алиса.

— Доброе утро, Полосков,— сказала она.— Куда вы дели ананасы?

— Их украли,— сказал Полосков.— И мы думаем, как наказать вора.

— Кого? — удивилась Алиса.

— Чертей зеленых,— ответил Полосков. — Вот бы мне до них добраться! Ведь подумать только, с какими глазами я появлюсь на Редвайте! Там ждут эти ананасы!.. Вот он, смотрите, ловите!

И в самом деле, в холодильнике вдруг обнаружился зеленый человечек; он окинул взглядом пустые полки и сказал, не глядя на нас: «Опоздал я»,— и тут же растворился.

— Вот он,— повторил Полосков. — И даже не поймашь.

— Так это местный житель,— сказала Алиса.— Я смотрела в книге, которую папа оставил на кресле.

— Ты уверена?

— Совершенно уверена.

— Тогда тем хуже для них. Немедленно посылаю жалобу в их правительство. Разве так встречают гостей? — Полосков сильно рассердился.

— Прости их, капитан.

— Нет, и не подумаю их прощать. Где телефон?

— Полосков, подумай,—взмолилась Алиса.— Это такие милые и добрые люди! Они не хотели красть ананасы. Так уж получилось. Нечаянно.

— Ты слишком добрая, Алиса,— возразил Полосков. — Сегодня ночью, не успели мы приземлиться, они уже забрались на склад и тащат ананасы, а через полчаса они возьмутся за остальные грузы.

— Полосков,—сказала Алиса твердо,—ты забыл, что проиграл мне спор? Желание?

— Помню, — сказал Полосков.

— Так вот, мое желание — прости им ананасы.

И в этот момент за стенами корабля раздался страшный шум. Настолько страшный, что он проник сквозь обшивку. Мы забыли обо всех зеленых человечках и со всех ног бросились к трапу. На ходу Полосков успел нажать кнопку тревоги, и в коридорах замигали красные лампочки.

Полоскав распахнул верхний люк, и с высоты третьего этажа мы выглянули наружу.

Вставало тусклое, огромное, красное солнце. По небу быстро неслись длинные сизые облака. Вся поляна перед «Пегасом» была заполнена зелеными человечками. Они размахивали флагами, платками, раскачивали транспаранты со словами «Добро пожаловать» и кричали хором и вразнобой:

— С при-ез-дом!.. Здрав-ствуй, Али-са!.. Спасибо!.. Ур-р-ра-а-а-а!.. — и другие приветствия на своем непонятном для нас языке.

При виде Алисы радости их не было предела. Казалось, что небо обрушится на землю.

Несколько зеленых человечков в мгновение ока оказались у люка, подхватили Алису, и не успел я ахнуть, как они исчезли вместе с ней, чтобы появиться в самой гуще толпы. И Алису на высоко поднятых руках понесли к городу, белеющему на горизонте.

Отставший от остальных пожилой зеленый человечек подождал, пока мы спустимся по трапу вниз, и тогда поздоровался и сказал:

- Очевидно, вам не все понятно, дорогие гости.
- Не все понятно, — сказал Полосков.
- С Алисой ничего не случится? — спросил я.
- Ровным счетом ничего. Разрешите объяснить?
- Конечно.
- Вы присаживайтесь на траву, земля теплая, не простудитесь.

Мы послушались пожилого зеленого человечка, и он рассказал вот что:

Еще довольно недавно планета Шешинеру ничем не отличалась от прочих захудалых провинциальных планет Галактики. Но лет десять назад один шешинериец изобрел средство — таблетки, которые позволяли путешествовать во времени на год-два в любую сторону. Сначала всю планету охватила великая радость, все бросились глотать таблетки и путешествовать туда-сюда. Но через несколько недель наступило горькое похмелье.

Один отправлялся в будущее и там узнавал, что от него уйдет жена или что его дом обкрадут.

Другой отправлялся в прошлое, чтобы исправить совершенную там грустную ошибку, но исправить ее не мог, а мог ее лишь повторить. Если ты подозревал кого-то в обмане, ничего не стоило вернуться в тот день и проследить за своим недоброжелателем. Если ты боялся, что умрешь от какой-нибудь болезни, ничего не стоило съездить в будущее и посмотреть, не обманули ли тебя врачи. И постепенно люди стали бояться будущего— туда никто уже не ездил. Зато все зачастили в прошлое. У каждого человека есть какие-то приятные воспоминания. И вот он отправляется в прошлое, чтобы еще раз пережить приятный момент. Потом снова едет туда же, снова и снова... До бесконечности.

— Пойдемте в город,— сказал пожилой зеленый человечек,— и вы увидите, к чему все это привело.

Мы последовали за ним в город. Город был запущен, замусорен. Торжественная процессия с Алисой ушла куда-то вперед, и на улицах лишь изредка встречались прохожие. На нас они не обращали внимания, но время от времени кто-нибудь из прохожих исчезал. Другой мог возникнуть посреди улицы, подумать о чем-то и вновь исчезнуть.

— Это они путешествуют во времени,— сказал наш спутник.— Настоящее их не интересует. Будущего они боятся. Никто не работает. Правительство пыталось запретить таблетки, но их так просто изготавливать, что каждый стал их делать у себя дома.

— Теперь мне понятно,— сказал я,— почему уже вчера ваши соотечественники знали и об Алисе, и о прилёте нашего корабля.

— Конечно. Они же попадали в ваш холодильник из будущего.

— И все-таки, почему такая радость по поводу приезда Алисы? — спросил Полосков. — Почему не по поводу моего, например, приезда?

— А очень просто,— сказал пожилой шешинериец.— Мы ведь очень незлобивые, мирные люди. И мы ценим доброе к нам отношение.

— Ну и что? Алиса же не знала о том, что вы залезете к нам в холодильник.

— Ах, какая наивность!— сказал укоризненно зеленый человечек.

Он растворился в воздухе и через три секунды появился снова с большим ананасом в руках.

— Я только что побывал в вашем холодильнике, — сказал он.

— Но там уже нет ананасов.

— Но я побывал там вчера ночью. Разве непонятно? Проще простого. Я сейчас улетал в прошлое и вчера ночью взял из холодильника ананас. Но я не украл ананас, а взял его, потому что Алиса сегодня утром напомнила Полоскову, что она ещё раньше выиграла у него желание и ее желание— отдать нам ананасы. Поэтому сегодня утром мы встречали Алису с благодарностью за то, что она разрешила нам брать ананасы вчера ночью...

— Я сойду с ума!— сказал Полосков.— Сначала было сегодня утро, потом была вчера ночь, и вы брали ананасы, которые еще нельзя было брать, потому что их потом можно будет брать...

— А у нас осталось в жизни так мало радостей,— сказал зеленый человечек, не слушая Полоскова. — И мы никогда раньше не пробовали ананасов. Я, например, теперь буду каждый день отправляться во вчерашний день, чтобы съесть ананас, который я съел вчера...

Мы некоторое время молчали, переваривали новости. Потом шешинериец вздохнул и сказал:

— Не могу больше. Я пошел в прошлое доедать ваш ананас.

— Стойте,— остановил я его,— у меня к вам деловой вопрос.

— Лучше и не спрашивайте,— сказал зеленый человечек.— Я же знаю, о чем вы спросите.

— Ах, да, — сказал я.

— Вы спросите о звере по имени склисс, из-за которого вы сюда прилетели.

— Конечно.

— Мы можем вам привести сто склиссов, но ведь вы откажетесь от них. Вот смотрите, один лежит за углом. Вы сейчас разведёте руками и скажете: «Это же самая обыкновенная корова!»

Мы заглянули за угол. Там лежала корова.

Я развёл руками и сказал:

— Это же самая обыкновенная корова!

— Вот видите.

Тут зелёный человечек попрощался с нами и ушел, вернее, исчез, потому что все жители этой планеты имели странное обыкновение растворяться в воздухе. И он не видел того, что случилось потом, и все его умение глядеть в будущее и прошлое не помогло. Потому что мы взяли эту корову, привезли ее в Московский зоопарк, и она до сих пор там — один из самых популярных экспонатов.

Как только наш зелёный проводник исчез, корова потянулась, медленно поднялась на ноги и развернула длинные перепончатые крылья, которые до того были обмотаны вокруг ее живота. Корова вздохнула, поглядела на нас большими печальными глазами, потрясла крыльями, смахивая с них пыль, оттолкнулась стоптанными копытами и перелетела через улицу. Летела она как корова — плохо и неумело, но ведь все-таки летела!

И тогда я спросил неожиданно появившегося рядом зеленого мальчишку:

— Это чья корова?

— Склисс? — спросил мальчишка.

— Ну да, чей это склисс?

— Да ничей, — сказал мальчишка. — Кому склиссы нужны? Их пасти совершенно невозможно — разлетаются. Так что вы берите, не жалко.

И мы отправились к «Пегасу», гоня перед собой склисса хворостиной. Склисс иногда взлетал в

воздух, но быстро уставал и переходил на ленивую трусцу.

Потом к нам привязался ещё один склисс, но мы его с собой брать не стали — и одного прокормить не так легко. Склисс долго, обиженно мычал и махал хвостом.

Алиса вернулась вскоре после нас, ей стало скучно с шешинерийцами. Да и они о ней быстро забыли — разлетелись кто в прошлое, а кто и в недалёкое будущее.

Глава 13. Парализованные роботы

— Ну, теперь, — сказал Полосков, когда мы поднялись с планеты, на которой потеряли весь наш запас ананасов, — прямым ходом в систему Медузы. Никто не возражает?

Никто не возражал. Я хотел было возразить, но Алиса так на меня посмотрела, что я сказал:

— В полете кораблем распоряжается капитан. Как скажет Полосков, так и будет.

— Тогда нигде больше не будем задерживаться, — сказал Полосков.

Но через два дня нам пришлось задержаться и изменить курс.

Корабельная рация «Пегаса» приняла сигнал бедствия SOS.

— Откуда он? — спросил я Полоскова.

— Сейчас все узнаем, — сказал наш капитан, склоняясь над приёмником.

Я уселся в свободное кресло на мостике, решил воспользоваться минутой, отдохнуть. Я с утра устал. У индикатора болел живот, и он менял цвета, как светофор на оживленном перекрестке. Паук-ткач-троглодит за недостатком сырья добрался до сонного снука в соседней клетке и состриг с него всю длинную шерсть, так что я снука и не узнал. Снук в результате простудился и кашлял на весь трюм. Пришлось соорудить изолятор. Говорун всю ночь бормотал на

непонятном языке, охрип и скрипел, как несмазанная телега. Пришлось его отпаивать горячим молоком с содой. Кустики перессорились ночью из-за сливовых косточек и самому маленькому обломали сучья. Алмазная черепашка прорезала острыми гранями панциря дыру в двери, ведущей в машинное отделение, и пришлось снова запереть ее в сейф.

Я устал, но знал, что так всегда бывает, когда везешь коллекцию редких зверей. Все эти болезни, неприятности, драки и конфликты ничто по сравнению с кормежкой. Правда, мне помогала Алиса, но она проспала, и утреннюю кормежку мне пришлось взять на себя.

Хорошо еще, что зверей пока было не очень много и в большинстве они могли дышать земным воздухом. Только под стеклянный ящик с бежевыми жуками пришлось подставить печку, потому что жуки привыкли жить в вулканах...

— Все ясно, — услышал я голос Полоскова.

О чем он? Ах да, я задумался и совсем забыл — ведь мы получили сигнал бедствия.

— Сигнал идет с планеты Шелезяка. Что же у них могло приключиться?

Полосков открыл последний том справочника планет и прочёл вслух:

— «Планета Шелезяка. Открыта фиксианской экспедицией. Населена металлической культурой весьма низкого уровня. Есть предположение, что жители планеты — потомки роботов, спасшихся с неизвестного космического корабля. Отличаются прямодушием и гостеприимством. Однако очень капризны и обидчивы. Полезных ископаемых на планете нет. Воды тоже нет. Атмосферы нет. Ничего на планете нет. Если что и было, роботы все истратили и живут в бедности». Да, — сказал Полосков, — не очень интересная планета. Но что же у них случилось?

— SOS, — продолжал твердить радиоприемник. — У нас эпидемия. Просьба помочь.

— Придется свернуть с пути,— вздохнул Полосков. — Нельзя же оставлять в беде разумные существа.

И мы повернули к планете Шелезяка.

Только когда мы увидели из космоса серый, лишенный воздуха, гор и океанов шар планеты, Полосков наконец смог вызвать тамошнего диспетчера.

— Что у вас произошло? — спросил он. — Какую помощь мы можем вам оказать?

— У нас эпидемия...— проскрипел голос в динамике.— Мы все больны. Нам нужен доктор.

— Доктор? — удивился Полосков.— Но ведь у вас железная цивилизация. Может быть, выслать к вам механика?

— Можно и механика,— согласились с Шелезяки.— Но доктора тоже.

Мы спустились на ровное, пыльное и пустынное поле космодрома. Давно ни один корабль не снижался здесь.

Когда пыль осела, мы спустили трап и вывели вездеход. Полосков остался на корабле, а Зеленый, Алиса и я поехали к длинному, низкому, скучному зданию космовокзала. Ни души, ни тени вокруг. Если бы только что с ними не разговаривали, никто бы не догадался, что на планете есть живые существа. На дороге валялась отломанная ржавая нога робота. Потом колесо с выломанными спицами.

Как-то грустно было ехать по такому запустению. Хотелось даже громко крикнуть: «Есть кто живой?»

Двери в космовокзал были раскрыты настежь. Внутри было также пустынно и тихо. Мы вышли из вездехода и остановились в дверях, не зная, куда отправиться дальше.

В большом сером динамике, подвешенном под потолком, послышалось шуршание, и уже знакомый скрипучий голос произнес:

— Поднимитесь по лестнице до маленькой черной

двери. Толкните ее, и она откроется.

Мы послушались и нашли узкую лестницу. Лестница была крутая и такая же пыльная, как и все вокруг. Она кончалась маленькой черной дверцей. Я толкнул дверцу, она не поддавалась. Может, заперта?

— Толкайте сильнее!— раздался голос из-за двери.

— Дай-ка мне,— сказал механик Зеленый.

Он нажал на дверь плечом, ухнул, и дверь с визгом растворилась. Зеленый не удержался и влетел внутрь.

— Так я и думал,— сказал он мрачно на лету и врезался в сидящего за столом металлического жителя планеты.

Робот был тоже покрыт пылью.

— Спасибо, что прилетели,— сказал робот, поднимая руку, чтобы помочь Зеленому подняться.— Я думал, что не захотите к нам прилететь. Не ожидал. Никто у нас не летает.

— Но у вас очень слабая станция,— сказал я.— Мы услышали ее только потому, что пролетали мимо. Это чистая случайность.

— А когда-то наша станция была сильнейшей в секторе,— сказал робот.

Тут что-то заурчало в его железном чреве, и он застыл с открытым ртом. Робот поводит руками и молча взывал о помощи. Я поглядел растерянно на Зеленого, и тот сказал:

— Врач здесь не нужен.

Он подошёл к роботу и ударил кулаком ему под подбородок. Рот с лязгом захлопнулся, и робот сказал:

— Спаси...

Зеленому пришлось еще раз грубо обойтись с роботом. При этом он сказал:

— Попрошу вас широко рот не открывать. Не вечно же мне стоять с кулаком над вами.

Робот кивнул и продолжал говорить, лишь чуть-чуть приоткрывая рот, чтобы не заело.

— Я послал сигнал SOS,— сказал он,— потому что уже две недели меня никто не приходит сменить на дежурстве. Я подозреваю, что всех моих земляков хватил паралич.

— А почему вы так думаете?

— Потому что у меня самого ноги отнялись.

— И давно вас поразила такая болезнь? — спросил я.

— Нет, не очень,— сказал робот.— У нас вообще в последние годы были перебои со смазкой, но все-таки мы кое-как обходились. А после того, как на нас рассердился один человек и проклял нас страшным проклятием, жуткий, таинственный паралич начал губить нас от мала до велика. И вот я, боюсь, последний более или менее здоровый робот на всей планете. Но паралич подбирается уже к сердцу. И, как видите, даже челюсть заедает.

— Ну-ка, дайте я посмотрю. Может, все-таки вы забыли смазку обновить, — сказал с подозрением Зеленый.

Он подошёл к роботу и откинул крышку у него на груди, сунул внутрь палец, и робот захихикал:

— Щекотно!

— Потерпите,— строго сказал механик. Он проверил у него шарниры на ногах и руках, выпрямился и сказал, вытирая платком руки:— Смазка есть. Ничего не понимаю!

— И мы ничего не понимаем, — согласился робот.

Мы поехали в город. Мы заходили в дома—длинные скучные помещения с рядами одинаковых нар. На нарах лежали одинаковые роботы, покрытые пылью. На лбах их горели индикаторные лампочки. Это значило, что роботы живы. Роботы крутили глазами, но пошевелиться не могли. Наконец, так ничего и не поняв, мы вернулись на космовокзал и положили в вездеход тяжелого дежурного робота. Он хоть еще говорил. И мы отвезли его на «Пегас», чтобы разобрать его там и проверить, что за странная эпидемия поразила

планету.

Робот сам помогал нам его развинчивать, давал советы, какую гайку крутить, на какую кнопку нажимать. Был робот запущен, грязен, но никаких особенных повреждений отыскать мы в нем не смогли. Вообще-то служебные роботы этого типа, давно снятые с производства в Галактике, строились на века и приспособлены были работать и в глубоком космосе, и в вулканах, и под водой, и под землей. Только их надо было время от времени смазывать, но это они сами отлично умели делать.

Наконец на большом рабочем столе в нашей лаборатории мы разложили части робота, а его голову положили отдельно, в углу, и подключили ее к корабельной электросети.

— Ну что?— спросила голова робота, когда Зеленый кончил разборку его тела.

Зеленый пожал плечами.

— Что же теперь делать?— спросила голова тихо. — Ведь погибает целая цивилизация.

— Придется послать радиограмму на Землю или на какую-нибудь другую большую планету, — сказал я. — Пусть пришлют оттуда специальную экспедицию и специалистов по болезням роботов.

— Ну какие у нас могут быть болезни! — воскликнула голова робота, и рот остался открытым.

Пришлось мне подойти и стукнуть его по подбородку.

— Благодарю вас, — сказал робот. — Но оставлять нас без присмотра жалко. Ведь представьте себе, ни одного подвижного существа на целой планете. Первый же ливень или наводнение всех нас погубит безвозвратно — ведь мы даже не можем вытереться.

— Но послушайте, — сказал я, — мы же не можем оставаться у вас, пока не придет помощь!

— Но разве у вас важное дело? — спросила голова робота.

Я не успел ответить, потому что Зелёный сказал:

— Чем черт не шутит. Попробую смазку сменить. Можно вас машинным маслом смазать?

— Если хорошее масло, то можно, — ответила голова робота.

И тогда Зеленый начал протирать все детали и части робота и смазывать их нашим маслом.

А между тем робот спросил снова:

— А что у вас за дело?

— Мы собираем животных для Московского зоопарка, — сказал я. — Редких животных. Мы должны как можно скорее закончить экспедицию и вернуться домой. Ведь это очень сложно — везти с собой целый зоопарк.

— Но если вы нам поможете, — сказала голова робота, — мы вам дадим наших животных. Таких нигде больше нет.

— А что это за животные?

И тогда робот рассказал.

Когда-то, много лет назад, на этой планете потерпел аварию автоматический космический корабль, на борту его было несколько универсальных роботов. Они остались живы и построили себе хижину из обломков корабля. Потом они нашли на планете залежи железа и других металлов, нашли уран и много других полезных ископаемых. И тогда роботы начали строить себе детей, и мало-помалу роботов на планете развелось очень много.

Но роботы хоть и мыслят, но не умеют заглядывать в будущее. В те времена на планете были вода и воздух, трава и деревья. Но роботам дела не было до того, что творится вокруг. Они пользовались полной свободой и скоро понастроили на планете много заводов, и все заводы изготавливали роботов, а новые роботы строили новые заводы и изготавливали новых роботов. И так продолжалось до того дня, когда весь кислород на планете был израсходован в

топках, все деревья были переведены на сараи для запасных частей, все звери перемерли, все горы были скрыты до основания и все моря израсходованы на охлаждение двигателей. Кончились и полезные ископаемые. Остались на голой планете только роботы— много миллионов одинаковых роботов, которым вдруг стало нечего делать.

Пришлось тогда роботам кинуть жребий, и тех, кому не повезло, разбирали на запасные части или меняли на смазочное масло у пролетавших мимо кораблей или звездных бродяг. Так и жили роботы. Понемногу их становилось все меньше, но все равно на планете оставалось еще несколько миллионов бездельников. Решили было роботы построить космический корабль и полететь на какую-нибудь ещё не заселенную планету, чтобы начать все дело сначала, но корабль построить они не смогли, потому что у них не было чертежей, а сами ничего изобретать они не умели. И так продолжалось до самого последнего дня. А потом на роботов напала странная эпидемия и всех их хватил паралич.

— Но о каких животных вы говорите? — спросил я голову робота.

— О роботных животных. Мы хотели, чтобы у нас всё было как у людей. И когда мы поняли, что местные животные вымерли, потому что не смогли жить на пустой планете, мы сделали искусственных животных. Но потом нам стало не до них, и мы решили разобрать животных на запасные части для роботов. Таких теперь не делают. Но животные почувствовали опасность и убежали. До сих пор они бегают по ровным долинам планеты Шелезяка. И если вы нам поможете, мы поймаем для вас несколько совершенно необыкновенных железных животных.

— Спасибо,— сказал я голове робота, а сам подумал, что такие животные вряд ли пригодятся нашему зоопарку: каждый школьник на Земле может

построить механическую черепаху или электронного ежа.

Пока мы разговаривали с головой робота, Зеленый вытер все его части и смазал их заново. Потом привинтил роботу руки-ноги и нажал на красную кнопку. Мы все с волнением ждали, что произойдет. Робот неуверенно приподнял руку, потом сделал шаг вперед. Нога послушалась его. Он сделал ещё один шаг, взмахнул сразу обеими руками, наклонился вперед, потом назад и начал плясать. Никогда в жизни мне не приходилось видеть пляшущего робота. Он чуть не опрокинул стол, чуть не отдавил мне ногу, и казалось даже, что робот от радости смеется.

Наплясавшись вдоволь, робот крикнул:

— Спаси...— и замер.

Ведь в голове-то смазку ему не меняли.

Но на этот раз механик Зеленый не стал бить его кулаком по подбородку. Он просто влил ему в раскрытый рот банку масла.

Робот захлебнулся, что-то заклокотало у него внутри, рот закрылся, открылся вновь, и робот музыкальным, звучным голосом запел песню «Нам не страшен серый волк», которую, видно, подслушал когда-то очень давно.

— Значит, все дело в смазке,— сказал робот, немного успокоившись.— Но ведь она была почти свежая. Мы ее меняли.

Зеленый, не сказав ни слова, набрал на стеклышко старой, снятой с робота смазки и отошел к микроскопу.

— Всн ясно,— сказал он через минуту.— Надо было догадаться с самого начала. В смазке завелись бактерии, которые превращают масло в наждачный раствор. Интересно, как же эти бактерии могли попасть в ваше масло?

Робот задумался. Мы все вместе перешли в кают-компанию, чтобы продолжить разговор. Робот все думал. Мы разлили себе чай, а перед роботом поставили баночку с подсолнечным маслом—

большим лакомством для роботов. Робот рассеянно выпил баночку и продолжал думать.

Вдруг над его головой проснулся говорун. Он увидел нашего гостя и, широко раскрыв клюв, запел:

— «Нам не страшен серый волк...»

Причем пел он голосом робота.

Мы очень удивились. Только робот не удивился. Он поднял голову и сказал говоруну:

— Здравствуй, птица. Как ты себя чувствуешь?

Но говорун продолжал петь, размахивая крыльями, потому что ответить он ничего не мог— говоруны не очень умные птицы.

— Вы знаете говоруна? — спросила Алиса.

— Знаю, — ответил рассеянно робот. — Я сам его ремонтировал.

— Как же вы могли отремонтировать живую птицу? — удивилась Алиса.

— Несколько лет назад, — ответил робот, — эта птица прилетела на нашу планету из космоса. У нас в то время уже было мало воздуха и совсем не осталось местных животных. Но говоруну, если вы знаете, не обязателен воздух. Он может перелетать между планетами и не дышать по несколько недель и даже месяцев. Но этот говорун еле-еле долетел до нашей планеты. Кто-то напал на него в пути и тяжело ранил птицу. Мы выходили говоруна, откармливая его смазочным маслом, но одно крыло ему пришлось отрезать и заменить протезом.

— Не может быть! — воскликнул я. — Неужели мы не заметили бы этого?

— Посмотрите, — ответил с гордостью робот. — Мы очень хорошие мастера.

Я поднялся и подошел к говоруну. Птица словно догадалась, что мне нужно, и расправила правое крыло. Я ощупал его. Под перьями был металл. Робот сказал правду.

— Вот видите, — сказал робот торжественно. — Даже вы не заметили.

— А что было с птицей потом? — спросила Алиса.

— Она прилетела к нам с системы Медузы, — сказал робот. — За ней кто-то гнался и хотел убить. Пока мы чинили птицу, она нам много рассказывала, и мы поняли, что кто-то потерпел аварию или попал в беду на одной из планет системы Медузы и птица спешит рассказать об этом другу того, кто попал в беду. Мы бы сами помогли, но у нас не было космического корабля.

— И вы отпустили птицу?

— Отпустили, — сказал робот. — Но мы старались ей объяснить, что она не долетит до того сектора Галактики, куда так спешила. Хотя искусственное крыло и не отличается от настоящего, очень далеко на нём не улететь. Но, к сожалению, птица нас не поняла. Она не очень умная птица. Но мы знали, что неподалеку от нас находится планета Блук, родной дом говорунов. И мы подумали, что говорун сможет долететь до дому. С тех пор я его не видал.

— Вот видишь! — сказала мне Алиса. — Теперь ты не сомневаешься, что Второй капитан был жив и послал птицу за помощью?

— Но с тех пор прошло четыре года, — ответил я. — Значит, он погиб.

— Но я должен рассказать вам, — произнес робот, — о странном событии. Оно произошло совсем недавно. Месяц назад. Как раз за три дня до начала эпидемии. Я бы не вспомнил о нем, если бы не увидел говоруна... К нам на планету спустился небольшой черный корабль. С него сошел человек в шляпе. Мы думали, он хочет выменять у нас лишних роботов, но оказалось, что его корабль сломался и ему нужна была наша помощь... Мы с удовольствием помогли этому человеку...

— Это был доктор Верховцев, — прошептала Алиса.

— А когда его корабль был готов к полету, мы спросили его, не даст ли он нам смазочного

масла или свежих газет в награду за работу. Но этот человек в шляпе очень грубо ответил нам, что мы ничего не получим. И мы должны быть ему благодарны, что он оставил нас в живых. И тогда я сказал ему: «Стыдно, пришелец! Я понимаю, что, когда мы помогли безмозглой птице говоруну и починили ей крыло, а она ничего не дала нам взамен, в этом нет ничего удивительного. Но вы — разумное существо и по внешнему облику происходите с Великой Земли. Стыдно!» А он тогда спросил: «Какому говоруну вы чинили крыло?» Я сказал, что это было почти четыре года назад и совсем не относится к делу. Но он настаивал, и я рассказал ему историю о раненой птице. Вы бы видели, как он разгневался! Он проклинал нас за то, что мы помогли этой птице, и, когда узнал, что она полетела на планету Блук, с проклятиями начал собираться в обратный путь. «Придется, — говорил он, — тратить время на проклятую птицу. А то еще проговорится». А ночью его видели у главной цистерны..

— Какой цистерны?

— Все ясно! — сказал робот. — Он подходил к главной цистерне со смазочным маслом! Он плохой человек, и он мог подсыпать в нее вредных бактерий..

Мы сказали роботу, что бактерии могли попасть на планету и другим путем, но робот мотал головой и ни о чем и слышать не хотел.

На прощанье мы дали роботу бочку со смазочным маслом, чтобы он мог привести в порядок хотя бы десяток роботов, и обещали, что, как только выйдем в космос, сразу пошлём радиограмму на ближайшую планету, чтобы оттуда роботам прислали корабль с маслом.

Когда робот ушел, мои друзья взволновались.

— Скорее, — торопили они меня, — скорее в путь! Мы можем еще спасти капитана! Теперь уж нет никаких сомнений, что он попал в беду и доктор Верховцев очень боится, что кто-нибудь

узнает правду.

— Мне вообще стыдно за землян, — сказал мрачно Зеленый. — И пока мы не разгадаем эту тайну, я не смогу глядеть в глаза инопланетцам. Если среди жителей Земли нашелся такой подлый человек, наш долг — его найти и обезвредить. И в этом нам поможет Второй капитан, которого мы обязательно найдем. А звери подождут.

Я вздохнул и согласился, потому что и Алиса, и Полосков были совершенно согласны с Зеленым.

— Ладно, — сказал я. — Подчиняюсь большинству. Хотя и считаю, что ваши надежды основаны лишь на слухах и никакого Второго капитана мы в системе Медузы не найдем. Но как только мы убедимся, что произошла ошибка, то мы немедленно возвращаемся в центр Галактики и спешно собираем животных.

— Готовить корабль к отлету! — сказал Полосков твердым голосом. — Зеленый, спуститесь в машинное отделение. Заводите супердвигатели.

Я подошел к иллюминатору, чтобы кинуть последний взгляд на пустынную планету, которую загубили, не подумав о том, что творят, деловитые роботы. И тут увидел, что к «Пегасу» по пыльному полю бежит наш знакомый робот. Он что-то нес в руках.

Я встретил робота у трапа.

— Держите зверей, — сказал он. — Только обязательно смените смазку. Пока что они все парализованы.

Он высыпал к моим ногам груды каких-то металлических вещей.

— До свиданья, — сказал он, глядя, как я убираю трап. — Если найдете этого вредителя в шляпе и не будете знать, что делать, отдайте его нам. Мы его смажем испорченной смазкой.

Робот засмеялся и зашагал по пыли.

Пока корабль разгонялся до космической скорости, я сменил смазку металлических зверей. Все-таки любопытно мне было поглядеть, какие

робото-зверята водились на этой планете. И когда через два часа в лабораторию заглянул Зелный, он чуть в обморок не упал от удивления. По полу лаборатории бегали зверьки на колесиках. Они пищали, дрались между собой и пытались карабкаться по стенам. Звери были страшенькие, но чем-то походили на мышей и кошек. Видно, когда роботы их строили, они вспомнили о настоящих кошках и мышах.

Я посадил робото-зверушек в железную клетку, но они иногда из нее вылезали и гонялись по коридорам за алмазной черепашкой.

Глава 14. Погоня за леди Винтер

Система Медузы затерялась на самом дальнем конце нашей Галактики. Вокруг большой, с длинными, как спутанные волосы, протуберанцами звезды крутятся всего три планеты. Первая, самая близкая от звезды, раскалена настолько, что стало ясно – делать нам там нечего.

Мы подлетели ко второй планете.

Планета была пустынная, мрачная. Солнечные лучи отражались от блестящих сизых скал, отражались от асфальтовых озер, отражались от редких голых деревьев. Над планетой дул вечный ветер.

– Ну как? – спросил я у говоруна. – Это та планета или нет?

Говорун склонил голову набок и ничего не ответил.

– Пап, – сказала Алиса, подойдя к иллюминатору в кают-компании, – ты не умеешь с ним разговаривать. Он тебя боится.

– А тебя не боится?

– Меня никакие звери не боятся, – сказала Алиса.

Она держала на руках металлическую кошку на колесиках, и кошка все норовила лизнуть Алису в нос холодным масляным языком.

— Говорун, милый, скажи нам, ты своего хозяина на этой планете оставил?

Говорун прислушался к словам Алисы и ответил голосом Второго капитана:

— Остерегайся миражей. Не доверяй им. Но присматривайся внимательно.

— Ну вот, глупая твоя птица, — сказал я в сердцах. — Ее о планете, а она о миражах?

— Посмотрим, — ответила Алиса.

За иллюминатором пошел дождь. Дождь был несильный, но от ветра струи дождя изгибались и стегали по обшивке «Пегаса». Даже смотреть на эту планету было неуютно. Наступал тоскливый, долгий вечер.

— Ладно, — сказал Полосков. — Все равно сегодня уже поздно вылезать наружу. Давайте ужинать и спать.

После ужина Алиса загнала металлических котят в клетку, взяла книгу и уселась на диванчик в кают-компании. Я в который раз отправился искать сбежавшую алмазную черепашку, чтобы она чего-нибудь не натворила. Полосков с Зеленым тоже занялись своими делами.

Так прошло часа два-три. Я вернулся в кают-компанию. Алиса все еще читала. В кают-компании было уютно и тепло и особенно приятно, потому что за иллюминатором все так же выл ветер, хоть дождь и перестал.

Я подошёл к иллюминатору и поглядел в полумрак. Равнина была скудно освещена двумя большими лунами. И вдруг я застыл от изумления.

По долине к нашему кораблю медленно шли несколько человек. Это были именно люди, без скафандров, в странной одежде. Они были заняты разговором между собой и, казалось, совсем не замечали корабля. Я сказал тихо:

— Алиса, смотри.

Алиса бросила книгу на диван и подбежала ко мне.

Люди подошли поближе, и можно было разглядеть,

что они одеты в камзолы, на головах у них широкополые шляпы, а поверх камзолов — короткие широкие плащи. Четверо были мужчинами. За ними медленно, словно нехотя, шла женщина с пышной прической и в широком платье до земли. Мужчины оживленно разговаривали, женщина молчала.

— Алиса, это не галлюцинация?— спросил я, не веря собственным глазам.

— Нет, — ответила Алиса. — Не спутни их. Я их знаю.

— Селезнев!— загремел вдруг над ухом динамик.— Селезнев, ты не спишь?

Я узнал голос Полоскова.

— Ты где? — спросил я.

— На мостике. Погляди в иллюминатор. Ты что-нибудь понимаешь?

— Гляжу,— ответил я,— и ничего не понимаю. Откуда здесь быть людям?

— А я понимаю,— сказала Алиса.— Я этих людей знаю.

Я обернулся к ней. Может, Алиса бредит?

— Неужели ты не узнаешь, папа?— удивилась Алиса.— Ну ладно, ты, может быть, забыл эту женщину, но второго человека справа ты должен знать!

— Да нет же!— ответил я.— Говори, не томи!

— Второй справа— это Портос,— сказала Алиса. — Видишь, он наклонился к д'Артаньяну, слушает его. Наверно, они решили все-таки казнить леди Винтер.

— Какую еще леди Винтер!— закричал я.— Я с ума сойду! Откуда здесь Портос?

— Не знаю,— сказала Алиса. — Но это они. Это же мушкетеры короля. Если бы это были гвардейцы кардинала, мы бы с тобой их сразу отличили.

— Полосков, ты слышишь? — спросил я.

— Слышу,— сказал Полосков спокойно. — По-моему, Алиса совершенно права. Гвардейцев кардинала мы бы с тобой сразу отличили от мушкетеров короля.

Между тем четыре мушкетера подошли к самому кораблю. Я прижал нос к иллюминатору, чтобы посмотреть, что они будут делать дальше. Мушкетеры остановились, и один из них, по моему, Арамис, красавчик с тонкими усиками, изящно взмахнул рукой, прося леди Винтер идти вперед.

— Очень интересно,— сказала Алиса, встав на цыпочки, чтобы удобнее смотреть вниз. — Казнят они ее или нет? Ты как думаешь, папа?

— Я уже ничего не думаю, — ответил я. — Полосков, может, трап спустить?

И тут мушкетеры пошли дальше, вошли в стену корабля и исчезли.

— Они сквозь стены ходят,— услышал я растерянный голос Полоскова.

Капитана трудно удивить. Он видел в десять раз больше, чем удастся увидеть за жизнь обыкновенному человеку. Его не испугаешь ни Малым дракончиком, ни пузырями с Иелы, ни космическими пиратами. Но мушкетеров короля, проходящих сквозь стены «Пегаса», ему ещё видеть не приходилось.

— Может, это тоже путешественники во времени, как на Шешинеру? — спросил я.

Алиса перешла на другую сторону кают-компания и заглянула в противоположный иллюминатор.

— Вот они,— сказала Алиса.— Я так и думала. Они прошли сквозь корабль и даже не заметили.

Я перебежал через кают-компанию. И в самом деле, мушкетеры как ни в чем не бывало уходили от корабля, и их шпаги поблескивали под светом двух лун. Они миновали скалу и скрылись в ущелье...

— Пошли на мостик, — сказал я Алисе.— Оттуда лучше видно.

— Пошли,— сказала Алиса и взяла с дивана книжку, которую читала весь вечер. Книжка называлась «Три мушкетера».

Я начал о чем-то догадываться.

— Дай сюда книжку, — сказал я Алисе.

На ходу я раскрыл её. Раскрыл как раз на картинке, где был нарисован один из мушкетеров — д'Артаньян в плаще и при шпаге.

Когда мы взбежали на мостик, Полосков, стоявший у большого иллюминатора, поднял руку и поманил нас к себе.

За иллюминатором, посреди равнины, стояла тонкая березка, и под ветром ее листья трепетали, словно живые. Вокруг березки росла трава, и можно было увидеть у самых корней дерева шляпку большого подберезовика.

— Это что-то знакомое, — сказал Полосков задумчиво. — Где-то я это видел.

— Знаю где, — сказала Алиса. — Это любимая открытка Зеленого. Она висит у него над кроватью в каюте, и он всегда смотрит на нее и читает вслух стихи: «Идет-гудет Зеленый шум...»

— Миражи, — сказал Полосков.

— Да, — согласился я. — Конечно, это миражи. И говорун не ошибся, когда голосом Второго капитана предупредил нас о миражах. Но кто и почему их делает? Кому мы обязаны редким развлечением?

Березка растворилась в темноте, а с дальнего склона горы по направлению к «Пегасу» двинулась странная процессия. В ней были люди, фиксианцы, существа с неизвестных нам планет и звезд, роботы, звери. Толпа миражей окружила корабль, словно не замечая его. Они проходили сквозь него, растворялись, раздваивались, проходили друг сквозь друга.

— Пап, — сказала Алиса, — пойдём посмотрим на них вблизи.

— И отсюда видно, — возразил я. — Мы же не знаем их свойств. А вдруг они не такие уж бесплотные, как кажутся.

Мы долго смотрели на процессию призраков, а когда равнина опустела, Алиса снова начала канючить:

— Ну, пап, ну давай спустимся, еще не поздно. Вот, погляди, только один мираж остался — д'Артаньян.

И в самом деле, на опустевшую долину вышел одинокий мушкетер и начал задумчиво рассказывать неподалёку от корабля.

— Идите, — сказал тогда Полосков. — Только далеко от «Пегаса» не отходите. А я буду смотреть, чтобы с вами чего-нибудь не случилось.

Полосков, как всегда, угадал моё желание. Конечно, мне очень хотелось посмотреть на призраков вблизи. Я только беспокоился, как бы чего не случилось с Алисой. Но пойти без нее — значит поссориться надолго. Она считала миражи своими — ведь она же первой угадала трех мушкетеров.

Мы спустились по трапу на равнину. Она была совершенно пуста. Д'Артаньян куда-то пропал.

— Подождем, — сказала Алиса. — Наверно, они снова придут.

Я подошел к тому месту, где недавно росла березка. На земле лежали лишь округлые камешки — ни травинки, ни листочка.

— Смотри, пап, кто идет, — сказала Алиса. — Ты только подумай!

Я поднял голову и вздрогнул. Навстречу шел я сам, держа за руку Алису. Причем мы оба без скафандров, в тапочках и, казалось, совсем не нуждались в воздухе.

Алиса побежала навстречу самой себе.

— Стой! — крикнул я ей. — Ты куда?

Но Алиса уже добежала до своего двойника и с разбега пролетела сквозь мираж, споткнулась о камень, упала на колени. Мираж сразу исчез. Пока я спешил на помощь Алисе, возник новый мираж. Он быстро двигался к Алисе, словно хотел ее схватить. На этот раз мираж изображал доктора Верховцева. Шляпа его была надвинута на глаза и острые узкие плечи подняты к самым

ушам.

Я успел встать между миражем и Алисой, закрывая ее, потому что я совсем не был уверен в том, что Верховцев— только мираж.

Но доктор не заметил Алису. Он прошел совсем рядом, улыбаясь, словно увидел кого-то. Я посмотрел ему вслед. Навстречу Верховцеву шел толстяк в черном кожаном костюме. Они протянули друг другу руки и, сблизив головы, заспорили о чем-то.

Алиса поднялась и взяла меня за руку.

— На этой планете не сохранишь секрета,— сказала она.— Зато мы теперь знаем, что толстяк с Верховцевым знакомы и не зря они оба просили у нас говоруна.

Миражи разговаривали беззвучно, а с другой стороны к нам шел еще один мираж. Он изображал трех капитанов. Но не каменных, как мы видели их на планете имени Трех Капитанов, а самых настоящих, в синих мундирах космического флота. Капитаны остановились, взяли за руки, словно прощались. И тут же растворились, исчезли. Вместо них на равнине возник один капитан. Второй. Высокий, тонкий, с горбатым носом. Капитан стоял нахмурившись, будто размышлял о чем-то. На плече у него сидел говорун. Капитан окинул взглядом долину и быстро пошел к еще одному миражу, возникшему на горизонте. Мираж был космическим кораблем голубого цвета, и на борту его была выложена драгоценными камнями большая темно-синяя чайка.

И эти миражи растаяли... Исчез и Верховцев с толстяком.

Алиса сказала:

— Я никогда ещё не видела такого красивого корабля.

А в наушниках у меня прозвучал голос Полоскова:

— Послушай, профессор, ты когда-нибудь видел такой красивый корабль? Это, наверно, «Синяя

чайка» Второго капитана.

— Конечно,— сказала Алиса.— Может, он скрывается где-то здесь? Надо будет его найти.

На горизонте, там, где стояла «Синяя чайка», вспыхнул яркий свет. И мы увидели, как корабль поднимается над планетой.

— Улетел твой мираж,— сказал Зеленый.— Я так и думал.

— Да, похоже на то, что «Синяя чайка» улетела отсюда, — согласился с ним Полосков.

Я наклонился над тем местом, где Алиса упала, спеша к нашим двойникам. Я наклонился, потому что меня удивила одна вещь: два округлых камешка вдруг медленно покатались, словно их кто-то толкнул. Но ведь никого рядом не было. Даже ветер утих. Я протянул руку, чтобы подобрать камень, но он прибавил ходу и откатился подальше. И вдруг из него начал расти мираж. Сначала туманный, прозрачный, но потом превратившийся в леди Винтер. Леди Винтер побежала к горам, подобрав пышную юбку.

— Не уйдешь,— сказал я вслух. — Так я и думал. Ведь чудес не бывает!

Я прыгнул вперед, как будто хотел схватить миледи. В тот момент, когда я упал на то место, где она находилась, мираж исчез. Под руками у меня лежал круглый камешек.

— Что с тобой?— удивилась Алиса. — Почему ты гоняешься за миледи?

— Я ее поймал,— сказал я.

Зеленый усмехнулся:

— Не тут-то было. Ваша миледи пропала без следа.

— Она у меня в руке,— сказал я.— Сейчас вернусь на корабль и все вам объясню.

В кают-компании я положил на стол круглый камешек и еще пять таких же, которые я подобрал на пути к кораблю. Камешки лежали смирно, в ряд. Самые обыкновенные камни, размером с картофелину да и формой похожие на картошку.

– Разрешите представить, – сказал я, – жителей этой планеты.

– Живые существа? – удивился Зеленый. – Вот бы никогда не подумал!

– И с очень интересной способностью. Они могут создавать зрительные иллюзии – копии людей, предметов, причём не только тех, что видели, например, трех капитанов или доктора Верховцева, но и улавливать образы, которые живут в воображении людей. Вот, например, Алиса читала «Трех мушкетеров», смотрела на картинки в книге, представляла себе, какими эти мушкетеры должны быть, и мы их увидели. Ведь они, Алиса, точно такие, как ты их себе представляла?

– Точно-преточно такие, – сказала Алиса.

– Зачем этим камешкам нужны миражи, как они их делают, пока неизвестно.

– Может, им просто скучно? – спросила Алиса. – Лежат они на голой земле и скучают. А любой посетитель, любой гость для них – просто замечательное развлечение.

– Все может быть, – согласился я. – Так будем искать здесь или полетим к третьей планете?

– Мне кажется, что третья планета интереснее, – сказал Полосков. – Я посмотрел на снимки – там есть растительность, воздух, вода.

Тут один из камешков превратился во Второго капитана. Капитан печально посмотрел на нас. А говорун сказал его голосом:

– Искать будешь на планете-три. Искать будешь на планете-три.

– Вот видите, – сказала Алиса.

И мы тут же стартовали к третьей планете в системе Медузы.

Глава 15. Птенец птицы Крок

Четыре солнца быстро крутились над этой планетой, и ночь на ней наступала лишь иногда,

и никак нельзя было без сложных вычислений угадать, в какой момент вдруг потемнеет, промелькнут короткие сумерки и на планету опустится недолгая темнота. Проходило полчаса, иногда меньше, и новое солнце быстро поднималось над колючими кустами и моментально вкатывалось на небо.

Планета заросла лесами и кустарниками. У полюсов леса были низкие, прижатые к земле, а в тропиках поднимались на невероятную высоту.

Планета оказалась раем для биолога. И кого здесь только не было! Океаны кишели рыбами, медузами, червями, морскими змеями, леса были полны всякого зверья и бабочек с метровыми крыльями, а выше, над острыми скалами и пологими холмами, летали различные птицы.

— Мы здесь останемся надолго, — сказал я, когда мы спустились на вершину холма, поросшего кустами.— Одной этой планеты хватит на пятьдесят зоопарков.

— Ну и отлично, — сказал Полосков. — Мы заодно приведем корабль в порядок.

— Хорошо,— сказала Алиса.— Но сначала найдем Второго капитана. Я уверена, что он где-то здесь.

— Только одна на поиски не выходи,—предупредил я Алису.— Тут очень опасные звери.

— Но ведь я — царь природы, — сказала Алиса.

— Звери об этом не знают, — сказал я. — Они необразованные.

— Но как мы найдем Второго капитана?— спросила Алиса.

— Пока мы начнём с того,— ответил Полосков, — что запустим над планетой металлоразведчик.

— Зачем?

— Он будет кружить на низкой орбите и, как только обнаружит следы металлов, которые употребляются на космических кораблях, даст нам знать.

— И долго он будет кружить?

— Ему надо недели две, чтобы обследовать всю планету.

— Ой, как долго!

— А пока ты будешь мне помогать,— сказал я.— На тебя возлагается кормежка зверей.

— И поливка кустиков,— добавила Алиса. — А то они разбегутся.

В этот момент молоденький кустик вошёл в кают-компанию и робко остановился на пороге. Он покачивал ветвями, напевал, старался дать нам понять, что хочет компота.

— Вот,— сказал механик Зеленый,— до чего ты их разбаловала! Скоро кусаться начнут. Дай ему компота, бог с ним.

На следующий день мы поднялись рано, до рассвета. Полосков снаряжал металлоразведчик, а я грузил в вездеход сети и съемочную камеру.

Мы были так заняты своими делами, что упустили момент, когда появилась птица Крок. Я увидел лишь, как на меня упала чья-то тень, и услышал хлопанье крыльев, которое показалось мне хлопаньем парусов.

— Ложись! — крикнул Полосков.

Я упал на траву.

Прямо над моей головой лязгнули когти, и птица Крок, промахнувшись, взмыла вверх, чтобы кинуться снова.

Тогда-то я ее и разглядел.

Это была огромная тварь, размером с небольшой пассажирский самолет. У нее были узкие длинные крылья, короткий хвост и мощный загнутый клюв, как захваты у подъемного крана. Птица сделала небольшой круг и, словно пикирующий бомбардировщик, пошла вниз.

Я попытался отползти, но понял, что не успею.

Я зажмурился и вцепился в колесо вездехода. И в этот момент грянул выстрел.

Оказывается, механик Зеленый успел подбежать к люку с пистолетом и выстрелить в птицу, когда она была всего в трех метрах от меня.

Птица взвыла и взвилась в воздух. Рядом со мной упало ее перо. Перо было метр длиной и такое твердое, что вонзилось концом в сухую землю и ушло в нее, словно богатырский меч.

Я вытащил перо и показал его Алисе.

— Слушай, — сказал я ей, — хозяин этого пера очень обижен и хочет взять кого-нибудь из нас на ужин. Тебе понятно?

— Понятно. Но ведь вездеход ему не поднять?

— Вездеход не поднять.

— Значит, я поеду с тобой в вездеходе.

— Нет, Алиса, — сказал я. — Я сейчас отправлюсь на разведку и вернусь к обеду. Все, кроме тебя, заняты. Некому даже готовить обед и кормить зверей. И не забудь, что у паука-ткача-троглодита кончается шерсть.

— Ну хорошо, — согласилась Алиса.

— Ну, как с металлоразведчиком? — спросил я Полоскова, садясь в вездеход.

— Не понимаю, — ответил он. — Почему-то не ладится. Никогда не отказывал, а сейчас не ладится.

Вездеход медленно ехал сквозь кусты, покачиваясь над выбоинами и легко скатываясь с пригорков. Кусты расходились спереди и вновь смыкались сзади вездехода. Я размышлял о том, что хорошо бы поймать эту птицу. В Палапутре ее называют птицей Крок. Мне очень хотелось бы достать это чудовище для зоопарка, но я понимал, что вряд ли удастся перевезти ее на «Пегасе». Другое дело, если найти ее гнездо и захватить с собой птенцов. Гнезда должны быть где-нибудь на скалах — ни одно из деревьев не выдержит тяжести жилища птицы Крок.

Я повернул к далеким горам. Дорогу мне пересекла процессия длинноногих желтых ящериц. Впереди семенила самая высокая, за ней — поменьше... Я насчитал их двадцать три штуки. Последняя из ящериц была совсем маленькая. Я мог поймать ее, но не стал — сначала надо

осмотреться, выяснить, чем они питаются, а то не довезешь до Земли.

Высоко надо мной пролетела птица Крок. Она держала путь к горам. Вернее всего, ее гнездо именно там.

Я выпустил автоматическую сеть и накрыл ею метровую синюю бабочку. Пока я управлял манипуляторами, чтобы усыпить бабочку и спрятать в багажник вездехода, не повредив крыльев, зажегся экран видеофона и на нем показалось встревоженное лицо Полоскова.

— Послушай, — сказал он, — я запустил металлоразведчик.

— Ну и отлично, — сказал я. — погоди, сейчас уложу бабочку...

— Но связь с ним прервалась.

— С металлоразведчиком?

— Ну да. Этого еще никогда не бывало. Я все проверил. Через три минуты после взлета он замолчал.

— Придётся подняться на катере, догнать его и починить, — сказал я, укладывая бабочку в контейнер.

— Об этом я и хотел тебе сказать. Я полечу искать его, а ты возвращайся к кораблю. Не нравится мне эта планета.

— Ты не прав, Гена, — сказал я. — Планета отличная. Я рад, что мы сюда попали.

— А если и на самом деле здесь погиб Второй капитан?

— Ты веришь в это?

— Не знаю. Но если такой опытный капитан мог здесь погибнуть, значит, планета скрывает какую-то грозную опасность, о которой мы не подозреваем.

— Но, может, просто двигатели отказали? Ведь это случается даже с самыми лучшими кораблями. Или на капитана напало местное чудовище. Например, птица Крок. Ты видел, какой у нее клюв?

— Конечно, видел.

И Полосков отключил экран.

Еще одна птица пролетела надо мной к горам, и я запомнил направление полета. Наверняка там гнездо. Надо будет обязательно съездить. Неожиданно наступили сумерки. Я повернул обратно к кораблю.

Я поставил вездеход у самого трапа, в темноте поднялся по нему и прошел на мостик. Первым делом я проверил, где мои спутники. Зеленый сидел в машинном отделении и колдовал с приборами. Алиса отозвалась из каюты. Сказала, что читает. Тогда я вышел на связь с Полосковым.

— Как у тебя дела? — спросил я.

— Запеленговал металлоразведчик, — ответил Полосков. — Скоро догоню. Не выключай рацию.

Я уселся у иллюминатора и слушал, как Полосков бормочет что-то себе под нос, стараясь поймать металлоразведчик. Короткая ночь кончилась. Я глядел вдаль, на лес, горы и намечал себе путь на завтра. Вот поеду вдоль той речки, потом взберусь на холмы.. Надо будет взять Алису. В вездеходе ей ничего не грозит...

— Поймал, — сообщил Полосков. — Взял его захватами и поворачиваю обратно.

И в этот момент я увидел, что на площадку перед «Пегасом» вышла Алиса. Она шла осторожно, на цыпочках, оглянулась на иллюминаторы, но меня не заметила.

Было прохладно, и Алиса надела желтый пушистый комбинезон. Видно, собралась куда-то далеко. Но самое удивительное — перед ней по траве гордо шествовал говорун. Он был привязан на длинной цепочке. Другой конец цепочки Алиса держала в руках. Она сказала что-то говоруну, и тот взлетел в воздух. Алиса отпустила побольше цепочки, чтобы не мешать говоруну лететь. Он взмахнул крыльями и медленно, будто понимая, что Алиса не умеет летать, направился к лесу.

Только тогда я опомнился.

Я включил динамик и крикнул на весь лес:
— Алиса, ты с ума сошла! Немедленно возвращайся!

Но тут я испугался, что она меня не послушается, и побежал по трапу вниз, чтобы догнать ее и вернуть на корабль.

Когда я подбежал к люку, Алиса была уже у самого леса.

А над ней кружила громадная птица Крок.

— Алиса! — крикнул я.

Но она была далеко и не услышала моего крика.

Ни ружья, ничего нет под рукой!

Что делать?!

Не помня себя я бросился вниз по трапу.

Алиса увидела снижающуюся птицу и от страха выпустила

цепочку. Перепуганный говорун метнулся к деревьям.

Я бежал к Алисе и видел, как птица Крок выпустила белые когти, как она схватила желтую пушистую фигурку и, набирая скорость, взмыла вверх.

Я бежал, глядя, как уменьшается, поднимаясь, птица, размахивал руками...

Через десять

минут Полосков снизился у «Пегаса». К тому времени мы с Зеленым уже были готовы к погоне. Мы снарядили малый катер.

— Вы куда? — удивился Полосков.

— Крок украла Алису! — крикнул Зеленый. И замолчал, потому что от горя потерял дар речи.

— Прыгай сюда! — приказал мне Полосков. Он опустил свой катер к самой земле.

Я подпрыгнул, ухватился за нижний край раскрытого люка и перемахнул в рубку.

Полосков тут же набрал высоту.

— Куда она полетела? — спросил он громко, перекрывая жужжание двигателя.

— Туда, к горам, — ответил я. — Там у них, наверно, гнездо.

Мы добрались до гор за несколько минут. Но найти гнездо было не так легко. Тысячи одинаковых острых скал поднимались над плоскогорьем, и мы больше часа кружили над ними, ничего не находя. И с каждой минутой у нас было все меньше шансов найти Алису живой.

Помогла нам сама птица Крок. Мы увидели, как она летит над скалами.

— За ней, — сказал я.

— погоди, — ответил Полосков. — Мы ее спугнем, и она не покажет нам дорогу к гнезду.

Он задержал полет катера, и мы повисли над скалами. Птица летела к вершине горы, куда мы еще не поднимались. Там птица сложила крылья и снизилась. Полосков тут же взял курс на гору, набирая при этом высоту.

Когда мы уже подлетали к горе, снизу поднялось сразу пять или шесть птиц. Они приняли наш катер за неведомого летающего врага. Птицы отважно кидались на нас, и Полоскову пришлось вспомнить фигуры высшего пилотажа, чтобы не столкнуться с озлобленными кроками.

— Вон гнезда, смотри! — сказал Полосков.

Я прижался к иллюминатору.

На крутом склоне горы виднелись темные круги

гнезд. Гнезда были сложены из камней и сучьев и прилеплены к площадкам над пропастью.

Когда мы снизились, то смогли разглядеть, что в некоторых гнездах сидят птицы, широко раскинув крылья, видно прикрывая от врагов птенцов или яйца.

— Смотри, — сказал я.

В одном из гнезд что-то желтело. Катер, как живой, ринулся к этому гнезду. Так быстро, что птицы отстали.

— Нет, это не Алиса, — сказал Полосков, — это птенцы.

И в самом деле, в гнезде сидели три покрытых пухом птенца. Увидев нас, они широко разинули крючковатые клювы. Одна из птиц спикировала мимо нас, опустилась на гнездо и прикрыла его крыльями.

— Бери выше, — сказал я Полоскову.

Тут мы увидели еще одну птицу. Она подлетела к горе, неся в клюве большую рыбу.

— За ней! — сказал я.

Птица нас не заметила. Она спустилась к самому дальнему гнезду.

И в том гнезде между двумя птенцами сидела Алиса. Она издали тоже показалась мне птенцом — виной тому был её желтый пуховый комбинезон.

Птенцы при виде матери раскрыли клювы, но птица поднесла рыбину к Алисе и попыталась втолкнуть добычу Алисе в рот. Алиса отбивалась, но птица была настойчива.

Полосков расхохотался.

— Что с тобой? — спросил я, не отрывая глаз от странного зрелища.

— Ничего Алиске не грозит, — смеялся Полосков. — Ее приняли за птенца и прописали ей усиленное питание.

Полосков был прав. Алису спас пуховый комбинезон.

Мы зависли над гнездом. Полосков спустил трап, и Алиса поднялась в катер, пока я отпугивал

птиц сонными гранатами и хлопущками.

— Может, захватим птенцов?— спросил Полосков, все еще улыбаясь.

— В следующий раз,— ответил я. — Как ты себя чувствуешь, Алиса?

— Неплохо, — сказала Алиса.

Она была измазана рыбьей чешуей, а в остальном совершенно цела и здорова.

— Я только сначала испугалась,— сказала она.— А потом, когда меня принесли в гнездо, мне было даже уютно. Мы с птенцами грелись друг о дружку. Только вот большая птица обязательно хотела, чтобы я ела. Ну прямо как бабушка: «Скушай ложечку манной каши».

Полосков веселился, спрашивал Алису, не научилась ли она летать или, может, хочет вернуться к новым родителям.

— А зачем ты вообще-то ушла из корабля?— спросил я строго, после того как немного успокоился.

— Я пошла искать Второго капитана.

— Как так?

— Я слышала, что у Полоскова разведчик плохо работает. И вообще две недели ждать невозможно. И тогда я подумала, что говорун, может быть, помнит дорогу к тому месту, где он слышал голос Второго капитана. Я попросила его показать мне дорогу, и он полетел.

— А почему же ты не попросила разрешения?

— Ты бы не разрешил?

— Нет, конечно. И никакого Второго капитана здесь нет. Забудь о нем.

— Нет?— спросила Алиса.— Он здесь. Только жаль, что говорун улетел. А то бы мы его в два счета нашли.

— Что ты еще придумала?

— А вот что я нашла в гнезде,— ответила Алиса, доставая из кармана осколок фарфорового блюдца с надписью золотом: «...няя чайка». — «Синяя чайка», правда? — спросила она. — Или ты не

веришь?

— Ну-ка, покажи, — взмолился Полосков. — Ну и везет же тебе.

— Не скажи, — возразила Алиса. — Ради этого осколка мне пришлось полетать в когтях птицы Крок. Ты летал когда-нибудь таким образом?

— Нет, — улыбнулся Полосков.

— А осколок она мне сама дала. Видно, он у них в гнезде игрушка для птенцов. Вот она мне его и дала поиграть.

Я задумался. Алиса была права. Похоже, что «Синяя чайка» и на самом деле на этой планете. Но как ее найти?

— Что произошло с разведчиком? — спросил я Полоскова. — Ты еще не проверял?

— Странно, но кто-то разбил в нем индикатор металлоискателя.

— Разбил?

— Сам разбиться не мог — индикаторный механизм находится в самом центре разведчика.

— Что же делать? — размышлял я вслух.

Мы опустились перед «Пегасом» и вышли на поляну, поглядывая на небо — не летит ли птица Крок.

— А вот и говорун, — сказала Алиса.

И тут я заметил, что перед самым моим носом к земле спускается тонкая цепочка.

С дерева слетел говорун и кружил над нами, будто приглашая идти за ним искать капитана.

Глава 16. Зеркальные цветы

Алиса схватила цепочку, на которой был привязан говорун. Птица не сопротивлялась, не возражала, будто понимала, чего от нее хотят. Она медленно летела над кустами, и, если мы отставали, она поднималась чуть повыше и парила в воздухе, поджидая нас. Идти было нелегко, потому что тропинок на этой планете никто для нас не протапывал. Приходилось перелезать

через сгнившие стволы, продираться сквозь лианы и колючки, переходить через быстрые ручьи.

Желтые ящерицы на высоких, длинных ногах выскакивали из-под пней и с визгом разбегались, предупреждая лесных обитателей, что идут чужие.

Потом мы попали на поляну, поросшую множеством белых хищных цветов. Цветы громко чавкали, пожирая бабочек и пчел, и тянулись к нам, хватая лепестками за ноги. Но прокусить башмаки они не могли и оттого злились и даже рычали.

За перелеском открылась еще одна поляна. Цветы на ней были красного цвета. Они оказались очень любопытными: как только мы появились из-за деревьев, все лепестки повернулись в нашу сторону, будто за нами наблюдали и принюхивались. Над поляной слышался шепот.

— Они большие сплетники, — сказала Алиса, — и теперь до вечера будут обсуждать, во что мы были одеты и как шли.

Ещё долго нам слышался шепот и бормотание любопытных цветов.

Это была цветочная планета. Нам за тот день попались еще цветы, которые дрались между собой, цветы, которые при виде нас прятались под землю, цветы, что прыгали с места на место, болтая в воздухе длинными корнями, и множество просто цветов: синих, красных, зеленых, белых, желтых, коричневых и в крапинку. Некоторые росли на земле, некоторые на деревьях или кустах, другие на скалах, в воде или медленно парили в воздухе.

Часа два мы бежали за говоруном. Наконец страшно устали.

— погоди! — крикнул я говоруну. — Надо отдохнуть.

Мы спрятались под большим деревом, чтобы нас не увидела кружившая над нами птица Крок, и устроились в тени. Говорун уселся на ветке над нами и, как всегда, задремал. Он был ленивой

птицей и, когда не говорил или не работал, всегда дремал.

Полосков сел, прислонился спиной к стволу и спросил с сомнением:

— А вдруг говорун просто решил погулять?

— И не думай так!—возмутилась Алиса.—Если так думать, то уж лучше повернуть обратно.

Неожиданно солнце зашло за вершины деревьев, и наступила короткая ночь. Сразу на небе высыпали звезды.

— Смотри,— сказала Алиса, — одна звезда движется.

— Это, наверно, астероид, — сказал я.

— А может, корабль,— сказала Алиса.

— Ну откуда здесь взяться кораблю?

Звезда закатилась за деревья. Еще минут через пять наступил рассвет. На этот раз сразу три солнца с трех сторон выкатились на небо, и стало очень светло и жарко. Вокруг зажужжали пчелы и застрекотали кузнечики.

— Пора вставать,— сказал Полосков, поднимаясь, — говорун зовёт нас дальше.

— Вперед!— крикнул говорун голосом Первого капитана.— Вперед, а там разберёмся.— потом добавил совсем другим голосом:— «Бороться и искать, найти и не сдаваться», как говорил знаменитый капитан Скотт.

— Видишь, папа,— сказала Алиса, — он нас подбадривает. Мы скоро придем.

Я не разделял восторгов Алисы. Я знал, что мы увидим, если говорун и на самом деле ведет нас к месту посадки Второго капитана. Мы увидим опутанные лианами и заросшие цветами обломки«Синей чайки».От самого капитана, наверно, и следов не осталось. Но я шел за Полосковым.

Мы пробирались сквозь чащу еще часа полтора, и вдруг говорун взмыл вверх, словно проверял, не порвется ли цепочка.

— Запомни это место!— крикнул он сверху.—

Запомни это место, капитан.

Потом голос изменился, и с высоты до нас донеслись слова:

— Держите птицу! Хватайте птицу! Не выпускайте ее живьем!

— Кому он подражает? — спросила Алиса.

— Не знаю, — ответил Полосков. — Может, Верховцеву?

Говорун что-то искал.

— Отпусти цепочку, — сказал я Алисе.

Она меня послушалась. Говорун взмыл еще выше, превратился в точку среди облаков и тут же камнем ринулся вниз.

— Нашел, — сказал Полосков.

Но тут мы увидели, что за говоруном гонится птица Крок. Она догоняла его.

— Стреляй! — крикнул я Полоскову.

Наш капитан выхватил пистолет и не целясь выстрелил. Птица Крок, которая уже почти настигла говоруна, громко ухнула. Казалось, что она потеряет равновесие и упадет, но птица удержалась и медленно полетела над лесом.

Мы побежали туда, где скрылся говорун. За зарослями кустов открылась зеленая поляна. Ее окружали крутые холмы, поросшие пузатыми деревьями. Говоруна нигде не было видно.

Мы остановились на краю поляны. Она поросла невысокой шелковистой травой, а по краям ее, словно специально посаженные кем-то, росли необычайные цветы. Короткие, широкие, металлического цвета лепестки окружали серединку цветка размером с большую тарелку. Серединка была зеркальная, зеркала цветов были чуть выпуклыми, и в каждом цветке отражалась вся поляна. Цветки сидели на коротких толстых стеблях без листьев.

— Не подходи, Алиса, — сказал я. — Вдруг они ядовитые?

— Нет, — сказала Алиса, — я не думаю. Смотри.

И мы увидели, как из кустов выскочил зверек,

похожий на зайца. Зверек подскочил к цветку и посмотрелся в зеркало. Потом так же спокойно, будто нас здесь и не было, снова скрылся в кустах.

— Какая-то ошибка, — сказал Полосков. — Никаких следов корабля. Наверно, говорун ошибся.

— Или мы ошиблись, побежали за ним, как маленькие, — сказал я.

Я подумал о том, как далеко нам возвращаться к кораблю. Можно было бы, конечно, вызвать Зеленого с катером или вездеходом, но мне не хотелось оставлять корабль без охраны.

Алиса вышла на середину поляны, огляделась, подошла поближе к цветку. Цветок чуть повернул зеркало, словно хотел, чтобы Алиса в него посмотрелась.

— Возьмем их с собой, — сказала Алиса.

— Ладно, — ответил я.

Полосков вынул из кармана портативный металлоискатель и обошел с ним всю поляну. Металлоискатель ни разу не пискнул.

— Здесь корабля нет и не было, — сказал Полосков наконец. — Надо возвращаться.

Мы срезали букет зеркальных цветов. Букет был тяжелый, словно цветы были вырезаны из камня. Мы несли букет по очереди, и я хотел было выбросить часть цветов, но Алиса ни за что не соглашалась.

До корабля мы добрались чуть живые. К счастью, пока нас не было, ничего там не произошло.

— Ну как? — спросил Зеленый. — Неудача, конечно?

— Полная неудача, — ответил Полосков, снимая башмаки и вытягиваясь на диване в кают-компании.

Алиса притащила тем временем два больших горшка и налила в них воды, чтобы зеркальные цветы не засохли.

— Да, — сказал я, — корабля там нет. К тому же мы потеряли говоруна. Может, он попал в когти

птице Крок.

— Ничего,— сказал Полосков, лежа на диване.— Завтра с утра я начну ремонтировать металлоразведчик, и мы не улетим с этой планеты, пока не найдем капитана.

Что-то больно ударило меня по ноге. Я наклонился и увидел, что это алмазная черепашка.

— Как она сюда попала?— спросил я Зелёного. — Ведь мы заперли ее в сейф.

— Она так скреблась и стучалась,— ответил Зеленый,— что я ее пожалел. А что за странные цветы вы принесли?

— Зеркальные цветы, — сказал я.

Зеленый подошёл к букету и спросил:

— Зеркальные?

— А что?

— Я в них смотрюсь, а они отражают вовсе не меня, — сказал он.

Я обернулся и понял, что Зеленый совершенно прав: в зеркальных серединках цветов отражался вовсе не он, а Алиса. А за ее головой были видны маленькие фигурки— моя и Полоскова. И стояли мы не в кают-компании, а на круглой поляне.

— Очень интересно!— сказал я.— Значит, эти цветы, пока живые, все отражают и запоминают, будто фотографируют.

Тук-тук-тук!—раздалось в кают-компании. Полосков вскочил с дивана и кинулся к иллюминатору.

По ту сторону стекла сидел говорун и стучал клювом, чтобы привлечь наше внимание.

— Ты только подумай, какой умница!— сказал я. — Сейчас мы тебя впустим.

Оба клюва говоруна открывались. Он что-то говорил, но мы не могли ничего услышать через стену корабля.

Когда я выбежал к люку и открыл его, говорун уже поджидал меня там. Он влетел в корабль и

сразу направился в кают-компанию. Я шел за ним по коридору. Говорун летел неуверенно, потом спустился на пол и пошел, прихрамывая, пешком. Полосков открыл дверь в кают-компанию и при виде птицы сказал:

— Ну и попал ты, бедняга, в переделку!

Говорун ответил невпопад:

— Больше держаться нет сил! Скоро ли придёт помощь?

— Это голос Второго капитана,— сказала Алиса.— Он видел Второго капитана!

— Алиса,— сказал я,— но ведь Второй капитан мог сказать эти слова и четыре года назад. Ты же знаешь, какая хорошая память у говоруна.

— Нет,— сказала Алиса,— он видел Второго капитана. Пошли скорее назад, на поляну.

— Нет, только не сейчас,— ответил Полосков.— Даже у меня ноги не ходят. А ты — девочка. Ты устала в десять раз больше. И кроме того, в том месте, где мы были, капитана нет. Даже если бы в десяти метрах в окружности была хоть одна пуговица, хоть одна гайка, металлоискатель ее бы нашел.

— Значит, надо было отойти на десять метров в сторону,— сказала упрямо Алиса. — И если вы не пойдёте, я пойду одна.

— Сначала ты выпишься,— сказал я строго. А потом мы все вместе вернемся в тот район. Мы же обещали, что не улетим с планеты до тех пор, пока не найдем капитана... или пока не убедимся, что его здесь нет.

Глава 17. Мы смотрим в прошлое

Жить на такой планете было бы нелегко. Когда мы поднялись утром, корабельные часы показывали восемь часов, а за иллюминатором смеркалось — снова начиналась короткая ночь. Пока мы завтракали, ночь миновала и наступило утро.

Яркие лучи осветили кают-компанию, и Алиса,

взглянув на зеркальные цветы, стоявшие в вазах, сказала:

— Смотрите, меня уже нет.

В зеркалах, в которых вчера вечером отражалась Алиса, виднелась знакомая нам поляна, но на ней никого не было. Пока мы смотрели на зеркала, во всех цветах поляна померкла, наступили сумерки. Мы глядели в темные зеркала цветов, и я сказал:

— Это странные цветы — цветы-фотоаппараты.

В зеркалах начало светать. Мы даже забыли о завтраке. Никто не мог оторваться от удивительного зрелища. Не спеша, минута за минутой, цветы, оказывается, фотографировали все, что происходило на поляне. И теперь показывали нам.

— Интересно, сколько эти цветы живут? — размышлял вслух Полосков.

— Наверно, несколько дней, — ответил я. — Как и все цветы.

И тут мы увидели в зеркалах отражение зверька, похожего на зайца. Он выскочил из кустов и помчался к цветам. В зеркалах еще не рассвело, и поэтому мы не сразу поняли, что же странного в его движениях.

— Да он же прыгает задом наперед! — воскликнула Алиса.

Зверёк и на самом деле приближался к цветам задом наперед. А потом, постояв перед цветком, таким же странным образом вернулся в кусты.

— Испорченное кино, — засмеялась Алиса. — Сапожники! Смените ленту!

— Нет, — сказал Полосков. — Это не испорченное кино. Потому что эти цветы не просто зеркала, а зеркала фотографирующие. Они могут это делать, если на их зеркале все время нарастает слой за слоем. Тончайшие слои. Миллионы слоев. Только одно изображение закрепится в зеркале — его прикрывает следующий слой. И так далее. А когда цветок срезан, он не может дальше наращивать слои в зеркале, и они начинают слезать с него —

слой за слоем. И мы видим то, что видело зеркало. Только наоборот. Как будто пленку отматывают назад. Ясно?

— Вполне возможно, — согласился я. — Очень интересный цветок. Но нам пора собираться. Пускай Полосков готовит к полёту металлоразведчик, а я съезжу на вездеходе на ту поляну и поищу, нет ли вокруг неё следов погибшего корабля «Синяя чайка».

— Я с тобой, папа, — сказала Алиса. — И говоруна возьмем.

— Ладно.

Я пошел вниз готовить вездеход, а Алиса осталась в кают-компании. Ей интересно было смотреть кино наоборот.

— Алиса! — крикнул я, заводя машину. — Ты готова?

— Сейчас! — крикнула Алиса в ответ. — Одну минутку! — и тут же позвала меня: — Папа, скорее сюда! Да скорее же! А то они уйдут.

Я в три прыжка взлетел по трапу и вбежал в кают-компанию. Алиса стояла у зеркал.

— Смотри, — сказала она, услышав, что я вошел.

Во всех зеркалах отражалась одна и та же картина: посреди поляны стояли два человека: толстяк в кожаном костюме и доктор Верховцев. За кустами был виден острый нос скоростного космического корабля.

Толстяк с Верховцевым о чем-то спорили. Потом задом наперед ушли.

— Они где-то здесь, — сказала Алиса. — Они не догадались, что цветы их выдадут.

— Похоже, что ты права, — ответил я. — Но почему? Почему?

— Что — почему?

— Наверно, они тоже не знают, где капитан. А то почему они гонятся за говоруном?

— А может, капитан у них в плену и они боятся, что об этом узнают? Они поймали капитана, посадили его в тюрьму, а говорун улетел. Вот

они и боятся.

— Но зачем кому-то сажать капитана в тюрьму? Выдумщица ты, Алиса!

— И ты ничего не будешь делать? Пускай так все и остаётся?

— Нет,— ответил я.— Безделье — самое бездарное занятие.

Я потянулся к микрофону, нажал кнопку и сказал:

— Полосков, Зеленый, слушайте. Только сейчас на зеркале цветка мы с Алисой видели толстяка с Верховцевым. Это значит, что они были здесь по крайней мере за день до нас. Они прилетели на скоростном корабле. Что вы думаете по этому поводу? Перехожу на прием.

— Я думаю, что Второй капитан где-то на этой планете,— сказал Полосков.

— А я думаю, что нам лучше сейчас улететь отсюда,— сказал Зеленый.— Нас всего трое, и наш корабль не защищен от нападения. Мы должны немедленно лететь к населенной планете и оттуда связаться с Землей или Фиксом. Оттуда прилетит специальный корабль из Службы галактической безопасности. Они лучше нас справятся с неожиданностями.

Зеленый, конечно, говорил разумно. Но он всегда преувеличивает трудности и опасности. Поэтому я сказал:

— Пока что никто на нас не нападает. Хотя, конечно, мы должны принять меры защиты.

— Правильно,— согласился со мной Полосков.— Улетать так вот, сразу, мне не хочется. Сначала мы должны сделать все, что в наших силах, чтобы помочь Второму капитану.

— Правильно,— сказала Алиса.

— Даже удивительно!— сказал Зеленый.— Можно подумать, что я трусил. А я просто стараюсь быть разумным. На борту у нас ребенок и беззащитные звери. Может так получиться, что мы капитану не поможем и сами пострадаем. Но если

капитан решает, что нам нужно остаться, я буду сражаться до последнего патрона.

— Ну, до этого, надеюсь, не дойдет, — ответил я. — Мы прилетели сюда для того, чтобы выяснить, не случилось ли беды с одним из капитанов. Мы ни на кого не собираемся нападать и ни с кем не хотим воевать.

— А я, кстати, не такой уж беззащитный ребенок, — сказала Алиса. — Поедем на поляну?

— погоди, — сказал я. — Посмотрим ещё в зеркала.

Но больше там ничего не происходило. Так ничего и не дождавшись, мы с Алисой все-таки взобрались в вездеход и объехали на нем окрестности поляны. Мы нашли только следы посадки корабля за холмами. Трава там была выжжена тормозными двигателями, и узкая тропинка вела сквозь кусты к поляне.

Мы вернулись к обеду и застали Зеленого в кают-компании. Он задумчиво стоял перед зеркальными цветами и тянул себя за рыжую бороду. В другой руке у него была вибробритва.

— Ты чего, Зеленый? — спросил я.

— Думаю, — ответил механик.

В зеркалах отражался тихий солнечный день.

— Я думаю, — продолжал Зеленый, — сколько живут эти цветы.

— Наверно, несколько дней, — сказал я.

— А вдруг им вовсе не несколько дней, а много лет? Вдруг они год за годом запоминают все, что происходит вокруг? Посмотри, какие толстые зеркала-сантиметров по шесть каждое. И очень плотные. А за два дня, пока стоят у нас, они не стали тоньше. Можно, Алиса, я произведу операцию над одним цветком?

— Давайте, — сказала Алиса, которая сразу сообразила, в чём дело.

Зеленый перенес один из цветков на стол в лабораторию, закрепил его зажимами и начал тонкую операцию.

— Я сниму сразу сантиметр, — сказал он.

— погоди, — остановил я механика. — Начни с тонкого слоя: может быть, ничего и не получится.

Зеленый послушался меня и включил вибробритву. Индикатор, белый от любопытства, вышел из угла и подошёл поближе, тихо переступая ногами-палочками. Кустики зашевелились в своей клетке-думали, что будут давать компот. Паук-ткач-троглодит перестал вязать шарф.

Тонкий слой, прозрачный, словно целлофановая плёнка, отделился от зеркала. Зеленый осторожно снял его и положил на стол.

Несколько секунд зеркало оставалось темным, но в тот момент, когда я уже решил, что ничего не получилось, зеркало вдруг просветлело. Оно отражало на этот раз ветреный, пасмурный день.

— Все правильно! — сказала Алиса. — Поехали глубже в прошлое!

— Но как мы сможем считать дни? — подумал я вслух. — Ведь мы же не знаем, какой толщины слой одного дня.

Но Зеленый меня не слушал. Он поддел ножом

край зеркала и приподнял сразу полсантиметра зеркальной поверхности. Слой отогнулся. Индикатор, от нетерпения меняя цвета, как светофор на оживлённом перекрестке, не удержался, сунул длинный тонкий нос под руку Зеленому.

— Ну вот!— расстроился Зеленый.— Я не могу работать, если мне все мешают!

— Он нечаянно,— вступилась за индикатора Алиса. — Ему же интересно.

— Всем интересно,— сказал Зеленый.— Но я ни за что не ручаюсь.

— Продолжайте, — попросил я.

Зеленый осторожно снял слой.

— Как стекло в иллюминаторе, только гнется,— сказал он. Мы все склонились над ставшим чуть тоньше темным зеркалом.

Понемногу оно прояснилось. Все та же поляна. Но только трава стала бурой, кусты осыпались, а оставшиеся листья пожелтели. Ни бабочек, ни пчел — тоскливо и мрачно. С пасмурного неба сыплет редкий снег, но не остаётся на земле, а медленно тает на травинках.

— Осень, — сказала Алиса.

— Осень,— согласился Зеленый. Он поднес к зеркалу лупу и сказал:—Обыкновенным глазом не видно, но очень интересно смотреть, как снежинки появляются на кустах и взлетают в небо.

Мы все по очереди посмотрели на снежинки наоборот. Даже индикатор посмотрел и зашёлся салатным цветом от удивления.

— Сколько времени с осени прошло? — спросил меня Зелёный.

— Сейчас лето,— ответил я.— Год здесь чуть больше четырнадцати земных месяцев. Значит, примерно наш год.

— Так,—сказал Зеленый и достал из шкафчика микрометр.— Теперь,—сказал он, — мы сможем точно сказать, сколько зеркалу лет и...

— ...и сколько нам нужно снять с него, чтобы увидеть поляну, какой она была четыре года назад,— закончила за него фразу Алиса.

— Сначала,— сказал Зеленый,— срежем с зеркала чуть поменьше четырех лет.

— Не много ли?— спросил я.— Ведь стоит срезать больше, и мы пропустим тот момент, когда здесь был Второй капитан.

— Пропустим— не страшно,— сказал Зеленый, отмечая толщину слоя,— у нас еще целый букет.

Пока он говорил, я краем глаза увидел, что алмазная черепашка быстренько топает к выходу из лаборатории. Проклятая непоседа опять выбралась из сейфа. Я хотел было догнать её, но потом передумал— жаль было упустить тот момент, когда Зелёный снимет с зеркала четыре года.

— Как у вас дела?— спросил по рации Полосков, который все еще колдовал с металлоразведчиком.

— Все в порядке,— сказал я.

— Тогда я сам полечу на разведчике. Не хочу его одного отпускать. Что-то ненадёжно он работает.

— Когда будешь искать «Синюю чайку», — предупредил я, — не забудь, что на планете может оказаться еще один корабль.

— Не забуду.

— Оставь линию связи включенной. Если что, сразу свяжись с нами.

— Помню.

— Может быть, к твоему возвращению у нас будет сюрприз.

— Отлично! Только я люблю хорошие сюрпризы. Плохих сюрпризов не выношу.

Полосков улетел. Слышно было, как зажужжал разведчик, поднимаясь в воздух.

— Готово, профессор,— сказал Зеленый. — Рискнем?

В третий раз Зеленый снял слой с зеркала. На этот раз такой толстый, что еле удержал его в руке. Лепестки цветка облетели, и на столе

лежала лишь круглая, вогнутая, словно тарелка, середина цветка.

Она долго не хотела светлеть. Уж очень давно на нее не попадал свет.

А когда наконец показалось изображение, мы поняли, что поляна выглядит совсем не так, какой мы ее видели теперь. Круг посередине, поросший теперь травой, был голый, серый, словно бетонная крышка гигантского люка. Можно было даже разглядеть круглую щель, отделявшую крышку от окружающей земли.

— Видишь!— торжествовала Алиса. — Это правильная поляна!

— Теперь осторожно,— сказал я.— Главное — не срезать лишнего.

— Понимаю, — сказал Зеленый,— не маленький.

Но точно срезать не удалось. Пятнистый, светлый, почти прозрачный от нетерпения и жгучего любопытства индикатор в самый ответственный момент нечаянно подтолкнул Зеленого в локоть. Вибробритва скользнула по плоскости и врезалась глубоко внутрь. Зеркало расколосось и упало со стола на пол.

Индикатор от стыда уменьшился вдвое, почернел. Он хотел, чтобы его убили. Он метался по лаборатории, глядя палочками ножек разъяренного Зеленого, наконец, бросился на пол и стал совсем черным.

— Не расстраивайся,— уговаривала несчастного индикатора Алиса.— С каждым может случиться. Мы знаем, что ты ни в чем не виноват.

Она обернулась к Зеленому, который все еще проклинал индикатора на чем свет стоит, и сказала:

— Зеленый, не надо, пожалуйста! Ведь индикаторы такие чувствительные, что он может от расстройства умереть.

— И в самом деле,— поддержал я ее,— у нас еще целый букет. Ты же сам говорил.

— Ладно,— согласился Зеленый. Он человек

отходчивый и, в общем, не злой. — Жалко, сколько времени потеряли. Может, минута нам осталась до того, как мы разгадаем тайну Второго капитана.

Индикатор, услышав это, съежился еще больше.

Во главе с Зеленым мы вернулись в кают-компанию. Индикатор плелся сзади, все еще почти черный, а вредные кустики вытягивали ветви, чтобы он споткнулся и упал.

Мы даже не успели войти в кают-компанию. Зеленый остановился в дверях и сказал только:

— Ах!

Я заглянул ему через плечо. Обе вазы были свалены на пол, а цветы разорваны, растоптаны, уничтожены какой-то злобной силой. Ни одного целого зеркала не осталось. Лепестки были разбросаны по всей комнате.

И вдобавок ко всему снова исчез говорун.

Глава 18. Шпион

Цветы были уничтожены. Говорун пропал. Мы остались у разбитого корыта. Как помочь капитану? Я протянул руку к микрофону и вызвал Полоскова.

— Геннадий, — сказал я, — у нас тут осложнения. Скажи, ты где сейчас?

— Лечу над Северным полюсом планеты. Пока ничего не обнаружил. А что у вас случилось?

— Сейчас некогда рассказывать. В общем, нам удалось с помощью зеркальных цветов узнать, что было здесь четыре года назад. Вернее, почти удалось узнать. Но в этот момент кто-то разбил все зеркала. Нам нужны зеркальные цветы. Сколько тебе лететь до поляны?

— Минут двадцать, — сказал Полосков. — Но потом еще столько же мне надо будет снижаться.

— Тогда не беспокойся, — сказал я. — Продолжай полет.

— И не подумаю, — ответил Полосков. — Я

поворачиваю к «Пегасу». Если кто-то мог разбить цветы, значит, или на корабле, или возле него есть враги. Ничего не предпринимайте без меня.

— Хорошо, — согласился я.

Когда я повесил микрофон на место, Алиса сказала:

— Побежали скорей на поляну.

— Зачем?— спросил я.

— Неужели непонятно? Сорвем новые цветы.

Видно, их тайна такая важная...

— Но...

— Давайте я поеду на вездеходе,— сказал Зеленый.— Ничего со мной не случится. Я сниму четырехлетний слой на месте и немедленно сообщу вам на корабль.

— Я с Зеленым, — сказала Алиса.

— Да погодите вы!— возразил я.— Подождем Полоскова. У него катер, и мы доберемся до поляны куда быстрее, чем на вездеходе. И лучше нам теперь не разделяться. А пока надо посмотреть, как мог забраться на корабль тот, кто разбил зеркала.

Я вышел в коридор и пошел к люку. Если люк закрыт, значит, злоумышленник скрывается на «Пегасе». Если он открыт, значит, кто-то вошел на «Пегас», натворил бед и убежал. В это я мало верил. Ну когда ему было забраться на корабль, найти дорогу в кают-компанию, специально уничтожить все цветы? Почему он этим занялся именно тогда, когда мы заглянули на четыре года назад? Как догадался? И я понял, что этот негодяй скрывается на корабле и знает, что мы вот-вот разгадаем тайну Второго капитана. Это был кто-то, кто видел, чем мы занимаемся.. Но кто? В лаборатории были Зеленый, Алиса и я. Если не считать индикатора. Ага, индикатор! Он толкнул Зеленого под локоть!.. Нет, быть не может. Индикатор хоть и очень чувствительное существо, но он всё-таки зверь, не больше. Даже говорить не умеет. А может, не хочет?

И тут я подошел к люку. Люк был раскрыт настежь.

Все мои теории рассыпались на мелкие кусочки. Да и не могли не рассыпаться. Если бы я подумал ещё чуть-чуть, то вспомнил бы, что индикатор ни на секунду от нас не отлучался и не мог разбить зеркала в кают-компании.

Люк был распахнут, и таинственный злодей ушел с корабля, утащив с собой нашего драгоценного говоруна. Может, вообще последнего говоруна на свете.

На лужайке перед кораблём светило солнце, зеленели кусты и пели птицы. Мир и благодать. Даже трудно поверить, что здесь происходят не очень приятные события.

Я поглядел на небо. Не летит ли Полосков? Полоскова пока что не было. Лишь высоко-высоко, под самыми облаками, кружила птица Крок.

— На помощь, капитаны!— услышал я вдруг знакомый голос.— Только вперед, а там разберёмся.

— Ты где, говорун?— крикнул я. — Тебе нужна помощь? Я спешу!

— «Три танкиста,— запел из кустов говорун голосом Первого капитана, — три веселых друга — экипаж машины боевой!»

Я побежал на голос птицы, раздвинул кусты и увидел говоруна. Говорун не мог лететь, потому что он катил перед собой клювом тяжелую алмазную черепашку. Он помогал себе ногами, крыльями, а свободным клювом распевал песни и звал на помощь.

— Вот спасибо тебе!— сказал я.— Вот спасибо! А мы уж начали беспокоиться, куда ты снова запропастился.

Говорун гордо распрямился и аккуратно сложил крылья. Он сделал свое дело.

Я подобрал черепашку.

— Молодец!— сказал я говоруну.— Увидел, что эта проказница опять удирает, бросился за ней,

догнал и притащил домой. Тебе за это положено пять кусков сахара, не меньше.

Я пошел обратно к кораблю. Говорун медленно шествовал сзади и был горд собой.

— А ты, глупышка, — обратился я к черепахе, — ты же так заблудишься. Кто тебя здесь будет кормить? Ты забыла о том, что ты — редкое животное и принадлежишь Московскому зоопарку? И убежать тебе никуда нельзя...

Тут я услышал над собой шелест крыльев и в два прыжка подскочил к люку. Я уже научился угадывать птицу Крок по полету. Говорун влетел в люк вместе со мной, и мы захлопнули крышку. Потом уселись на пол перед люком, чтобы перевести дух, а птица Крок тем временем стучала в крышку люка своим железным клювом.

Алиса с Зеленым встретили нас в коридоре. Они встревожились, куда я мог деться.

— Все хорошо, что хорошо кончается, — сказал я им. — Оказывается, наш говорун — умница. Увидел, что алмазная черепашка опять отправилась в путешествие, догнал ее и вернул домой. Вот уже, наверно, черепашка перепугалась!

Черепашка отбивалась когтями и старалась вырваться из рук.

— А как же черепашка выбралась наружу? — удивилась Алиса. — Ведь люк был заперт.

— Ничего удивительного, — ответил я, — тот, кто поломал зеркала, и открыл люк.

— А откуда у него ключ от корабля? И вообще, где электронный ключ от «Пегаса»? Он же висел в кают-компании.

— В этой тайне не разобраться и Шерлоку Холмсу, — сказал Зеленый.

— А я разберусь, — ответила Алиса. — Я знаю.

— Ну, и что ты знаешь?

— Отгадка тайны у тебя в руке.

Я посмотрел на свои руки. Они были заняты алмазной черепашкой.

— Не понимаю, — сказал я.

— Погляди, что она прячет в клюве.

Голова черепашки была засунута под панцирь, но кончик электронного ключа от «Пегаса» выглядывал наружу. Я потянул за ключ. Черепашка сопротивлялась, держала его мертвой хваткой, и мне пришлось потрудиться, прежде чем я отобрал у неё ключ. Что-то в черепашке щелкнуло, и ее лапки, усеянные мелкими камушками, вывалились из-под панциря и безжизненно повисли.

— Ну-ка, — сказал Зеленый, — дайте мне эту черепашку. Посмотрим, как она чирикает.

Я, все еще не понимая, что же происходит, передал механику умершую черепашку и рассеянно повесил ключ на место. Зеленый положил черепашку на стол, достал из кармана комбинезона отвертку и, осмотрев черепашку со всех сторон, поддел отверткой под панцирем. Панцирь щелкнул, как крышка шкатулки, откинулся в сторону, и под ним обнаружилось скопище элементов, памятных ячеек, атомные батарейки— черепашка оказалась искусно сделанным миниатюрным роботом...

— Понятно теперь, почему она была такой шустрой, — сказала Алиса. — То в машинное отделение забраться хотела, то за нами бегала. Вспомни, папа, она ведь всегда под ногами крутилась, когда мы разговаривали о важных вещах.

— Чудо техники, — произнес с уважением Зеленый. — Здесь и передающее устройство, и даже маленький антигравитатор.

— Значит, толстяк знал о каждом нашем слове, — сказал я.

— Конечно, толстяк! — вспомнила Алиса. — Черепашка — его подарок.

— Но мне неудобно было отказать ему. Он так настойчиво дарил её нашему зоопарку.

— Это просто здорово, что он не подарил зоопарку мину замедленного действия, — сказал мрачно Зеленый. — Вот тебе и внутренний враг.

Она же в лаборатории слышала, что мы нашли способ заглянуть в прошлое, и тут же получила приказ помешать. Вот она и разбила остальные цветы в кают-компании. И я могу поспорить на что угодно, что на поляне уже ни одного цветочка тоже не осталось. Хозяева черепашки постарались.

— Правильно, — сказала Алиса. — А потом она подхватила ключ от корабля и убежала.

— Да, — сказал я. — Но у нас есть теперь одно преимущество перед толстяком и Верховцевым.

— Какое?

— Они не знают, увидели мы что-нибудь в зеркале или ничего не увидели.

— Сейчас не это главное, — ответил Зелёный.

— А что?

— Самое главное — почему черепашка вдруг убежала с «Пегаса».

— Она сделала своё дело и убежала, — сказал я.

— Но ведь мы ее ни в чем не подозревали.

Крутилась бы под ногами и дальше передавала наши разговоры своим хозяевам. А она вдруг убежала.

— Но, может быть, она нужнее сейчас в другом месте?

— Вряд ли, — сказал Зелёный. — Не нравится мне это. Вернее всего, она подложила в корабль мину замедленного действия, и в любой момент мы можем взлететь на воздух. И сами взорвемся, и зверей погубим. Я предлагаю немедленно эвакуировать корабль.

— погоди, — остановил я Зеленого. — Если бы им хотелось взорвать нас, они могли сделать это раньше.

В коридоре послышались быстрые шаги. В кают-компанию вбежал Полосков. Он сразу увидел на столе разобранную черепашку, и объяснять ему почти ничего не пришлось.

— Значит, они еще на планете, — сказал Полосков. — Без их приказа черепашка не стала бы

губить зеркала. Она ведь только робот.

— Они приказали ей подложить мину, — повторил Зеленый, — и велели сматываться.

Мы все глядели на Полоскова, ждали, что скажет капитан.

— Чепуха! — сказал капитан.

— Но тогда почему она убежала?

— Ключ от корабля им несла, — сказал Полосков. — Зачем же им ключ от взорванного корабля?

— Незачем, — сказала Алиса. — Ну и умный у нас капитан!

— Я-то обыкновенных способностей... — сказал Полосков.

— ...а мы глупые! — обрадовалась Алиса. — Надо было догадаться, что черепашка не могла никакой мины подложить. Когда бы она успела за ней сбегать?

— Тоже правильно, — сказал Полосков. — Но главное сейчас не в этом. Толстяк и доктор Верховцев подозревают, что мы разгадали тайну Второго капитана, и они решили пожаловать к нам на «Пегас». Тайно или явно, я не знаю, но нам надо ждать гостей. И подготовиться к их приходу.

— Но как же остальные цветы? В самом деле, мы же ничего не знаем.

Глава 19. Где девчонка?

Это не так просто — поднять космический корабль и перебросить его всего на несколько километров в сторону. Это труднее, чем улететь с планеты. Не всякий капитан на это согласится.

Но Полосков решил перегнать «Пегас» на поляну. В корабле безопаснее, и без нашего разрешения никто в него не заберётся.

Пока Полосков рассчитывал, как лучше прыгнуть «Пегасу», мы разошлись по кораблю, чтобы привязать раскиданные вещи, проверить клетки со зверями и убрать в шкаф посуду. В общем, через

полчаса «Пегас» был готов к полёту.

Мы собрались на мостике. Полосков сел к пульту управления, я — на место штурмана, Алиса — чуть сзади.

— Двигатели готовы? — спросил Полосков в динамик.

— К старту готов, — ответил из машинного отделения Зелёный.

Но Полосков не успел сказать: «Старт...»

Белая огненная полоса разрезала голубое небо. Рядом с нами спускался другой космический корабль. От толчка наклонились деревья и дрогнула земля.

— погоди минутку, — сказал Полосков Зеленому, глядя в иллюминатор.

— Что там у вас? — спросил Зелёный.

— Соседи спустились.

— Кто?

— Не знаю еще. За деревьями не видно. Но будь готов стартовать немедленно. Может, это они.

— Верховцев? Толстяк?

— Да.

Мы привстали в креслах, не отрывая глаз от леса. Над деревьями торчал нос корабля. Совсем недалеко, метрах в двухстах. Мне даже показалось, что я слышу, как открывается люк на том корабле, как падает на землю трап... Вот они спускаются вниз, бегут через кусты. Друзья или враги?

Кусты раздвинулись, и на площадку перед «Пегасом» выбежал человек. На нем был скафандр, правда, без шлема. На поясе этого человека был пистолет. Человек поднял руку, приказывая нам остановиться. И тут мы все его узнали.

— Доктор Верховцев! — сказала Алиса. — Без шляпы.

— Верховцев, — повторил Полосков и склонился к динамику. — Зеленый, старт!

Наш корабль тут же отозвался на слова Полоскова, чуть покачнувшись, загудели двигатели, и мы, набирая скорость, начали подниматься в воздух.

— Отлично, Зеленый, — сказал Полосков.

— Кто это был? — спросил Зеленый.

— Верховцев, — ответил Полосков.

«Пегас» завис на секунду над площадкой, и доктор Верховцев отступил назад, под защиту кустов. Он махал руками и очень сердился.

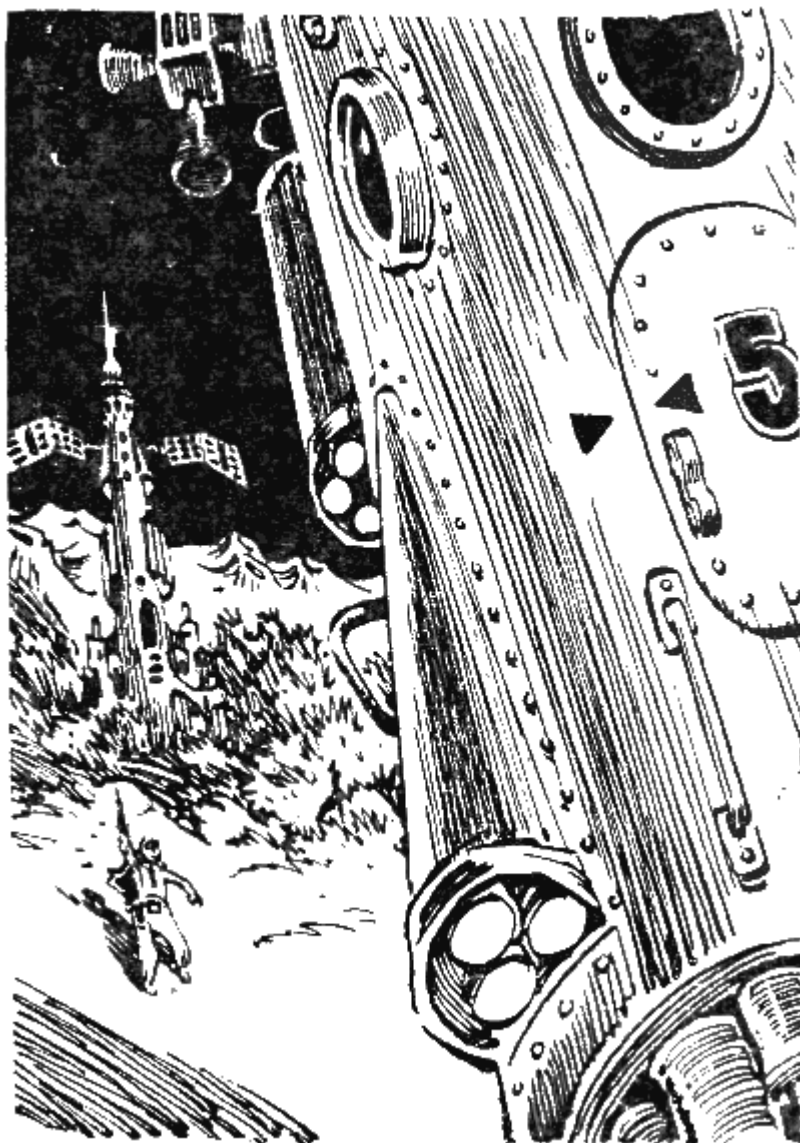
— Что? — крикнула Алиса, хотя Верховцев не мог нас услышать. — Руки короткие?

— Алиса, — сказал я укоризненно, — разве можно так разговаривать со старшими?

Полосков засмеялся.

— А он без шляпы, — сказала Алиса, будто и не слышала моих слов. — Потерял шляпу. Спешил.

Корабль наклонился, беря курс к поляне, и вскоре наш враг превратился в муравьишку, и я

заметил, как он поспешил обратно к своему кораблю.

— Теперь, — сказал Полосков, — у нас есть время в запасе. Пока они вернутся на свой корабль, задраят люки и заведут двигатели, пройдет полчаса. И за эти полчаса мы должны найти Второго капитана. Это трудная задача.

— Даже здорово, — сказала Алиса, — что они решили нас поймать. По крайней мере, мы знаем, что на поляне их нет.

Круглая поляна была уже под нами. Полосков осторожно посадил «Пегас» точно в её середине. Пока мы спускались, я заметил множество ярких блесков, словно вокруг поляны искрился иней. А когда мы снизились, я понял, что это не иней, а осколки разбитых зеркал. Мы были правы — враги успели погубить все цветы.

«Пегас» снизился на траву, выпустил амортизаторы, и Алиса первой отстегнула ремень. Ей не терпелось выбежать на поляну. В этот момент «Пегас» вздрогнул, пошатнулся, Алиса покатила к стенке. Зеленый закричал снизу:

— Куда мы летим?

Затем был удар, еще удар, треск амортизаторов — наш корабль падал в какую-то пропасть. Я хотел отстегнуть ремень, чтобы найти Алису и помочь ей, но еще один, последний удар оглушил меня, и, когда я пришел в себя, наш корабль стоял, накренившись, в темноте.

И было очень тихо.

— Алиса, — спросил я, быстро отстегивая ремни и путаясь в застёжках. — Алиса, как ты?

— Нормально, — спокойно ответила Алиса. — Немножко ушиблась.

Голос Зеленого донесся до нас издалека.

— Ох, — сказал Зеленый. — Куда ты нас посадил, Полосков? Теперь мы никогда отсюда не выберемся.

— Ты жив-здоров? — спросил Полосков.

— Здоров, — сказал Зеленый. — А все-таки, куда

мы попали? С горы свалились?

— Хуже, — ответил Полосков и включил аварийное освещение мостика. Шкалы приборов на пульте загорелись, словно звездное небо. — Мы провалились сквозь землю.

И тут я понял, что во всем виноват я сам. Я должен был предупредить Полоскова, сказать ему о том, что мы видели в зеркале цветка.

— Голову мне оторвать мало! — сказал я в сердцах. — Ведь в зеркале четыре года назад на месте полянки была бетонная плита!

— Правильно, — сказала Алиса.

Она нашла меня в полутьме, подобралась по наклонному полу и взяла за руку.

— Конечно, там была плита, — сказала Алиса. — И мы забыли сказать о ней Полоскову.

— Какая плита? — спросил Полосков.

Я рассказал ему о том, что четыре года назад вместо травы на поляне была плита и даже можно было различить круглую щель по её краям.

— Никогда бы не сел, если бы знал заранее, — сказал Полосков.

Он очень расстроился. Любой капитан расстраивается, когда с его кораблём случается несчастье.

— Ну ладно, плакать не будем, — сказал Полосков, который умел владеть собой. — Зеленый, ты меня слышишь?

— Слышу.

— Достань фонари из кладовки и проверь, насколько серьезны повреждения в машинном отделении.

— Я уже проверяю, — сказал Зеленый.

Полосков нажимал на кнопки, глядя, в каком состоянии находятся приборы и машины «Пегаса». Проверкой он остался доволен.

— Слушайте, — сказал он, — серьезных повреждений, по-моему, нет. Но при падении сломался один из амортизаторов. Так что придется выбраться наружу и посмотреть, как его

починить. Я пойду, а остальные останутся на корабле.

— Ничего подобного,— сказал я.— Ты, Полосков, нужнее на корабле. Если что-нибудь случится, без тебя «Пегасу» не подняться. Пойду я.

— Я пойду,— сказал Зеленый из машинного отделения; он слушал весь наш разговор.

— И я тоже, — сказала Алиса.

Мы не смогли переспорить друг друга и к люку вышли все вместе.

— Странно!— сказал Полосков, отпирая люк.— Если мы провалились в яму, то сверху должен падать свет. А здесь совсем темно.

— Может, мы очень глубоко упали?— спросила Алиса.

— Нет, если бы мы упали глубоко, то амортизатором бы не отделались. Яма неглубокая.

Полосков распахнул люк. За ним было совсем темно.

— Вот видите, — сказал Полосков. — Дай фонарь, Зеленый.

— Ой, — вскрикнул Зеленый, — я не могу, кто-то держит меня за ногу!

Зеленый, прежде чем я успел прийти к нему на помощь, включил фонарь и начал водить им из стороны в сторону, стараясь найти того, кто на него напал.

Но это оказался всего-навсего индикатор. Ему было страшно в темноте, он сумел отпереть свою клетку и догнать нас у люка. В луче фонаря индикатор был испуганного желтого цвета. Он дрожал и прижимался к ноге Зеленого.

Полосков взял у Зеленого фонарь и направил сильный луч света вперед. Там была темнота— видно, яма, в которую мы попали, была очень велика. Полосков направил луч света наверх, и он уперся в ровную поверхность.

— Как в чайнике,— сказал Полосков.— Попали внутрь, и крышка закрылась.— Он еще раз обвел лучом вокруг. — Здесь никого нет, — сказал он.

— И давно не было.

Полосков спустил трап и сошел вниз. Он постучал каблуком по земле и сказал, обернувшись к нам:

— Камень. Ходить можно.

Мы спустились вслед за ним. Пока Полосков обходил вокруг корабля, осматривая, насколько серьезно сломался амортизатор, я посветил еще раз фонарем наверх. И вскоре нашёл то, что искал: по потолку шла тонкая полоска, которая, закругляясь, обозначала край каменной плиты. Да, Полосков был прав — крышка открылась, когда мы на нее опустились, и тут же захлопнулась за нами.

Я, светя перед собой фонарем, обошел корабль с другой стороны. Здесь было так же темно. Я включил луч на полную мощность, и он уперся во что-то темное.

— Я пройду немного в эту сторону, — сказал я громко, чтобы Полосков услышал. — Там что-то есть.

— погоди, папа, я с тобой, — сказала Алиса.

— Только далеко не отходите, — сказал Полосков.

Алиса подбежала ко мне. Она держала в руке большой фонарь.

Мы прошли шагов двадцать, светя перед собой, и тогда поняли, что в яме, кроме нас, стоит ещё один космический корабль. А когда мы подошли поближе, Алиса прочла его название:

— «Синяя чайка».

— Полосков! — позвал я, и мой голос, отражаясь от стен, усилился и загремел, словно в бочке. — Полосков! Зеленый! Мы нашли Второго капитана!

Я услышал глухой топот — Полосков и Зелёный бежали к нам. Яркие белые пятна их фонарей колыхались на бегу.

— Где?

Корабль «Синяя чайка» возвышался над нами. Он был тусклый от пыли, покрывшей его за много лет. Он казался мертвым, покинутым людьми. На

его люке висел большой замок.

— Вот, оказывается, что с ним случилось, — сказал я.

— Он попал в эту яму, — сказал Полосков, — и, видно, Второй капитан не смог выбраться отсюда.

— Вот и мы не сможем, — мрачно произнес Зеленый. — И придется нам доживать свои дни в этой пещере. Я же говорил, что надо лететь за помощью. Я предупреждал.

— Без паники на борту, — строго сказал Полосков. — Мы обязательно отсюда выберемся. А сначала я предлагаю войти в «Синюю чайку». Раз уж мы его нашли, надо довести дело до конца.

— Но люк закрыт, — сказал я. — И трапа нет.

И вдруг над нашими головами вспыхнул яркий свет. Такой яркий, что мы все зажмурились. А когда я открыл глаза, то успел заметить, что с высокого потолка на нас опускается большая сеть. В следующую секунду мы были опутаны ею, как птенцы.

И когда мы попытались распутаться, барахтаясь и мешая друг другу, сверху раздался громкий голос:

— Не шевелиться! Вы в плену!

Прикрыв ладонью глаза от яркого света, я посмотрел в ту сторону, откуда раздавался голос. По ровному, блестящему полу громадной пещеры к нам шли толстяк, по прозвищу Весельчак У, и доктор Верховцев, опять надевший свою шляпу. В руках у них были пистолеты, направленные на нас.

С другой стороны подходили еще два человека в черных кожаных мундирах.

— Бросить оружие! — приказал толстяк. — Ну, кому говорю?

— Слушайся его, — шепнул я Полоскову. Только у Полоскова был с собой пистолет.

Полосков вынул пистолет из кобуры и бросил на пол. Пистолет громко звякнул.

Сеть поднялась.

За несколько секунд, пока не подошли наши враги, я успел оглядеться. Ловушка, в которую попал наш «Пегас», была громадной, но невысокой пещерой. В ней на некотором расстоянии друг от друга стояли два корабля— « Пегас» и «Синяя чайка». Между ними, освещённые ослепительным светом прожекторов, мы казались муравьями на полу большой комнаты.

Я посмотрел на моих друзей. Полосков глядел на подходивших врагов, и губы его сомкнулись в тонкую ниточку. Зеленый сжал кулаки и стал так, чтобы загородить спиной Алису. Алиса прижалась ко мне. А с другой стороны к моей ноге прислонился жёлтый от страха индикатор.

— Вот и попались, голубчики, — сказал Весельчак У. — И очень хорошо.

Он говорил без злости и даже улыбался при этом. Но у доктора Верховцева, который успел переодеться— снять скафандр и надеть свою шляпу,— лицо было совершенно неподвижно, как маска, и глаза казались пустыми.

Алиса отошла от меня на полшага.

— Ты куда? — спросил я её.

— Я здесь, — шепнула Алиса.

Два человека в черных мундирах держали нас на прицеле, пока Верховцев по приказанию толстяка подошел к нам вплотную и подобрал пистолет капитана. Потом он быстро обыскал нас, проводя холодными руками по бокам и залезая в карманы.

— Все в порядке,— сказал он тихо,— больше у них оружия нет.

— Да и откуда быть оружию?— засмеялся толстяк.— Они же ловят бабочек. И не знали, что сами попадутся в ловушку. Как и этот вот.— Весельчак У показал толстым, словно составленным из трех сарделек, пальцем на «Синюю чайку». — Сами в ловушку попались! Никто не звал!— и громко рассмеялся. Потом приказал: — Надеть на всех кандалы!

Видно, наручники были заготовлены заранее.

Один из черных людей открыл сумку, висевшую у него на плече, и достал оттуда связку блестящих наручников.

Пока он возился, разбирая наручники по парам, толстяк подошел ко мне вплотную и сказал, тыча в меня жирным пальцем:

— Ну что, не хотел отдавать говоруна, профессор?

— Не хотел, — ответил я.

— Погляди на него, — обернулся толстяк к Верховцеву. — Пожалел говоруна для старого друга! А где теперь птичка?

— Не знаю, — сказал я, хотя, конечно, знал, что говорун остался на корабле.

Видно, говорун толстяку все равно был нужен. И он сказал Верховцеву:

— Пойди осмотри «Пегас».

Потом обернулся снова ко мне и добавил:

— За то, что ты, профессор, сказал мне неправду, ты будешь наказан. И очень больно. Мои помощники это умеют делать. Но не сейчас, не сейчас... Наденьте на них наручники. Никогда нельзя им доверять.

Человек в черном мундире подошёл ко мне и щёлкнул наручниками. Руки мои были скованы.

— Следующий! — приказал Весельчак У.

Его помощник подошел к Полоскову. Он двигался размеренно и действовал так точно и обстоятельно, что у меня появилось подозрение, не робот ли это.

— Следующий, — сказал толстяк.

Наручники щёлкнули на руках Зелёного.

— Следующий!

Помощник наклонился к индикатору и остановился в нерешительности. У индикатора десять ножек, и все такие тонкие, что их не заковать в наручники.

— Дурак! — сказал толстяк. — Девчонке надень! — он оглянулся. — А где девчонка?

Алисы нигде не было.

Глава 20. В плену

— Где девчонка?— суетился Весельчак У, и улыбка пропала с его лица, и странно было смотреть, как его короткие, толстые руки метались и суетились отдельно от тела.

— Какая девчонка? — спросил один из чёрных мундиров.

— Тут была девчонка!— кричал толстяк.— Ее звали... как ее звали? — он достал из кармана записную книжку и прочёл по складам:— «А-ли-са». Где Алиса? — на этот раз он смотрел на меня.

— Какая Алиса? — спросил я как можно спокойнее.

А в это время я ломал себе голову, как она сумела убежать. Ведь мы стоим на открытом месте, даже спрятаться негде.

— Была девчонка,— настаивал толстяк.— Я ее видел. Ты ее видел?— спросил он у Верховцева, который стоял, опустив руки, и будто спал с открытыми глазами.

Тот человек в черном, который ходил на «Пегас» за говоруном, вернулся обратно. Он тащил птицу, взяв её за ноги, и голова говоруна болталась, чуть не доставая до пола.

— А, нашел, — обрадовался толстяк. — Открути ей голову.

— Чего? — спросил тот.

— Голову, говорю, ей открути. Она нам больше не нужна.

— Ни в коем случае!— возмутился я.— Нельзя говоруну голову скручивать. Это, возможно, последний говорун на земле.

Индикатор от возмущения посинел и бросился на тонких ножках к говоруну, желая, видно, его освободить. Но Весельчак У заметил это и рассмеялся.

— И ты туда же!— сказал он и ловко для такого

толстого человека извернулся и подставил индикатору ножку.

Индикатор упал и почернел от обиды.

— Ну,— сказал толстяк,— ты чего время теряешь? Я же сказал, больше говорун нам не нужен. Отвинти ему голову.

Не знаю, понял говорун толстяка или нет, но он забился в руке черного человека и заговорил незнакомым мне голосом:

— Птица говорун охраняется законом планеты Блук как очень редкое и интересное создание. Охота на говорунов воспрещена, и нарушители этого правила подвергаются штрафу и общественному негодованию.

— Да заткни ты ему глотку!— завопил Весельчак У. — И без него хлопот полон рот!

И вдруг случилось совершенно непонятное происшествие. Человек в черном мундире поднял говоруна за ноги повыше, чтобы перехватить его за шею, и только протянул руку, как вдруг потерял равновесие и со всего маху упал на пол, ойкнул от неожиданности и упустил говоруна. Говорун на лету перевернулся и взмыл к потолку.

— Стреляй!— крикнул толстяк, выхватывая пистолет.

Загremели выстрелы. Раз или два пули чуть было не попали в говоруна, но он увёртывался от них и полетел в дальний, неосвещенный конец зала.

Люди в черном побежали было за говоруном, но Весельчак У их остановил:

— Нечего теперь бегать! Упустили, ротозеи! Ты чего вдруг упал?

— Я не упал,— сказал человек в черном мундире. — Меня уронили.

— Молчи!— обозлился толстяк, и его кисельные щеки затряслись.— Будешь еще придумывать — я тебя сам уроню, тогда не встанешь! И нечего гоняться. Он всё равно теперь в туннелях заблудится. И времени мало у нас. Другое дело

есть.

Толстяк обернулся к тихому, мертвому кораблю «Синяя чайка» и спросил, будто корабль мог ему ответить:

— Ты меня слышишь?

Корабль не отвечал.

— Ну и не отвечай, — сказал толстяк. — Ну и не надо. Все равно я знаю, что ты нас слышишь. Сидишь там и наблюдаешь, думаешь, чего это я «Пегас» сюда затащил. Да для того я его затащил, что тебе придется сейчас сдать.

Весельчак У подошёл к «Синей чайке» поближе и продолжал:

— Четыре года ты не сдаешься. Четыре года думаешь, что твои дружки тебя спасут. Четыре года не веришь, что никто не знает, где ты. Четыре года ты надеешься, что твоя паршивая птица долетела до Венеры. Я уж думал, что ты так и умрешь в своей клетке. Но сегодня все изменилось. Сегодня ты откроешь дверь в корабль и отдашь то, что принадлежит мне по праву. Ты слышишь меня, капитан?

Никто не ответил толстяку. Голос его раскатывался по подземелью и отражался далёким эхом от стен. Эхо замолкло, и толстяк перевёл дух.

— Где девчонка? — пробормотал он. — Мне очень нужна эта девчонка.

Доктор Верховцев стоял поодаль и смотрел в землю. Два других человека, в черных мундирах, отошли немного в сторону и выставили перед собой пистолеты, готовые выстрелить в любой момент.

— Я знаю, что ты меня слышишь, капитан, — начал снова Весельчак У. — Ты затаился в своей норе, отсиживаешься. Погляди в иллюминатор. Перед тобой три человека с Земли: глупый профессор, который носится по Галактике и собирает зверьё, как будто лучше занятия придумать не мог, тихоня капитан и дурак

механик с рыжей бородой.

Хоть я слышал все, что происходит вокруг, на самом деле мои мысли были заняты Алисой. Куда она могла исчезнуть? Где она сейчас скрывается?

— Ты уже много лет ставишь мне палки в колеса, — продолжал толстяк, глядя на «Синюю чайку». — Но сегодня мой праздник. Сегодня ты отдашь мне формулу. Ты слышишь?.. Молчит, — сказал толстяк другим голосом, тихо. — Думает. Сейчас мы его поторопим. Жалко только, девчонка куда-то запропастилась. С девчонкой было бы легче.

Он достал из кармана большой носовой платок и вытер потный лоб.

— Слушай, капитан, — сказал он. — Если ты через три минуты не откроешь люк и не вынесешь мне формулу, я прикажу убить всех моих пленников. Но не сразу. Нет, не сразу. Сначала мы отрежем уши глупому профессору. Я зол на него больше всех, потому что он отказался отдать мне говоруна. Потом мы...

— погоди, толстый пират, — раздался вдруг голос Второго капитана. Это был знакомый голос: мы слышали его уже несколько раз — ведь говорун бесподобно подражал голосам.

— То-то, — сказал Весельчак У.

— Тебе все равно нет места в Галактике, — продолжал Второй капитан. — Тебя все равно найдут и поймут, где бы ты ни прятался. Лучше послушайся меня — сдайся...

— Молчи! — перебил его толстяк. — Так мы не договоримся. По твоей милости и по милости твоих дружков я уже и так почти все потерял. И последнего тебе не отдам. Галактий будет моим.

— Стыдись, пират! — сказал Второй капитан. — Хоть и нет у тебя стыда.

Мы мало что понимали в этом разговоре. Ясно было только, что у Второго капитана было что-то такое, в чём толстяк был очень заинтересован. И не мог достать, не мог отнять. Слово «галактий»

мне ничего не говорило. Я никогда раньше не слышал такого слова. А капитан «Синей чайки» отдать галактий не хотел.

— Не будем терять время,— сказал толстяк.— Меня не интересуют твои мысли и настроения. Стыд— это только для слабых. Мы, сильные, не знаем стыда. Говори: отдаешь формулу галактия?

— Мне надо поговорить с этими людьми,— сказал Второй капитан.

— Нет,— ответил толстяк,— говорить ты с ними не будешь. А то вы придумаете что-нибудь, чтобы меня обмануть. Ты откроешь сейчас люк и вынесешь мне формулу галактия. А я обещаю отпустить тебя и этих людей на свободу. На все четыре стороны. И если ты не сделаешь того, что я тебе говорю, ты будешь много дней корчиться от их криков. Ведь у тебя есть и стыд, и совесть.

— Не получится, толстяк,— сказал Второй капитан. — С тех пор, как четыре года назад я опустился на этой планете, ты придумывал уже много способов отнять у меня абсолютное топливо, но ничего не получилось. Не получится и сегодня. Ты знаешь, что я сделаю?

— Что?

— Я взорву «Синюю чайку». Погибну сам, но галактия ты не получишь. Нельзя давать тебе в руки абсолютное топливо, потому что ты тогда натворишь столько бед, что жителям Галактики не исправить и за десять лет.

— Правильно,— сказал Весельчак У.— Но если ты думаешь, что, взорвав «Синюю чайку», ты спасешь профессора и его людей, то ошибаешься. Даю тебе торжественное слово Черной Мглы, что они все равно погибнут. На что мне эти пленники? Как только я их отпущу, они расскажут о моей планете Службе галактической безопасности, и через месяц за мной будут охотиться все крейсера Галактики. Нет уж, пускай до поры до времени они думают, что меня нет в живых.

— Тогда я все равно должен все рассказать этим людям. Я их не встречал раньше, но если они у тебя в плену, значит, они хорошие люди. И посмотрим, что они скажут, выслушав мой рассказ.

— Нет! — крикнул толстяк.

— Молчи, — сказал спокойно капитан. — Куда тебе спешить? Ты успеешь выполнить свою угрозу.

— Пускай говорит, — сказал вдруг доктор Верховцев. — Он все равно видел, что говорун был у них на корабле. Пускай говорит, это его и их не спасет.

Толстяк развел руками — пожалуйста.

— Слушай, профессор, и слушайте, люди. Нас было три капитана. Много лет назад мы узнали о том, что в Галактике появились пираты. Этим пиратам были нужны деньги и драгоценности, им была нужна власть. Они хотели стать господами Галактики. Мы узнали о пиратах, когда они напали на планету Триада и угнали оттуда корабль. Мы догнали пиратов тогда, когда они захватили другую планету и обратили в рабство её жителей. Там они втайне начали строить военный крейсер, чтобы нападать на торговые корабли. Долго рассказывать о том, как мы выследили пиратов, как мы проникли на порабощенную планету и подняли на ней восстание против захватчиков.

— Вы взяли нас обманом, — проворчал толстяк.

Доктор Верховцев махнул рукой:

— Пускай говорит. Недолго ему говорить осталось.

— Так вот, — сказал капитан, подождав, пока пираты замолчат, — двум пиратам удалось убежать от нас. Несколько лет они скрывались здесь, на окраине Галактики, вдали от космических путей. Все забыли о пиратах.

— Но мы ничего не забыли, — сказал толстяк.

— Да, — согласился Второй капитан, — они не забыли и не отказались от своих планов. И

больше всего на свете они хотели отомстить нам, трем капитанам.

— И мы отомстили,— сказал Весельчак У.

— Не спеши. Еще ничего не кончено. В конце концов проиграете вы. Вы не можете победить всю Галактику.

— Сможем, — сказал толстяк.

Второй капитан как будто не слышал его. Он продолжал:

— Прошли годы. Мы, три капитана, расстались. Первый капитан улетел на Венеру. Третий капитан решил перелететь в соседнюю галактику, чего еще никто до него не делал. Я занялся научными исследованиями. И вот однажды я получил послание от Третьего капитана. Он сообщал мне, что возвращается из своей экспедиции. Послание было очень неожиданным, потому что никто не ждал возвращения его так скоро. Мой друг просил меня встретить его на окраине Галактики, потому что у него есть для меня очень важные новости. И я, бросив все дела, поспешил к нему навстречу.

— Но он не знал, что мы перехватили послание, — хихикнул толстяк, потирая ладони, — и все узнали.

— Да,— сказал Второй капитан,— они перехватили послание Третьего капитана, потому что планета, на которой они скрывались, по печальному стечению обстоятельств, была той, куда спешили с разных сторон и я и мой друг. Мой друг был очень болен. Долгий полет, которого не предпринимал раньше ни один житель нашей Галактики, подорвал его здоровье, и он опасался, что не сможет долететь до Земли или до его родной планеты Фикс. А летел он с очень важными сведениями. Жители соседней с нами галактики подарили ему формулу галактия — абсолютного топлива. Если построить корабль с двигателями на галактии, он будет летать в сто раз быстрее, чем любой другой корабль в

космосе. Планеты станут близкими, как соседние города. Жители другой галактики зарядили двигатели его корабля галактием и дали ему с собой формулу этого вещества, чтобы мы могли использовать это открытие. Третий капитан долетел до этой планеты, не подозревая, что она — приют пиратов, и здесь он остановился. Болезнь его зашла так далеко, что он не мог больше управлять кораблём. Пираты отлично видели его корабль и следили за ним, но не стали его трогать. Они решили дождаться моего прилета и узнать, что за важные новости привёз Третий капитан. Когда Третий капитан был без сознания, они пробрались к нему на корабль, в котором он ждал моего прилета, и установили в корабле микрофоны, чтобы подслушать наши разговоры. А сам корабль осторожно перенесли на эту поляну.

— Но ты должен признать, что мы хорошо подготовились к твоему прилету, — сказал Весельчак У.

— Когда я опустился на планету рядом с кораблем Третьего капитана, я нашел друга в очень тяжелом состоянии. Капитан рассказал мне о своём путешествии и о формуле галактия. Я понимал, что самое главное сейчас — отвезти капитана на Землю, где его смогут вылечить. Но я знал, что он не перенесет космического путешествия, и решил остаться рядом с ним до тех пор, пока ему не станет немного легче. Я поспешил к себе на корабль за лекарствами, но, пока я подбирал нужные лекарства, пираты открыли заранее подготовленный люк, и наши корабли провалились в это подземелье.

— Здорово было придумано! — сказал толстяк.

— Конечно, — ответил Второй капитан. — Они боялись на меня напасть наверху. Когда я понял, что произошло, я увидел, что «Синяя чайка» в подземелье. Зажегся свет, и к ней подошел вот этот тип, который стоит рядом с вами. И я его

узнал и сразу догадался, что пираты меня перехитрили. Они обещали отпустить меня в обмен на формулу галактия. Они сразу сообразили, что, имея такое топливо, они будут летать так быстро, что их никто не сможет догнать, и им будут не страшны крейсера Службы галактической безопасности, и все корабли Галактики могут стать их легкой добычей. И я тоже понял, что ни за что на свете я не отдам им формулу и не дамся им в руки живым. Я задраил люк и не впустил их на «Синюю чайку».

— А что случилось с Третьим капитаном? — спросил Полосков.

— Они попытались разрезать наши корабли, чтобы взять нас в плен. Им удалось это сделать с кораблем Третьего капитана, и капитан попал им в руки. Может быть, они его убили.

— Неправда, — сказал толстяк. — Неправда. Он сам умер. От болезни. Ты же знаешь, как тяжело он был болен. Когда мы распилили корабль, он был уже мертв.

— А «Синюю чайку» им распилить не удалось, — сказал капитан. — Она ведь сделана из алмазного сплава. А на борту у меня был говорун, подарок Первого капитана. И у меня был уговор с Первым капитаном: если что-нибудь случится, то я выпущу говоруна с наказом лететь на Венеру и отыскать Первого капитана. Первый капитан знает, как заставить говоруна рассказать, где я и что со мной.

— А мы не смогли, — сказал я. — Кое-что говорун нам сказал, но, к сожалению, этого было мало.

— А как же он попал к вам? — спросил Второй капитан.

— Его ранили, — сказал я. — Видно, за ним гнались пираты.

— Это точно, — согласился толстяк.

— Но говоруну удалось улететь. Ему починили крыло роботы на железной планете Шелезяке.

— Мы за это им все масло отравили — роботы

теперь парализованные лежат, засмеялся толстяк так, что все его подбородки затряслись.

— Роботов мы вылечили,— сказал я. — С роботами все в порядке.

— Как так?

— Мы были на той планете и вылечили роботов.

— Проклятье! — воскликнул толстяк.

— Но, к сожалению, с железным крылом говорун не смог долететь до Солнечной системы, — сказал я. — Он еле-еле добрался до своей родной планеты.

— Мы искали его там,—признался толстяк.— Мы вот с моим другом,— он показал на доктора Верховцева.

— Предатель! — сказал мрачно Зелёный. — Мы ещё до тебя доберёмся!

— Молчи! — погрозил ему пальцем Весельчак У.— Мы с моим другом перебили всех говорунов на планете Блук.Мы их покупали, выменивали, крали. Мы хотели даже весь кислород уничтожить на планете.

— Червяками? — спросил я.

— Червяками.Но, к сожалению, нам не повезло. И совершенно случайно говорун попал в руки этим вот несмышленным,— сказал толстяк, — и они полезли сюда. Мы их предупреждали. Сами виноваты. А теперь вам придется погибнуть.

— Ничего, не волнуйтесь,— сказал Второй капитан.— Не посмеют они ничего с вами сделать. Они ведь трусливые. Никогда всем пиратам мира не одолеть трех капитанов. Они и поодиночке нас победить не смогли.

— Нет, смогли!— крикнул толстяк.— Третий капитан уже умер. Ты четыре года сидишь в плену. А как только мы получим галактий, мы доберемся и до вашего Первого капитана.

— И вы четыре года живете в корабле? — спросил Полосков.

— Да,— ответил Второй капитан.— Я ведь упрямый.Я мог бы, конечно, уничтожить формулу. Но

тогда она не досталась бы и остальным жителям Галактики. Но разумным существам очень нужно абсолютное топливо — тогда все планеты в сто раз приблизятся друг к дружке. Я знал, что рано или поздно помощь придёт.

— Пришла, да не та, — сказал толстяк. — Ты выговорился, капитан? А теперь придется тебе расстаться с формулой.

— Есть у меня и другой уговор с Первым капитаном, — сказал Второй капитан. — Если от меня нет вестей больше четырех лет, он сообщает об этом Службе галактической безопасности и отправляется меня искать. И уж если случайные люди нашли меня так скоро, то Первый капитан найдёт меня еще быстрее. И вы это знаете.

— Ладно, хватит разговоров, — сказал глухо доктор Верховцев. — Начинайте. Он просто тянет время.

Тогда один из пиратов подошел ко мне и сильно рванул за скованные руки. Я потерял равновесие и упал. Он оттащил меня в сторону. Я пытался сопротивляться, но на помощь первому пирату подоспел второй, и они связали мне ноги.

Толстяк достал из-за пояса длинный нож.

— Ты знаешь, Второй капитан, — сказал он, оборачиваясь к кораблю, — я умею шутить, недаром меня прозвали Весельчаком. Но некоторые мои шутки кончаются слезами. — Он поднял нож.

Полосков с Зеленым рванулись мне на помощь. Но доктор Верховцев, который внимательно следил за ними, выстрелил в них сонным газом из баллончика, висевшего у него на запястье. Мои товарищи повалились на землю.

— Ну, — сказал Весельчак У.

Я почувствовал, как холодное лезвие ножа прикоснулось к моему горлу.

— Сними замок, — сказал Второй капитан.

— Давно бы так.

Толстяк дал знак пирату, и тот, поднявшись по трапу к люку «Синей чайки», открыл тяжёлый

замок. Его пираты поставили давно, как только «Синяя чайка» упала в подземелье. Если Второй капитан не давал им проникнуть на корабль, то и они не хотели, чтобы он ушёл с корабля без их разрешения.

Пират спустился с трапа и остановился в отдалении, направив на люк пистолет. Верховцев тоже поднял оружие. Они не хотели рисковать. Вчетвером они боялись одного капитана, которого не могли победить уже четыре года.

— Смотри, без шуток, — сказал Верховцев, — а то стреляем.

Люк внезапно распахнулся, и я даже не успел разглядеть капитана. Он прыгнул вниз, словно синяя молния. Одновременно прогремели два выстрела. Но капитан уже был на земле. Он откатился в сторону, и лучи пистолетов дробили камни у его головы. Еще мгновение — и капитан оказался под защитой

широкого амортизатора «Синей чайки».

Пираты сразу разбежались и залегли за камнями.

— Спокойно, он от нас не уйдет, — раздался голос Верховцева. — Окружайте его.

В ответ грянул выстрел со стороны «Синей чайки».

Я понимал, что положение капитана почти безвыходное. Пираты медленно, скрываясь за камнями, окружали его.

– Не стреляй!– крикнул толстяк.

Голос его звучал совсем рядом. И я увидел, что он снова заносит над моим горлом нож.

– Если выстрелишь, профессору конец.

И в тот же момент со стороны нашего корабля послышался голос:

– Не двигаться с места! Вы окружены!

Рука толстяка с ножом замерла. Я кулаком вышиб нож, и он отлетел далеко в сторону.

– Вы слышите?– послышался другой голос из темноты с той стороны, куда улетел говорун. – Бросайте оружие.

Пираты медленно поднимались с земли, их пистолеты звякали о камни.

Я приподнял голову и увидел, что из-за амортизатора «Пегаса» вышел доктор Верховцев в скафандре, но без шлема.

Я в изумлении перекатился на другой бок.

Второй доктор Верховцев, в шляпе, поднял руки и стоял на коленях.

С другой стороны к пиратам направлялся Первый капитан. Точно такой же, как монумент на планете имени Трех Капитанов, только живой, загорелый, в синем мундире капитана дальнего космического плавания.

Откуда-то вылетел говорун и, хлопая крыльями, опустился на плечо капитану. Потом из темноты вышла Алиса.

Глава 21. А в это время...

Алиса пропала в тот момент, когда мы очутились в плену. И случилось это так незаметно, что никто в подземелье не обратил внимания на ее исчезновение. И я в том числе.

Как это ей удалось сделать, я узнал потом. Но раз уж я рассказываю все по порядку, то придётся рассказать, что случилось с Алисой, пока мы были в плену, и почему Первый капитан и доктор Верховцев (второй доктор Верховцев) нашли вход в подземелье и успели нас спасти.

А случилось вот что. Алиса получила в подарок на базаре в Палапутре шапку-невидимку. Ее подарил карлик, продающий рыб, которых не было, а он говорил, что их просто не видно.

Алиса сначала решила, что это шутка— шапка была такой легкой, что ничего не весила. Но когда Алиса вернулась на корабль, пришла к себе в каюту и стала разбирать марки, купленные на базаре, она нашла в сумке что-то. Это что-то было невесомым и невидимым. Тогда Алиса вспомнила о шапке-невидимке и попробовала это что-то расправить и надеть на голову. И стала невидимкой. Сначала Алиса хотела бежать ко мне или к Полоскову и похвастаться шапкой, но тут она вспомнила, что невидимость — чепуха с точки зрения физики, и подумала, что если она расскажет нам о том, что шапка-невидимка действует, мы и смотреть на нее не захотим— не поверим. Она отложила шапку-невидимку в сторону до возвращения на Землю, потому что такая шапка обязательно пригодится в школе. Ведь если опоздаешь на урок, то всегда можно войти в класс и сесть на место так, что никто тебя не увидит. И даже можно (хотя Алиса, конечно, этим не занималась) подсмотреть в тетрадку к отличнице Скорняковой.

Шапку-невидимку Алиса всегда носила с собой в сумочке через плечо. И когда в подземелье загорелся свет и показались толстяк и его люди, Алиса незаметно надела шапку-невидимку и исчезла. Хотя никуда из подземелья не уходила. Она думала, что если нас запрут куда-нибудь, она сможет украсть ключ и выпустить нас на свободу.

Она отошла в сторонку и слушала все, что говорил толстяк. И она стояла бы и дальше, но тут появился пират, который нес за ноги говоруна. Толстяк велел пирату убить говоруна, потому что он больше пиратам был не нужен, и тут Алиса поняла, что ей пора действовать.

Она подошла на цыпочках к пирату и подставила ему ножку. Пират упал, выпустил говоруна, началась стрельба, и говорун улетел.

Что делать дальше? И тогда Алиса подумала: вот говорун улетел. А ведь он и раньше улетал отсюда. Второй капитан его выпустил из корабля, и говорун нашёл дорогу из подземелья. Значит, говорун знает, как отсюда выбраться. И Алиса поспешила вслед за говоруном. Она думала, что, как только увидит, где выход, сразу вернется обратно. Потом освободит нас из тюрьмы, выведет на свободу.

Сначала бежать было темно. Свет из главного зала слабо пробивался в длинный коридор. Говорун летел впереди, и Алиса не видела его, но слышала, как хлопают его крылья. Когда они были уже довольно далеко от пиратов, Алиса негромко позвала:

— Говорун, погоди.

Говорун услышал её голос. И как раз в этот момент они были в следующем зале, меньше прежнего, среди которого стоял небольшой черный корабль. Но Алиса забыла, что она невидимая, и не сняла шапку. Говорун сделал круг над Алисой, покачал недоверчиво короной и полетел дальше, в узкий лаз, который был спрятан за выступом скалы. Алиса добралась до лаза. Он круто уходил вверх, и вдалеке был виден белый кружок — дневной свет.

Алиса собралась было карабкаться по лазу, но тут услышала слабый стон.

Стон доносился из туннеля, черного, как безлунная ночь. Алиса осторожно подошла к

туннелю. Стон слышался явственный. Но Алиса не взяла с собой фонаря, оставила в большой пещере, и потому ей приходилось идти вслепую. Она считала шаги. На тридцатом шаге ее рука уперлась в решетку.

Снова стон.

— Здесь есть кто-нибудь? — спросила Алиса шёпотом.

Но, видно, тот, кто стонал, её не услышал.

— Потерпите, — сказала Алиса. — Сейчас я освобожу наших, а потом и вас тоже. Если вы тоже пленник этих верховцевых.

Ответа не было.

Алиса повернула назад. Ведь нельзя было терять время — неизвестно, что там придумает толстяк.

Вернувшись к лазу, Алиса еще раз глянула внутрь. Светлое пятно — выход из подземелья — исчезло. Алиса не сообразила, что это наступила короткая ночь, и испугалась, что приняла за выход какой-то туннель. А может, она спутала? Может быть, говорун улетел в другой проход? И Алиса, хоть и очень беспокоилась обо мне и Полоскове с Зеленым, решила все-таки потратить еще несколько минут и проверить, выход это или нет. Ведь если это тупик, то она поведет нас сюда и погубит: пираты нас поймают.

Лезть было трудно. Лаз оказался скользким — сверху капала вода и не высыхала. Алисе казалось, что прошел целый час, а лаз все не кончался. Она решила повернуть назад, вдруг темнота начала проясняться, и оказалось, что Алиса почти добралась до выхода, только не видела его в темноте.

Последние метры ползти было труднее всего — сверху в лаз насыпалась земля и проникли длинные корни кустов. Алиса чуть не разревелась — решила, что пробраться наверх, к солнцу и чистому воздуху, не удастся. И в тот момент она даже забыла о нас, о пиратах, обо всем на свете — она мечтала лишь выбраться на

свободу.

Но вот последний рывок, и Алиса поняла, что она победила, — лаз был позади. Позади осталось мрачное подземелье с пиратами и пленниками.

Быстро катилось по синему небу желтое солнце. Второе солнце уже забралось в зенит и начало припекать. У самого лица Алисы, не видя ее, ссорились два жука, налетали друг на друга, бились блестящими крыльями. Алиса посмотрела на жуков и с грустью подумала, что пора возвращаться. И так она потеряла слишком много времени. По крайней мере она теперь знала, куда надо бежать, чтобы выбраться из подземелья.

Алиса в последний раз взглянула вперед, раздвинула густую траву и тут увидела совсем рядом, на вершине холма, тот самый космический корабль, который подлетел к «Пегасу» перед последним перелетом к предательской поляне. Корабль доктора Верховцева.

«Хорошо, что я поглядела туда, — подумала Алиса. — А то бы мы выбежали и попали к ним в лапы. Ведь, наверно, пираты оставили на корабле охрану».

Она собиралась уже спуститься снова в лаз, как увидела, что говорун сидит на трапе корабля и стучит клювом в закрытый люк.

Алиса чуть было не крикнула: «Говорун, назад!», но не успела. Да и не услышал бы говорун.

Люк раскрылся, и в нем показался высокий молодой человек, которого Алиса где-то видела раньше. Но где? Говорун взлетел на плечо к этому человеку.

— Старина! — воскликнул человек. — Как ты нас нашёл?

И тут, когда Алиса увидела этого человека с говоруном на плече, она поняла, кто это такой. Это был Первый капитан. Капитан прилетел на помощь! Но как он узнал, где надо искать? Алиса

выскочила из лаза и бросилась к кораблю. Как хорошо, что капитан здесь! Теперь все будет в порядке.

Ей оставалось еще несколько шагов до корабля, и она старалась крикнуть, но не могла, потому что у неё не хватало дыхания. Тут второй человек вышел из люка и стал рядом с капитаном.

Это был доктор Верховцев. Но одет он был не так, как тот Верховцев, что внизу. На этом Верховцеве был скафандр и за поясом— пистолет.

Алиса остановилась, будто налетела на стену. Она ничего не могла понять. Предатель каким-то образом умел одновременно находиться в двух местах. Одно поняла Алиса: Первому капитану тоже угрожает опасность— ведь он еще не знает, что Верховцев на самом деле пират.

— Капитан, осторожнее! Опасность! Верховцев предатель!— крикнула Алиса.

Капитан и Верховцев оглянулись на её голос. Но не увидели ее— она же все еще была невидимкой.

— Кто это сказал? — спросил капитан.

— Верховцев только что был в подземелье!— крикнула Алиса. — Он пират. Они захватили в плен Второго капитана и наш экипаж.

— Какой ещё экипаж?— удивился капитан, стараясь понять, откуда же раздаётся детский голос.

— Экипаж «Пегаса»,— сказала Алиса. — Осторожнее, капитан!

— Ты кто? — спросил капитан.

— Алиса,— ответила она, не спуская глаз с Верховцева.

Но Верховцев не выхватывал бластера, не нападал на капитана. И капитан тоже совершенно не боялся доктора.

— Ты ошибаешься, девочка,— сказал капитан.— Доктор Верховцев уже три дня не покидал нашего корабля. Мы с ним вместе прилетели на помощь вам и Второму капитану. А внизу, в подземелье, находится какой-то другой человек, который выдаёт себя за нашего друга, доктора

Верховцева. Так что ты спокойно можешь подойти к нам.

— А вдруг вы тоже только выдаете себя за Первого капитана?—спросила Алиса.

— Я ни за кого себя не выдаю,— ответил капитан.— Ты же сама меня узнала. И посмотри на говоруна. Он тоже меня узнал. А птицу так легко не обмануть. Говорун, ты меня узнал?

— Спешу, капитан,— сказал говорун.— Формула галактия хранится в отсеке с образцами материалов. Если со мной что-нибудь случится, возьми формулы и передай Галактике. Это очень важно. Ради них погиб Третий капитан.

Говорун говорил голосом Второго капитана.

— Вот видишь,— сказал Первый капитан.— Теперь ты веришь? Ну, подойди сюда. Мы же теряем время. Как ты выбралась наружу? Как тебе удалось скрыться?

Алиса подошла к самому трапу.

— Я здесь,— сказала она.— Я пролезла за говоруном.

— Ничего не понимаю!— сказал доктор Верховцев. — Где же девочка? Что она, невидимая, что ли?

— Конечно, я невидимая,— сказала Алиса. — Неужели вы до сих пор не поняли? А то как бы мне удалось убежать от пиратов?

И тогда Алиса сняла шапку-невидимку, и даже Первый капитан, один из самых отважных людей во всей Галактике, вздрогнул от неожиданности.

Желтый комбинезон Алисы был измазан землей и разорван на рукаве, на лице царапины, волосы спутаны...

— Алиса, ты будешь сегодня на завтрак есть манную кашу?— спросил говорун голосом профессора.

— Молодец, девочка!— сказал Первый капитан.— Пошли. И по дороге ты все мне расскажешь.

И они побежали к лазу, потому что нельзя было терять ни минуты.

Глава 22. Толстяк врет

— Наручники пригодятся,— сказал Второй капитан.— Это такие коварные существа, что доверять им ни в чем нельзя.

— Даю вам слово,— сказал торжественно толстяк,— что не сделаю попытки к побегу.

— Сделаете,— уверенно ответил капитан.

Тем временем доктор Верховцев подошел вплотную к своему двойнику. Зрелище было удивительное. Причём, если бы меня спросили, я бы сказал, что настоящий доктор Верховцев— это тот, который в шляпе. Ведь мы именно с ним познакомились на планете имени Трех Капитанов.

— Ну, самозванец,— сказал доктор Верховцев, который был в скафандре,— покажи нам, какое у тебя истинное лицо.

— Ничего не понимаю!—ответил доктор Верховцев, который был в шляпе, и отошел на шаг.

Зеленый, стоявший у него за спиной, подтолкнул его навстречу двойнику.

— Из-за тебя, голубчик,— сказал он,— мы черт знает что о хорошем человеке подумали. Из-за тебя чуть не погибли.

— Правильно,— сказала Алиса. Ведь мы уже настолько не верили Верховцеву, что, когда он прилетел вместе с Первым капитаном и постарался нас остановить, мы быстренько улетели и провалились в яму.

— Нет,— сказал поддельный Верховцев,— вы не смеете меня трогать!

Весельчак У вдруг засмеялся.

— Плохо в чужой шкуре ходить,— сказал он.— Никуда не годится. У меня-то своя, мне ничего не будет: я никогда не обманывал. Я— честный пират.

Настоящий доктор Верховцев подошёл к пирату в шляпе и присмотрелся к нему. Пирату некуда было отступить— сзади стоял Зеленый.

Вдруг доктор Верховцев протянул руку к своему двойнику и быстрым движением провел по его голове, лицу, груди.

И тут мы все увидели, как оболочка Верховцева упала с пирата, и под ней обнаружилось совсем другое существо— не человек. Оказывается, Верховцев увидел тонкую застежку— «молнию», которая скрепляла оболочку пирата.

Шляпа откатилась в сторону. Одежда доктора валялась у наших ног. А из кучки тряпья, которое недавно было Верховцевым, возвышалось большое, метра в полтора высотой, насекомое с мохнатыми ножками, круглым хитиновым телом и большими острыми клешнями. Насекомое расправило короткие крылья, стараясь взлететь, но Зеленый успел схватить его. Насекомое обернуло к нему голову и угрожающе раскрыло клешни.

— Осторожнее!— крикнул Второй капитан.— Он ядовитый!

Зеленый отдернул руку, а Второй капитан поднял пистолет, взяв пирата на прицел.

И тогда пират, увидев, что деваться некуда, вдруг поднял длинный тонкий хвост с иглой на конце и вонзил его себе в грудь. И тут же упал, раскинув тонкие ножки.

— Он сам себя ужалил!— воскликнула Алиса.— Как скорпион.

— Скорпионы никогда себя не убивают. Это сказка,— ответил я.— Только разумные существа знают, что такое смерть.

— Не верьте ему,— сказал вдруг толстяк.— Я буду с вами сотрудничать, и поэтому лучше во всем признаться. Он главный пират. Он заставлял нас ему подчиняться, и он придумывал все злодеяния. Его зовут Крыс, и он с мертвой планеты Крокрыс. Когда-то крокрысы перебили друг друга в войнах, и последние из них скрываются в подземельях. Но он не убил себя. Он слишком себя любит, чтобы убить. Он только потерял сознание. Он думает, что вы его бросите

и тогда он придет в себя и убежит. Он так уже делал. Убейте его.

— Зачем нам его убивать?— сказал Первый капитан. — Его будут судить.

Он подошел к лежащему на кучке тряпья Крысу, нагнулся, поднял его лёгкое тело за ногу и передал пленным пиратам в черных мундирах.

— Отнесите его на «Пегас»,— сказал капитан,— и запирайте в клетку. У вас найдется пустая клетка, профессор?

— Есть пустая клетка. Даже не одна. Ведь мы собрали куда меньше животных, чем рассчитывали. Я пойду на корабль вместе с пиратами и прослежу, чтобы клетка была заперта надёжно.

— А потом мы отвезем его на планету, где его давно ищут, и пусть его там судят.

— Правильно,— сказал толстяк.— Туда ему и дорога. Это ведь он придумал — притвориться Верховцевым. Он летал под видом доктора на базу разведчиков Арктура. Он надеялся найти там планы «Синей чайки», чтобы открыть корабль. Это он под видом Верховцева продавал червяков в Палапутре и уничтожал говорунов, чтобы ни один из них не добрался до Первого капитана и не смог позвать его на помощь. Это он заставил меня подарить профессору алмазную черепашку. Это он под видом Верховцева отравил масло у роботов. Нет ему пощады! Судить его, предателя и изменника!

— Спокойно, Весельчак У,— сказал Второй капитан.— Не надейся, что, загубив своего напарника, ты отделаешься от наказания. Тебя тоже будут судить. Ведь я гоняюсь за тобой по всей Галактике. И ты столько совершил преступлений, что новыми предательствами ты их никогда не искупишь.

Толстяк насупился и замолк.

Я проводил двух пиратов, которые тащили притворившегося мертвым Крысу на корабль. Со мной пошел и Полосков, потому что пиратам не

доверял. Мы заперли Крыса в самую крепкую клетку и вернулись обратно. Там уже шел разговор о другом.

— Как теперь нам выбраться отсюда?— спросил Первый капитан у толстяка.

— Если мне обещают жизнь, я помогу вам отсюда выбраться,— сказал толстяк, — если нет, зачем я буду вам помогать? Никто, кроме меня, не знает, как открыть эту плиту. А она сделана из такого прочного камня, что ее не взорвешь даже гравитационной бомбой.

— Не хочешь говорить, не надо,— улыбнулся Первый капитан.—Мы подождем, пока очнётся твой друг Крыс, и он нам с удовольствием поможет.

Оба капитана стояли рядом, и хоть один из них был загорелый, здоровый, одет в новый скафандр, а второй истощенный, усталый и исхудалый, они все равно были похожи, как братья, и я ими залюбовался. Они были куда лучше, чем монументы на планете имени Трех Капитанов. Первый капитан обнял своего товарища за плечо, и они возвышались над толстяком, словно над большой жабой.

— Нет,— сказал толстяк,— ни за что! Погибайте здесь!

— Мы все равно не погибнем,— сказал Второй капитан.— Теперь, когда мои друзья,—он обвел рукой всех нас, потому что не только Первый капитан и доктор Верховцев были его друзьями, но и мы, экипаж «Пегаса», тоже были его друзьями: мы ведь тоже пришли к нему на помощь, хотя и не видели его никогда раньше, — теперь, когда мои друзья со мной, мне не страшны никакие пираты. В крайнем случае мы все вместе улетим на корабле Первого капитана, а потом вернёмся и достанем наши корабли.

Весельчак У заколебался. Он понял, что торговаться ему не приходится, и уже готов был заговорить, но все испортил Зеленый.

— Нет,— сказал он.— Во-первых, я никогда не

брошу свой корабль. Уж лучше я останусь здесь и подожду. Да и зверей кормить надо. Ведь нам их на другой корабль не втиснуть. Нет, так не пойдет. Вы уж, пожалуйста, скажите нам, как открыть люк.

Нельзя было разговаривать с толстяком так, как говорил Зеленый. Нельзя ничего просить у пиратов, потому что они сразу наглеют.

И толстяк, услышав слова Зеленого, взбодрился.

— Нет, — сказал он, — дайте мне письменное обязательство, что я останусь в живых, тогда я выпущу вас отсюда.

Капитаны только посмотрели на Зелёного, но ничего не сказали.

— Ладно. Если так, — произнёс Первый капитан, — мы подождем. Мы даем тебе, Весельчак, десять минут на размышление. Время у нас есть.

— Правильно, — поддержал его Второй капитан. — А пока ты, Первый капитан, расскажешь, как ты нас нашел. Ведь говорун к тебе не прилетел.

— А я пока przygotowю бутерброды, — сказал виноватым голосом Зеленый. — Ведь все мы проголодались.

— Хорошо, — сказал капитан.

— Я бы тебе помогла, Зеленый, — сказала Алиса, — но мне так интересно узнать про Первого капитана, что я не могу оторваться.

— Оставайся, Алиса, — сказал Первый капитан. — Без тебя мы не спасли бы своих друзей.

— Без вас я ничего бы не сделала, — сказала Алиса и покраснела от гордости.

— Алиса, — сказал я строго, — иди вымой руки и приведи себя в порядок. Ты грязна, как болотный крот с планеты Вуканату.

— Ладно, — не стала со мной спорить Алиса. — Крот так крот.

Она побежала к кораблю, крикнув на бегу:

— Только без меня ничего не рассказывайте!

Первый капитан обернулся к Весельчаку У и спросил его равнодушно:

— Ну, не передумал еще?

Пират заискивающе улыбнулся. Его глазки спрятались в щеках.

— Давайте поторгуюемся, капитан,— сказал он.— Будем оба деловыми людьми.

Капитан отвернулся от него.

Через две минуты возвратилась Алиса. Я заметил, что руки она вымыла кое-как, но вместо желтого комбинезона надела другой, голубой.

За Алисой семенил индикатор. Он прямо разрывался на части, так ему хотелось повсюду успеть. Прямо не зверь, а живая радуга. А за ними не спеша вышагивал вечно занятый паук-ткач-троглодит. Он вязал одновременно три варежки, но все на правую руку.

— Пришли?— улыбнулся Первый капитан, глядя на необычное шествие.— Ну, тогда я с самого начала должен признаться, что моя роль в этой истории скромная. Все четыре года я был занят на Венере. Оказалось, что превратить большую планету в космический корабль и передвинуть ее на новую орбиту— задача почти невыполнимая. Ну, а раз она оказалась почти невыполнимой, то ее обязательно надо было выполнить.

— Правильно,— сказала Алиса.— Очень жалко, что у меня не такой сильный характер.

— Характер воспитывается,— усмехнулся капитан.— Погляди на паука-ткача-троглодита. Вот уж завидное упорство! Если он еще научится отличать правую сторону от левой, цены ему не будет.

— Тоже мне пример!— отмахнулась от паука Алиса.— Он же глупый.

— В том-то и дело, что одно упорство еще ни о чем не говорит. За все четыре с лишним года Венера не сдвинулась со своей орбиты ни на сантиметр, а мы думали, спорили и готовились к решающему моменту. И я надеюсь, что успею вернуться к началу перелета планеты поближе к земной орбите. Осталось недолго ждать.

— И тогда на Венере изменится климат?

— Сильно изменится. Настолько, что через несколько десятилетий люди смогут жить на ней так, как на Земле.

— И мы ее станем называть Земля-два, — сказала Алиса.

— Зачем же? Она останется Венерой. Разве плохое название?

Алиса ничего не ответила. По-моему, ей название не очень нравилось. Она как-то говорила мне, что ни к чему называть планеты именами вымерших богов, которые ничем себя не прославили.

— Я был так занят работой, — продолжал свой рассказ Первый капитан, — что четыре года пролетели совершенно незаметно. И надо признаться, что я не очень беспокоился о своих друзьях, потому что знал, как далеко забрасывает судьба капитанов. Третьему было еще рано возвращаться из соседней галактики, а ты, Второй, дал мне срок — четыре года.

— А вы не жалели, — спросила Алиса, — что сидите на одной и той же планете, а не летаете к другим звездам?

— Это сложный вопрос, Алиса, — ответил серьезно Первый капитан. — Да, мне хотелось снова стать на капитанский мостик и снова снижаться на неизвестных планетах. Но я знал, что мой опыт и мои знания очень нужны в Солнечной системе. А кроме того, я же говорил тебе, что люблю неразрешимые задачи и невыполнимые проекты.

— А ваша жена, — не отставала от капитана Алиса, — тем временем летает по всей Галактике и ищет живую туманность. Вы ей, наверно, страшно завидовали.

— Конечно, завидовал, — признался капитан. — И еще больше буду завидовать, когда она отыщет свою туманность.

— Ничего подобного, — вмешался я в разговор. — Живой туманности не существует. Все равно как не существует живых планет.

— А вот в этом вы, профессор, ошибаетесь,— сказал Второй капитан.— Мне пришлось как-то увидеть живую планету. Еле успел убежать. Она питается тем, что затягивает из космоса. Хорошо еще, что на «Синей чайке» такие мощные двигатели.

— Очень любопытно,— сказал я.— Мы поговорим об этом попозже. Хотя мне не приходилось слышать о таком чуде.

— Папа, не спорь,— сказала Алиса.— Не станет же капитан говорить неправду.

— Нет,— улыбнулся капитан.— Мы всегда говорим правду. Даже врагам.

И он посмотрел на Весельчака У, который тут же отвернулся и сделал вид, что рассматривает стену пещеры.

— Ну вот,— закончил свой рассказ Первый капитан,— неожиданно я получил телеграмму— летит доктор Верховцев, наш старый друг. Он прилетел и рассказал мне, что беспокоится о судьбе Второго капитана. И когда он мне все рассказал, я попросил разрешения немедленно покинуть Венеру. А дальше пускай продолжает доктор.

— Ну, что вы!— смутился вдруг доктор Верховцев, ссутулился и заморгал.

— Я ничего не сделал. Ровным счётом ничего... В общем, вы, с «Пегаса», были последней каплей, переполнившей чашу моих подозрений.

— Вот спасибо!— сказал Зеленый, который раздавал нам бутерброды с сыром. — Это вы вели себя странно.

— Но я-то ничего еще не знал, вернее, почти ничего не знал о вас.

Верховцев переступил с ноги на ногу и погладил индикатора, который даже посинел от любопытства.

— Я с самого начала не поверил в версию о том, что смелый и находчивый Второй капитан пропал без вести. Я знал и его «Синюю чайку» и

понимал, что вряд ли найдется во всей Галактике сила, способная погубить Второго капитана.

— Спасибо за комплимент, — сказал Второй капитан.

— Не стоит благодарности. Комплимент имеет в своей основе трезвый научный расчет.

— Ну прямо как наш учитель математики! — прошептала мне Алиса.

— Подготавливая музей имени Трех Капитанов, я изучал их биографии, и в этом мне помогал Первый капитан, который никогда не отказывался присылать мне фотографии и записки и уточнять подробности. Но когда я поделился с ним своими сомнениями о судьбе Второго капитана, он ответил мне очень уклончиво. Столь уклончиво, что я предположил, что Первый капитан знает о «Синей чайке» больше, чем хочет или может сказать.

— Ничего я особенного не знал, — перебил его Первый капитан. — Просто у нас был уговор: если не прилетает говорун, я жду четыре года и ничего не предпринимаю. Но после письма Верховцева я немного обеспокоился, хотя и виду не подал.

— А я не знал об уговоре капитанов, — продолжал Верховцев, — и не знал, что Второй капитан собирался улететь навстречу Третьему капитану. Меня насторожило другое: ведь во всех документах говорилось, что капитаны полностью избавили Галактику от космических пиратов. Но, судя по всему, это было не так. Ко мне поступали сведения, что пираты все-таки существуют и иногда нападают на корабли. И среди пиратов видели этого самого толстяка.

— Я не участвовал в этом, — сказал обиженно Весельчак У. — Это все Крыс. У него было несколько оболочек. В том числе, наверное, и моя. Он в моей оболочке грабил другие корабли.

— Ну уж, разрешите вам не поверить, — сказал доктор Верховцев. — Да-да, не поверить. Но

однажды, когда я отсутствовал на планете имени Трех Капитанов, кто-то побывал в музее. Музей тщательно обыскали, но ничего важного не взяли, кроме снимков «Синей чайки». Ага, подумал я тогда, кому-то эта информация нужна. Потом мне вдруг сообщают, что на пиратском корабле, который ограбил пассажирский лайнер с планеты Фикс, был человек, так похожий на меня, что, если бы в это время у меня в гостях не находился сам президент этой планеты, про меня могли бы черт знает что подумать. И тут на планету прилетает «Пегас». Эти люди говорят мне, что ловят зверей, а сами начинают меня расспрашивать о трех капитанах. Это меня немного удивило. И может быть, я забыл бы об этом — разве мало людей интересуются героической биографией капитанов, — но вдруг они мне заявляют, что я, оказывается, прилетал к разведчикам Малого Арктура и просил у них план «Синей чайки».

— Но это в самом деле так, — сказал я. — Это был поддельный доктор.

— Сейчас столь прискорбный факт не вызывает сомнений, — сказал Верховцев, — но в тот момент я был совершенно огорошен. Когда «Пегас» улетел, я тут же отправился к разведчикам, и они подтвердили: «Да, именно вы, доктор Верховцев, прилетали к нам месяц назад и интересовались планами «Синей чайки». Вот тогда-то я и понял, что Второму капитану грозит опасность. И, вернее всего, от рук пиратов. И я немедленно отправился на Венеру.

— Прилетел ко мне, волнуется, — улыбнулся Первый капитан. — Я сначала даже понять ничего не мог. Один Верховцев, второй Верховцев.. Но когда разобрался, то понял, что надо спешить на помощь. Но куда лететь? Мы заподозрили, что «Пегас» — пиратский корабль, и решили проследить за вами. Мы побывали в Палапутре. Там нам Крабакас с Баракаса рассказал о том, что вы

купили говоруна, и о том, как кто-то пытался убить всех говорунов на планете. И мы нашли того ушана, который вам продал говоруна, и поняли, что это тот самый говорун, который раньше был у Второго капитана. Больше того, нас чуть не посадили на Палапутре в тюрьму, потому что ложный доктор Верховцев побывал там и торговал червяками. Еле-еле мы убедили ушанов-стражников, что червяками торговал не настоящий Верховцев, а его двойник. Крыса ждет заслуженное наказание за попытку убить всех говорунов и уничтожить воздух на планете. А наказание за это ушаны еще не придумали, но обязательно придумают.

— Ой! — вырвалось у толстяка.

— А дальше просто, — сказал Первый капитан. — Мы опросили все маяки Галактики, и нам сообщили, что «Пегас» держит курс к системе Медузы. А на планете роботов мы узнали, что вы здесь побывали и даже вылечили роботов, сменив им масло. А потом мы прилетели сюда. И чуть было не опоздали.

— А когда вы поняли, что мы не пираты? — спросила Алиса.

— Уже в Палапутре. А кроме того, мы встретили в космосе корабль археологов. На нем летел Громозека. И он с таким пылом защищал профессора, что мы ему поверили. Стали беспокоиться, что вам грозит опасность — ведь вы не умеете обращаться с пиратами.

— Не умеем, — вздохнул Полосков. — В следующий раз будем умнее.

— Следующего раза не будет, — сказал Первый капитан.

Он подошел к сидящему на каменном полу толстяку и сказал:

— Время истекло, Весельчак У. Или ты открываешь плиту, или мы с тобой вообще больше не будем разговаривать. Считаю до десяти: раз, два, три...

— Все скажу! — заторопился толстяк. — Все

скажу. Я с первой минуты хотел сказать, но до содрогания боялся Крыса. Я и сейчас его боюсь. Ведь он отомстит мне. Обязательно отомстит. Лучше всего, если вы его убьете. Пожалуйста, убейте его!

— Но ведь он твой друг, — сказал Верховцев. — Как же ты можешь желать смерти другу, с которым вместе совершал преступления столько лет?

— Он мне не друг! — вскричал толстяк. — Он мой злейший враг! Я честный пират, а не бандит и не предатель!

— Не теряй времени, — сказал Второй капитан. — Открывай плиту.

Толстяк поднялся. На него было противно смотреть. Ноги его не держали, подгибались, и живот трясся. Он заковылял к стене и, подойдя к ней, нажал невидимую для посторонних кнопку. Часть стены отошла в сторону, и за ней обнаружился пульт управления.

— Сейчас, — бормотал толстяк, — одну минутку... я всё сделаю.

Он нажимал на кнопки дрожащими толстыми пальцами, и наконец плита сдвинулась с места и отъехала в сторону.

Путь вверх был открыт.

— По кораблям! — сказал Первый капитан. — Сначала поднимается «Пегас». Затем он отлетает в сторону, и начинаем подъем «Синей чайки». Экипаж «Пегаса» прошу занять свои места.

Пошел дождь. Крупные капли залетали в светлый круг и звонко стучали по каменному полу.

Толстяк нажал еще одну кнопку, и из пола выросла тонкая лестница, достала до края белого круга и уцепилась за край металлическими когтями.

— Вот это правильно, — сказал Второй капитан. — Верховцев, прошу тебя, отведи вместе с профессором пленников вверх. Пусть нас там подождут.

Полосков и Зелёный заняли места в «Пегасе»,

убрали трап и закрыли люк. Все остальные отошли в сторону и смотрели, как «Пегас» медленно поднялся в воздух и, закрыв на несколько секунд свет, выплыл наверх.

— Ну что ж,— сказал Первый капитан,— все здесь, никого не забыли?

— Все,— сказал я.

Верховцев повёл по лестнице двух пиратов, а я подошёл к толстяку.

— Больше пиратов нет?— спросил капитан у толстяка. — На вашем корабле нет никого?

— Клянусь всем святым, что больше здесь не осталось ни одного человека! Можно спокойно уходить,— ответил Весельчак У.— Совершенно спокойно. А потом мы взорвём это подземелье вместе с проклятым кораблём Крыса. И следа не оставим от пиратского гнезда. Я правильно говорю?

— Правильно,— усмехнулся Второй капитан. — Дай-ка я взгляну в последний раз на мою тюрьму. Как-никак четыре года здесь просидел.

— Погодите! — крикнула вдруг Алиса. — Он же врёт!

— Кто врёт? — удивился Первый капитан.

— Толстяк врёт. Когда я бежала за говоруном, я слышала стон.

Глава 23. Пленник в подземелье

— Не может быть...— ахнул толстяк и осекся.

— Где пленники?— спросил капитан. И так спросил, что никакого сомнения не было: сейчас толстяк все расскажет.

И толстяк тут же засеменял к туннелю. Он бормотал:

— Я совсем забыл... это все Крыс... Я всегда говорил... и всегда был против.

— Простите, капитан,— сказала Алиса, спеша за ними.— Я бы обязательно вспомнила, но было так много событий, что я забыла. Но я бы

обязательно вспомнила...

— Не расстраивайся, девочка, — сказал Первый капитан и положил ей на макушку широкую ладонь. — Ты молодец, и никто тебя не обвиняет. А с этим пиратом мы поговорим особо.

— Вот тут, — сказал толстяк. — Сейчас я свет зажгу. Все будет отлично... Как я мог забыть! Это все Крыс.

Вспыхнул свет, и мы увидели за небольшим залом, в котором стоял пиратский корабль, еще один длинный туннель, перегороженный недалеко от входа толстой решёткой. Толстяк подбежал к решетке и непослушными пальцами старался вставить ключ в замочную скважину. Первый капитан отобрал у него ключ и отодвинул в сторону решётку. Решетка ушла в нишу в стене.

— Я сам... я сам... — бормотал толстяк, но его никто не слушал.

Неудивительно, что толстяк не хотел, чтобы мы увидели этот туннель. По обе стороны его шли комнаты, заваленные награбленным добром, драгоценностями и другими трофеями.

— Нет, — сказал я, заглядывая на ходу в одну из комнат, — взрывать это место мы не будем: здесь столько ценностей, что можно построить сто городов.

— Погодите, — сказал Первый капитан.

Мы остановились, прислушались.

Далеко, откуда-то снизу, донесся еле слышный жалобный стон.

Мы поспешили в ту сторону. Дверь в одну из комнат была заперта.

— Ключ! — приказал капитан.

Толстяк уже держал ключ наготове.

Комната оказалась лестничной площадкой. Отсюда вниз вела крутая лестница, вырубленная в скале. В конце ее была еще одна решетка. Капитан направил в ту сторону луч фонаря, и мы увидели, что за решёткой на куче тряпок на каменном полу сидит прикованное к стене странное существо, в

котором я с трудом узнал жителя планеты Фикс, хрупкого большеглазого фиксианца.

Фиксианец умирал. Мне достаточно было одного взгляда, чтобы понять это. Он был на последнем пределе истощения. А кроме того, он был истерзан пытками.

— Я его сейчас убью!— сказал Первый капитан, глядя на толстяка.

— Всеволод,— прошептал Второй капитан, — ты не узнаешь...

— Не может быть!

И Первый капитан вдруг с такой силой рванул вбитую в камень стальную решетку, что она согнулась и вылетела из пазов. Он отшвырнул в сторону путаницу стальных брусьев и бросился к умирающему фиксианцу. Он поднял его на руки и понёс к выходу.

— Кто это? — спросила тихо Алиса.

Я покачал головой. Я не знал.

Рядом всхлипывал толстяк. Он сдержал на секунду слезы и ответил мне:

— Это Третий капитан. Они думали, что он давно мертв.

И тут же, словно вспомнив об очень важном, толстяк заспешил по коридору за капитаном, визжа:

— Это все он! Это все Крыс!

Третий капитан был без сознания. Первый положил его на пол и обернулся ко мне.

— Скажите, профессор,— спросил он, и голос его дрожал,— скажите, можно ли что-нибудь сделать?

— Не знаю. Сомневаюсь,— сказал я. Я наклонился над фиксианцем.— Они морили его голодом и пытали.

— Они пытали его четыре года,— сообщил Второй капитан.— А мы были уверены, что он давно мертв! И если бы не Алиса, оставили бы его здесь. И он им ничего не сказал. Профессор, я умоляю вас, сделайте все возможное, чтобы его спасти!

— Меня не надо просить об этом,— сказал я.— В первую очередь нужны укрепляющие уколы. Алиса, беги, милая, на «Пегас» и принеси оттуда аптечку.

Алиса стрелой побежала по коридору.

— Я с ней,— сказал Первый капитан.

— Не надо!— отозвалась Алиса на бегу.— Я лучше вас знаю, где искать.

— Послушай, Третий,— сказал Второй капитан.— Слушай. Не сдавайся. Так мало осталось терпеть. Неужели ты сдашься в последнюю минуту? Ведь мы пришли.

И вдруг фиксианец открыл глаза. Ему было очень трудно это сделать, потому что его тело уже умирало. Лишь мозг боролся со смертью.

— Все хорошо,— шепнул он,— все в порядке. Я ничего не сказал. Спасибо, друзья, что пришли. — Он закрыл глаза, и его сердце остановилось.

Я тут же начал делать фиксианцу искусственное дыхание. Но это не помогало. Положение было безвыходное— у меня не было ни хирургических инструментов, ни диагностической машины, ни лечебных автоматов. И мне пришлось поступить так, как делали врачи сто лет назад.

— Я рискну,— сказал я капитанам. — Боксь, что иного выхода нет.

— Мы вам верим, профессор,— ответили мне капитаны.

Тогда я разрезал ножом грудь Третьему капитану, взял в руку остановившееся сердце и начал его массировать. Мне казалось, что прошел час, рука онемела. Я не заметил, как подбежала Алиса с аптечкой и инструментами. Первый капитан сам ввел в вену своему другу оживляющую смесь. И не знаю, что помогло, мои ли усилия или действия Первого капитана, но сердце Третьего дрогнуло, еще раз.. и забилось.

— Еще живительного раствора! — приказал я.

Алиса передала ампулы капитанам.

— Он очень могучий фиксианец,— сказал я.— Любой другой на его месте давно бы умер.

Я достал из аптечки шиватель, и в минуту этот маленький аппаратик сшил ему все сосуды и зашил грудь. Мы осторожно перенесли фиксианца на «Синюю чайку», где я мог оказать ему настоящую врачебную помощь. Там ко мне присоединился доктор Верховцев, и через полчаса мы могли уже сказать, что жизнь Третьего капитана вне опасности.

Мы оставили Второго капитана дежурить у его постели, а сами спустились вниз, в пещеру, нам надо было отдохнуть. Первый капитан вышел с нами.

У входа сидел на корточках толстяк под охраной Зелёного.

— Он будет жить?— спросил с робкой улыбкой Весельчак У, словно речь шла о его любимом брате.

— Да,— коротко ответил Верховцев. — Хотя ты сделал все, чтобы он умер.

— Нет, нет, что вы!— засуетился толстяк. — Это все Крыс. Неужели вы до сих пор не поняли, какую роковую роль он сыграл в моей жизни, как обманом и посулами он втянул меня в отвратительные авантюры? Ведь мне что нужно было? Весело жить и иметь все, чего душа захочет. А ему? Ему нужна была власть. Как другие люди питаются супом и котлетами, так он питался властью. Если он в течение дня ни над кем не проявит власти, то для него этот день потерян. И ему нужна была власть над планетами, над всей Галактикой. А мне что? Мне бы только повеселиться. Я ведь, по существу, безобидный человек, попавший под дурное влияние.

Мы отвернулись от толстяка, и он продолжал говорить, обращаясь к Зелёному, будто хотел и в самом деле убедить нас, что он весёлый, безобидный ягнёнок.

— Ну вот, — сказал доктор Верховцев, улыбаясь

так, что казалось, все его лицо состоит из тысячи добрых морщинок, — наконец-то все три капитана снова встретились. Как в добрые старые времена. Некоторое время вы были достоянием истории, извините — историческими реликвиями, а теперь...

— Да, — согласился с ним Первый капитан, — все как в старые добрые времена.

И я, глядя на него, подумал, что он совсем не стар. И может быть, даже вернется снова в космос. Тем более что проект «Венера» завершается.

И Первый капитан угадал мои мысли:

— Снова придется привыкать. Я, пока летел сюда, понял, что мои руки многое забыли.

— Вы все-таки собираетесь вернуться в космос? — обрадовался доктор Верховцев.

— И еще, — продолжал капитан, не отвечая прямо на вопрос доктора, — надо обязательно переменить название планеты и музея. Неудобно как-то: мы живы, здоровы, ничем особенным не прославились, а наши каменные копии стоят в музее, словно мы умерли давным-давно.

Глава 24. Конец путешествия

Через два часа Третьему капитану стало настолько лучше, что мы смогли поднять его на поверхность. Затем капитаны вывели из подземелья и «Синюю чайку». Каменную плиту, закрывавшую вход в подземелье, поставили на место.

Теперь вокруг поляны, среди разбитых зеркальных цветов, стояли три космических корабля: «Пегас», «Синяя чайка» и служебный корабль с проекта «Венера», у которого не было названия — только длинный номер.

— Пап, — сказала Алиса, — можно, я в лес схожу?

— Зачем?

— Поищу целых зеркал. Нельзя нам на Землю возвращаться без нового букета.

— Только осторожнее,— предупредил я.— Теперь на тебе не желтый комбинезон, а голубой, и птица Крок тебя не спутает со своим птенцом.

Пока корабли готовились к дальнему полёту, я выпустил склисса попасть на лужайку. Склисс тяжело прыгал от радости по траве, высоко подбрасывая копыта, мотал крыльями, но летать наотрез отказывался.

— Это самая веселая корова из всех, какие мне приходилось видеть,— признался доктор Верховцев. — Но в хозяйстве такая корова неудобна.

— Нам уже говорили, что их трудно пасти,— согласился я.— Зато склисс могут перебираться через глубокие реки, если пастбище на другом берегу.

Толстяк все еще сидел на земле около «Пегаса» и уверял нас, что у него больное, старое сердце, которому требуется свежий воздух. И никому не хотелось с ним спорить и даже разговаривать, особенно после того, как Третий капитан рассказал, что именно Весельчак У пытал его, чтобы добыть секрет галактия.

— Зеленый,— сказал я,— присмотри, пожалуйста, за коровой, пока я покормлю остальных зверей, а то как бы её птица Крок не унесла.

И тут я увидел, что на планету спускается ещё один космический корабль.

Это уж ни на что не похоже! Не планета, а космодром! Откуда ему здесь взяться?

Я решил было, что это подкрепление пиратам, и хотел поднять тревогу, но тут же сообразил, что корабль терпит бедствие.

Он летел не прямо, а переворачивался, как-то странно кособочился, а за его хвостом тянулась какая-то серая масса, которая тормозила его и мешала нормально снижаться.

На мой крик все выбежали из кораблей и

глядели, как спускается новый корабль.

— Включи рацию, Зеленый, — сказал Полосков.

Зеленый бросился к «Пегасу», настроился на волну корабля и включил рацию на полную мощность, чтобы мы снаружи тоже все слышали.

— Корабль! — вызывал Зеленый. — Что с вами? Вы терпите бедствие? Отзовитесь!

Приятный женский голос ответил:

— Бедствия меня не касаются. Главное — не упустить, а остальное пустяки.

— Какой знакомый голос, — сказал я. — Где-то я его слышал.

— Когда заблудились у Пустой планеты, — подсказала Алиса.

— Стойте, — прервал нас Первый капитан. — Могу поклясться, что это моя жена Элла.

Капитан побледнел и со всех ног бросился в радиорубку к Зеленому. И тут же мы услышали его голос:

— Элла, это ты? Что случилось?

— Кто это говорит? — спросил женский голос строго. — Это ты, Сева? А почему ты не на Венере? Ты же знаешь, как я беспокоюсь, когда ты улетаешь в космос.

Второй капитан улыбнулся.

— Она никак не может привыкнуть, — сказал он мне, — что у нее муж — космический капитан, хотя сама исколесила всю Галактику.

— Да не в этом дело, — сказал Первый капитан. — Ты забыла, что твой корабль терпит бедствие? Тебе нужна помощь? Что ты за собой тащишь?

— Ну разве ты не видишь? — удивилась Элла. — Это же живая туманность. Я за ней гонялась три недели, поймала в сеть, а теперь она хочет вырваться и улететь. Вот и приходится опускаться на первую попавшуюся планету, чтобы её укротить. Сева, милый, у тебя нет под рукой какого-нибудь корабля?

— Ну конечно, есть — ответил Первый капитан. — И не спеши опускаться: боюсь, с таким хвостом

тебе не удастся это сделать.

— Вот и хорошо. Поднимись на минутку, и мы вместе её опустим.

Первый капитан еще не кончил разговор, как Второй капитан был уже на мостике корабля, и еще через три минуты капитаны подняли его в воздух, где Элла боролась с непокорной живой туманностью, о которой в космосе ходит столько легенд, но которую никому еще не удавалось увидеть.

Два корабля справились наконец с сетью, и через полчаса живая туманность, надежно сжатая двумя кораблями, лежала на траве неподалеку от нас. Мы подбежали к ней. Я, надо признаться, бежал первым, потому что понимал, какое великое открытие в биологии совершила Элла.

Туманность нас разочаровала. Она, наверно, очень эффектна в межзвездном пространстве, когда расстилается на миллионы километров, но здесь, на траве, она казалась чуть пульсирующим серым сгустком тумана.

Люк в корабле Эллы распахнулся, и она вышла к трапу. К ней уже бежал ее муж, Первый капитан. Он протянул сильные руки, и Элла прыгнула сверху. Капитан поймал ее в воздухе и осторожно опустил на землю.

— Ты не ушиблась? — спросил он.

— Нет, — ответила Элла и улыбнулась. — И вообще все это не важно.

Элла была настоящая красавица и всем нам очень понравилась. Даже индикатор от переполнивших его чувств стал прозрачным.

— Все не важно, — повторила Элла, поправляя светлые волосы. — Туманность поймана, и теперь осталось только довести её до Земли, чтобы скептики убедились, что она существует.

Я промолчал, потому что под скептиками она подразумевала, конечно, меня. И я даже вспомнил, что как-то встречался с ней на конференции и высмеял за увлечение фантастикой. Существует на

свете множество реальных, обыкновенных животных, изучению которых стоит посвящать время и усилия, — это и Малый дракончик, и кустики, и индикатор. Но ведь живая туманность казалась мне выдумкой. Так я тогда и сказал.

— Кого я вижу! — воскликнула Элла, увидев Второго капитана. — Я вас несколько лет не видела. Как вы себя чувствуете? Все ещё летаете?

— Нет, — ответил Второй капитан, — в основном я сидел на одном месте.

— Это правильно, — поддержала его Элла. — И на одном месте можно найти массу дел. А чей это очаровательный ребенок?

— Меня зовут Алиса, — ответил очаровательный ребенок.

— Алиса. Необычное имя.

— Самое обычное. Алиса Селезнева.

— Погоди-ка. А твой отец не в Московском зоопарке работает?

— В зоопарке, — ответила Алиса, которая не знала о наших научных разногласиях.

— Так вот, Алиса, когда увидишь своего отца, передай ему, пожалуйста, что живая туманность — не биологический бред, и не фантастика, и не сказочная выдумка, как он любит повторять, а самая настоящая реальность.

— Кстати, — сказала Алиса, — мой отец здесь. Вот он.

Мне ничего не оставалось, как выйти вперед и поздороваться.

— Простите, — сказал я. — Я признаю свою ошибку.

— Ну и отлично, — ответила Элла. — Вы мне поможете потом исследовать туманность?

— С удовольствием.

Тогда Элла обернулась к своему мужу:

— Расскажи, почему ты здесь оказался?

— Второй попал в беду, — коротко ответил Сева, — и надо было его выручать. Вот мы и сделали это. С помощью наших новых друзей.

— А в какую беду вы попали, капитан?

— В плен к пиратам.

— К пиратам? Но ведь вы их победили давным-давно.

— Победили, но не до конца. Знаете, как бывает, если оставишь один сорняк на грядке?

— Все-таки не понимаю,— развела руками Элла.— Ну кто в наши дни сидит по четыре года в плену?

Элла прилетела к нам словно из другого мира. Из того мира, в котором мы привыкли жить, но от которого оторвались за последние дни. И в самом деле, ей трудно было бы поверить, если бы мы начали рассказывать ей о пытках, подземельях и предательстве. И поэтому никто не стал с ней спорить.

— А что вы сделали с пиратами?— спросила Элла.

— Один сидит в клетке. Два— в трюме. А самый толстый и хитрый только что был здесь,— ответил Второй капитан. — Кстати, где он?

Толстяк пропал. Только что сидел на траве, робко улыбался — и пропал.

Мы облазили все заросли вокруг, осмотрели каждый куст— уйти далеко он не успел. Да и говорун поднял бы тревогу.

— Ну вот,—с укоризной сказала Элла,— не могли убереечь одного пирата! Разве это настоящая прополка?

И тут я заметил, что туманность колышется сильнее, чем прежде. Я пригляделся. Несколько ячеек сети были разрезаны.

— Я знаю, где он!— крикнула Алиса, которая подбежала за мной к сети.— Он в туманность залез.

— Ты здесь, Весельчак У? — спросил Верховцев, наклоняясь.

Туманность зашевелилась, словно копна сена, в которую забрался бродячий пес.

— Сейчас выпустим туманность и увидим,— решительно сказал Сева.

— Ни в коем случае! — возмутилась Элла. —

Второй такой не найдём!

Нервы у толстяка не выдержали. Из туманности показалась его голова. Глаза были выпучены, и он быстро дышал, — видно, в туманности было плохо с воздухом.

И вдруг толстяк резко вылетел из туманности и бросился бежать по поляне.

— Куда ты?— крикнул вслед ему Второй капитан. — Все равно поймает. Не торопись, у тебя же больное сердце!

Но толстяк не слышал. Он несся между кустов, перепрыгивал через ямы, спотыкался, размахивал руками.

И птица Крок, лениво кружившая в высоте, увидела его сверху и спикировала на него, как коршун на зайчонка.

Еще секунда— и толстяк уже болтался в воздухе, будто продолжал бежать, а птица поднималась так быстро, что, когда Второй капитан выхватил пистолет, она поднялась на полкилометра.

— Не стреляй,—остановил его Первый капитан.— С такой высоты он разобьется...

И как будто сглазил. Толстяк как-то извернулся в когтях птицы, забился, и она выпустила его. Словно тряпочная кукла, толстяк летел к земле. И скрылся за холмом.

Мы молчали. Потом Зеленый сказал:

— Он сам себя наказал. И лучше придумать было нельзя.

И все с ним согласились.

А туманность между тем потихоньку выползала из сети. Она вытекала как кисель, расползалась во все стороны, и когда мы опустили глаза, то увидели, что стоим по колени в сером киселе.

— Держите ее!— крикнула Элла.— Она же убежит!

И туманность убежала. Она окутала нас непроницаемой мглой, а когда мгла рассеялась, над нашими головами реяло большое серое облако.

— Все равно собирались стартовать,—сказал Второй капитан,— так что попрошу поторопиться.

Мы быстро загнали на корабль склисса, завели двигатели и взлетели. Вслед за нами поднялись остальные три корабля. И все мы, построившись цепью, погнались за живой туманностью.

Догнали мы ее только у планеты Шелезяка. К тому времени туманность распростерлась уже на несколько тысяч километров, и мы три дня стоняли ее так, чтобы она уместилась в наши сети.

Наконец туманность закутали в тройную сеть и крепко привязали между двумя кораблями. В таком виде и отвезли к Солнечной системе, где каждый может полюбоваться ею в кратере Архимеда на Луне. Хотя любоваться нечем— нет более скучного экспоната, чем живая туманность.

Элла настаивала, чтобы туманность поместили в зоопарк на Земле, но земной климат для нее вреден, да и кто придет в зоопарк смотреть на серый туман? Куда интереснее поглядеть на индикатора, получить в подарок шарф от паука-ткача-троглодита, полить кустик лимонадом или отличить склисса от коров, в стаде которых он пасётся.

На центральной лунной базе, в гостинице «Луноход», мы в последний раз собрались все вместе.

— Пришла пора прощаться,— сказал Второй капитан.

Капитаны сидели в ряд на большом диване и совсем не были похожи на свои памятники. Первый капитан был задумчив и с трудом скрывал печаль. Оказалось, что перевод Венеры на новую орбиту начался, пока он был в системе Медузы, и он опоздал к торжественному моменту.

Третий капитан себя плохо чувствовал, его била лихорадка, которой он заболел в подземелье у пиратов, но, когда Верховцев принес ему лекарства, капитан отказался.

— Эта лихорадка пока не излечима земными лекарствами. Справлюсь с ней сам. Не обращайтесь

внимания. Как только я снова выйду в космос, все пройдет. Для меня лучшая больница— мостик космического корабля.

Лишь Второй капитан был оживлен и весел. Он только что передал прилетевшим с Земли физикам формулу галактия. Физики заняли уже половину гостиницы, и с каждым новым кораблем прилетали их коллеги из разных университетов и институтов. Было получено сообщение, что на Луну спешат ученые с Фикса и Линеанцы, а на космической верфи Плутона начали закладку кораблей, рассчитанных на новое топливо.

— Вы все время улыбаетесь,— сказала Второму капитану Элла, которая не любила сидеть на месте и нервно ходила по комнате.— Вы довольны, что подняли такую суматоху среди физиков?

— Страшно доволен,— признался Второй капитан.— Я, честно говоря, опасался, что вдруг формула галактия не так уже и нужна нам. Все те годы я думал: может быть, галактий уже изобретен на Земле?

— Но вы ведь все равно не отдали бы формулу пиратам?— спросил я.

— Нет, не отдал бы. Ну хорошо, какие у кого планы? Надеюсь, что мы еще не раз встретимся. В конце концов, космос не так уж и велик. Мне жаль только, что профессор Селезнев не собрал столько зверей, сколько хотел. Но зато он помог нам спастись, и мы обещаем ему, где мы ни будем, отовсюду привезем птиц и зверей для зоопарка.

— Спасибо, друзья,— сказал я. — Но должен сказать, что я не расстраиваюсь. Ведь будущим летом мы снова полетим в экспедицию на «Пегасе». Если, конечно, Полосков и Зеленый не откажутся лететь со мной.

— Не откажемся,— подтвердил Полосков.

— Я бы полетел,— сказал Зеленый,— если обстоятельства сложатся благополучно.

Нет, все-таки Зеленый неисправим! Я знал, что он полетит. Он сам знает, что полетит, но

обязательно должен высказать какие-нибудь сомнения.

— И я полечу, — заметила Алиса.

— Посмотрим, — ответил я. — Тебе еще целый год в школе учиться.

— А куда вы теперь собираетесь? — спросил Полосков капитанов.

— Я спешу на Плутон, где будут строить корабли на галактических двигателях, — ответил Второй капитан. — И надеюсь, что один из первых доверят мне.

— Я сначала слетаю домой, на планету Фикс, — сказал Третий капитан. — Я очень давно не был дома. А потом тоже начну строить корабль на новом топливе.

— А я сейчас на Венеру, — сказал Первый капитан. — Венера уже движется на новую орбиту. Ещё несколько месяцев — и моя работа будет закончена. И тогда я тоже присоединюсь к моим друзьям.

— И вы все полетите в дальний космос? — спросила Алиса.

— Да, — сказал Первый капитан.

— Да, — сказал Второй капитан.

— Разумеется, — сказал Третий капитан.

— А я собиралась лететь на живую планету, — заявила Элла. — Это даже интереснее, чем живая туманность. Но боюсь, что придётся попросить слетать туда профессора Селезнева.

— А почему? — спросил я. — Это вы ведь теперь у нас специалист по сверхбольшим животным.

— Я полечу с капитанами.

— Но мы летим в другую галактику. Это долгий и трудный полет.

— Не спорьте со мной, — возразила решительно Элла. — Я все обдумала. Нельзя нам расставаться так надолго.

— Но как же дети? — спросил Первый капитан.

— Дети останутся с бабушкой. Она не каждый день танцует в Большом театре. Будет брать их

на субботу и воскресенье из детского сада.

Тогда Первый капитан смущенно взглянул на своих друзей.

И Второй капитан в знак согласия наклонил голову.

И Третий капитан в знак согласия поднял одну из шести рук.

— Не забудьте, — сказала мне Элла, которая, по моему, и не сомневалась, что уговорит трех капитанов, — что вы обещали мне найти живую планету. А я привезу вам самое удивительное животное, которое мы встретим в соседней галактике...

«Пегас» первым стартовал с Луны. Мы спешили, потому что зверей надо было как можно скорей привезти в зоопарк и создать им нормальные условия. Капитаны и Элла проводили нас до корабля и пожелали доброго пути. «Пегас» поднялся над Луной и взял курс на Землю.

Я спустился в трюм посмотреть, как себя чувствуют наши звери. Большинство клеток стояло пустыми. Зверей было маловато. Пустовала и клетка, в которой раньше сидел пират Крыс. Мы высадили его и двух его помощников на планете, где он натворил столько бед. Там-то уж знают, как наказать пирата.

Я протянул склиссу последнюю охапку сена. Склисс прижался боком к решётке, чтобы я его почесал.

В трюм вошла Алиса. За ней вереницей семенили кустики.

— Ну как, — спросил я, — будет о чем рассказать в школе?

— Разве обо всем расскажешь? — пожала плечами Алиса. — Все равно не поверят.

Она взяла швабру и стала помогать мне мыть клетки.

— Да, — согласился я, — кое-чему не поверят.

— Ты недоволен путешествием? — спросила Алиса. — Мало зверей?

— Нет, честное слово, доволен. У нас появились новые друзья. И какие!

— Молодец!— похвалила меня Алиса.— А знаешь, капитаны обещали взять меня в другую галактику. Нет, не бойся, не в первое путешествие, а потом, когда я подрасту.

— Ну что ж,— сказал я,— в добрый путь.

— Не расстраивайся, папа, может, мы и тебя возьмем. Биологи в любой экспедиции нужны.

— Спасибо, Алиса, ты настоящий друг.

Мы с ней кончили чистить клетки и напоили зверей, потому что к посадке на Земле все должно быть в полном порядке.

МИЛЛИОН ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

НОВЫЕ ПОДВИГИ ГЕРАКЛА

Глава 1. Агиева лаборатория

Весеннее утро началось мирно, а кончилось большим скандалом.

Первым, как всегда, пришел Аркаша. Он поспешил на делянку, где выращивал чувствующие цветы. Все растения умеют чувствовать, но попробуй разберись в их чувствах.

При виде Аркаши цветы закивали головами; они раскрывали лепестки, шевелили листьями и изображали радость. Аркаша подключил шланг и начал поливать своих питомцев теплой витаминной водой.

Затем пришел Джавад. Он покормил зверей в клетках и выпустил на волю питекантропа Геракла, который тут же помчался к домику, где ночевали три собаки — Полкан, Руслан и Султан, которые, как ни странно, были сестрами. Собаки летом работали у геологов и по запаху разыскивали руду и ископаемые кости глубоко под землей. Но сезон ещё не начался, поэтому сестры были в отпуске и дружили с Гераклом. А он умело пользовался этой дружбой и завтракал два раза —

у себя и у собак.

Прибежали близняшки Маша и Наташа, худенькие, глазастые, с одинаковыми ссадинами на коленках. Они так похожи, что не отличишь, а в самом деле – совершенно разные люди. Маша серьезная и уверяет, что любит только науку. А Наташа – страшно легкомысленная и любит не столько науку, сколько зверей и танцы. При виде Маши и Наташи дельфины Гришка и Медея по пояс высунулись из бассейна – соскучились за ночь.

Алиса Селезнева запоздала. Она ездила в Космический центр договориться об экскурсии на планету Пенелопа. Но Алисе сказали, что неизвестно, будут ли места, попросили прийти через месяц. Алиса была расстроена, она даже не заметила, как подошел Геракл с протянутой лапой. То ли хотел поздороваться, то ли надеялся на угощение.

Алиса скрылась в невысоком здании лаборатории, чтобы оставить там сумку и переодеться, а когда вышла, гневно заявила:

– Это не лаборатория, а авгиевы конюшни!

Геракл, который ждал ее у входа, ничего не ответил, потому что никогда не читал греческих мифов, а кроме того, знал только съедобные слова. Как его ни учили, дальше слов «банан», «яблоко», «молоко», «сахар» он не пошел.

Зато возглас Алисы услышала Машенька Белая.

– Разумеется, – сказала она. – Пашка Гераскин сидел там вчера до поздней ночи, а убрать за собой не удосужился.

– А вот и он, – сказала Наташа Белая. – Легок на помине.

Пашка Гераскин медленно шел к станции по кокосовой аллее и на ходу читал книгу. На обложке крупными буквами было написано: «Мифы Древней Греции».

– Обратите внимание, – ехидно сказала Машенька Белая. – Этот юноша хочет узнать, как чистят авгиевы конюшни.

Пашка услышал, остановился, заложил страницу пальцем и сказал:

– Могу сообщить, что Геракл – значит «совершающий подвиги из-за гонений Геры». Кстати, Гера – это жена Зевса.

Питекантроп Геракл услышал свое имя и заявил:

– Дай банан.

Пашка задумчиво посмотрел на него и произнес:

– Нет, тебе подвигов не совершить. Ростом не вышел.

– Слушай, Пашка, – сказала мрачно Алиса. – Ты чем занимался в лаборатории? Можно подумать, что там тридцать лет никто не убирался.

– Когда у меня возникают идеи, – ответил Пашка, – я не обращаю внимания на мелочи жизни.

– А мы обращаем, – сказала Машенька.

– Не шумите, – сказал Пашка. – Все уберу. Через полчаса будет полный порядок.

– Свежо предание, но верится с трудом, – сказал Аркаша. – Предлагаю на время уборки отобрать у Пашки книгу. Зачитается и все забудет.

После короткой схватки Пашка лишился книги и удалился в лабораторию зализывать раны и обдумывать месть.

Убираться ему не хотелось, скучное это занятие. Он подошел к окну. Машенька сидела на краю бассейна, возле нее были разложены карточки с цифрами. Дельфины зубрили таблицу умножения. Наташа рядом плела венки из первых желтых одуванчиков. Джавад о чем-то спорил с Алисой, а над ними возвышался скучный, глупый, любопытный жираф Злодей с одним рогом посреди лба.

«Как же это я умудрился так насорить?» – поразился Пашка.

На полу валялись мятые листы бумаги, обрывки магнитофонных лент, образцы почвы, ветки, апельсиновые корки, стружки, обломки разбитых колб, предметные стекла, скорлупа орехов – следы

вчерашней бурной деятельности, когда Пашкой овладела гениальная идея создать животное без легких и жабр для жизни в безвоздушном пространстве. Идея лопнула часам к одиннадцати, как раз тогда позвонила мать и потребовала, чтобы он возвращался домой.

Есть минусы, подумал Пашка, в том, что ты энтузиаст и живешь среди энтузиастов. Ребята, и Пашка в том числе, проводили на станции все свободное время, прямо из школы спешили к своим зверям и растениям, а в субботу и воскресенье часто просиживали там с утра до вечера. Пашкина мать ворчала, что он совсем забросил спорт и делает ошибки в сочинениях. А на каникулах ребята собирались на планету Пенелопа, в настоящие, ещё не исследованные джунгли, — разве от такого откажешься?

Вздыхнув, Пашка взял губку и начал протирать лабораторный стол, сбрасывая ненужный хлам на пол. Жалко, подумал он, что книгу мифов отобрали. Сейчас бы прочесть, как Геракл чистил авгиевы конюшни. Может быть, он схитрил?

Когда через полчаса в лабораторию заглянул Джавад, Пашка уже вытер все столы, расставил по местам колбы и микроскопы, убрал в шкафы приборы, зато на полу мусора прибавилось.

— Долго еще будешь копать? — спросил Джавад. — Может, помочь?

— Управлюсь, — сказал Пашка. — Еще пять минут.

Он сгребал щеткой сор к середине комнаты, получилась гора чуть ли не до пояса.

Джавад ушел, а Пашка остановился перед горой и задумался, как бы ее вынести наружу в один прием.

В этот момент в открытом окне показалась морда питекантропа Геракла. При виде хлама он даже ухнул от удовольствия.

И Пашке пришла в голову счастливая мысль.

— Иди сюда, — сказал он.

Геракл тут же впрыгнул в окно.

— Доверяю тебе дело большой важности, — сказал Пашка. — Если ты вынесешь все это из нашей авгиевой лаборатории, получишь банан.

Геракл подумал, напряг свой неразвитый мозг и сказал:

— Два банана.

— Ну ладно, два банана, — согласился Пашка. — Я сейчас должен сбежать домой, чтобы к моему приходу всё было чисто.

— Бу-сде, — сказал питекантроп.

Просьба Пашки Геракла не удивила. Его часто использовали на всяких работах, где не нужно большого ума. Правда, бесплатно он ничего не делал.

Пашка выглянул в окно. Никого. Он перескочил подоконник и побежал домой.

Геракл поглядел на мусор и поскреб в затылке. Куча была большая, за раз не вынесешь. А Геракл был великим лентяем. Он думал целую минуту, как бы заработать бананы без усилий. И сообразил.

На поляне рядом с лабораторией лежал шланг для поливки. Геракл умел им пользоваться, а в жаркую погоду подстерегал прохожих, обливал их с головы до ног и ухал от радости.

Он выскочил из лаборатории, повернул кран и запустил струю воды внутрь лаборатории. Струя была несильная, на полу сразу получилась большая лужа, в которой крутился мусор. Это не удовлетворило питекантропа. Он отвернул кран до отказа и, вцепившись лапами в непослушный конец шланга, направил толстую струю в грязное болото, которое раньше было лабораторией.

Струя ударила в мусор. Бумажки, тряпки, осколки, деревяшки отнесло к дальней стене. Шланг дергался в лапах Геракла, и не удивительно, что струя заодно смыла то, что стояло на столах, — колбы, приборы, склянки и пробирки. Хорошо еще, микроскоп устоял и шкафы не разбились.

Дверь лаборатории от напора воды

распахнулась, и оттуда вырвалась могучая река, которая несла в себе массу вещей, сбила с ног Аркашу и закрутилась водоворотами вокруг ног жирафа Злодея.

До Геракла дошло, что он натворил. Он бросил шланг, быстро вскарабкался на манговое дерево, сорвал плод и начал его чистить, делая вид, что он ни при чем.

Пашка вернулся минут через пять, когда все уже успели всласть его изругать. В конце концов Наташа Белая даже пожалела его, потому что он расстроился больше всех.

Аркаша вернул ему книгу «Мифы Древней Греции» и сказал:

— Ты не дочитал до самого интересного и не знаешь, что наш питекантроп чистил лабораторию по древнему рецепту.

— Как так? — удивился Пашка.

— Настоящий, древний, Геракл отвёл в авгиевы конюшни соседнюю реку.

— Совпадение полное, — сказала Машенька Белая. — За одним исключением: в авгиевых конюшнях не бывает микроскопов.

Глава 2. Появление Геракла

Надо рассказать, откуда на биостанции питекантроп.

Алиса, Аркаша, Джавад и Пашка Гераскин были в Институте времени.

Они давно хотели туда попасть, но временные кабины расписаны между учеными на год вперед, а туристов в прошлое не пускают. Мало ли что может случиться?

К счастью, у Алисы Селезневой большие связи, в том числе в этом институте. Ей уже приходилось бывать в прошлом.

Однажды на биостанции раздался звонок, и на экране видеофона показался курчавый худой молодой человек по имени Ричард Темпест.

— Неожиданно освободилась большая кабина, — сказал он. — Я обо всем договорился. Так что одна нога там, другая — здесь.

Не прошло и получаса, как биологи уже были у дверей института, где их ждал Ричард.

— Значит, — сказал он. — Вы желаете поглядеть, когда и как обезьяна превратилась в человека?

— Правильно, — ответил Джавад. — Долг ученых — зафиксировать этот момент.

— Тогда скажите, пожалуйста, — попросил Ричард, проводя ребят внутрь громадного здания. — Какого числа, месяца или хотя бы года до нашей эры произошло это событие? Кстати, подскажите мне, в какой точке земного шара это случилось...

— Точно не скажу, но приблизительно... — задумался Джавад.

— Начнем с приблизительного.

— Примерно от миллиона до двух миллионов лет назад.

Алиса с Пашкой засмеялись, а Ричард очень серьезно записал эту цифру, вздохнул и сказал:

— Спасибо за информацию. А теперь сообщите мне место этого события.

— Где-то в Африке или в Южной Азии, — ответил Джавад.

— Очень точно, — сказал Ричард и записал. — Значит, сегодня мы отправляемся куда-то на юг, за миллион или за два миллиона лет до нашей эры. И если повезет, увидим, как обезьяна превратилась в человека.

Ричард шутил. Ученые давно интересовались этой проблемой и несколько раз летали в прошлое, искали древних людей. Конечно, никто не увидел, как обезьяна стала человеком, потому что такого момента и не было. Зато удалось найти стадо наших далеких предков — питекантропов на острове Ява.

Сначала Ричард показал биологам Институт

времени.

Всего там три зала с кабинами для путешествий в прошлое. В будущее, как известно, попасть нельзя, потому что его еще нет. Сколько кабин, столько и отделов.

Первый – исторический. Временщики, которые там работают, пишут подробную, точную, иллюстрированную историю человечества.

Ребята попали в галерею, где висели объёмные, цветные фотографии знаменитых людей прошлого. Там были портреты Гомера, Жанны д'Арк, молодого Леонардо да Винчи и старого Леонардо да Винчи, вождя гуннов Аттилы и даже Ильи Муромца, который оказался молодым голубоглазым усачом. Там же были тысячи картин, снятых в самые различные эпохи. Например, вид города Вавилона с птичьего полета, пылающий Рим, подоженный Нероном, и даже деревня, которая когда-то стояла на месте Москвы...

Пашка Гераскин, страдая от зависти, прошептал Алисе:

– Пожалуй, уйду из биологов в историки. Уж очень они интересно живут.

– А я никогда не изменю биологии, – ответил Джавад. – Историки только объясняют, что было, а мы, биологи, изменяем мир.

– Пустой спор, – заметил Ричард, открывая дверь в следующий зал. – Все мы изменяем мир, и историки в том числе. Наш мир существует не первый день и не последний. И когда мы узнаём новое о прошлом, этим мы изменяем не только прошлое, но и настоящее. Понятно?

Они остановились перед большим, в три метра, портретом: молодая, красивая женщина с курчавым мальчишкой на руках. Мальчишка был чем-то расстроен, вот-вот заревет.

– Это кто? – спросила Алиса.

– Уникальный снимок, – сказал Ричард. – Наши ребята за ним год охотились. Маленький Пушкин на руках у своей мамы.

— С ума сойти!— ахнул Пашка, входя в следующую комнату.

Здесь историки-временщики хранили своё оборудование: одежду, обувь, оружие, украшения. Рядами тянулись шкафы с кафтанами и мушкетерскими плащами, стояли строем ботфорты и римские сандалии, громоздились шляпы с перьями и зелёные чалмы в рубинах и бриллиантах. У стены выстроились рыцарские доспехи.

— Это все настоящее? — спросил Пашка.

Никто ему не ответил. И так ясно, что все здесь— оттуда. Когда временщик уходит в прошлое, он изучает язык и обычаи «своего» времени тщательнее, чем старинные шпионы. Потом специальная комиссия проверяет, готов ли он. Если нет, никто его не отпустит. Пашкины ноги приросли к полу — уйти отсюда было выше его сил. Пришлось Ричарду за руку увести Пашку из зала.

Следующий этаж института занимал исследовательский отдел. Здесь трудятся специалисты самых различных наук. Прошлое может дать ответ на задачи, которые не решишь сегодня. Геологи отправляются за миллиард лет назад, чтобы узнать, как передвигались земные материки и какой глубины были первобытные океаны, ботаники привозят из прошлого вымершие растения, чтобы использовать их в хозяйстве, астрономы собираются посмотреть собственными глазами на солнечное затмение, которое случилось три тысячи лет назад в Южной Индии...

А вот третий отдел института, куда ребятам Ричард не повел, только рассказал о нем, показался Алисе самым интересным. Он назывался так: «Отдел исправления исторических ошибок и несправедливостей».

Вход туда для посторонних закрыт, потому что временщики занимаются в нем такими тонкими и рискованными операциями, что любая ошибка может дорого обойтись всей Земле.

— Например, — рассказал Ричард, — всем известно, что писатель Гоголь сжёг второй том своего романа «Мертвые души». Но любой из нас может его прочесть.

— У меня дома есть, — сказал Пашка.

— Ничего удивительного. А было вот что: временщик из третьего отдела проник в прошлое, в тот день, когда Гоголь собрался сжечь свой роман, и в последний момент сумел незаметно подменить его стопкой чистой бумаги. Ход истории не был нарушен, зато мы, потомки Гоголя, увидели этот роман.

— Ну а еще что? — спросила Алиса.

— Ещё? Знаете ли вы об Александрийской библиотеке?

— Я слышал, — сказал Аркаша. — Она была в Египте, в Александрии, и сгорела, когда туда пришел Юлий Цезарь.

— В этой громадной библиотеке погибло много тысяч папирусов. И недавно наш институт решил эту библиотеку спасти. Три тысячи восемьсот рукописей нам удалось вытащить из горящего здания. Много раз временщики уходили туда, в огонь и дым, возвращались опалённые, полузадохшиеся, израненные, но тут же, сдав добычу, спешили обратно...

— А библиотека Ивана Грозного? — спросил Джавад. — Ее уже нашли?

— Обязательно найдут, — сказал Ричард. — Никуда она не денется. Ну ладно, нам пора самим отправляться в прошлое.

В зале исследовательского отдела пришлось несколько минут подождать. Кабина была еще занята, ждали, когда вернутся из прошлого физики, которые наблюдали падение Тунгусского метеорита.

Тем временем Ричард показал гостям опытный временной экран. Он горизонтально висит над столом. Все, что под него попадает начинает двигаться обратно во времени. Но не так, как в

кабине, где человек может пролететь миллион лет и нисколько не измениться. Если положить под экран бабочку, через некоторое время она превратится в куколку, потом в гусеницу. Если положить тряпку, то она превратится в скатерть, которой когда-то была. А если положить листок бумаги со стертыми буквами, то вскоре можно будет увидеть что на ней было написано раньше. Этот прибор сделали по просьбе реставраторов старых картин и рукописей, но он, наверно, пригодится и в других местах.

Загудела сирена — возвращались физики.

Ребята бросились в зал, чтобы не пропустить этот момент.

Над кабиной загорелась надпись: «30 июня 1908 года».

Дверь кабины открылась, и из нее вышло два человека. Они были странно одеты — в ватники и высокие сапоги.

Один из операторов спросил:

— Ну что? Видели?

— Видели, — устало ответил один из пришедших, снимая фуражку и вытирая со лба пот. — Ядро кометы, как я и говорил.

— Об этом мы ещё поспорим, — ответил второй, скидывая с плеч зеленый рюкзак и осторожно ставя его на пол. — Здесь все пленки, записи и образцы. Но сначала я мечтаю принять ванну и забыть о комарах.

Не успели физики уйти из зала, как к ребятам подбежала маленькая хрупкая женщина.

— Скорей, — сказала она. — А то астрономы нас выгонят. Они кабину со вчерашнего утра ждут. Ричард, веди их в дезинфекционную камеру. Дай им маски, и чтобы через пять минут были здесь. Я пока наберу код. Ява, миллион — двенадцать по Кривой Петрова, правильно?

За несколько минут ребят очистили от всех микробов — нельзя же в прошлое привезти какой-нибудь микроскопический подарок из двадцать

первого века, — выдали им защитные маски с фильтрами, и не успели они опомниться, как оказались в кабине, которая тут же загудела, замигала лампочками, готовясь к прыжку длиной в миллион лет.

Сам перелет на первобытную Яву занял мгновение. Но чувство было неприятное, особенно если путешествуешь в первый раз. Как будто проваливаешься в бесконечную пропасть и тебя крутит так, что непонятно, где верх, где низ...

Кабина стояла на вершине невысокого, поросшего травой и мелким кустарником холма над извилистой речкой.

Ричард распахнул дверь, и ребята высыпались из кабины как горох. В лицо им пахнуло жарким, влажным, душистым воздухом.

— Никуда без моего разрешения не отходить! — приказал Ричард. — Это опасно.

Из-за маски его голос звучал глухо.

— А что, — сказал Пашка. — Здесь неплохо. Можно и остаться.

Большая муха подлетела к Пашке и попыталась на него усесться.

— Не приставай, — сказал ей Пашка. — Может ты кусачая.

— И наверняка ядовитая! — заметила Алиса.

Пашка отступил на шаг. Муха — за ним. Пашка отошёл на несколько шагов, муха не отставала. Пашка отпрыгнул... но тут Ричард сказал:

— Тише. А то больше не буду брать детей. Поверил вам, что вы — настоящие ученые...

— Смотрите, — сказал Джавад. — У реки...

И тут они увидели питекантропов.

Предки человека оказались обезьянами, похожими на шимпанзе, ростом с десятилетнего ребенка. С холма было видно, как некоторые из них переходили с места на место на задних лапах, не касаясь земли руками, а один крупный питекантроп, наверно вожак, держал в лапе толстую палку.

Одно дело — видеть фильм или читать об этом в книге, другое — глядеть на стоянку своих собственных предков, и не только видеть их, но и ощущать эту жару, влажный ветерок, слышать, как шуршат листья и ухают питекантропы.

— Гляди, — прошептал Джавад, — ребенок.

Один из питекантропов, поменьше других, повернул голову в их сторону, приложил лапу к глазам, чтобы не мешало солнце, и старался рассмотреть, кто там пожаловал в гости. Его мамаша дала подростку подзатыльник, и он заревел.

— Можно подойти поближе? — спросила Алиса.

— Ни в коем случае, — сказал Ричард. — Мы искали это стадо почти два года. А если оно сменит стоянку, придется снова его разыскивать. Смотрите!

Из-за деревьев внезапно выскочил громадный полосатый тигр с рычанием такой величины, что они казались саблями. Тигр на секунду прижался к земле и прыгнул.

С визгом питекантропы бросились врассыпную. Лишь вожак стада попытался прикрыть собой остальных, подняв палку.

Тигр промахнулся — вожак успел отпрыгнуть и взлететь на дерево. Уши его отплясывались, выскивая следующую жертву.

Ею оказался питекантроп-подросток, который не догадался влезть на дерево, а побежал по открытому склону холма. Тигр кинулся вслед.

— В кабину! — крикнул Ричард, хватая за руку Алису, которая стояла к нему ближе всех.

Алиса не успела сообразить, как оказалась в кабине. Джавад с Аркашей втиснулись за ней.

— Пашка! — кричал Ричард. — Не сходи с ума!

Сквозь прозрачную стенку кабины было видно, что Пашка бежит навстречу визжащему питекантропу, а к ним приближается дыбом саблезубый тигр.

Пашка успел подхватить беглеца в тот момент, когда тигр уже готов был сомкнуть клыки, а спас их Ричард, выхвативший пистолет и всадивший снотворную пулю в морду тигра.

Тигр грохнулся на землю, лапы кверху, и захрапел.

Пашка в обнимку с питекантропом втиснулся в кабину, Ричард — вслед за ними.

И тут Ричард сообразил, что пассажиров прибавилось.

— Ты с ума сошел, — возмутился он. — Сейчас же выпусти животное.

Но животное, видно, поняло, что ему грозит, и так вцепилось в Пашку, что оторвать его было невозможно. Притом питекантроп верещал, словно Ричард хотел его зарезать.

Дверь кабины медленно закрывалась.

— Да ты понимаешь, что с лишним грузом мы можем вообще домой не попасть? — Ричард старался оторвать питекантропа от Пашки.

— Поздно, — сказал Аркаша.

И был прав, потому что свет в кабине померк и снова началось стремительное падение. Кабина неслась сквозь время...

Дверь открылась. Они были в знакомой лаборатории. Маленькая женщина, которая руководила полётом, возмущённо сказала:

— Это совершенно недопустимо. Вы столько набрали трофеев, что получилась страшная перегрузка. Не представляю, как вообще удалось вас вытащить... Ах!

Из кабины выскочил перепуганный питекантроп, который тут же забрался на стол, оцетинился, оскалил зубы, показывая, что легко врагам не сдастся.

— Ого, — сказал кто-то из операторов. — Ну и влетит тебе, Ричард, от директора. Нельзя же брать из прошлого живых существ. Разве забыл?

— Если бы мы его не взяли, — сказал Ричард, — его бы сожрал тигр... Но что с ним делать?

Отправить обратно? А стадо уже убежало...

Тут из кабины вышел Пашка, юный питекантроп взвизгнул, бросился к нему и обнял, как потерянного брата. И разлучить Пашку с питекантропом не удалось.

Так на биологической станции на Гоголевском бульваре появился новый обитатель, которого окрестили Гераклом и стали ждать, когда он превратится в человека.

А Геракл не спешит. Его устраивает доля питекантропа.

Глава 3. Второй день рождения

— Полюбуйся, — мрачно сказал Аркаша Сапожков, увидев Алису. — Что делать — ума не приложу.

Ещё вчера на опытном поле колосилась грядка полосатых апеляблок с планеты Пенелопа. Апеляблоки, когда поспеют, ничем не будут отличаться от настоящих яблок — ни вкусом, ни формой, только размером они с горошину и растут в колосьях.

Еще вчера все любовались колосющимися апеляблоками, а за ночь из земли вылезли пенелопские сорняки — колючие, вьющиеся кусты, которые полностью заглушили делянку, — с трудом можно было разглядеть в их тени поникшие колосья.

— Вырви их с корнем, — сказал подошедший Пашка Гераскин. — Хочешь, помогу?

— Не получится, — вздохнул Аркаша. — Смотри.

Он изо всей силы потянул за плеть горбато-рогатого сорняка. С минуту сорняк сопротивлялся, а потом с треском подался, выворотив крепкими, длинными корнями квадратный метр земли.

— Жалко, — сказал Пашка. — Не успели созреть твои яблочки.

Сорняки давно донимали Аркашу. Как ни отбирай семена инопланетных растений, всегда проберется

на грядку сорняк.

Вот и сейчас за одну ночь сорняки загубили месяц труда.

— Нет, я не сдамся,— сказал Аркаша, расправляя узкие плечи и поднимая, как кнут, вырванный с корнем сорняк.— Я до вас доберусь!

И в тот же день, после обеда, он отправился к Ричарду Темпесту в Институт времени.

— Вы меня помните? — спросил он.

— Конечно, помню. Это вы осенью питекантропа привезли, а у меня из-за вас состоялся неприятный разговор с директором. Что же тебе нужно? Хочешь отправить питекантропа обратно?

— Пускай живет! У него есть и положительные качества. Нет, мне нужен на несколько дней ваш временной экран.

— Экран, под которым время идет назад?

— Я его не сломаю.

— Вряд ли это возможно, — сказал Ричард. — Понимаешь, экран — не игрушка.

— А я и не собираюсь играть в игрушки. Меня измучили сорняки. Помогите избавиться.

— Но при чем здесь экран?

— У меня есть конструктивная идея.

— Я могу пойти с тобой к директору института, но на сто процентов уверен, что он не разрешит.

— И все-таки попробуем,— сурово сказал Аркаша.— Я умею убеждать директоров.

И он был прав.

На следующий день техники из Института времени установили на опытной делянке Аркаши Сапожкова временной экран.

Бурные заросли горбато-рогатых колючек заполнили всю грядку и поднимались метра на два. От апеляблок и следа не осталось.

— Ну, расскажи теперь, как ты будешь бороться со своими сорняками? — попросила Машенька Белая, разглядывая странный прибор,— над грядкой с апеляблоками был натянут белый блестящий экран, от которого к пульту

управления, стоящему метрах в двадцати, в тени мангового дерева, тянулись провода и трубки.

— Очень просто, — ответил Аркаша. — Я все продумал. Можно включать!

Техник включил экран.

— Сорняки появились недавно, всего два дня назад. К тому времени апеляблоки уже начали колоситься. Значит, — сказал Аркаша, — мы должны отступить на два дня назад, когда сорняки лишь появятся из-под земли. Вот мы их и выполем. Просто, как все гениальное.

Аркаша обернулся к технику и спросил его:

— Когда время под экраном уйдет на два дня назад?

— Минут через пятнадцать, — сказал техник. — Гляди, чтобы никто туда не залез.

Техник был молодой, очень серьезный. Он опасался, что ребята его недостаточно уважают.

— Не беспокойтесь, — ответил Пашка Гераскин. — За пятнадцать минут ничего не случится.

Он ошибся. Пятнадцать минут — не такой уж маленький срок.

Машенька Белая отлучилась к бассейну с дельфинами, Джавад пошел поглядеть, почему поссорились жираф с кроликами. Алиса вспомнила, что забыла закрыть клетку с птицей-прокудинкой, у делянки остались только Аркаша с Пашкой.

И надо же было так случиться, что именно тогда питону Архимеду надоело лежать на ветвях мангового дерева и он пополз по толстому суку, нависавшему над пультом управления, поглядеть, чем занимается под деревом чужой человек.

Техника забыли предупредить, что на дереве живет семиметровый питон Архимед. Можно представить его удивление, когда он услышал шипение и увидел в пяти сантиметрах от своего носа немигающие глаза громадной змеи. Он подскочил на метр, чуть не сломал пульт, опрокинул стул, потерял равновесие, рухнул в бассейн и исчез под водой.

Смущенный Архимед перепугался и пополз обратно, на вершину дерева, дельфины дружно нырнули, потому что они обожают спасать утопающих, а их на биостанции не бывает, Пашка с Аркашей тоже кинулись к бассейну.

Падая, техник задел пульт управления, и экран заработал на полную мощность. Сорняки быстро съежились, и уже можно было разглядеть полёгшие колоски апеляблок. Первым увидел их петух, которого подарила биостанции одна бабушка, купившая себе цыпленка, чтобы не скучать. Когда цыпленок подрос, он обнаглел, будил криком на рассвете весь дом, заклевал до полусмерти соседского кота и на бабушку – ноль внимания. Бабушкино терпение лопнуло, и петух оказался на биостанции. С тех пор вот уже два месяца он бродил по станции и всех задирает.

Колоски заинтересовали петуха. Он вышел на полянку и принялся их клевать. Экран пожирал время со скоростью два месяца в минуту. Через минуту гребень петуха съежился, и роскошный рыжий хвост сократился вдвое. Ещё минута – петух превратился в цыпленка и очень удивился, увидев, что стоит на пустой грядке. Пока своим умишком он сообразил, что же делать дальше, то совсем уменьшился и превратился в белое яйцо.

Это яйцо и попало на глаза питекантропу Гераклу.

Яйца он обожал, хотя их ему давали редко, чтобы не страдал неправильным обменом веществ.

Одним прыжком Геракл прыгнул под экран, уселся на землю, схватил яйцо и попытался его прокусить. Но к его величайшему изумлению, яйцо уменьшалось у него в лапах. Геракл склонил голову, пытаясь понять, что это значит, а потом решил, что лучше проглотить яйцо, пока оно совсем не пропало. Он разинул пасть, закинул туда яйцо, но оно исчезло прежде, чем он успел ощутить его языком. Геракл оскорбился в своих лучших чувствах и обиженно заревел.

Алиса не спеша возвращалась к экрану. Она обратила внимание на то, что техник, весь мокрый, сидит на краю бассейна, а вокруг суетятся остальные, и удивилась, чего это он решил купаться в одежде? И тут же она увидела, что под экраном сидит Геракл.

— Ко мне, Геракл! — закричала она, кидаясь к грядке.

Геракл не обращал на нее внимания. Он смотрел на свою ладонь, с которой уже исчезли мозоли, — она порозовела и стала чуть ли не вдвое меньше.

Алиса сообразила, что Геракл помолодел. Нельзя терять ни секунды.

Она бросилась под экран, подхватила на руки визжащего детеныша и через несколько секунд отчаянной борьбы выволокла его наружу.

Тут уж мокрый техник подбежал к пульту. Он поглядел на счётчик времени, ахнул и выключил экран.

Но дело было сделано.

Во-первых, все посадки Аркаши пропали начисто — и сорняки и апеляблоки. Во-вторых, исчез петух. В-третьих, Геракл помолодел чуть ли не на полгода. А в-четвертых, помолодела и сама Алиса. Насколько, сказать трудно.

Техник, виновато собирая аппаратуру и время от времени грозя кулаком спящему питону, сказал, что Алиса пробыла под экраном секунд пятнадцать, не больше. То есть помолодела недели на две. Можно и не обращать внимания на такую безделицу.

Алиса, конечно, не стала спорить, но с тех пор решила справлять день рождения два раза в году, с промежутком в две недели. Второй день рождения справляют только на биостанции — это биологическая тайна.

Глава 4. Пожалейте маслят

Разумеется, все на станции любят животных—

иначе какой из тебя натуралист? Но Аркаша убежден, что растения никак не глупее животных.

Аркаша подружился с психологом Плюфдекером, и тот подарил ему невероятно чувствительную смородину, которая съезживалась, если близко проходил хулиган Геракл, и краснела, когда у нее опадали листья, потому что полагала, что стоять голой – не совсем прилично. Плюфдекер дал Аркаше порошок-стимулятор. Если им осыпать даже бесчувственное растение – например, кактус, – тот сразу начнет переживать, а уж какая-нибудь нежная мимоза только что разговаривать не сможет.

Вечером, когда все уже собрались домой, разгорелся жаркий спор.

Наташа Белая уговорила Пашку с Алисой идти на рассвете за грибами, а Аркаша, как услышал, встал на дыбы.

– Это бесчеловечно, – вещал он, размахивая тонкими руками. – Это недостойно гордого звания человека.

– Ты не прав, Аркадий, – возмутилась Алиса. – Человечество не стало бы разумным, если бы не собирало грибов в первобытные времена, пока не изобрело луков и стрел. Ты погляди на Геракла – он великий мастер-собиратель.

– Что простительно питекантропу, – не сдавался Аркаша, – то позорно для человека. Мы должны исправлять ошибки предков, а не усугублять их. Сколько мы тратим усилий, чтобы восстановить леса и очистить реки! Сколько вымерло птиц и зверей, сколько растений мы погубили, а теперь выводим их снова или привозим из прошлого!

Надо сказать, что никого Аркаша не переубедил. В науке всегда найдется кто-нибудь с крайними взглядами, а надо искать золотую середину.

Золотая середина заключалась в том, что Наташа нашла в сосновом бору в дальнем конце

бульвара, в местах укромных и почти не хожённых, целое поле новорожденных маслят— к утру они должны подрасти. Идти по грибы надо на рассвете, потому что кто-нибудь из грибников по соседству тоже мог выследить это «месторождение».

— Значит, завтра в шесть встречаемся у входа на бульвар, — сказал Пашка.

— Вы меня не хотите выслушать? — возмутился Аркаша.

— Мы тебя вежливо выслушали, — сказала Наташа и рассмеялась. — И в тот день, когда ты перестанешь есть хлеб, сделанный из чувствительной пшеницы, и пожирать помидоры и ананасы, мы бросим собирать грибы.

Ребята ушли, а Аркаша сказал, что задержится— записать дневные наблюдения.

Дождавшись, пока остальные ушли, Аркаша бросился в лабораторию, достал из шкафа пакет с порошком-стимулятором, подхватил распылитель и побежал по бульвару к сосновой роще.

Его путь лежал по кокосовой аллее, мимо альпийского луга, где между камней дремали куропатки, мимо озера с черными лебедями и фламинго, бамбуковых зарослей, эвкалиптовой рощи, где медленно ворочались, укладываясь спать, медведи-коала, через прозрачную на закате березовую рощу, туда, где за темным ельником начиналась чаща сосновых посадок.

Он еле успел— уже начало темнеть и внутри, под ветвями, всё было укрыто сиреневой тенью. Но все же он разглядел коричневые пуговки маслят.

— Ах вы, мои бедные, — прошептал он, садясь на корточки, чтобы получше разглядеть грибы.— Я вас спасу.

Грибы молчали.

На следующее утро, в шесть, у входа на бульвар встретились три охотника за грибами, с корзинками в руках.

Лёгкий туман окутывал Гоголевский бульвар, вдали за деревьями виднелись вершины небоскребов. На траве лежала роса.

— Плохо дело, — сказал Пашка. — В тумане мы ничего не увидим.

— Пока дойдем, рассеется, — возразила Алиса.

— Я вас сейчас догоню, — сказал Пашка.

— Ты куда?

— Геракла возьму. Я ему обещал. Он еще никогда грибов не собирал. Первое лето в двадцать первом веке.

— Может, обойдемся без него? — не очень решительно возразила Наташа. — Он еще напортит чего-нибудь.

Но Пашка не слушал — он уже мчался к биостанции.

Они с Гераклом догнали девчат в ельнике. Приближение друзей было слышно издали — они топали, словно изображали взбешенного слона. Увидев Алису с Наташей, Геракл обрадовался — скучно ему ночью одному в домике; бросился целоваться, его отогнали.

— Погодите, отдышусь, — сказал Пашка. — Он меня загонял. Видно, за последний миллион лет мы потеряли спортивную форму.

От шума проснулся на озере белый журавль, поднялся в небо. И словно по сигналу, из глубины ельника вылетели комары и яростно набросились на Пашку.

— Удивительно, — сказал Пашка. — Чего мы только не изобрели, а с комарами так и не справились. Откуда, скажите на милость, взялся комару в центре Москвы?

— Вот смешной, — сказала Наташа. — Ведь из этого леса до ближайшей улицы минут пятнадцать идти. Москва — на пятьдесят процентов лес.

Это Пашку не утешило. Не утешило и Геракла, которому тоже досталось от комаров. Он скалился и прыгал, но ни одного из злодеев не настиг.

— Займусь комарами, — сказал Пашка. —

Обязательно займусь.

— И как ты будешь с ними бороться? — спросила Наташа.

— Не беспокойся. Я еще оставлю след в биологии.

Скромностью, как известно, Пашка не отличался.

— Пора, — сказала Алиса. — Вы забыли, зачем сюда пришли?

Туман уже почти рассеялся, в сосняке было тихо, лишь щебетали птицы. Земля была густо покрыта иглами.

— Где твои маслята, Наташа? — спросила Алиса.

— Сейчас увидишь.

Они прошли дальше. Ни одного масленка. Лишь большой оранжевый мухомор стоит как семафор.

Геракл ухнул от радости при виде такого красивого гриба и протянул лапу, чтобы его сорвать.

— Не смей! — сказал Пашка. — Это ядовитый гриб. Ты умрешь, если откусишь от него хотя бы кусочек.

Геракл понял, отпрыгнул назад и погрозил мухомору кулаком.

Наташа села на корточки, разгребла ладонью иглы и увидела небольшой масленок.

— Первый, — сказала она. — Теперь пойдут тысячами.

Она срезала гриб и бросила его в корзинку.

Но больше не нашлось ни одного гриба. Впустую ребята разбрасывали иглы и сучья — ничего.

Впереди начиналась густая чаща — не проберешься.

Пашка вынул масленок из Наташиной корзинки и показал Гераклу.

— Такие увидишь — зови меня.

Питекантроп понюхал гриб, скорчил страшную рожу и бросился в чащу. Ребята за ним.

Но тут же пришлось остановиться — словно кто-то заставил деревья сплестись ветвями, чтобы не

пропустить их дальше.

— Ой, девочки!— воскликнула Наташа. — Вы только посмотрите!

За сплетением ветвей, на небольшой полянке, окруженной стеной сосенок и елей, стояли тысячи грибов. Большею частью маслята, несколько боровиков и сыроежек.

Это скопление грибов словно почетным караулом было окружено цепочкой оранжевых мухоморов и бледных поганок.

— Ничего страшного, — сказал Пашка. Он отдал свою корзинку Гераклу и сказал:

— Пробивайся туда, нарви маслят.

— Угу, — согласился Геракл.

— Мне это не нравится, — сказала Алиса. — Почему вчера грибы росли обыкновенно, а сегодня собрались на недоступной полянке?

Геракл с трудом протиснулся сквозь сучья и приблизился к грибам. Ребята, отмахиваясь от комаров, следили за ним.

При виде Геракла самые сильные и крепкие мухоморы начали раскачивать шляпками и поскрипывать.

— Иди, Геракл, это ветер, — успокоил питекантропа Пашка.

Но стоило Гераклу сделать еще один шаг, мухоморы сдвинулись с

места и образовали между ним и маслятами прочный заслон.

Увидев, как грибы движутся ему навстречу, Геракл не выдержал. Он бросил корзинку и метнулся обратно. Оставляя клочья шерсти на колючих ветках, он протиснулся к ребятам, обнял Пашку за колени и завыл, жалуясь на страшные переживания.

— Ну вот, — расстроился Пашка, — а как же корзинку достать?

— Забудь о корзинке, — сказала Алиса. — Мы должны сейчас же вернуться на станцию.

— Эге, — догадался Пашка, — ты думаешь, это шутки Аркаши?

— А ты видел, чтобы мухоморы защищали маслят?

— Если я сейчас не сплю, — сказал Пашка, — то вижу это впервые в жизни.

— Ах, он их своим стимулятором опрыснул! — воскликнула Наташа. — Тогда пускай сам добывает корзинку.

Аркашку они встретили у входа на биостанцию. Видно, не выдержал, встал пораньше.

Первым делом он заглянул в корзинки. Увидев, что они пустые, он сказал как ни в чем не бывало:

— Плохие вы следопыты. Не вам за грибами ходить.

— А ну-ка, — сказала мрачно Алиса. — Повтори закон для юных биологов, который ты обязался выполнять, когда пришел на станцию!

— Какой закон?

— Забыл?

— Помню, но почему я должен его повторять?

— Повтори, — сказал Пашка.

— Каждый юный биолог имеет право ставить любые научные опыты, которые считает полезными, нужными или интересными...

— Дальше...

— Дальше?. Но он не должен проводить опытов, которые могут повредить или помешать другим

людям.

— Ещё дальше!

— Тот, кто нарушит это правило, будет с позором изгнан со станции.

— Все ясно? — спросила Алиса, протягивая Аркашке пустую корзинку. — Ты можешь получить прощение, если принесешь полную корзинку грибов.

— И мою тоже, — сказала Наташа.

— А третью, Пашкину, найдешь на поляне.

— Но я не проводил опытов! Я только защищал грибы от таких варваров, как вы.

— А когда принесешь три корзины грибов, мы их поджарим и тебя угощать не будем.

— Это жестоко!

Но ребята прошли на станцию. За ними— Геракл.

Через час Аркаша принес три пустые корзины.

У него не поднялась рука рвать грибы.

К тому времени Пашка был по горло занят проблемой, как избавиться от комаров, Алиса с Наташей— своими делами.

Грибов они набрали на следующее утро, когда действие стимулятора прекратилось.

Глава 5. Куда улетают комгуси?

Павел Гераскин решил извести комаров.

В то лето комаров развелось множество— им нравилось резвиться над ручьями и полянами Гоголевского бульвара, вечерами накидываться на влюбленных или биологов.

Будучи человеком гордым и уверенным в своих способностях, Пашка не скрывал, подобно некоторым гениям, своих намерений.

Еще до начала опытов он бродил по станции и рассуждал вслух, обращаясь к своему верному спутнику питекантропу Гераклу:

— Какой мы выберем путь? Будем травить комаров ядами? Это уже пробовали, а комарам хоть бы что!

Геракл кивал и жевал бублик, который тайком сорвал с бараночного дерева, выведенного Аркашей.

— Есть и биологические методы— подманивают, например, самцов, подражая самкам,— без самцов нет у комаров дружной семьи, и они должны бы вымирать, а не вымирают.

Геракл бросил бублик, надеясь попасть на рог жирафу Злодею— добрейшему, скучному существу.

— Значит, надо найти путь, которым никто еще не шел, а мы с тобой пойдём. Но какой путь? Какой, я спрашиваю?

Геракл развел руками, как бы говоря: если такой биологический гений, как Пашка Гераскин, не может избавиться от комаров, я пасую!

Решение пришло неожиданно — словно яблоко упало.

Пашка задумчиво стоял у Аркашиной делянки, смотрел, как скворцы деловито выклевывают с грядки червяков.

— Труженики, — сказал он о скворцах.

— Эй,— ответил с горечью Аркаша,— бурей вчера два скворечника свалило. Только они устроили себе дом и уют, придётся снова квартиру искать.

— Да, — согласился Пашка, — летишь через полмира, а тебя даже не могут обеспечить...

— Ты чего? — спросил Аркаша.

— Я понял, — ответил Пашка медленно. — Я решил, что делать с комарами.

— Только учти, — предупредил Аркаша. — Если ты собираешься их уничтожать, я категорически против. Это жестоко, к тому же может нарушить экологический баланс.

— Спасибо за подсказку,— сказал Пашка.— Но я придумал гуманное решение. Я выведу перелетных комаров.

— Не понял.

— Сейчас поймешь! Чем плох комар— зимой он спит или вообще еще не родился. А летом нападает на людей и животных... А нужно сделать

так, чтобы он на лето куда-нибудь улетал.

— А как ты намерен это сделать?

— Это уже пустяки. Главное, внедрить в него перелетный инстинкт. Как потеплеет, будет он улетать в Арктику или Антарктику, сосать кровь у рыб и тюленей. А человечество будет спасено.

— Но там тоже люди — зимовщики, ученые...

— Что легче — защитить от комаров несколько тысяч полярников или сотни миллионов людей умеренных широт, включая детей и стариков?

Пашка не стал слушать возражений, а побежал в лабораторию.

Там он застал толстяка Джавада, который читал ветеринарный справочник, — второй день у жирафа Злодея болело ухо.

— Джавад, будь другом, — попросил его Пашка. — Скажи мне, какие птицы улетают на лето в полярные края?

— Ну, гуси, например. Потом...

У Пашки есть отвратительная манера не дослушивать собеседника, если он уже узнал, что требовалось. Догадайся Джавад, к чему приведут его слова, он бы тысячу раз подумал, прежде чем сказать про гусей. Ведь есть и маленькие птицы, которые летают в полярные страны. Но он сказал «гуси» и снова углубился в справочник.

На следующее утро Пашка исчез: помчался в Институт генного конструирования, чтобы достать там гены серых гусей. Комаров в его распоряжении было больше чем достаточно. Так что с обеда закипела работа.

— Что-то Пашка не вылезает из лаборатории, — сказала Машенька Белая через несколько дней.

— Комаров хочет загубить, — ответила Алиса.

Они кормили дельфинов, а те прыгали так, что казалось — весь бассейн выплеснут.

— А почему он молчит? Ты представляешь, чтобы Пашка в нормальном состоянии молчал?

— Это подозрительно. Давай развеем тайну.

— Как?

— Пойдем к нему. Ему самому не терпится похвастаться.

Алиса с Машенькой заглянули в лабораторию. Пашка сидел у электронного микроскопа и даже не заметил, как они вошли. На столе стоял какой-то ящик, накрытый черной тканью.

— Пашка, пойдем в волейбол поиграем, — сказала невинно Алиса.

— Отстань, — отмахнулся Пашка. — Я занят.

— Пашка, Геракл по тебе скучает, — сказала Машенька.

— Потерпит, — сказал Пашка.

— Слушай, что случилось? Ты на себя не похож. Пашка молчал.

— Скажи хоть, чем занимаешься? — спросила Машенька.

— Сделаю — увидите.

— Не похоже на тебя, — сказала Алиса. — И вообще не помню случая, чтобы кто-нибудь из нас делал тайну из своей работы.

— А я вот делаю, — сказал Пашка. — Потому что вы играете в детские игры, а я создаю переворот в биологии.

— Значит, не скажешь?

— Потом, потом..

Девчата вышли из лаборатории расстроенные. Мимо как раз проходил Аркаша.

— Слушай, Аркаша, — спросила Алиса, — ты не знаешь случайно, чем так увлечен Пашка Гераскин?

— Знаю, — сказал Аркаша. — Он выводит перелетного комара.

— Зачем?

— Чтобы комары на лето улетали в полярные страны и не кусали людей. Он их с чем-то скрещивает.

— Что-то я беспокоюсь, — сказала Алиса и побежала к Джаваду, который менял компресс на ухе жирафу Злодею. Жираф стоял перед ним, как старинный железнодорожный шлагбаум, вытянув шею

вперёд.

— Джавад, — сказала Алиса, — ты не знаешь случайно, с кем Пашка собирается скрещивать комаров?

— А он их скрещивает?

— Чтобы они стали перелетными и улетали на лето в полярные страны.

— Что-о?!

Джавад даже подскочил, а жираф от неожиданности клюкнулся носом в песок.

— Что тебя испугало?

— Испугало! Да я в ужасе! Он же меня как-то спрашивал, какие птицы улетают на лето в полярные страны.

— И ты что сказал?

— Я сказал — «гуси».

И наступило молчание.

— Надо его немедленно остановить. Он не представляет, чем это кончится, — тихо сказала Машенька.

Но договорить она не успела, потому что из лаборатории донесся торжествующий вопль Пашки:

— Вывелся! Вывелся! Есть первый перелетный комар!

Ребята подбежали к окну лаборатории и заглянули внутрь. Черная ткань, оказывается, скрывала стеклянный колпак, под которым поблескивало что-то большое и довольно страшное. Пашка стоял у колпака с черной тряпкой в руке. Увидев зрителей, он произнес:

— Вот он, перелетный комар! Никто раньше не догадывался скрестить комара с перелётной птицей. Лишь начинающий, но талантливый генный конструктор Павел Гераскин решил эту задачу и вывел комгуса.

Пашка гордо смотрел на зрителей, а тем временем его творение поднялось на шесть тонких ног, кончающихся перепончатými лапами. Серые перья комгуса кое-как прикрывали его блестящий хитиновый панцирь, прозрачные крылья были

покрыты гусиным пухом, а вместо клюва из его гусиной головы высывалось жало длиной в полметра.

Комгусь поднатужился, привалился к стенке колпака, и колпак рухнул на пол, Пашка отскочил в сторону, а грозный гибрид расправил крылья и сердито оглянулся, разыскивая подходящую жертву.

Жертвы стояли совсем близко— у окна. Они сразу догадались, что им грозит, поэтому бросились в разные стороны.

Комгусь вылетел в окно, набрал высоту и сделал круг над поляной.

— Его нельзя выпускать!— крикнула Алиса.— Он кого-нибудь в городе до смерти искушает!

— Я сеть принесу!— крикнул Джавад и побежал на склад.

Звери метались в клетках— к счастью, сквозь прутья комару было не пролезть, питон спрятался в листве мангового дерева, жираф, как страус, сунул голову в песок, надеясь, что гибрид примет его за архитектурное украшение, а тут ещё, в довершение суматохи, из лаборатории вылетел Пашка и закричал:

— Не смейте его трогать! Это единственный экземпляр!

Джавад носился с сетью по площадке подобно римскому гладиатору, но комгусь, хоть и новорожденный, понял, что к чему, и на Джавада не обращал внимания.

Все забыли о Геракле, который дремал под деревом. От шума питекантроп проснулся, но ему лень было двигаться с места. Как мудрый старец, он лежал в тени и снисходительно наблюдал за беготнёй.

Может быть, в его времена встречались комары и покрупнее этого гибрида.

Комар погнался за Алисой, но ее спасли дельфины. Они захрюкали, зовя ее в бассейн, и Алиса прыгнула в воду. Комар взмыл вверх, а

через минуту загнал в бассейн Машеньку. Потом уже по доброй воле туда сиганули Аркаша с Пашкой, который не переставал требовать, чтобы гибрида оставили в покое.

На поляне оставались лишь Джавад с сетью и Геракл. За неимением других жертв комгусь заинтересовался Гераклом. Питекантроп сообразил, что шутки с этим злодеем плохи, вскочил на ноги и, когда комар был совсем близко, подпрыгнул и схватился за сук, надеясь скрыться в листве. Но сук с треском обломился, и Геракл свалился на землю.

— Скорей к нам! В бассейн! — закричала Алиса. Но Геракл не выносил воды.

Он увернулся от комара и, когда тот снова пошел в атаку, встал на его пути, подняв палку.

С удивительным для питекантропа хладнокровием Геракл выждал момент, когда комар был совсем близко, и со всего размаха треснул его палкой по голове.

Комар хрустнул и упал в траву.

Геракл оперся на свою дубинку и ждал, пока биологи вылезут из бассейна.

— Вот так обезьяны превращаются в людей, — сказала серьезно Машенька, глядя на Геракла.

— Их к этому принуждают обстоятельства, — добавил Джавад.

Лишь Пашка был настолько расстроен, что не нашел для Геракла добрых слов.

— Дураки, — сказал он. — Неужели нельзя было подождать, пока он сам улетит в полярные страны?

Глава 6. Джинн в корабле

С утра Стас улетел в пузыре к маленькой бухте за скалами Зевса, Пашка Гераскин, конечно, с ним. На прощанье Стас строго-настрого приказал Машеньке с Наташей не купаться и вообще к воде близко не подходить: у них разыгрался страшный

насморк, а, как известно, к концу двадцать первого века человечество справится со всеми болезнями за исключением насморка.

Позавтракав, Алиса вышла на берег и позвала дельфинов— Гришку с Медеей. Дельфины отозвались сразу, соскучились за ночь.

Они кувыркались, щелкали, щебетали, звали Алису скорее нырять в воду.

Утро было прохладным, свежим, но солнце уже начало припекать— и через час-два на берегу станет жарко. А вода здесь теплая, как парное молоко, днём и ночью одинаковая.

— Доброе утро, — сказала Алиса дельфинам. — Сплываем в бухту Калиакрис?

Алиса опустила на глаза очки и, разбежавшись, врезалась в упругую чистую воду, подняв сноп сверкающих брызг. Издалека с берега донесся Наташкин крик:

— К обеду возвращайся!

...Есть у биологов друг Стас, конструктор и подводный археолог. Многие считают, что, займись он чем-нибудь одним, стал бы великим человеком.

— Великим— да,— соглашается Стас.— Но счастливым— никогда. И еще не доказано, что лучше.

Например, если в конструкторском бюро назревает открытие или близится к концу важная работа, оказывается, что в Средиземном море нашли очередную Атлантиду. С этой минуты Стас работает кое-как, мечтая лишь об одном — скорее нырнуть в Средиземное море и не вылезать, пока не вытащит Атлантиду наружу.

Но не успеет он вытянуть свою Атлантиду, как получает письмо от друзей-конструкторов— родилась потрясающая идея! И Атлантида тут же теряет половину своей привлекательности — теперь уж Стас рвется обратно.

Уже вторую неделю биологи и дельфины жили в гостях у подводных археологов на острове Пробос

в Средиземном море. Стас взял их в экспедицию—поднимать со дна моря флот тирана Диостура, который пропал без вести две с половиной тысячи лет назад. Отправился завоёвывать Афины и пропал. Древние историки рассказывали, что боги были недовольны поведением тирана. Зевс кинул в него звездой, поднялась отчаянная буря, флот разметало по волнам и разбило о скалы.

Многие думали, что флота никогда не существовало, а вся эта история —легенда. И вот весной геологи, обследуя окрестности острова Пробос, натолкнулись на разбросанные в бухте остатки деревянных кораблей. И при первом же погружении нашли под грудой обломков глиняных амфор золотую корону с древнегреческой надписью: «Диостур».

Вскоре из разных стран туда слетелись подводные археологи, чтобы исследовать погибший флот и поднять на поверхность все интересное. Стас, без которого ни одна подводная экспедиция не обходилась, взял на остров юных биологов и их друзей — дельфинов...

Некоторое время Алиса ехала верхом на Гришке, затем скользнула в воду и поплыла с дельфинами наперегонки. Хоть Алиса и неплохой пловец, еще не было человека, который обогнал бы дельфина. Так что дельфины плыли не спеша.

Вот и три скалы, торчащие из моря, словно зубы утонувшего дракона. За ними — глубокая уединенная бухта Калиакрис. Она еще не обследована археологами, и Алиса обещала Стасу побывать там и поглядеть, нет ли там отбившейся от флота галеры.

Бухта казалась зловещей: обрывистые берега замыкали ее с трех сторон, бурунчики и белые пятна пены показывали, что к самой поверхности подходят зубцы скал. В бухте были предательские водовороты, но Стас за Алису не боялся— он знал, что, когда рядом дельфины, ничего не случится. И Алиса это знала, к тому же она была

отличным ныряльщиком и могла три часа дышать под водой— для этого надо только проглотить пилюлю.

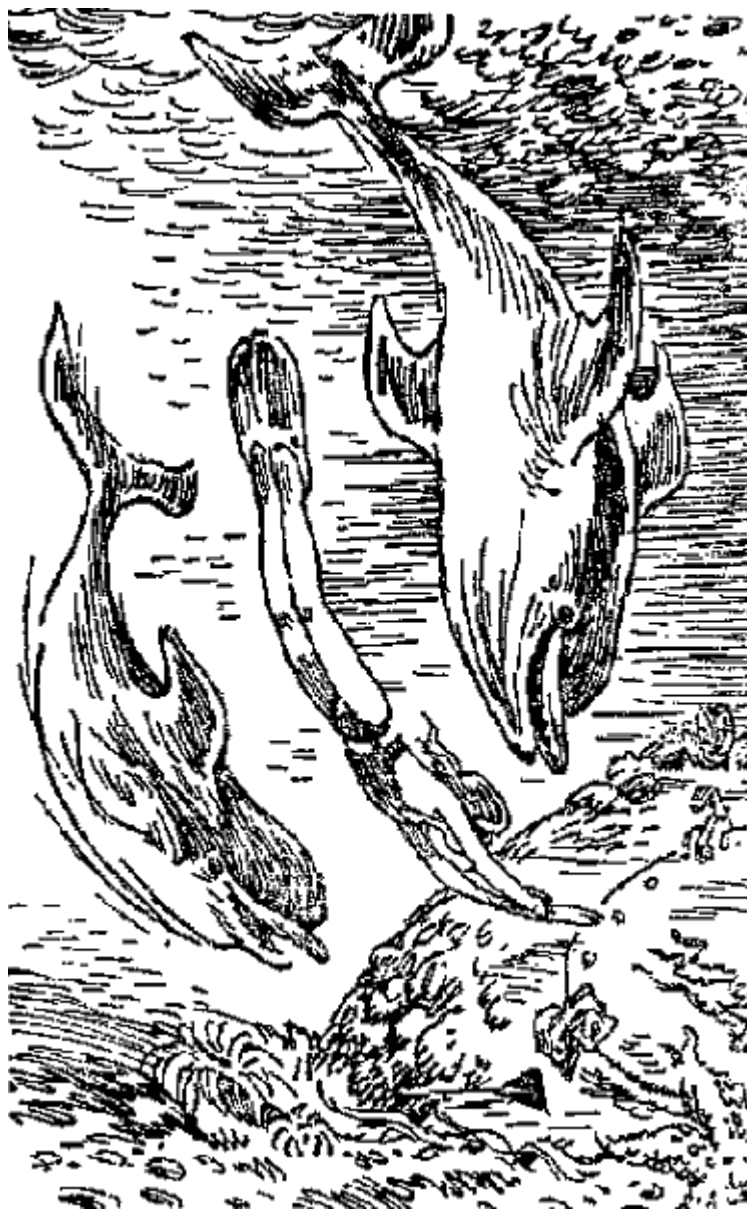
Алиса нырнула. Сверху вода была голубой, солнечной, с бликами, глубже она зеленела и темнела. Из глубины поднимались волосы длинных водорослей, рядышком проплыла медуза, и Алиса отпрянула, чтобы не обжечься. Дельфины крутились по соседству, гоняли стайку серебряной рыбёшки. Алиса опустилась к самому дну. Гришка скользнул рядом — не хотел терять Алису из виду. Алиса обогнула скалу, за ней открылась

громадная ниша, словно гигант начал выгрызать нору в скале, но передумал.

Это место Алисе понравилось. Хорошо бы, подумала она, найти здесь галеру или даже затонувший город.

Издали легко было убедить себя, что обломки скал руины дворцов, но, оглядев их, Алиса разочаровалась и решила подниматься на поверхность — великого открытия не произошло.

Только прежде стоило осмотреть длинную скалу в самой глубине ниши, заваленную каменными глыбами.

Казалось, кто-то обтесал скалу, прежде чем кинуть сюда. А потом она обросла ракушками и лишайниками.

Алиса отодрала мидию и удивилась: под ракушкой оказалась матовая ровная поверхность, похожая на металлическую.

Алиса медленно проплыла вдоль всей скалы. И где бы она ни скребла ее, везде была такая же гладкая поверхность.

Сначала Алиса решила, что это потонувшая когда-то подводная лодка, но она никогда не слышала, чтобы подлодки были похожи на миндальный орех метров в двадцать длиной.

А вдруг это космический корабль?

Такая мысль Алисе понравилась. А почему бы и нет? Нашли же космический корабль, который упал на Землю триста тысяч лет назад в пустыне Калахари!

Но в космическом корабле должен быть люк.

Поиски люка заняли минут двадцать. Дельфинам надоело присматривать за подругой, и они поднялись выше. Иногда Алиса видела их тени, проносившиеся сверху.

Люк было трудно найти не только оттого, что он зарос ракушками, но и потому, что рядом с ним когда-то упал обломок скалы и намертво его заклинил.

Вытащить клин было нелегко, но когда Алиса наконец отвалила камень и соскребла ракушки, она увидела тонкую линию — границу люка.

Алиса вставила в эту нитяную щель острие ножа, и, к ее удивлению, люк легко открылся, словно только вчера был смазан. Внутри тоже была вода.

Алиса включила фонарь, прикрепленный ко лбу, и увидела по ту сторону камеры второй люк.

Гришка подплыл сверху, словно свалился с неба, но Алиса отогнала его, чтобы не мешал.

Алиса вошла внутрь и только дотронулась до внутреннего люка, как почувствовала за спиной

движение воды. Она обернулась и увидела, что внешний люк быстро закрывается. Алиса повернула обратно, но опоздала. Люк закрылся.

Вода быстро уходила из камеры — через минуту в ней было сухо, над головой вспыхнул свет. Автоматика затонувшего корабля действовала.

Внутренний люк открылся, словно приглашая пройти внутрь, что Алиса и сделала.

Она оказалась в каюте. Перед ней был пульт управления, масса незнакомых приборов.

В дальнем конце каюты стояла прозрачная ванна, наполненная зеленоватой жидкостью, и в ней плавало тело космонавта.

Алиса подошла к ванне и потрогала её рукой — ванна была холодной.

Еще недавно, когда люди не умели прыгать через пространство, на каждом космическом корабле были такие анабиозные ванны. Космонавты погружались в глубокий сон, и время для них останавливалось.

А когда подлетали к нужной планете, включался сигнал — и космонавты приходили в себя.

Над головой вспыхнул яркий свет, замигали огоньки на пультах.

Крышка ванны начала сдвигаться.

Космонавт шевельнулся. Вот это везение! Алисе удалось не только найти потерпевший бедствие космический корабль с неизвестной планеты, но и освободить от заточения инопланетного путешественника!

Космонавт оперся четырьмя длинными коричневыми руками о края ванны и поднялся.

Он был страшно худ, втрое тоньше нормального человека. Его лицо было сплющено с боков, словно в раннем детстве он старался пролезть сквозь узкую щель. Ушей вообще не было, а длинный подбородок заканчивался жидкой жёлтой бородой.

Наверно, для того, кто раньше с жителями других планет не сталкивался, вид этого

несчастливого пришельца показался бы неприятным, но Алиса знала, что в Галактике живут такие разные существа, что подходить к ним с земными мерками неразумно. Поэтому Алиса сказала:

— Здравствуйте, я очень рада, что нашла ваш корабль.

Говорила она на космолингве— галактическом языке, который отлично знала.

Космонавт сморщил лоб, потер виски, казалось, он собирался с мыслями.

— Садитесь,— сказала Алиса, показывая на кресло.— Вам надо прийти в себя. Сейчас я отправлюсь за помощью, и вас поднимут на поверхность.

Пришелец ничего не ответил, но в кресло сел.

— Вы меня не понимаете или так давно упали, что еще космолингвы не было?

Алиса говорила медленно, тихим голосом. Ведь это же трагедия — столько лет провести под водой на чужой планете, без надежды, что тебя отыщут.

— Я все понимаю,— проскрипел космонавт, словно его голос заржавел.

— Когда ваш корабль упал,— сказала Алиса,— сверху свалился камень и заклинил люк?

— Да,— сказал космонавт.

— И вы решили погрузиться в анабиоз и подождать, пока вас найдут?

— Да.

— Какое счастье, что я на вас натолкнулась...

— Да.

— Вы издали к нам прилетели?

— Да.

— И давно?

— Да.

Космонавт попался неразговорчивый.

Чтобы не быть навязчивой, Алиса сказала:

— Я поплыву, позову на помощь, чтобы ваш корабль подняли. Тут недалеко археологи работают, у них оборудование есть. Через час

будете на берегу. Не беспокойтесь.

Космонавт ничего не ответил. Алиса пошла к двери.

Дверь была закрыта.

— Откройте, пожалуйста, — сказала Алиса.

Космонавт молчал.

— Так что же вы? — спросила Алиса.

Космонавт медленно поднялся с кресла и подошел вплотную к Алисе.

Она не успела опомниться, как он больно вцепился ей в плечо костлявыми пальцами и отбросил к стене.

— Стой здесь, — сказал он тихо.

— Что вы? — удивилась Алиса.

— Я не люблю повторять, — сказал космонавт. Он возвышался над Алисой, как живой скелет. От него пахло гнилью. — Я прилетел сюда, чтобы покорить Землю. Это было две с половиной тысячи лет назад. Мой корабль приняли за падающую звезду, а буря, которая поднялась, когда я упал в море, погубила целый флот. Но, как назло, меня завалило огромными скалами...

При воспоминании об этом космонавт поморщился.

— А зачем вам покорять Землю? — спросила Алиса.

— Потому что меня изгнали с моей собственной планеты, объявив тираном. Я хотел покорить Землю, набрать здесь армию и жестоко наказать тех, кто посмел поднять на меня руку...

— Но теперь-то поздно... — сказала Алиса.

— Никогда не поздно, — ответил тиран.

— Да и Земля уже не та, что была раньше. Вряд ли нас можно покорить.

— Да, Земля уже не та... — сказал тиран. — В первую тысячу лет я поклялся, что тому, кто меня спасет, я подарю половину сокровищ Земли. Во вторую тысячу лет я решил, что оставлю ему жизнь. А в третью тысячу лет...

— Вы поклялись убить спасителя, — подсказала

Алиса.

— Молчи. Сейчас убедишься, как близка твоя догадка к правде.

— А какой смысл меня убивать? — спросила Алиса.

— Смысл есть, — ухмыльнулся космонавт. — Я убью тебя и приму твой облик. Мне нелегко завоевать Землю в собственном облики. А вот в твоей шкуре это будет нетрудно сделать.

— Да вы про меня ничего не знаете, — сказала Алиса. — Даже смешно.

— Я изучу твой мозг, прочту твои мысли, я разберу тебя на атомы и соберу снова. И всего-то мне на это понадобится час. Потом я поднимусь на поверхность, и судьба Земли будет решена.

Тиран подошел к стене, нажал кнопку, и стена раздвинулась. Там обнаружилась ниша со множеством приборов.

— Не пытайся сопротивляться, — сказал он, — тебе меня не одолеть. Никто не придет к тебе на помощь. Никто не знает, что ты здесь... И гордись тем, что в твоём бывшем теле будет жить и действовать величайший тиран всех времён и народов.

— Нет, — быстро сказала Алиса, — когда я уплывала, я оставила записку, где меня искать. Мои друзья обязательно приплывут сюда.

— Тебя в то время уже не будет в живых, — сказал тиран. — Я их встречу в твоём облике и скажу, что нашёл космический корабль, а в нём мертвого космонавта — мое бывшее тело. Все продумано, девочка.

Космонавт начал готовить приборы, но в то же время не спускал с Алисы заднего глаза. Две руки трудились, две другие были предостерегающе протянуты к Алисе.

— Ничего у вас не получится, — сказала Алиса. — Мои друзья куда образованнее вас. Даже если вы меня убьёте, вас через два дня разоблачат.

— Что же, немало, — сказал тиран.— За два дня можно многое сделать.

— Вы даже не успеете вылезти наружу...

— Успею. Пока я лежал в анабиозе, мои приборы наблюдали за всем, что творится вокруг. Я даже знаю, что ты плыла сюда с двумя громадными рыбами. Тебе нельзя отказать в смелости.

— Это же ручные дельфины, чего же их бояться? — сказала Алиса.

— Если они тебя не жрут, значит, они тебя боятся,— ответил тиран.— Другого пути нет. Все живые существа делятся на слабых и сильных, умных и глупых. Глупым и слабым положено быть в рабстве у сильных. Эти рыбы в рабстве у тебя, а ты у меня...

— Неправда! — воскликнула Алиса. — Ведь есть еще дружба...

— Дружба,— отмахнулся тремя руками тиран.—Это утешение для слабых. Дружба с рыбами!

Он заскрипел, захохотал и стал приближаться к Алисе, протягивая тонкую иглу с едва мерцающим на конце белым огоньком.

— Не бойся, — говорил он,— ха-ха-ха! — Он все еще не мог насмеяться.— Все будет мгновенно: удар тока— и тебя нет.

В это время в дверь постучали. Сильно и уверенно.

Тиран замер.

— Ты здесь, Алиса?— послышался голос Стаса.

Тиран отбросил иглу, схватил Алису и прошептал:

— Молчи!

— Что случилось?— спросил Стас.— Почему ты не выходишь?

— Алиса у меня в плену,—сказал тиран.— Вы слышите?И если вы сюда войдете, она погибнет. Мне нечего терять.

— Я хочу услышать голос Алисы, — сказал Стас.

— Я здесь,— сказала Алиса.— Извини, Стас, но я в самом деле у него в плену. Я не думала, что

он хочет завоевать Землю.

— Все нормально, — сказал Стас. — Я советую вам, любитель приключений, немедленно отпустить девочку и открыть дверь. Земля — не место для опытов над людьми.

— Соглашайтесь, — сказала Алиса. — Стас шутить не любит.

— А где гарантия? — спросил тиран.

— Мне надоело ждать, — сказал Стас. И в то же мгновение по металлу двери кольцом прошла золотая искра, и круг металла диаметром в метр выпал внутрь каюты. За дверью стоял Стас с лазерным резакom в руке.

— Алиса, иди сюда, — сказал он.

Хватка тирана ослабла. К счастью, он не настолько обезумел, чтобы решиться на глупость.

За люком на дне стояли еще три археолога и Пашка Гераскин. Ждали. Поодаль крутились дельфины.

Гришка бросился к Алисе. Он выглядел виноватым — еще бы, не усмотрел.

Когда все, включая пленного тирана, поднялись в катер, ожидавший на поверхности, Алиса сказала:

— Я виновата перед дельфинами.

— Да, уж они-то переволновались, — сказал Стас.

Пашка добавил:

— Гришка с Медеей примчались к нам как сумасшедшие и бормочут, что с тобой беда. На них лица не было.

Мрачный тиран сидел, уткнув лицо в четыре руки.

— Как же они успели прибежать? Ведь все было рассчитано! — бормотал он в отчаянии.

— Неужели вы ничего не поняли? — удивилась Алиса. — Не все делятся на господ и рабов. Дельфины — мои друзья.

— Если бы не они, — добавил Пашка Гераскин, который завидовал, что не на его долю выпало

такое удивительное приключение, — то завтра ты, Алиса, завоевала бы всю Землю. Была бы ты девочка-тиран.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЗАГРАНИЧНАЯ ПРИНЦЕССА

Глава 1. Мы летим в джунгли Пенелопы!

В тот день Алиса Селезнева примчалась на станцию юных натуралистов, словно за ней гналась стая космических драконов, и от самого входа закричала:

— Все в порядке!

Казалось бы, ничего особенного.

Но нормальная жизнь станции сразу нарушилась.

Джавад, который кормил обезьян, вырвал банан из рук питекантропа Геракла и съел вместе с кожурой.

Аркаша Сапожков рассыпал семена моментального гороха, они тут же проросли, и через десять секунд стебли опутали Аркашу, словно змеи

древнегреческого героя Лаокоона.

Маша Белая, которая каталась на дельфине Гришке по бассейну, упала в воду, и дельфинам пришлось нырять за ней, искать на дне и выталкивать носами на поверхность.

А Павел Гераскин, который в этот момент сидел в лаборатории и выводил гигантскую стрекозу, свалил на пол электронный микроскоп и перепутал гены, которые с утра сортировал по размеру.

Юные биологи окружили Алису и наперебой спрашивали:

— Неужели разрешили?

— А когда летим?

— А что с собой брать?

— Когда вернёмся?

— Спокойствие, коллеги! — сказала Алиса. — Объясняю все по порядку. Нам разрешили лететь на планету Пенелопу. На все каникулы. Будем жить в джунглях, собирать растения и животных для нашего музея, а если повезет, делать открытия. И еще будем купаться, загорать и так далее. Ясно?

— Ясно!

— Вылетаем послезавтра. Сначала на Плутон, а оттуда на звездном лайнере до самой Пенелопы. С собой ничего лишнего не брать. Мой отец договорился, что там нам дадут все, что нужно.

— А кто из взрослых полетит?

— К счастью, никто. Но на Пенелопе нас встретит папина знакомая и поедет с нами в джунгли.

— Жалко, — сказал Пашка Гераскин. — Я люблю свободу.

— Не обращай внимания, — сказала серьезная Машенька Белая. — Ты же знаешь Пашкину маму. Она его вообще может не отпустить.

— Я пользуюсь самостоятельностью, — возразил Пашка. — В разумных пределах.

Питекантроп Геракл, которому надоело ждать, пока о нем вспомнят, потянул Джавада за рукав и

сказал:

— Ба-нан.

Геракла уже полгода учили говорить, но он не хотел произносить ничего, кроме съедобных названий.

Я возьму с собой гербарные папки,— сказал Аркаша.— У них на Пенелопе наверняка хуже.

— А я — свой батискаф, — сказала Маша.

— А я,— заявил Пашка,— считаю нужным вооружиться. В джунглях могут встретиться опасности.

— Если были бы опасности, нас бы не пустили,— сказала Алиса.

— Со львом не справишься голыми руками,— не согласился Пашка.

— Не слушайте его,— сказала Маша.— Я вообще не понимаю, как такой человек может заниматься биологией. Ему надо уехать в прошлое и воевать с Юлием Цезарем.

— Надеюсь,— возразил Пашка, — на мой век хватит опасностей в открытом космосе. Сами еще прибежите ко мне с криками: «Спаси, Пашенька!»

— Вы только на него поглядите!— сказала Маша. — Рыцарь!

Пашка покраснелся, русые волосы растрепались, глаза сверкали. Он подскочил к Джаваду, оторвал банан от грозди, которую тот держал в руке, и прицелился из банана в дельфина Гришку, который, сгорая от любопытства, высунулся из бассейна.

— Лапы вверх, чудовище!— воскликнул Пашка.— Отважный рыцарь сэра Ланселота вызывает тебя на поединок!

Глава 2. Пенелопа и Жангле-многоточие

Теперь надо сказать, почему юные биологи так хотели попасть на Пенелопу.

Лет двадцать до того космический корабль «Малая Медведица» под командованием Полугуса

Земфирского летел к своей родной Пилегее и вдруг у известной звезды Кассандра открыл планету, которой никто раньше не видал, хотя по этому пути пролетали тысячи кораблей.

Разумеется, Полугус Земфирский приказал припланетиться. На планете были зеленые леса, белые, снежные горы, синие океаны. Над полянами летали бабочки и птицы с хвостами длинными, загнутыми, раздвоенными, растроеными и даже расчетверенными. Под деревьями скакали синие, зеленые и оранжевые белки, в траве прыгали золотые кузнечики.

Прохладной ночью вода в речках была теплой, а в жару становилась холоднее. Все фрукты на деревьях были только спелые, дождь шел только в стороне от людей, а ветер бывал только слабый до умеренного.

Полугус Земфирский провел на планете два месяца, каждый день купался в прозрачных речках, катался на лыжах со снежных гор, загорел и поправился на тринадцать килограммов, но не нашёл на планете ни одного человека, ни одного хищника и даже ни одного комара. Наконец, Полугус Земфирский с трудом собрал по лесам и полям команду своего корабля и еле уговорил друзей вернуться домой.

Со вздохами и стонами покидали космонавты гостеприимную планету.

— Жди нас, — повторяли они, словно боялись, что планета сойдет с орбиты и умчится в другой конец Галактики. — Жди нас, как Пенелопа древнегреческого путешественника Одиссея. — И они назвали планету Пенелопой.

Когда Полугус рассказал на Пилегее об открытой планете, ему сначала не поверили. Тогда отважный капитан разделся до трусов, и все увидели, каким сказочным, бронзовым загаром покрыто его мускулистое тело.

— Где я мог так загореть, если только вчера вернулся из длительной космической

командировки? – спросил он скептиков.

Тогда все поверили а существование планеты Пенелопы.

На Пенелопу полетело несколько экспедиций. Восторженный рассказ Полугуса Земфирского полностью подтвердился, и было решено сделать Пенелопу туристским заповедником.

Но у Пенелопы нашелся один недостаток. Она лежит в стороне от других звездных систем. Далек не всякий полетит сюда в отпуск: пока полетишь да вернешься, весь отпуск пройдет. Поэтому в построенном на ней туристском городе большинство гостиниц пока пустует, только роботы-уборщики бегают по коридорам, стирают со столов пыль и меняют простыни в номерах.

Специальная комиссия, которая придумала и спланировала город – столицу туристской Пенелопы, долго решала, как этот город назвать. Кто-то предложил сложить название из первых букв планет, которые его строили. Получилось: ЗППКРСТФКУГ. Это означало: Земля, Плутон, Пилагея, Попокатепепа и так далее. Попробуйте произнести, тем более быстро! Был другой вариант: взять первые слоги от названий планет. Получилось – Землпокерасотрфукаутгр. Конечно, это слово произнести легче, чем первое. Но всё-таки... А как же сделать, чтобы никого не обидеть? Тогда приказали электронному мозгу сказать первое попавшееся красивое слово на любом из галактических языков. Машина сказала – «ЖАНГЛЕ», что по-пилагейски означает «Светлый ветер, дующий с высокой горы».

Всем название понравилось. Его передали художникам и поэтам, чтобы оповестить Галактику, где лучше всего отдыхать. Через два дня поэты и художники принесли свои произведения. Первый художник показал картину будущего города, окружённого лесами и озёрами, а поэт прочёл надпись к картине:

– *Поскорее прилетай*

В славный город

Жанглетай!

— Что такое? — раздался возмущенный голос. — Город называется Жангле!

— Ничего страшного, — ответил поэт. — Города ещё нет. Попробуйте придумать рифму к слову Жангле. Не получается? Зато прислушайтесь, как красиво звучит: «Жанглетай, Жанглетай, поскорее прилетай!»

— А почему бы и в самом деле не назвать город Жанглетаем? — спросил делегат с планеты Фукрук. — Пускай будет Жанглетай, «Жанглетай, поскорее прилетай!».

Остальные члены комиссии согласились и позвали второго поэта и второго художника.

Художник развернул изумительное полотно. На нем был изображен объемный, движущийся музыкальный карнавал. Раздались аплодисменты, и все обернулись к поэту, ожидая, какие он прочтёт стихи. Он прочёл:

карнавал

— Прилетай на

В славный город

Жанглевал!

— Как так? — удивилась комиссия. — Ведь город называется Жанглетай! Ну, в крайнем случае, Жангле.

— А как вы прикажете рифмовать Жангле со словом «карнавал»? — удивился поэт. — К тому же города ещё нет, и неважно, как он называется.

— Придётся поискать рифму, — сказал фукрукец. — У города уже есть название.

— Ах так! — воскликнул художник. — Я забираю свою картину обратно, потому что меня вполне устраивают стихи.

— Давайте отложим наше окончательное решение до следующего художника, — сказал Иван Тристанович Сингх — делегат Земли.

Вошел третий художник. Его картина изумляла своими яркими и даже необычными цветами.

Неважно, что на ней было изображено, но — нечто очень привлекательное.

— Замечательно!— послышались голоса.— Любой человек, увидев эту картину, устремится в Жангле...— И все опасливо замолчали, потому что не знали, чего ждать от третьего поэта. А тот прочёл:

*— Вот какую красоту
Ты увидишь в*

Жанглету!

— И это тоже название? — спросил Иван Тристанович.

— А чем оно хуже других? — спросил поэт.

Комиссия не стала с ним спорить, а вызвала четвёртого поэта, который предложил следующее:

*— Коль устал ты,
прилети*

В славный город

Жанглети!

Пятый поэт прочёл:

*— Если ты утомился и
тоскуешь притом,*

Приезжай отдыхать

поскорей в Жанглетом!

— Все ясно,— сказал Иван Тристанович.— Прослушивание стихов прекращается. Комиссия удаляется на совещание.

Три часа комиссия совещалась без перерыва. А потом Галактика узнала о ее решении.

Так как в конкурсе участвовали достойные поэты и написали достойные стихи, то комиссия решила никого не обижать. Отныне столицу планеты Пенелопы каждый имеет право называть как ему вздумается, при условии, чтобы название начиналось со слова Жангле. А дальше — как удобнее.

Все имеют такое право. Даже читатели этой повести. И даже те, кто жил в XIX веке до нашей эры.

В официальных документах и на звездных картах название столицы планеты Пенелопа пишется так:

«Жангле...» – то есть Жангле-многоточие.
Обитатели Галактики зовут этот город
Жанглепупом, Жанглетоном, даже Жанглекоком. А
уж что с этим словом делают поэты – страшно
подумать!

– Любой поэт

придумает стихи

Про город Жанглехи–

хи-хи-хи-хи!

Глава 3. Все беды от романтики

Больше всего забот у Алисы было из-за Пашки Гераскина.

Он в первый раз попал в космос – раньше мама не пускала, словно в наши дни можно удержать человека на Земле. Вот и передержала.

Уже на космодроме при погрузке, когда ребята сдавали все лишние вещи и домашние пирожки, потому что вес ограничен, Пашка умудрился протащить на корабль свой знаменитый нож с тридцатью тремя лезвиями, пилой и даже садовыми ножницами. Ну ладно бы, протащил, но ведь он ещё и воспользовался им на Плутоне.

Там, пока ждали пересадки на звездный лайнер, пошли погулять вокруг базы. Все были на тросах. На всякий случай ребят сопровождал один тамошний геолог. Казалось бы, что может случиться на обжитом Плутоне с нормальными школьниками? Но случилось. И конечно, с Пашкой.

Как известно, на Плутоне живут снеговики. Поймать их еще не удавалось, хотя их немало, любому гостю показывают издали.

Почему снеговика трудно поймать? Потому, что он двуликий. Живут снеговики на границе солнца и тени. Если за ними погонишься по теневой стороне, сразу перелетают на солнце и испаряются, взлетают облачком пара – только его и видели. А когда опасности нет, они пасутся себе в тени в виде сверкающих, почти прозрачных

шаров из мелких замерзших кристаллов.

Удивительное зрелище!

Когда ребята пошли на прогулку по Плутону, они заметили снеговиков и стали их фотографировать. Тут Пашка увидел, что один из снеговиков забрался далеко в тень.

Пашка отлично понимал, что на тресе он как щенок на поводке— не погонишься за снеговиком, сразу назад вернут. Свой утаенный нож он прятал в кармане скафандра и, когда на него никто не смотрел, перекусил садовыми ножницами трос, освободился и бросился вслед за таинственным плутонским жителем.

Хватились его минуты через три. Трос обрезан, а юного биолога и след простыл — он успел далеко умчаться за снеговиком, который хоть и неразумен, но, видно, сообразил, что преследователь неопасен, и решил поводить его за собой среди скал.

На Плутоне объявили всеобщую тревогу. Сотни людей были оторваны от дел, все механизмы и планетарные катера были высланы на спасение исчезнувшего ребенка. А ребенок между тем и не подозревал, что он — источник тревоги.

Когда его нашли, он еще отбивался и кричал, что он на грани великого открытия— чуть-чуть не поймал голыми руками снеговика, а ему мешают.

И потом, уже на пути на Пенелопу, он нет-нет да вздыхал и говорил с печалью:

— Эх, если бы не плутонские перестраховщики, был бы живой снеговик в нашем зоопарке.

— Ты бы его в кармане привез? — спрашивала ехидно Машенька Белая.

— Наивно, — отвечал Пашка. — Я его испаряю и загоняю в банку. В банке и везу. Дома снова замораживаю. У меня все рассчитано.

Пришлось группе поручиться, что Пашка больше не будет позорить биологию и устраивать из научной экспедиции детский сад. Хотя ученые с Плутона предупреждали: «Зря вы ему верите. Он

сейчас искренний, а потом забудет о своих обещаниях. Не потому, что он лживый или плохой человек, а потому, что слишком увлекающийся. Таким в космосе не место».

Ну ладно, пожалели.

В лайнере «Солнечная система–система Кассандры» Пашка вел себя почти идеально, лишь ворчал, что прошли времена приключений и корабль, на его взгляд, слишком цивилизованный. Хотя сам купался в корабельном бассейне, играл в футбол на корабельном стадионе и даже учился скакать верхом на синтетических конях в корабельном манеже.

Когда прилетели на Пенелопу, ребята почти забыли о плутонском снеговике, хотя Алиса не очень доверяла Пашке и решила за ним присматривать, когда они попадут в джунгли. В городе ему вроде бы ничто не грозило. Романтика там в основном туристская, безопасная.

В первый день ребят повезли на экскурсию по городу Жанглетону и показали некоторые достопримечательности. Достопримечательности были, например, природные. Самое интересное – скала с круглой дырой. Если смотреть сквозь дыру, то видишь озеро, от которого до скалы тридцать километров, а стоит тебе сквозь дыру пройти, как озеро исчезает и за скалой оказывается непроходимый лес. Есть там целебные источники, которые в три минуты заживляют всякую рану. Только они кипящие, и если сунуть порезанный палец в источник, не остудив воду, то вместо маленькой царапины получишь большой ожог. Потом ездили к «Малой Медведице», которая открыла эту планету. «Малую Медведицу» три года тому назад списали за старостью, привезли в Жангле-многоточие и поставили на одной из площадей. Правда, пока что эта площадь не обстроена домами, и, если не знаешь, что это городская площадь, можно подумать, что корабль стоит на поляне в лесу.

Все остальные достопримечательности — специально туристские.

Во-первых, гостиницы. Обыкновенные, если не считать гостиницы для крокосов. Эта гостиница — прозрачный шар, внутри которого крокосы будут плавать и любоваться окрестностями. Правда, ещё ни один крокос на Пенелопу не прилетал, поэтому гостиница стоит пустая, а рядом — цистерны с одеколоном, который для крокосов заменяет воздух. Когда-нибудь гостиницу доверху нальют одеколоном.

В Жанглеграде разбит также великолепный парк с аттракционами, свезёнными с разных планет. Аттракционы пока не работают, но когда заработают, найдется развлечение для любого жителя Галактики: подземные туннели с сюрпризами и привидениями, качели со скоростью света, карусели на воздушной подушке, комнаты плача и хохота, фонтан с апельсиновым соком, бассейн для схватки с осьминогом, площадка для соревнований по сбору мухоморов, живая библиотека и многое другое.

Особенно Пашке понравился будущий аттракцион — рыцарский турнир. Его участники должны одевать латы, взбираться на коней и сражаться копьями. Пашку с трудом оттащили от аттракциона, и то только когда робот-экскурсовод сказал, что кони и латы искусственные, а копьё — из мягкого пластика.

— Это для детей, — заявил Пашка. — Подделок я не терплю. Подождем до джунглей.

— Но в джунглях нет рыцарей, — сказал ему экскурсовод, который, разумеется, принимал Пашку всерьёз.

— Может, и нет, — согласился Пашка. — Но в джунглях могут быть другие опасности. Встречи с дикими зверями и так далее.

— Опасных диких зверей пока не нашли, — сказал экскурсовод.

— Вот именно, что пока, — ответил Пашка. — К

этому надо быть готовым.

Машенька Белая тяжело вздохнула, потому что считала Пашку почти ненормальным. Она была уверена, что самое лучшее приключение— это сделать какое-нибудь открытие в биологии, а все остальные приключения получаются только от глупости. О них даже и думать не стоит.

В гостинице ребят ждала записка от местного биолога Светланы, где говорилось, что она заедет на своей машине в семь часов вечера, чтобы до ужина успеть на лесную станцию, где она работает и около которой будет разбит лагерь юных биологов.

Ребята пообедали. Потом Аркаша сел писать дневник. Джавад лёг спать, а Машенька с Алисой принялись сочинять письма домой.

Прошел час, потом Алиса спросила:

— А где Пашка?

— Спит, наверно, — сказала Машенька.

— Что-то неладно у меня на душе, — сказала Алиса. — Как бы он не побежал искать приключений.

— Не обращай внимания, — сказала Машенька. — Он сидит у себя в комнате и думает, где раздобыть космическую пушку, чтобы убить из нее стрекозу или муху.

Это Алису не успокоило. Она провидеофонила в комнату к Пашке, но там никто не ответил. Потом она выбежала в коридор и заглянула к ребятам. Пашки и там не было.

Она решила не беспокоить зазря Машеньку, вернулась в номер и сказала:

— Пойду подышу свежим воздухом. Через час вернусь.

— А письмо?

— Мне писать пока нечего. Летели, летели и долетели. Передавай в своем письме привет от меня. Хорошо?

— Хорошо, — сказала Машенька.

Алиса обежала все этажи, расспросила всех

встречных и узнала, что мальчик, о котором она спрашивает, час назад вышел из гостиницы и не возвращался.

До прихода Светланы оставалось полтора часа.

Глава 4. Свня Ула

При виде Алисы двери в гостиницу разошлись и выпустили ее наружу.

На площади светило солнце, щебетали птицы, с голубых недалеких гор слетал освежающий ветерок. Туристы усаживались в автобус, чтобы ехать на Целебные воды. Другие не спеша гуляли по площади.

Несколько человек стояли посреди площади, под громадным, висящим в воздухе шаром. Они глядели на шар и спорили.

Шар был указателем. На его боках было написано, куда пойти.

К сожалению, этот шар очень понравился птицам. Некоторые успели уже прилепить к его бокам гнезда, другие стайками гонялись друг за другом вокруг шара так быстро, что в глазах рябило. Сверху шар был уже покрыт шапкой птичьего помета, словно арктическим льдом. От шапки к тропикам тянулись языки ледников. В общем, разобрать, что написано на шаре, было трудно.

На другой планете прогнали бы птиц, вымыли шар, и все в порядке. Но на Пенелопе есть закон: птиц нельзя беспокоить. Поэтому жанглетонцы решили загубленный шар подарить птицам, а рядом повесить еще один, такой скользкий, что на нем ничто не удерживается. Пока суд да дело, поставили под шаром списанного по старости робота-уборщика, который, как местный старожил, давал разъяснения.

— Что там написано черными буквами?—спросил турист с Альдебарана, которого Алиса без труда

отличила от человека, потому что у него колени сзади, а локти спереди.

Маленький блестящий робот отъехал в сторону, подумал и сказал:

— Пенелопская Швейцария.

— А что такое Швейцария? — спросил турист с Альдебарана.

— Это планета, где живут швейцары, — ответил робот.

Робот был похож на кастрюлю на ножках и говорил хриплым басом.

Алиса знала, что робот ошибся, но не стала вмешиваться, чтобы не обижать старика. Сама она в Швейцарии еще не бывала, живого швейцарца не видела, но знала, что в Швейцарии живут не швейцары, а швейцарцы. А это большая разница.

— Простите, — сказала она, обращаясь к роботу. — Вы не видели здесь мальчика?.

— Сколько ног? Сколько рук? С какой планеты? — перебил ее робот.

— Две руки, две ноги, одна голова, на голове синяя шапочка с козырьком.

Робот поднял голову к шару и задумался.

— Я его видел, — сказал он наконец. — Мы с ним читали надписи.

Туристы расступились, чтобы роботу с Алисой было удобно обойти шар вокруг.

— Вот, — сказал робот, — он пошел туда.

Алиса попыталась прочесть надпись на боку шара, которая выглядела так: «С— гнездо—В—спящая птица—Н—стая бабочек—Я УЛ—гнездо—А».

— Ничего не понимаю, — сказала Алиса.

— К сожалению, я тоже забыл, — сказал робот.

— Может, это Свиная улица? — спросила Алиса.

— Нет, — обиделся робот, — у нас не может быть такого названия.

— Улица Свидания, — подсказал турист с Альдебарана.

— Нет, — сказал робот, — для свиданий у нас парк, а не улица.

– Все просто, – сказал турист-двадцатитрёхног. – Это Северная улица.

– Нет, – возразил робот, – север у нас совершенно в другой стороне.

Каждый из туристов старался помочь Алисе и предложить своё название. Когда исчерпались все названия на космическом языке, некоторые стали предлагать слова на своих родных языках.

– Совенкуня улица! – кричал двухголовый веганец.

– Улица Справгенупря?

– Улица Сдерв-ван-ни-ван-ня?

– Может, это Справочная улица? – спросила Алиса.

Робот замолчал. Он, видно, не подозревал, что может быть так много улиц.

И неизвестно, сколько бы времени это продолжалось, если бы какой-то мальчишка не кинул бутербродом в шар, да так метко, что попал точно в стайку бабочек. Бабочки взлетели, и оказалось, что они скрывали собой буквы «ИРНА».

Получилось: «С...В...НИРНАЯ УЛ...А».

– Вспомнил! – воскликнул робот. – Это Сувенирная улица!

– Я теперь и без вас вижу, что Сувенирная, – согласилась Алиса. – А как мне туда попасть?

– Вот это уж проще простого. Идите в ту сторону и увидите.

А когда Алиса отошла, робот крикнул ей вслед:

– Этот мальчик с двумя ногами, двумя руками и одной головой в синей шапочке с козырьком спрашивал меня, где продаётся оружие или боевые кони.

Глава 5. Все для шпиона

Пройдя через парк, где замерли в ожидании гостей аттракционы, Алиса остановилась перед большой, в тяжёлой золотой раме, вывеской. На

вывеске было написано:

«СУВЕНИРНАЯ УЛИЦА»

Алиса ступила под вывеску и замерла от удивления: этого она не ожидала увидеть даже на планете Пенелопе в славном городе Жанглечуде!

Улицу сделали нарочно. Для туристской романтики.

Это была очень узкая, длинная, извилистая улица, составленная из старинных домов. Первый дом справа был каменный, с узкими высокими окнами. Его второй этаж выдавался над первым, а третий – над вторым. А над третьим этажом нависала крутая крыша из красной черепицы. Напротив возвышался дом, составленный из множества тесно стоящих колонн. Колонны были покрыты резьбой, и двери на первом этаже были такими узкими, что внутрь можно было попасть только боком, выпустив из себя весь воздух. И так далее...

Первые этажи домов были заняты магазинами и лавками, над ними висели вычурные вывески, вдоль улицы тянулись фонарные столбы с керосиновыми фонарями, к одному из столбов была приставлена лестница, на ней стоял человек в черном цилиндре и, открыв фонарное стекло, зажигал свет.

Только тут Алиса поняла, что уже смеркается и надо спешить. И так она потеряла минут десять у шара на площади.

– Простите, – обратилась она к фонарщику. – Вы не видели здесь мальчика с двумя ногами?..

Фонарщик закрыл стекло фонаря и поглядел вниз.

У него были длинные грустные усы.

– Видел. Он спросил меня, где продают оружие и охотничьи припасы.

– Правильно. Это он!

– Мальчик оскорбил меня.

– Как?

– Он назвал меня фонарщиком.

— Разве вы не фонарщик?

— Я— трубочист. Это и слепому видно.

— А почему вы тогда зажигаете фонари?

— Ах, девочка.— Фонарщик спустился с лестницы и достал из кармана трубку. Осторожно разжигая ее, чтобы не подпалить усы, он продолжал: — В славном городе Жанглешуне решили сделать сувенирную улицу для романтиков. Все здесь должно быть старинным и настоящим. По всей Галактике стали искать чудаков, которые согласились бы жить в старинных домах, топить печки и камины и торговать сувенирами. Меня тоже нашли. Последнего настоящего трубочиста на Земле. Я обрадовался, что могу поработать по специальности, потому что вот уже восемнадцать лет мне приходилось тренировать альпинистов— ведь на всей Земле не осталось ни одного действующего дымохода. И что же оказалось? Чудаков, которые согласились бы жить на романтической улице, топить печи, пользоваться керосиновыми лампами и готовить себе пищу на плите, нашлось всего два. Я и Фуукс.

— Это совсем не удивительно, — сказала Алиса.

— Не удивительно, но обидно. И что тогда сделали? Оставили фонари только на улице, а внутри домов все сделали совершенно обыкновенно— с пищедоставкой, телекорами, пенованнами и всякой современной требухой. Но не уезжать же мне обратно! Хоть фонари стоят. Вот я и работаю. Обещают в будущем году сделать специально для меня одну большую трубу. Этой надеждой и живу.

— Но куда пошел тот мальчик, который назвал вас фонарщиком?

— Он пошел дальше по улице.

— И давно это было?

— Почти час назад. Я успел уже зажечь восемь фонарей и долить в них керосин.

— И обратно он не возвращался?

— Нет.

— А он мог пройти дальше?

— У этой улицы нет второго конца, — сообщил трубочист. — Загляните в магазин старика Фуукса. Я на месте романтически настроенного мальчика обязательно зашел бы в тот магазин. И может, даже не вышел бы обратно.

— Что вы этим хотите сказать?

— Зайдите — узнаете, — сказал трубочист. — Передавайте от меня Фууксу привет. Только умоляю, не верьте ему!

— Не верить?

— Ни в коем случае! Это очень рискованно.

Смеркалось. От желтых фонарей на узкой улице казалось темнее. Воздух стал синим. На нижних этажах старинных домов ярко горели витрины с сувенирами. Только покупателей пока что было мало. Раз или два Алиса встретила прохожих, глазевших на экзотические витрины и вывески. Она шла довольно медленно, потому что забыла спросить, как называется магазин старика Фуукса, которому нельзя верить. К тому же Пашка мог застрять в каком-нибудь совсем другом магазине. Или даже на выставке сирианских марок, которая разместилась в круглой башне с зубцами поверху.

Дом Фуукса Алиса прозевала. Он был сдавлен двумя соседними домами — один был пузатый, как самовар, и сверкал оранжевым блеском, а другой был похож на старинный паровоз. Седой бревенчатый домик между ними был почти незаметен. Да и витрина в нем освещалась одной керосиновой лампой. Скучный свет падал на квадратный лист белой бумаги.

Алиса миновала уже этот магазин, но вдруг остановилась и обернулась. Ведь трубочист говорил, что на улице всего два ревнителя старины — он и Фуукс. А в витрине горит керосиновая лампа!

Алиса вернулась обратно.

Так и есть. Над узкой дверью маленькая

жестяная вывеска: «Магазин Фуукса».

Алиса наклонилась к самому стеклу витрины, чтобы при слабом свете керосиновой лампы прочесть, что там написано.

«ВСЕ ДЛЯ

ШПИОНА!

Продаём и покупаем
государственные тайны!

Меняем секретные документы на
секретные документы.

Обеспечиваем тайный проезд в
любую точку Галактики!

Имеются в продаже подлинные
документы всех планет и звездных систем!

Шпионы и авантюристы, спешите к
нам!

Только в магазине Фуукса в
славном городе Жанглебумсе!

То, что забыто в Галактике, можно
вспомнить у нас!

Последние рыцари Большой дороги и
авантюристы звездных трасс,

СПЕШИТЕ К НАМ!»

— Если Пашки здесь нет, то он здесь был
обязательно, — сказала Алиса вслух и направилась
к двери в магазин.

Глава 6. Два лица Фуукса

Дверь громко заскрипела, и внутри магазина отозвался колокольчик. Магазин оказался длинной, вытянутой в глубь дома комнатой.

На боковых стенах висели старые, потертые на стибах карты неизвестных островов и заливов, под стеклами — гравюры с парусными кораблями под пиратским флагом. Гравюры были засижены мухами и потускнели от времени, а казалось, что корабли окутаны пороховым дымом. Посреди магазина стояла бочка, возле нее — три табуретки, а дальний конец зала был перегороден

прилавком, на котором выстроились в ряд стаканы, чашки, несколько старинных бутылок и грудой валялись растрепанные книги. На полу посреди магазина почему-то стоял детский ночной горшок с незабудками на боках.

Откуда-то из-за прилавка бесшумно вышел раскормленный рыжий кот с красным носом, поглядел на Алису и улёгся в углу, не спуская с нее глаз, словно боялся, что она обкрадёт магазин.

— Есть здесь кто-нибудь? — спросила Алиса.

Никакого ответа. Старинные часы пробили шесть раз.

Алиса сделала несколько шагов к прилавку. Половицы громко заскрипели, а сидевшее на прибитом к стене сухом суку чучело совы вдруг зашаталось и перевернулось вниз головой.

Алиса подошла к прилавку, поглядывая на сову, — вдруг оживет? В таком магазине Алисе еще не приходилось бывать.

Вдруг из-за двери, которая вела в заднюю комнату, послышался детский плач, потом громкий голос спросил:

— Куда запропастилась эта проклятая посудина?

Тут же из двери выскочил в магазин маленький лысый человек в черных очках, с очень длинным и массивным носом, который тянул его книзу, и оттого человек бежал, как охотничья собака, почуявшая добычу.

Он не заметил Алису, а устремился к ночному горшку с криком: «Вот он!» — словно открыл Америку.

За ним в магазин вбежал мальчик лет пяти, по пояс измазанный вишневым вареньем. В руке, словно шпагу, он нес длинный полосатый леденец.

— Папочка! — промяукал мальчик. — Памила снова сорвала занавеску и ее жует.

Лысый человек увидел Алису и тихо сказал: «Ах!»

Он подхватил горшок, кинулся к ребенку,

приподнял его за шиворот и громко прошипел:

— Разве ты не видишь, что у нас покупатель?

С этими словами он исчез, лишь из-за двери слышался топот и писк. Рыжий кот вздохнул, вспрыгнул на прилавок и устроился среди бутылок.

Алиса подумала, что чучелу совы неудобно висеть вниз головой. Она встала на цыпочки и постаралась поставить сову на место, но чучело тут же перевернулось снова.

За этим занятием Алиса не заметила, как носатый человек вернулся в магазин.

Если бы не нос и не черные очки, никогда бы не догадаться, что это он только что бегал по магазину с ребенком и горшком в руках.

Человек успел накинуть черный халат с вышитыми на нем звездами, а на голову надеть черную шляпу из соломки.

— К вашим услугам, мадемуазель, — произнес он натужным басом. — Что вы желаете приобрести, продать или променять?

Здравствуйте, — сказала Алиса, стараясь не улыбаться. — Вы директор этого магазина Фуукс?

— Балтазур Фуукс, магистр черной, белой и зеленой магии, к вашим услугам, — поклонился ей

человечек, но тут нос перевесил, и Алисе пришлось подхватить Фуукса, чтобы он не стукнулся носом о бочку.

— Спасибо, вы очень любезны, — сказал Фуукс серьезно.

— Вам привет от трубочиста, — сказала Алиса.

— Вы с ним знакомы?

— Недавно познакомились.

— Тогда при случае передайте ему привет. Я должен вас предупредить, что простыми сувенирами мы здесь не торгуем.

— Скажите, пожалуйста, к вам не заходил недавно мальчик?..

— В синей кепочке?

— Вот именно.

— К сожалению, это тайна.

В этот момент из-за прилавка послышались глухие страшные стенания. Забыв обо всем, Фуукс бросился туда и извлёк пузатую вазу, из которой торчали маленькие ноги в красных носках.

Держа вазу под мышкой, Фуукс попытался вытянуть ребенка наружу, но тот или застрял, или не хотел вылезать, хотя ревел, как бык, потому что звуки отражались от внутренних стенок вазы и усиливались до ужасных размеров. Кот выгнул спину и в ужасе сиганул в открытую дверь.

— Это кто из вас? — спросил Фуукс, засовывая в вазу нос.

— Я-аа! — ответил ему рев.

— Не угадываю! Но это неважно, — опечалился Фуукс. — Придется разбивать вазу молотком. Забудем о ее ценности. Дети дороже.

Фуукс поставил вазу на пол и исчез за внутренней дверью. Тут же в магазине появились два мальчика; одного Алиса знала — он был измазан вареньем, а второго раньше не видела — он был измазан яичным желтком.

— Это Памила полезла за медом, — сказал мальчик в вишнёвом варенье.

— Это мы ей сказали, что там мед. А там меда нет, — сказал второй.

— Тут гоорчица! — раздался гулкий глухой голос из вазы.

— Давайте ее вынем, пока она там не отравилась, — сказала Алиса.

— А папа побежал за молотком, — сказал вишнёвый мальчик.

Алиса подошла к вазе и потянула Памилу за ноги. Памила оказалась тяжелой и плотной девочкой, притом она сопротивлялась, а мальчишки прыгали вокруг и мешали Алисе.

— Пускай папа молотком! — кричали они. — Это же интереснее!

Алиса положила вазу на бок, сама села на пол, уперлась ногами в крутые бока вазы и стала тянуть девочку на себя. Мальчишкам это понравилось, и они вцепились в Алису, как в сказке о репке.

Ваза сказала: уух!

Памила вылетела из нее как пробка, Алиса и мальчишки отлетели к стене, а Памила метров пять проехала носом по полу. Она была так измазана горчицей, что у Алисы даже в горле запершило.

В магазин вбежал Фуукс — полы халата развевались, черные очки сверкали. Он тащил громадный молоток.

— Ээх! — крикнул он от прилавка и замахнулся.

— Остановитесь! — закричала Алиса. — Памила уже на свободе.

Но остановиться Фуукс не успел. Молоток опустился на вазу — ваза вдребезги, а мальчишки в восторге закричали:

— Ура! Теперь еще чего-нибудь!

— Где мой ребенок? — приговаривал Фуукс, ползая на коленях среди черепков. — Я тебя заодно не разбил?

— Я здесь, папочка, — сказала Памила.

Фуукс поднял голову и увидел, что Памила

сидит у Алисы на руках.

— Ты жива? — удивился он. Забыв подняться на ноги, он перебежал комнату на четвереньках и принял Памилу из Алисиных рук. Но тут запах горчицы пронизал все его тело, и он принялся так отчаянно кашлять и чихать, что Памила вырвалась у него из рук и вместе с братьями умчалась из магазина.

Глава 7. Где Пашка Гераскин?

Откашлявшись и отчихавшись, Фуукс сообщил Алисе:

— У меня аллергия на горчицу. Чем могу служить?

— Я вас спрашивала о мальчике.

— А, в синей шапочке? Простите, я только закрою дверь. Моя жена, простите, на конференции, и я совсем один с детьми.

— А разве у вас нет роботов?

— Вы с ума сошли! Неужели я допущу, чтобы моих кровных детей воспитывали пластиковые монстры? Детям нужно человеческое тепло.

Фуукс запер дверь на железный засов, и дети тут же начали в нее молотить.

— Не обращайтесь внимания, — сказал Фуукс, — они у меня упорные.

— Я и не обращаю, — сказала Алиса. — Вазу жалко.

— Какую вазу? Эту? Ничего страшного. Раньше в ней жил джинн, но я отпустил его на свободу, и вряд ли он вернется. Что вы мне предложите?

— Ничего. Мне нужно узнать, куда делся мой товарищ по имени Павел.

— Рыцарь Павел? Как же, я с ним отлично знаком. Но ничем не могу помочь. В нашей конторе умеют хранить тайны. Правда, вы можете у меня эту тайну купить. Любую тайну можно купить.

— Но у меня нет денег. И я даже не знаю,

какие здесь деньги.

— При чем здесь деньги! — Фуукс щелкнул себя по носу, и звук получился гулким, словно нос был картонный.— Разве в наши дни стоящую тайну за деньги купишь?

Фуукс уселся за бочку и подвинул Алисе вторую табуретку.

— Садитесь, пожалуйста. Вы здесь в качестве шпионки?

— Никакая я не шпионка, — возмутилась Алиса. — Разве я похожа на шпионку?

— Если шпионы будут похожи на шпионов, тогда их не надо искать. А что вы здесь делаете?

— Мы на экскурсии. Через час нам надо уезжать в джунгли, а Пашка исчез.

— А вам-то до него что за дело?

— Мы вместе приехали, и я несу ответственность перед его родителями. Вы не представляете, какая у него строгая мать. Она и так его еле отпустила, а если узнает что он пропал, она этого не переживёт.

— Ужасная история! Он скрыл это от меня! Он сказал, что приехал искать приключения!— воскликнул Фуукс.— У меня сердце разрывается от жалости к его несчастным родителям. Я сам родитель! Но я ничем не могу вам помочь, потому что вашего друга нет на Пенелопе.

— Как нет? Вы не шутите?

— К сожалению, я лишен чувства юмора и никогда не шучу. Ваш друг по доброй воле покинул Пенелопу и отправился на другую планету.

— Вот этого я и боялась. Он абсолютный авантюрист, наверное, потому, что его воспитывали в строгости. До сих пор его в школу провожает бабушка. Что же теперь делать?

— Ума не приложу!— Фуукс развел руками и стал похож на большую черную птицу.— Я даже не знаю, когда он вернется.. и вообще, вернется ли..

— Как же вы могли допустить такое безобразие?— возмутилась Алиса.— Вы же взрослый

человек!

— Вы уверены?— спросил Фуукс.— Моя жена в этом сомневается.

Фуукс грустно замолк, и только слышно было, как дверь сотрясается от детских ударов.

— Как вы думаете, чем мои крошки молотят в дверь?— спросил Фуукс.

— Наверно, тараном,— сказала Алиса.

— Нет, больше похоже на мясорубку. Так на чём мы остановились?

— Вы мне не сказали, куда дели Пашку.

— Он сам делся. И теперь, когда я узнал всю правду о вашей экскурсии и его строгих родителях, я вне себя от горя.

Фуукс поднялся с табурета, подошёл к прилавку, налил два стакана лимонада и вернулся к бочке.

— Выпейте, — сказал он. — Это бодрит...

Сам он залпом выпил свой стакан и продолжал:

— Представляете, дети плачут, манная каша подгорает, а ваш друг требует настоящих рыцарских приключений. Я продал ему за бесценок документы и билет на ту планету, куда он стремился. Какой ужас! Что скажет моя жена, когда узнает?

Горе и раскаяние Фуукса могло бы показаться искренним, если бы его губы при этом не улыбались. Так что Алиса ему и верила и не верила.

— Верните Пашку обратно! — сказала она.

— Не могу!— воскликнул Фуукс.— Ни минуты свободной. Пора готовить ужин. Кроме того, ваш друг честно расплатился за билет и документы. Вот, смотрите.

Фуукс откинул полу халата и достал из кармана брюк пять одинаковых значков, изображавших мальчика на дельфине,— это были значки общества юных биологов — Пашка захватил их с собой целую горсть.

— Чепуха какая-то,— сказала Алиса.— Вы меня,

наверно, разыгрываете. Значки как значки...

— Ни в коем случае, — сказал Фуукс. — Для вас это значки, а для меня — великая ценность. Один человек обещал мне за них настоящую пиратскую карту с кладом.

Ну что на это скажешь? Понятно, что Алиса промолчала.

Не дождавшись ответа, Фуукс продолжал:

— Есть один вариант... Не знаю только, устроит ли он вас?

— Какой вариант?

— Если у вас найдется немного времени, может, вы слетаете за вашим другом?

— Как же так? Через час мы должны быть в гостинице!

— Я вам бесплатно документы дам. И билет.

— Но у меня только час времени! До космодрома больше часа ехать.

— Корабль ждет во дворе моего магазина.

— Как? Прямо здесь?

Фуукс протянул руку и взял Алисин стакан с лимонадом.

— У нас солидная фирма, — сказал он, — очень солидная. Ее знают по всей Галактике.

— Но я должна хотя бы вернуться в гостиницу и сказать ребятам, — не сдавалась Алиса.

— Вот тогда уж вы точно никуда не успеете. А если решитесь ради вашего товарища слетать на другую планету, то, может быть, через час-другой вернетесь обратно.

— Вы не шутите?

— Я уже говорил, что никогда не шучу. Все в нашем мире относительно. И время, и расстояния... и верность друзьям, и отвага, и трусость. А может быть, в самом деле вам лучше вернуться в гостиницу и подождать вашего друга. Если он, конечно, вернется...

— Чего же мы теряем время? — спросила тогда Алиса. — Ведите меня к кораблю.

Глава 8. Документы для принцессы

— Погодите, — сказал Фуукс. — Так дела не делаются. Не можете же вы лететь на другую планету без документов.

— Почему? — спросила Алиса. — Сюда мы прилетели просто так.

— Не спеши, девочка. Это на цивилизованных планетах документы отменили, а на некоторых даже ещё не придумали. Твой друг просился на особенную планету — планету с рыцарями, приключениями и так далее. Там документы в ходу. Поэтому держи! — Он кинул на бочку деревянный кубик.

— Это что такое? — спросила Алиса.

— Бери. Это пропуск в город.

— Но на нем ничего не написано.

— И не должно быть написано. Там у них с грамотностью плохо.

— Ну, можно идти? — спросила Алиса.

— Опять двадцать пять. Идти — легче легкого. Даже твой непутевый друг оказался сообразительней тебя. А кем ты, простите за нескромность, там будешь?

— Как так кем? Сама собой.

— В таком виде ты и двух шагов не сделаешь. Нужна маскировка.

— А Пашка?

— Он — в лучшем виде. Странствующий рыцарь. Этого ему и хотелось. Но ты не можешь быть странствующим рыцарем...

Фуукс вытащил из кармана стопку разноцветных бумажек и разложил бумажки на бочке. Он водил по ним носом и бормотал:

— Сделать тебя камеристкой... нет, ты не умеешь прислуживать... крестьянкой... нет, еще кто-нибудь тебя обидит, да и во дворец тебе не попасть... ведьмой... сожгут невзначай... Ага!

Фуукс выхватил из стопки розовый листочек и помахал им перед носом Алисы.

— Вот! То, что нам нужно, держи.

На листке был нарисован герб: щит с пятью розами и тремя аистами, его придерживают два голых великана с дубинками. И никакой подписи.

— А это что такое? — спросила Алиса.

— Это твои документы. И твой герб.

— Но кто я такая?

— Ты — зарубежная принцесса. Приехала с неофициальным визитом. Если не ошибаюсь, ты даже дальняя родственница вдовствующей королевы-мачехи.

— Ой, может, чего-нибудь попроще?

— Хватит. Или ты едешь, или ты не едешь. Я лучше знаю, какие тебе давать документы. И так уж я из-за тебя вазу разбил, детей без ужина оставил, а жена вот-вот с конференции вернется. Что мы тогда ей скажем?

Фуукс вскочил и бросился к внутренней двери.

Пришлось Алисе пойти за ним.

Фуукс откинул щеколду и потянул дверь к себе. Дверь резко отворилась, и все его дети высыпали им под ноги.

Фуукс резво перескочил через них и потянул Алису в комнату, где у стены стоял старинный деревянный шкаф. Шкаф был распахнут, и из него горой вывалились всевозможные платья, рубашки, халаты и полотенца. На этих вещах мирно спал толстый рыжий кот.

— Ах, шалуны, — расстроился Фуукс, — все-таки сняли замок. Чем же это они?

— Топориком, папочка, — раздался голос от двери.

Но Фуукс уже не слышал, он, к возмущению кота, зарылся в вещи и через минуту выхватил из груды белое платье.

— Скорей! — крикнул он, протягивая платье Алисе. — Это свадебное платье моей супруги. Когда-то она была худенькой.

— Не верьте папочке, — пискнул от двери детский голосок.

— А ты и не видел, — возразил Фуукс.

Алиса схватила платье в охапку, Фуукс сунул ей еще серебряные туфельки, они пробежали через кухню, где на плите выкипал суп, и выскочили во двор.

Двор был большой, он зарос полынью, лопухами, репейником. Над сорняками в вечернем сумраке суетились птицы и бабочки. Поодаль возвышалась довольно ржавая старинная ракета, какие давно уже сняты даже с околоземных трасс. Люк в ракету был распахнут и держался на одной петле.

— Скорей! — торопил Алису Фуукс. — Осталось всего две минуты. — Сейчас с работы вернется моя жена, и все погибло.

Он подхватил валявшуюся в траве табуретку и первым побежал по узкой тропинке к ракете. Алиса за ним. Все случилось так быстро, что она даже не успела сказать, что на такой ракете опасно выходить в открытый космос.

Фуукс приставил к люку табуретку и посадил Алису. При этом он без умолку говорил:

— Ракета автоматическая, доставит куда надо. Иди, иди, не бойся, там совершенно безопасно, не заблудишься. Да скорей же! Дай я помогу тебе закрыть люк. Ты летала, ты знаешь, как пристегнуться?..

Алиса согнулась и вошла в полутемный корабль. Навстречу выскочил рыжий кот. Морда у него была обиженная, усы во все стороны. Еще бы, не дают спокойно отдохнуть!

Фуукс, стоя на табурете, прилаживал люк.

— Эй, принцесса! — крикнул он ей. — Ты меня слышишь?

— Слышу.

— Учти только, что не всему надо верить. Если не всему верить, то обойдется. Я об этом говорил Пашке, но он, по-моему, плохо слушал. Ты ему напомни, чтобы не всему верил. Слышишь?

— Слышу.

— И не задерживайся. Потому что чем дальше,

тем труднее не верить.

— Пойдите!— крикнула Алиса, увидев, как уменьшается щель люка. — А когда я смогу вернуться? Ведь нас ждут.

— Не беспокойся, я придержу время,— ответил Фуукс.— Сколько бы вы там ни были — здесь не пройдет больше часа. Фирма гарантирует.

Люк захлопнулся, и последнее, что слышала Алиса,— это далекий тонкий крик кого-то из детей Фуукса:

— Не верь папочке, Алиса!

И звук шлепка.

Алиса кое-как отыскала стартовое кресло, уселась в него и пристегнулась пыльными ремнями.

Впереди загорелась надпись:

«До старта десять секунд».

И тут же в окошечке начали выскакивать цифры:
7...6...5...4...3...2...1...

Глава 9. Латы в металлолом

Алиса была уверена, что ей попался старый, тихоходный корабль, а не прошло и трех минут после старта, как впереди зажглась надпись:

«Внимание! Приступаем к супергиперпрыжку».

Тревожное жужжание заполнило корабль. Алиса устроилась поудобнее в кресле, проверила, хорошо ли держат ремни, а когда снова взглянула вперед, там уже горела другая надпись:
«Начинаем посадку».

Загорелся тусклый свет. И прежде чем Алиса успела опомниться, надпись сменилась третьей:
«Полет закончен».

Алису одолело сомнение: а вдруг все это злая шутка носатого старика? Пашки он и в глаза не видел, а загнал Алису на какой-нибудь ближний астероид.

Алиса стояла в нерешительности, держа в руках платье и туфли жены Фуукса. Переодеваться или

сначала поглядеть, куда её занесла судьба?

И тут Алиса заметила, что на полу что-то блестит.

Она нагнулась и подняла значок: мальчик на дельфине.

Значок мог обронить только Пашка.

Значит, старик Фуукс не обманул. Пашка здесь был.

И на том спасибо.

Алиса натянула платье поверх комбинезона. Платье было велико, но не очень – правда, оно волочилось по полу и в нем не побегаешь. Но надевать ли туфли? Все равно не видно. Нет, лучше слушаться Фуукса. А вдруг здесь принцесс узнают по туфлям?

Вот и все. Алиса прошла по каюте. Не очень удобно, но терпимо.

Она вышла к люку и толкнула его. Люк со скрежетом распахнулся, сорвавшись с петли. Хорошо еще, что это случилось не в космосе, подумала Алиса.

Она ожидала увидеть космодром и встречающих. Даже приготовила кубик и розовую бумажку.

Но оказалось, что корабль опустился на поляне в лесу. Близко подступали деревья и кусты, с одной стороны между ними виднелась покосившаяся изгородь.

День был сумрачный, облака бежали низко над лесом, вот-вот мог начаться дождь. Тихо. Лишь стрекочет кузнечик и ветер шуршит листвой.

Алиса подобрала длинное белое платье, прыгнула с люка и обошла ракету кругом. Ни души.

Поляну пересекала тропинка, которая пробегала как раз под кораблём.

Алиса поглядела под ноги – нет ли значка. Может, Пашка догадался оставлять следы, как мальчик-с-пальчик. Нет, не догадался.

Алиса прикрыла люк, сжала в кулаке кубик, обернутый в розовую бумажку с гербом. Только бы

дождь не начался — хороша будет зарубежная принцесса в мокром платье!

Направо тропинка скрывалась в кустах. Налево — вела к прогалине между деревьев. Туда Алиса и пошла.

Дождь здесь, видно, лил с утра. Тропинка была скользкой, в углублениях стояли лужи, высокая трава склонялась под тяжестью капель воды, приходилось подбирать платье, но все равно туфли и подол промокли. Алиса смотрела под ноги и поэтому заметила двух женщин, собиравших хворост, только когда до них оставалось шагов десять. Алиса остановилась, разглядывая их.

Женщины были босые, одеты в лохмотья. При виде Алисы они замерли, словно увидели тигра.

— Простите, — сказала Алиса, — я принцесса из соседнего государства. Здесь не проходил мальчик?..

Звук голоса словно разбудил женщин. Мелькая мокрыми пятками, они кинулись в кусты.

— Стойте! — крикнула им вслед Алиса.

Но разве их догонишь? Особенно в таком идиотском платье. Может, Пашка здесь чего-нибудь уже натворил?

Рыцарей Алиса пока что не встречала, а вот женщины здесь запуганные.

Тропинка влилась в проселочную дорогу, идти стало легче. Алиса даже опустила край платья. Карету бы найти какую-нибудь. Интересно, здесь есть извозчики?

Из-за туч выглянуло солнце, сразу начало парить. Лес кончился, дорога потянулась через обширную пустошь.

Пустошь была вытоптана словно стадом слонов, деревья и кусты, которые кое-где поднимались из грязи, стояли без листьев, веток, а то и без коры. Потом Алиса увидела, что по земле разбросаны какие-то железки и тряпки. Железки поблёскивали на солнце, и от них поднимался пар.

Вблизи оказалось, что это— части рыцарских доспехов: шлемы с поломанными страусовыми перьями, нагрудники и налокотники, копья, мечи, обрывки плащей, попон и флагов и даже подковы.

Под дубом у дороги стояла большая тачка, наполненная шлемами и латами. На тачке, свесив ноги, сидел человек с трубкой в зубах и в странном костюме. Выше пояса его камзол был поделен надвое— справа красный, слева— синий. А вот рейтузы были раскрашены наоборот— правая штанина синяя, левая— красная. Заканчивался этот костюм тапочками с сильно вытянутыми носками — правый красный, левый — синий.

Человек был не молод. Пегие пряди волос были зачесаны на лысину, голубые глазки окружены множеством морщинок, а кончик острого носа чуть свешивался вниз, к тонким губам.

—
Здравствуйте, — сказала Алиса.

— Добрый день, принцесса, — ответил человечек. — Гуляешь? Ноги не промочила?

— Не беспокойтесь, сегодня не холодно. А что здесь случилось?

— Здесь позавчера битва была. Большое сражение.

— Почему?

— А почему битвы бывают? Как обычно, из-за пустяков. Граф

Визислон Двурогий спьяну назвал барона Крипта Синеусого, рыцаря Синей Ямы, безнадежным болваном.

— Ой, как нехорошо. За что же?

— За дело. Каждый в королевстве знает, что это чистая правда.

— А барон?

— Барон, конечно, ответил, что от болвана и слышит. Это, кстати, тоже всем известно.

— И они вдвоем так насорили?

— Что ты, принцесса? Сразу видно — зарубежная. За графа Визислона вступилась вся Уймитская конфедерация, а воинствующий орден Кольца и Веревки встал стеной за барона Крипта. Вот и сражались от рассвета до заката.

— И кто победил?

— Ты еще спроси — с каким счетом, — захихикал двухцветный человечек. — Конечно, никто не победил. Собрали убитых и раненых и разъехались по своим замкам. Устроили перерыв перед большим турниром. Ты ведь тоже, наверно, на турнир явилась?

— Нет, я знакомого ищу.

— Кого же? Я тут, почитай, всех знаю. Он из благородных?

— Он рыцарь. Только вы вряд ли его знаете. Он тоже приезжий.

— Так опиши его своими словами.

— На вид он еще мальчик, в синей шапочке с козырьком..

— Ага, на мальчика похож! Знаю. Павлом зовут. Час назад здесь проходил. С космодрома шел. Как увидал латы и копьё — прямо затрясся. Давай, говорит, меняться.

— И вы поменялись?

— Он взял латы, копьё, щит, меч, а мне значков с дельфином дал. Штук десять. Честно говоря, я значков не собираю, но уж очень парень был настойчивый.

— Разве можно было ему настоящее оружие

давать? Он еще мальчик.

— Сама же говорила, что рыцарь. И он мне подтвердил, что рыцарь. И документы показал. Все как в аптеке. Рыцарь Красной стрелы. У меня как раз баночка красной краски нашлась— мы с ним на щите эту стрелу и нарисовали.

— А разве это ваши доспехи?

— Теперь мои. Бой вничью кончился, а земля мне принадлежит. Еще покойным королем-отцом подарена. Очень выгодное владение. По крайней мере раз в неделю какое-нибудь сражение здесь происходит.

— А за что вы эту землю получили?

— За службу. Я на королевской службе. Шутком работаю. Но разве на одну зарплату у нас проживешь?

Алиса совсем расстроилась. Оказывается, Пашка уже и латы себе раздобыл. Теперь обязательно чего-нибудь натворит.

— А куда он дальше пошел? — спросила она.

— В город, куда же. Только сначала ему надо коня раздобыть. Без коня — какой рыцарь?

— Но у него денег нет. И значки, наверно, кончились.

— Настоящий рыцарь все без денег возьмет. Такой у рыцарей обычай.

— Но Пашка не такой..

— Может, он раньше был не такой, а как попал в рыцари — станет как все. Грабителем, угнетателем сирот и бедных, бездельником и бандитом.

— Нет! Вы просто не любите рыцарей.

— За что мне их любить?.. Ну ладно, в город пора.

— А можно, я с вами? А то я здесь в первый раз...

— Иди, принцесса. У тебя пропуск есть?

— Есть. Вот он.

Шут развернул розовую бумажку и стал разглядывать герб.

— Смотри-ка,— сказал он наконец.— Да ты, оказывается, из хорошей семьи. И нашей вдовствующей королеве-мачехе приходишься внучатой племянницей. Правильно?

— Мне об этом говорили,— согласилась Алиса.— Только я её совсем не помню.

— Ну конечно, ничего удивительного. Ведь королева Изабелла от вас совсем молоденькой уехала. Ты, наверно, тогда под стол пешком ходила. Держи свои документы. Все в порядке. Можно идти в город.

Шут взялся за длинные ручки, с трудом приподнял тачку и тут же бросил. Схватился за поясницу и замер в изогнутой позе.

— Какое горе,— простонал он.— Опять меня скрутил радикулит. Что делать, что делать?

— А зачем вам эти латы? Они же гнутые, ломаные.

— Вот и сдам их в металлолом. Гроши заплатят, но все равно деньги. При нашей-то бедности...

На глазах у шута выступили две большие слезы и медленно покатались по щекам. И весь он съезжился, стал маленьким и старым.

— Я вам помогу, — пожалела его Алиса.

Она подхватила тачку. Старый шут пожадничал, навалил на тачку не меньше центнера. Уже через десять шагов Алиса все руки себе оттянула.

— Ты потерпи, — уговаривал её шут. — Вон до того бугорка, а дальше я сам повезу. Пройдёт приступ, и сменю тебя. Ты не думай...

Шут бодро вышагивал рядом с Алисой, даже забегал вперед, чтобы убрать с дороги камень или ветку.

— Надолго к нам?— спросил он голосом любезного хозяина.— Да ты не спеши, не надрывайся. В твоём общественном положении надрываться необязательно.

— Найду Пашку— и сразу обратно, — сказала Алиса.

— Это правильно,— сказал шут.— Нечего у нас

задерживаться. Отстало живем, темные мы люди. Горстка рыцарей и князей угнетает простой народ, который живет в нищете и бесправии. Просто безобразие. Ждем не дождемся, когда начнется Возрождение. Может, тогда вздохнем немного. А у вас какая обстановка?

— У нас лучше, — сказала Алиса, стараясь дышать глубоко, как во время бега на три километра.

— Воевать с нами не собираетесь?

— Ни с кем не собираемся воевать.

— Вот это зря. Нас, я тебе скажу, можно голыми руками взять.

— Вот уже и бугорок, — сказала Алиса, напоминая шуту о его обещании.

— Что-то у меня сердце прихватило, — ответил шут. — Давай втащим тачку наверх и передохнем немножко. Ты не возражаешь?

Он взялся за ручку и сделал вид, что помогает Алисе, хотя от его помощи не было никакого толку. И глазки у него были такие хитрые, что Алиса заподозрила: может, он нарочно подстерегал какого-нибудь простака, чтобы самому тачку не тащить?

— А чего вы лошадь не купите? — спросила Алиса. — И работа у вас есть, и участок земли, и металлолом сдаете.

— Нельзя, — сказал шут. — По причине неблагородного происхождения. Рад бы, да нельзя. Есть у меня, правда, осел, но я его напрокат сдал в королевский зоопарк, на нем принцы катаются, а мне за это денежки идут. Лучше уж я попотею, сам тачку потаскаю, зато деньги целы будут. Бережливость — вот мой лозунг, коль не пришлось благородным родиться.

На вершине холма Алиса поставила тачку и поглядела вперед. Там, в долине, стоял город. Он был обнесен каменной зубчатой стеной, по углам возвышались башни, а в стене у открытых ворот дежурили стражники. Их латы поблескивали

под солнцем. Между путниками и городом расстилались вспаханные поля, кое-где темнели хижины под соломенными крышами. От города доносился далёкий колокольный звон.

— Красота, — вздохнул шут. — Люблю природу. Ну что, отдохнула? Пойдем дальше.

— Ещё минуточку, — сказала Алиса.

Глава 10. Обиженный маркиз

Послышался стук копыт, звон оружия, и на вершину бугра выскочил богато разодетый толстый рыцарь с обнаженным мечом. Забрало шлема было поднято, и оттуда, как из окошка, торчал красный нос и рыжие кошачьи усы. Сзади, положив поперек седла длинное рыцарское копье, скакал юный лохматый оруженосец в кожаной куртке.

— Где он? — завопил рыцарь, осаживая коня перед Алисой. — Где этот мерзавец?

— Вы о ком, уважаемый маркиз Фафифакс? — спросил шут.

— Я его растерзаю на четырнадцать частей! Или даже больше, на восемь! — кричал рыцарь.

— Какая потрясающая неграмотность, — прошептал шут Алисе. — Полагаю, что ему вообще не приходилось ходить в школу. Представляете?

Алиса кивнула.

— Вы чего бормочете? — спросил рыцарь. — Со мной шутки плохи. Может, вы его спрятали! Грико, погляди в тачке.

Оруженосец не спеша подъехал поближе, но в тачке копаться не стал.

— Осторожнее, маркиз, — сказал шут. — Вы забыли, что тачка принадлежит мне, а я — любимец его величества.

— Мне на всех плевать, — сообщил рыцарь. — Пока я не отыщу негодяя, который освободил из цепей моих рабов. Что еще за вольности с чужой собственностью? Кто дал ему такое право?

— Может, это право сильного? — спросил шут.

— Сильный — это я. Вчера не слезал с седла тридцать один час, свалил трех великанов и обезглавил одного дракона. Не слышали?

— Кто не знает об этом, господин маркиз?— согласился шут.— Вот зарубежная принцесса специально прибыла полюбоваться вами на большом турнире.

— Грико, подставляй спину!— закричал рыцарь. — Я должен поздороваться с принцессой.

Оруженосец подмигнул Алисе— он был худой, поджарый и загорелый, совсем еще юный, даже без усов. Он соскочил на землю и нагнулся у рыцарского коня, чтобы господину было на что поставить ногу.

Рыцарь тяжело перевалился через седло, со всей силой наступил сапогами на спину оруженосца. Алисе страшно стало — не сломал бы он парню позвоночник. Но Грико как ни в чем не бывало выпрямился и, пока маркиз поправлял свою сбрую, сказал Алисе:

— Не обращай внимания. Я крепкий, на мне воду возить можно.

Рыцарь подошел к Алисе, разгладил железной перчаткой рыжие усы и сказал:

— Рад приветствовать вас, принцесса. Вы не замужем?

— Нет,— сказала Алиса.— И не собираюсь.

— Не желаете ли стать моей дамой сердца? — спросил маркиз.

— Я об этом как-то не думала,— сказала Алиса.— К тому же я здесь проездом.

Рыцарь подошел поближе и подцепил перчаткой рукав платья.

— Какая ткань! — воскликнул он. — Такого у нас не делают. Заграничная работа. Вы прекрасны, мадемуазель.

— Не обращай внимания, — сказал оруженосец.

— Простите, маркиз, — сказал шут.— Вы тут жаловались на какого-то рыцаря.

— Ах, даже вспоминать неприятно. Тем более в

такой момент. Какой-то молокосос увидел моих рабов, которых вели на продажу, и посмел их освободить.

— А рыцарь-то местный?

— Нет, чужой. Герб у него— Красная стрела.

Шут обернулся к Алисе и сказал тихо:

— Это он.

Алиса уже поняла.

— А куда он поехал?— спросил шут.

— Куда поехал? Если бы я знал, то догнал бы и разорвал.— Маркиз пошевелил усами и продолжал спокойнее: — Наверно, в город. Я на него королю пожалуюсь, будет знать, как хулиганить. Но не в этом дело...

Рыцарь снова обернулся к Алисе и торжественно заявил:

— Желаю встать перед вами на колени.

— Нельзя, ваша милость,— сказал оруженосец,— у вас левое колено заржавело.

— Я на правое встану.

— Что вы, маркиз,— вмешался шут.— На правое встают только перед королем. Кто-нибудь узнает, донесет его величеству.

— Кто же донесет? — удивился маркиз.

— А я на что? — спросил шут. — Обязательно донесу.

— Да, правильно, ты, конечно, донесешь,— согласился рыцарь.— Простите, принцесса, преклонение отменяется.

— Пожалуй, я все равно донесу, — сказал шут сладким голосом.

— Но ведь я не вставал!

— Но хотел.

— Это неблагородно!

— А я неблагородный. Я деньги люблю.

— Шут, откуда у меня деньги?— удивился рыцарь.— У меня меч и копье. Ими я добываю славу.

— А еще людьми торгуете,— заметил шут.

— Долги отдавать пришлось. А свободных денег—

ни монетки. Вот и продал. Они все равно ленивые.

— Ладно уж, не буду доносить, — согласился шут. — Только при одном условии. У меня тачка тяжелая, до города не дотащить. Пусть ваш оруженосец нам поможет.

— А кто же мое копьё повезёт? — удивился маркиз. — И мне, кстати, без свиты ездить не положено.

— Положено, — вмешался тут оруженосец. — Вчера весь день без меня ездили: к вашей мамаше за деньгами ездили, потом в карты играть ездили и ужинать ездили. И все без меня.

— Вчера я с великанами воевал, — возразил маркиз.

— Все, — сказал шут стальным голосом. Алиса даже удивилась, откуда у шута появился такой голос. — Поезжайте, маркиз. Мы вас найдем во дворце.

Маркиз все еще колебался, хотя на шута поглядел с опаской.

Алиса представила, каково ей одной тащить тачку с металлоломом, и взмолилась:

— Маркиз, я вас лично прошу, оставьте нам своего оруженосца.

Это был выход. Одно дело подчиняться шуту, другое — иностранной принцессе.

— Не могу отказать прекрасной даме. Берите, пользуйтесь.

Все втроем они помогли рыцарю взгромоздиться на коня. Грико протянул ему копьё.

— Тяжело, — признался рыцарь.

— А вы не спешите, — сказал шут. — Потихонечку, полегонечку. Турнир еще не начинается. Может, даже соснете часок где-нибудь в тени.

— Отдыхайте, маркиз, — поддержала шута Алиса. Она поняла, что чем позже рыцарь приедет в город, тем лучше для Пашки. — Спасибо за помощь.

— Во дворце увидимся, — сказал маркиз и повернул коня в сторону.

Шут подождал, пока маркиз скрылся за поворотом, и сказал:

— Поехали, что ли?

— Поехали,— согласился Грико.— Возьмите моего коня.

Они пошли вниз, к городу. Впереди оруженосец вёз тачку и порой смотрел на Алису и улыбался. Алиса шла чуть сзади, придерживая за край своё заграничное платье. Шут вёл на поводу коня и тихо напевал:

*— Все съезжались на
турнир
Жангленир.
узнаем
Жанглезае.*

*— Все съезжались на
В славный город
Мы храбрейшего
На турнире в*

— Простите, — обернулась к нему Алиса. — Разве этот город тоже называется Жангле-многоточие?

Шут пожал плечами.

— Каждый называет этот город как хочет. А виной тому поголовная неграмотность.

Глава 11. Другой Жангле...

Мост через ров у городской стены был опущен, решётка ворот поднята. Мимо стражников, стоявших по обе стороны входа, проходили крестьяне с мешками и связками хвороста, горожане в высоких шляпах, горожанки в пышных юбках, монахи в черных рясах, подпоясанных верёвками. Медленно брела вереница полуголых людей, скованных общей цепью.

— Вот видишь, Алиса,— сказал шут, пока они стояли у моста, ожидая своей очереди войти в город,— некоторые молодые люди стремятся в средневековые времена и думают, что там была увлекательная приключенческая жизнь — рыцари скакали по полям и осаждали замки. А

рыцари, скажу тебе, были довольно темными и жестокими людьми. И для многих здесь жизнь не сахар.

— Я знаю,— сказала Алиса. — Мы в школе проходили.

— Можно по-разному проходить,— сказал шут.— Ты, может, и запомнила что-то, а твой друг почти все пропустил мимо ушей. Ты не представляешь, сколько лишнего беспокойства и неприятностей происходит от невнимательных романтиков.

— А вы много знаете,— сказала Алиса.

— Я уже немолодой шут... Ну, пошли дальше. Стражники опустили алебарды, преграждая дорогу.

— Кто такие?— спросил один из них.

— Не узнаешь, деревенщина?— рявкнул шут басом.

— Ты похож на королевского шута Фу-фу,— сказал стражник.— Но полной уверенности у нас нет. И к тому же откуда у тебя лошадь?

— Лошадь не моя, а маркиза Фафифакса. А это его оруженосец.

— Правильно,— сказал второй стражник.— Остается выяснить личность этой девчушки.

— Вот,— Алиса протянула им бумажку и кубик. Стражник взвесил кубик на ладони и вернул обратно.

— Настоящий,— сказал он.

Потом развернул розовую бумажку, покрутил ее так и этак и крикнул:

— Эй, начальник. Погляди, кто пришел.

Из двери, спрятанной в стене, выскочил третий стражник в каске с петушиными перьями. Он выхватил бумажку из рук своего подчиненного и сказал:

— Ты что, слепой, что ли? Не отличаешь розового пропуска от простого? Это же как минимум принцесса.

— И притом заграничная,— сказал шут.

— Вижу, что заграничная. Я своих всех наперечет изучил. Уж не будете ли вы, ваше высочество, двоюродной внучатой племянницей ее вдовствующему величеству?

— Ясное дело, — сказал шут.

Сзади уже скопилась длинная очередь, и некоторые начали ворчать: «Что нам здесь, до вечера ждать, что ли?»

— Молчать! — рявкнул начальник караула. — Мы на посту! Мы при исполнении!

И совсем другим голосом он продолжал:

— А вам, ваше высочество, надо проследовать в ваши апартаменты во дворце, номер с ванной. Вот ключ.

Начальник стражников достал большой позолоченный ключ и передал Алисе.

— Добро пожаловать в гостеприимный Жанглепуп!

А когда оруженосец уже подхватил тачку, чтобы следовать дальше, начальник наклонился к уху Алисы и прошептал:

— Если привезли контрабандный чай или кружева, я дам лучшую цену.

Шут услышал и усмехнулся:

— Поздно. Я уже все перекупил.

— Ну конечно, — расстроился начальник караула. — С тобой разве можно состязаться? Небось у самой границы караулил?

Перейдя площадь у ворот, спутники попали на узкую улицу, чем-то похожую на Сувенирную улицу в другом Жангле-многоточии. Шут сказал:

— Ты, Алиса, не обижайся. Но иначе от него не отвязаться. Разве бы он поверил, что заграничная принцесса может приехать без всякой контрабанды?

— Мертвый номер, — подтвердил оруженосец. — Дальше куда?

— Поможете мне довести груз до металлолома, а потом — во дворец.

— А может, мне не надо идти во дворец? Я здесь жить не собираюсь. Мне только Пашку

Гераскина найти – и сразу обратно.

– А где ты его сейчас искать будешь? Без моей помощи не обойтись. Сделаем так: ты пойдешь к себе, а я разузнаю, чего еще успел твой друг натворить. Как только найду его, сразу сообщу. Я – твой первый союзник. Ты мне нравишься, а здешние порядки совсем не нравятся.

– Слушайся шута, принцесса, – сказал оруженосец. – Он такой пройдоха – второго во всем королевстве не сыщешь.

– А оруженосец с тобой побудет, – сказал шут. – На всякий случай. Он – парень веселый и честный. Я его с детства знаю. Мы с его родителями в соседней квартире жили.

– Да, мама до сих пор о вас очень тепло отзывается, – сказал оруженосец.

– Только без этих нежностей! Я, придворный интриган, этого не люблю.

Они свернули в узкий темный переулок, над которым почти смыкались крыши домов, и остановились перед воротами. Над ними косо висела ржавая вывеска:

ПРИЁМ МЕТАЛЛОЛОМА

Сдавайте старые кастрюли, доспехи, котлы, чешую драконов, щиты и прочий лом черных и цветных металлов. Цены по соглашению.

– Тут я с вами прощаюсь, – сказал шут. – Грико выведет тебя ко дворцу, а я вступлю в бой – за каждый шлем придётся торговаться. Как я этого не люблю...

Глава 12. Номер с ванной для принцессы

– Далеко до дворца? – спросила Алиса у оруженосца.

– Нет, минут десять ходу. – Грико был почти на голову выше Алисы, очень стройный. Наверно, из него получился бы хороший спортсмен.

– Ты каким-нибудь видом спорта занимаешься? – спросила Алиса.

- Если повезёт, стану рыцарем.
- Ну, это ещё не спорт, — сказала Алиса.
- Может быть. Но это жизнь. А ты чем занимаешься?
- Я принцесса.
- Ну конечно. Выйдешь замуж и будешь сидеть в башне.
- Не думай. У нас совершенно другое отношение к людям. Ты, кстати, в школе учился?
- Один год учился, у монахов. Даже читать умею. Если печатными буквами. Но я это от моего маркиза скрываю. Он бы меня выгнал. И так с трудом удалось место найти. Ты не представляешь, сколько мои родители бились, прежде чем такое благородное место для меня нашли!
- А может, лучше бы дальше учиться?
- А потом куда? Писарем? Или в монастырь?
- Да, выбор маленький. И все-таки я бы на твоём месте поискала себе другую работу. В моряки бы пошла, в путешественники.
- Слушай, обиделся оруженосец. — Ты что думаешь, если ты благородного происхождения, то можешь мужчину учить?
- Алисе стало смешно.
- Ты чего? — спросил оруженосец. В общем, он оказался славным парнем.
- Странно все это слышать.
- Им пришлось посторониться и прижаться к стене, потому что четверо слуг несли крытые носилки с гербом на занавесках. Слуги тяжело дышали, один даже прихрамывал.
- А кто тебе этот рыцарь? — спросил Грико. — Жених, что ли?
- Нет, товарищ, — сказала Алиса. — Мы с ним вместе научной работой занимаемся.
- Звезды считаете или колдуете? — спросил оруженосец. — А то еще окажется, что ты ведьма, беды не оберешься.
- Разве я похожа на ведьму?

— Они хитрые. Если бы ведьмы были похожи на ведьм, сожгли бы всех, и дело с концом.

— Нет, я не ведьма, честное слово, — сказала Алиса. — Да и мой Пашка вовсе не рыцарь. Он только вообразил, что, если попадет на рыцарскую планету, отыщет всякие волнующие приключения.

— А у вас что, своих рыцарей нет?

— Все вывелись.

— Ну и скучно же вы живете.

— Веселее, чем вы. Может, как-нибудь к нам выберешься, поглядишь?

— Нет, я опасаясь за границу ехать. Там у вас драконы и колдуны на каждом шагу.

Алиса поняла, что спорить с Грико невозможно. Как ему объяснишь, чего он никогда не видел. Ей кажется, что в его мире скучно, а ему — наоборот.

— Но ты мне поможешь, если нужно?

— Конечно, помогу, — сказал оруженосец. — Особенно если твой друг с моим маркизом враг — я, честно говоря, хоть и у него на службе, этого толстого борова не выношу. Дурак жадный, пьяница, картёжник. Половину своих крестьян в рабство продал. Но надо его опасаться. Он дурак-дурак, но хитрый. Ты думаешь, он нас послушался, отдыхать поехал? Как бы не так! Наверняка уже у короля сидит, ябедничает, чтобы твоего друга в тюрьму упекли.

— Что же делать?

— Без шута нам ничего не поделаться. Фу-фу хоть и придворный, но неплохой человек. Мы с ним соседи по Кривой улице. Всего своим трудом добился.

Дворец оказался бестолковым зданием, с массой пристроек. Казалось, сначала кто-то возвел трехэтажный дом с колоннами и башнями, потом, когда понадобились новые комнаты, пристроил к нему двухэтажные флигеля по краям, а уже после каждый, кому не лень, дополнял дворец флигелями, переходами, крыльями,

башенками.

Закованный в латы страж— только нос наружу, чтобы дышать, и уши, чтобы слышать, — поглядел на Алисины документы и сказал:

— Вам, принцесса, через третий подъезд, по лестнице на второй этаж, потом направо до конца коридора. Номер шестнадцать. А вот вашему пажу придется переночевать в коридоре, мы ему подстилку дадим.

Алиса хотела сказать, что Грико— не ее паж, но тот ее успел ущипнуть — она поняла и промолчала.

— Больно щиплешься,— сказала она Грико, когда они отошли от стража.— Синяк будет.

— Извини, но если бы не ущипнул, оставили бы меня на дворе маркиза ждать. А я ведь тебе могу пригодиться.

Дворец давно не ремонтировали, краска слезла, штукатурка кое-где осыпалась, а стекло в окнах вообще не было.

Они поднялись по темной лестнице на второй этаж и еле отыскали в конце коридора шестнадцатую комнату. Дверь была не заперта, но Грико пришлось поднатужиться, чтобы ее открыть. Вся рассохлась.

В комнате было много ковров— весь пол и стены в коврах. В одном углу стояла кровать под лиловым балдахинном, расшитым двуххвостыми птицами. На кровати можно было бы уложить весь Алисин класс. Правда, простыни на ней не оказалось. Зато рядом лежали звериные шкуры. Кроме кровати, в комнате стояли два деревянных стула с очень высокими резными спинками и длинный сундук. Вот и вся мебель. Открытая дверь вела в соседнюю комнату. Алиса сразу сунула туда нос.

— И это называется ванная! — воскликнула она.

— А что?— спросил Грико, стараясь пригладить непослушные лохмы.— Роскошно будешь жить, принцесса.

Ванна оказалась деревянным чаном. Рядом с чаном на полу стоял ночной горшок.

— Совмещенный санузел, — сказала Алиса.

— Чего? — спросил Грико.

— Сами живите в такой роскоши, — сказала Алиса. — Тоже мне, королевский дворец!

— Но у нас же средние века! — сказал Грико.

— Слишком уж средние, — возразила Алиса, вернулась в комнату и подошла к окну. Окно было затянуто частым деревянным переплётom, но без стёкол. Оно смотрело по другую сторону дворца. Там был стадион.

Невысокие деревянные трибуны окружали поле без ворот.

— Здесь у вас в футбол играют? — спросила Алиса.

— В какой еще футбол, принцесса? — удивился оруженосец.

— А что тогда на этом поле делают?

— Это же площадка для турниров, на которых не на жизнь, а на смерть сражаются доблестные рыцари, — сказал Грико. — Даже младенцы об этом знают.

— Я же тебе сказала, что у нас рыцари вывелись.

Глаза оруженосца сверкали, смуглые ноздри раздулись. Он глядел на это вытопанное пыльное поле, как голодный обжора на коробку шоколадных конфет.

— Счастливый твой друг, рыцарь Красной стрелы, — сказал Грико. — Он уже имеет право померяться силами с великими рыцарями. Если бы мне происхождение позволило, я бы отсюда вообще не вылезал.

— Ну и дурак, — сказала Алиса. — Прихлопнут еще без пользы.

— Ну и пускай, лучше умереть на поле славы, чем влачить скучную жизнь.

Алиса не успела ответить этому отсталому юноше, потому что услышала знакомый скрипучий

голос:

— Ну, как устроилась, принцесса, не скучала?

— Ой!— Алиса бросилась к старому знакомому. — Вы что-нибудь узнали?

Шут был одет как прежде, только сменил шляпу на высокий с двумя верхушками колпак, увешанный бубенчиками.

Шут отрицательно покачал головой, и бубенчики зазвенели тонкими голосами.

— В городе я ничего узнать не смог и поспешил во дворец, чтобы опередить маркиза. Когда я примчался к их величеству, они мыли руки. Это новая заморская мода. Если король моет руки, его нельзя отвлекать.

— И вам ничего не удалось сказать?

— Не только мне, но и маркизу, который сунулся было со своей жалобой. Ему велели подождать до конца обеда. Так что собирайся, и побежали в столовую. Я сказал о твоём приезде королеве-мачехе. Она, в принципе, порядочная женщина, тоскует здесь. Ей будет о чем с тобой поговорить— общие друзья, родственники...

Алисе показалось, что шут смотрит на неё с усмешкой.

— А она меня помнит? — спросила Алиса.

— Еще бы. Малюткой она тебя качала на коленях. А когда твоя мама сопровождала твоего папу в походах, тебя обычно отдавали на сохранение твоей тётушке Изабелле. Так что я надеюсь на её помощь.

«Плохо дело,— подумала Алиса.— Ну и влипла же я с этой рыцарской страной! Вернусь, неделю с Пашкой разговаривать не буду. Если вернусь...» Вернее всего, эта старуха королева обязательно Алису узнает, и тогда уже не убежишь... Не объяснишь же им, откуда ты в самом деле. Сожгут, как ведьму.

— Ну, чего мы ждем?— спросил шут.— Все уже за столом. А ты, Грико, иди на двор, к другим слугам, там тебя чем-нибудь накормят. Увидимся

на турнире.

— Счастливо, Алиса, — сказал оруженосец.

Алиса протянула ему руку, но он не посмел до неё дотронуться, поклонился и убежал.

Алиса с шутом долго шли темными коридорами и еле освещенными лестницами, в одном месте дорогу им перебежала крыса, в другом — спугнули сову. Шут нес перед собой керосиновую лампу, и от ее света возникали длинные, подвижные, страшноватые, словно живые, тени. Шут размышлял вслух:

— Надо же было твоему дружку отпускать на свободу рабов! Ну ладно бы увел чужую лошадь, избил кого-нибудь, ограбил, наконец. Это у рыцарей не большой грех. Но отпускать на волю рабов — преступление. Как его выручить, не представляю...

— А разве вы на его месте не стали бы освобождать рабов? — спросила Алиса. Она, конечно, догадывалась, что ответит шут.

— Это чепуха! — заявил он. — Это война с ветряными мельницами, как у Дон Кихота!

— У кого? — удивилась Алиса. Вот уж не думала, что здесь кто-нибудь слышал об этой книге.

— Был такой рыцарь. Хотя, может, его иначе звали. А что?

— Ничего.

— Чужого раба освободить — все равно что соседу в карман залезть. Никогда бы я не стал чужих рабов освобождать.

— Но ведь у Пашки совсем другое воспитание. Нет на Земле рабов, понимаете? Вы бы к нам попали, еще бы не того натворили. Что же вас, на костре жечь?

— Меня нельзя — я на королевской службе. Только их величество могут меня сжечь. Ладно, не печалься. Придумаем чего-нибудь. Мир не без добрых людей.

Глава 13. Королевский обед

— Осторожней, здесь приступочка, — предупредил шут, когда они вошли в высокий, темный, кое-как освещённый дымными факелами и свечами зал. Чуть ли не половину зала занимал стол в виде буквы «П». Он был уставлен яствами, а вдоль него на скамьях без спинок сидело человек сто, не меньше. Во главе стола, на троне, восседал король, рядом — его приближённые.

Вокруг стола бегали слуги с подносами. На подносах лежали гуси и поросята. За слугами носились охотничьи собаки, которые следили, не свалится ли что-нибудь вкусное с подноса.

— Ну, держись, принцесса, — сказал шут. — Начинаем представление.

Вдруг он встал на руки, так что концы колпака волочились по каменному полу, и пошел к столу, пронзительно вереща:

— Я привел с собой принцессу, которая перевернула мне душу и тело! Ай-ай! Я теперь никогда не смогу встать на ноги!

Его последние слова заглушил громовой хохот рыцарей и вельмож, которые сидели за столом. Хохот метался под сводами зала, словно заблудившаяся стая ворон.

— А если я прикажу тебе на ноги встать, — закричал бородач в золотой короне, — ты встанешь или нет?

— Я рад бы! Я рад бы! — ответил шут. — Но не могу. Придется мне руки отрубить.

— Ну и чувство юмора, — вздохнула Алиса.

— Тогда пускай твоя принцесса идет сюда, — сказал бородач. — У нас для нее найдётся свободное место.

Он поднял широкую ладонь и стукнул по шее худого старикашку, который сидел рядом. Старикашка свалился со стула. Гости захохотали пуще прежнего.

Алиса послушно пошла к столу, хотя ноги у нее

подгибались. Она жутко струсилась. Главное, не забывать, что ты принцесса и всю жизнь провела в таких вот компаниях.

Особенно неприятно было идти мимо вереницы усатых, бородатых, тонких, толстых, лысых, волосатых, молодых, старых физиономий— они даже жевать перестали, глаза на гостью.

Король до самых глаз зарос черной бородой, но все равно видно было, что лицо у него приплюснутое, словно кто-то ударил его по голове,— от этого глаза выпучились, зубы вылезли вперед, нос задрался кверху. Руки у короля были заняты: он держал баранью ногу. Поэтому здороваться с принцессой он не стал, а только спросил:

— Чего пожаловала? Мы тебя вроде не приглашали.

— На турнир, ваше величество,— сказала Алиса.

— Молодец. Девчонка, а смелая. Ну, тогда садись. Можешь звать меня дядей. Эй, дайте сюда гуся помоложе. Моя племянница проголодалась.

Прибежал слуга с золотой тарелкой, на которой лежала гусиная нога.

— Жуй,— сказал король. — У нас все попросту.

Алиса не знала, с какой стороны взяться за такую ножищу, тем более что есть не хотелось.

Виночерпий налил Алисе бокал красного вина.

— И выпей,— сказал король. — Не обижай наше величество.

Все внутри у Алисы сжалось, как от мороза.

И тут она услышала тихий, мелодичный голос:

— Не стесняйся, девочка. Только вина тебе пить, пожалуй, не стоит. Ты сделай вид, что пьешь.

Алиса обернулась. Справа от неё сидела молодая женщина изумительной красоты. У нее были пушистые, вьющиеся темные волосы, синие глаза в черных ресницах. Она была бледной и грустной. Платье у этой женщины было темно-синим с серебряным шитьём, а на голове горела

небольшая корона.

— Ты меня не узнаешь, Алиса? — спросила женщина.

— Я.. наверно, я забыла..

— Конечно, ты была совсем маленькая. Я — королева Изабелла, твоя внучатая тетка по матери. И ещё меня называют вдовствующей королевой-мачехой.

— Ой, извините, — сказала Алиса. — А я думала, что королева-мачеха обязательно должна быть старой и злой. Ведь сам король тоже немолодой.

— Его отец взял меня в жены четыре года назад, — сказала королева-мачеха. — Я была младше его на тридцать четыре года. А вскоре он умер, на престол взошел его сын, а я стала пленницей в этом дворце. Так мне и придется, видно, провести здесь остаток моих дней, если враги не отравят.

Король громко чавкал, пожирая баранью ногу, и запивал вином из кубка размером с ведро. К счастью, он сразу позабыл про Алису.

— Как твоя мамочка? — спросила Изабелла.

— Спасибо, здорова, — сказала Алиса. Она вообще врать не любила, а врать такой грустной и приятной женщине было втрое противно.

— А папа?

— Папа тоже здоров.

— Он оправился от ран?

— Оправился.

— Ему, кажется, дракон ногу откусил в битве за волшебную чашу? — спросила Изабелла.

— Да, кажется, — сказала Алиса и почувствовала, как краснеет, хорошо ещё, что здесь не очень светло.

— А как твой братишка? — продолжала расспросы королева-мачеха.

Нет, все-таки правду говорили в сказках, что мачехи в королевском чине — самые коварные люди на свете. И что ей приспичило допрашивать гостью о родственниках?

— По-старому, — сказала Алиса.

— Как его зовут, я забыла? — упорствовала королева Изабелла.

Алиса в отчаянии так вгрызлась в гусиную ногу, что даже зубы застряли. Теперь, если бы Алиса захотела ответить, все равно ей не вытащить зубы из жесткого мяса.

А над ухом все журчал голос королевы-мачехи:

— Да, конечно, его же зовут Венедиктом. Рыцарем Венедиктом. Или Павлом? Может, Павлом?.. Кажется, я его звала Павликом... Это он победил оборотня в битве у Заупокойного озера? Конечно же, вторая голова оборотня всегда висела в библиотеке твоего папы над письменным столом..

Изабелла посмотрела на Алису, подняв брови. Ничего не оставалось, как кивнуть головой. Такой ответ Изабеллу вполне удовлетворил.

— Правильно, — сказала она, — все сходится. Узнаю в тебе славную дочь бурного рода королей Актианских.

В этот момент король отложил баранью ногу, вытер ладони о живот и вспомнил о заграничной принцессе.

— Ну, как ты устроилась, ванна тебе понравилась? — спросил он. — У вас тоже теперь руки перед едой моют?

Алиса попыталась освободить зубы из гусиной ноги, но ничего не вышло. Алиса извивалась в борьбе с проклятой ногой, а вдруг король решит, что она притворяется?

Но король все понял. Одной рукой он ухватился за кость, а другой крепко взял Алису за волосы и дернул.

Слезы брызнули из глаз Алисы, в ушах зазвенело, со страшным всхлипом гусиная нога вырвалась наружу, и король поднял ее вверх, как знамя.

— Повара! — закричал он. — Повара ко мне!

Изабелла достала кружевной платочек и вытерла

Алисе слезы.

— Вот видишь,— сказала она. — Какие у нас грубые нравы.

— Где повар?— вопил король.

Все молчали. Вдруг из-под стола показался колпак шута.

— Не извольте гневаться, ваше величество, но повара только на той неделе казнили, — сказал он.

— А где его помощник?

— Он убежал в лодке в открытое море.

— Кто же тогда готовил гуся, которым мы чуть не загубили нашу именитую гостью?

— Ученики кулинарной школы, ваше величество.

— Пусть их всех казнят.

— Ой, не надо, ваше величество! — закричала Алиса.

— Принцесса права,— сказал шут.— Эти ученики наша последняя надежда. Если мы их казним, придётся переходить на консервы.

— Ты так думаешь?— спросил король.— Ненавижу консервы. В последнем походе на мумизматов мы консервными банками из катапульты стреляли. Триста убитых, остальные раненые. Полная победа!

Король метнул гусиной ногой в собаку, и она убежала, воя на весь зал.

— Подавайте компот! — велел король. — И перейдем к делам. А то до турнира не управимся. Камергер, какие у нас дела?

Грузный мужчина с маленькой головой подбежал к трону, вытирая рукавом губы.

— Государственных дел на сегодня нет, — сказал он.

— А жалобы есть?

— Жалобы есть.

— От кого и на кого?

— От знатных людей,— сказал камергер.— На неизвестного рыцаря.

— Ну, начинай.

Король взял чашку с компотом и откинулся на троне.

Глава 14. Жалобы на рыцаря

— У кого жалобы, поднимайте руки! — воскликнул камергер.

Над столом поднялось несколько рук.

Шут вылез из-под стола и втиснулся между Алисой и королем.

— Ты чего? — спросил король.

— Буду советы давать.

— Так ты ж дурак.

— Один дурак от такого отсоветует, чего десять умников насоветуют, — сказал шут.

— Ладно, посмотрим. Начинай жаловаться, маркиз Фафифакс.

Рыжий толстяк с красным носом встал в дальнем конце стола.

— Известный склочник, — сказала королева-мачеха.

— Ваше величество, — зашевелил рыжими усами толстяк, — приношу жалобу на ограбление, воровство, обиду и оскорбление.

— Кто посмел обидеть моего верного слугу?

— Рыцать Красной стрелы.

— В чем его вина?

— Он увидел моих рабов, которых вели на продажу, разбил мечом их оковы и избил стражников.

— Серьезное преступление, — сказал король. — А куда он увел рабов?

— Маркиз думает, как бы получше соврать, — сказал шут. — Рабов-то у него не уводили. Тот рыцарь просто пошутил. Разбил оковы и уехал дальше. А рабов маркиз потом поймал и все равно продал.

— Это правда? — спросил король. — Ненавижу, когда меня обманывают по мелочам. Неужели до сих пор не поняли?

— Но это же грабеж!— закричал маркиз.

— Баловство, а не грабеж. Каждый рыцарь имеет право испытывать свое оружие на неблагородных. А он даже никого не убил. Садись. Следующий.

Следующим поднялся мужчина в меховой шапке, которую он даже за столом не снял.

— Ваше величество, я приношу жалобу на рыцаря Красной стрелы.

— Что случилось, торговец Пузанелло?

— Он украл коня из моего табуна.

— Как так?

— Он встретил табун моих лошадей, вскочил на одного из коней и оставил пастухам расписку, что конь взят взаймы, потому что рыцарю нельзя появляться без коня на турнире.— Торговец помахал бумажкой.

— Ну-ка дай сюда,— приказал король.

Бумажку передали по рукам. Король повертел ее в руках и сказал:

— Почерк непонятный, неблагородный почерк. Если ты благородный, то пиши квадратными буквами. Я правильно говорю?

— Правильно! — закричали рыцари и вельможи.

— Разрешите, я прочту, — сказала Алиса. — Я этот почерк разбираю.

— Ты?— удивился король.— Видно, у вас в королевстве распустились, принцесс уже начали грамоте учить. Была бы ты моя дочь, я бы тебя выпорол, не посмотрел бы, что голубая кровь.

— Не обращай внимания. Это он для вельмож выступает, чтобы своих дочерей не учили,— прошептала королева-мачеха.— А то добьются равноправия — и погибнет рыцарство.

На листке, вырванном из блокнота, Пашкиной рукой было написано:

«Взят взаймы из табуна 1 конь (один). Верну его вечером со всеми трофеями, которые добуду на турнире. П. Гераскин, рыцарь Красной стрелы».

— Ай-ай-ай, — сказал король. — На трофеи

рассчитывает.

— Ничего преступного, — вмешался шут. — Как же еще благородному рыцарю получить коня, если не взять займы? Вы же сами, ваше величество, когда в том году воевали, три миллиона у ростовщика взяли.

— А в самом деле! — закричал король. — Ну-ка плесните мне компота! Не может же рыцарь на турнир без коня приехать.

— А вдруг не вернет? — упорствовал торговец.

— А если не вернет? — спросил король у шута.

— Вернет, — сказала Алиса. — Я за него ручаюсь.

— А если не вернет, — прищурился шут, — то придется ему сделать с торговцем Пузанелло то же, что вы сделали с ростовщиками, когда они после войны попросили вас вернуть долг.

— А что я сделал? — спросил король.

— Вы же их всех утопили.

Король так расхохотался, что поперхнулся компотом. Пока шут с камергером били его по спине, торговец вскочил из-за стола и исчез.

— Ну, есть еще жалоба? — спросил король, откашлявшись.

— У меня жалоба, ваше величество, — поднялся со своего места рыцарь в золотых латах. У него был острый нос, острые глаза, острые уши, а изо рта на сантиметр вылезали клыки. На груди у него был нарисован герб — черный клыкастый волк.

— Говори, благородный рыцарь Черного волка.

— Я приношу жалобу на рыцаря Красной стрелы.

— Опять! — возмутился король. — Чего он еще натворил?

— Я стоял на улице и наводил порядок.

— Какой же ты порядок наводил?

— Я лупил палкой служанку, которая пережарила кашу.

— Правильно. И что же дальше?

— Мимо проезжал рыцарь Красной стрелы, он вырвал у меня палку и этой палкой меня ударил.

Видите ли, женщин бить нельзя.

— Молодец,— сказала Алиса.

— Как так нельзя?— удивился король.— Ну, может, принцесс еще нельзя, но служанок обязательно надо бить!

— Как мудро! Какой государственный ум! — раздались возгласы в зале.

— Если каждый будет чужих служанок выручать да чужих рабов освобождать, — сказал камергер, — порядок погибнет.

— Разрешите дураку слово сказать! — закричал шут.

— Говори!

— Думаю, нам с вами, король, в это дело вмешиваться смешно. Если наши рыцари за себя постоять не смогут, кому они, такие, нужны? Не надо было спину подставлять.

— Так я же в одной пижаме был!— сказал рыцарь Черного волка. — А пока за мечом сбегал, его и след простыл.

— Все это похоже на склоку, — сказал король. — Сам ищи обидчика.

— Что-то мой пасынок сегодня добрый,— сказала Изабелла.— Повезло нам, не будут твоего Пашку наказывать. Обошлось.— И только она это произнесла, словно сглазила,— по другую сторону короля поднялся высокий, похожий на ворона человек в черной одежде с золотым поясом и в высокой красной шапке.

— Я тоже приношу жалобу на рыцаря Красной стрелы,— сказал он.— Я надеюсь, что на этот раз никто его не сможет защитить.

— Слушай, епископ, мы утомились. Может, отложим на следующий раз?

— Нет, ваше величество. Он совершил страшное преступление.

— Ну, тогда говори, епископ.

— Мы хотели сжечь одну ведьму. Вдруг появился этот рыцарь, разогнал стражу, затоптал костер, освободил ведьму, посадил ее на коня и ускакал!

В зале наступило гробовое молчание. Алиса поняла, что **этого** преступления Пашке не простят.

— Он дьявол, — в полной тишине раздался голос камергера.

И все зашептали:

— Дьявол, дьявол...

— На плаху его!— рычал король, отбрасывая жбан с компотом.— На костер! Никакой пощады! Он мое государство хочет загубить!

— Плохо дело, — сказал шут.

— Разрешите, я спрошу,— услышала Алиса тихий голос вдовствующей Изабеллы. — А где же тот рыцарь? Кого вы будете жечь и казнить?

— Да, кстати, где он?— спохватился король.— Почему его до сих пор не привели? Почему я его не знаю? И вообще, откуда он к нам явился?

— Вот видите,— сказала Изабелла.— У меня возникло подозрение, что это просто-напросто романтически настроенный юноша из другого королевства. Он ещё не научился отличать настоящие рыцарские подвиги от баловства. А ведьма его, наверно, околдовала. Вы же знаете, как легко опытной ведьме околдовать юного рыцаря.

— Не слушайте, король,— сказал епископ.— Во-первых, это неопытная ведьма. Ей всего три года. А во-вторых, давно пора присмотреться к королеве Изабелле. Она ведь тоже из другого королевства.

— Да, надо разобраться...— растерялся король.

Но тут на помощь королеве-мачехе пришёл шут:

— Осторожнее, ваше величество. Сегодня они съедят вашу мачеху, а завтра за вас примутся.

— Правильно!— закричал король.— Не смейте обижать мою любимую матушку. И вообще, разбор жалоб окончен. Поймаем рыцаря, тогда и займёмся им.

Все начали вставать из-за стола.

— Созывайте рыцарей!— приказал король.— После

третьего гонга чтобы все были на стадионе. Не терплю опозданий.

— Ох, отравил бы я вас, — сказал злобно епископ, проходя мимо Изабеллы.

— Не удастся, — ответила королева-мачеха с улыбкой. — Я сама себе готовлю.

Глава 15. Начинается турнир

Изабелла провела Алису через специальный вход «Для знатных лиц», но все равно по дороге у них несколько раз спрашивали, нет ли лишнего билетика.

В толпе, стекавшейся к стадиону, мелькали продавцы мороженого и пирожков, звенели кружками торговцы сладкой водой, зазывали покупателей хозяева пивных ларьков. Шум стоял невообразимый.

Густая толпа скопилась перед большой доской, на которой лесенкой были нарисованы фигуры рыцарей: выше всех тот, кто больше всех побеждал в прошедших турнирах. Его Алиса узнала — это был обиженный Пашкой рыцарь Черного волка в золотых латах. А где же толстый маркиз Фафифакс? Вот он, в середине таблицы.

— Слышал о новом рыцаре? — донеслись до Алисы слова какого-то болельщика.

— Кто такой?

— Рыцарь Красной стрелы. Выступает вне конкурса.

— Иностранец?

— Говорят, что приехал из-за границы.

— Его не допустят, — сказал торговец в меховой шапке, у которого Пашка занял коня. — Он неблагородный. Даже не рыцарь, а обыкновенный колдун и проходимец.

«Ой, Пашка! Ведь обязательно приедет на турнир, — подумала Алиса. — И тут его схватят. Правда, шут побежал его искать, чтобы предупредить, но вдруг они разойдутся? Или

Пашка шута не послушается?»

— Может, я подежурю у входа? — спросила Алиса.

— Нет, — ответила Изабелла. — Тебя узнают и вернут на стадион. Я думаю, что лучше быть поближе к королю. Если что случится, мы сможем на него воздействовать.

Лакей в красном камзоле провел их наверх, в ложу, где в креслах уже сидели вельможи и королевские родственники.

— Вам сюда, к барьеру, — сказал лакей.

— Знаю, — ответила Изабелла. — Не первый раз на турнире.

Они сели у самого барьера. Кресла по обе стороны пустовали. Слева — кресло для короля, справа — для епископа.

Зрители на трибунах узнали Изабеллу, и раздались аплодисменты.

— Меня любят в народе, — сказала вдовствующая королева-мачеха. — Во-первых, за красоту, во-вторых, за доброту, а в-третьих, потому, что меня епископ не любит.

Королевская ложа нависала козырьком над трибунами и даже над полем. Поле было ограждено деревянной стенкой. Оно было похоже на футбольное, только ворота на нем были деревянные и закрытые.

Трибуны шумели и волновались.

— Может, он уже вернулся домой, а я тут сижу, — подумала Алиса. Нечаянно мысль прозвучала вслух, и королева-мачеха ответила:

— Не похоже. Если у человека такой характер, он обязательно прискачет на стадион, чего бы это ему ни стоило.

— Но он на лошади плохо ездит.

— Неважно. Здесь же все — любители. Кроме того, пожилые. Да ты не расстраивайся. Выручим мы твоего Пашку. Вернёшься с ним обратно.

— Вы не верите, что я принцесса? — спросила Алиса.

Вдовствующая мачеха убрала пышную прядь волос под корону и ответила без улыбки:

— Как же верить, если ты врать не умеешь? Я тебя за обедом спрашивала о родственниках, и ты призналась, что у твоего отца ноги нет, а брат с оборотнем дрался.

Алиса опустила голову.

— Так вот, отец принцессы, за которую ты себя выдаешь, самый миролюбивый король на нашей планете, уже десять лет не ездил на войну. Оборотней не бывает — это каждому разумному человеку известно. Да и как я могла тебя спутать с моей племянницей, если она курчавая и черноглазая, а ты — блондинка?

— А почему вы меня не выдали?

— Кому? Этим вельможам? За кого ты меня принимаешь? Мне шут обо всем рассказал. Мы с ним друзья. Встань, король идет.

Изабелла поднялась со своего кресла. Алиса тоже. Вошел король. Камергер с епископом шли по бокам и что-то нашептывали ему в оба уха. Король был мрачен.

— Объялся, теперь спать хочет, — шепнула Изабелла.

Весь стадион поднялся на ноги, оркестр заиграл гимн. Зрители и придворные запели. Король тоже подпевал, шевеля черной бородой. На середине второго куплета он махнул рукой, сел и смежил веки. Оркестр умолк, стадион снова загудел.

— Король всегда так, — сказала Изабелла. — В первом куплете поется, какой он славный и великий. А во втором про его папу. Это ему не так интересно.

Из-под трибуны бежали судьи. Они были в черно-белых полосатых камзолах, черных чулках и круглых черных шляпах с черными и белыми страусовыми перьями. Главный судья держал в руках медный гонг и колотушку, а его помощники — крючья.

— Зачем это? — спросила Алиса.

— А как же растаскивать рыцарей, когда они перепутаются?

Судьи остановились в центре поля.

— Ваше величество, — подсказал камергер. — Давайте сигнал.

Величество перестал храпеть, протер глаза и махнул рукой, словно отгонял комара. Судья поклонился и ударил в гонг.

Тут же боковые ворота широко растворились, и на поле выехало десятка два рыцарей.

Зрелище было великолепное. Латы сверкали, перья раскачивались, плащи колыхались — и вообще-то рыцари были немного похожи на украшенные новогодние елки.

Даже король проснулся, извлек из кармана очки в золотой оправе и напялил их на нос.

Он подмигнул Алисе и сказал:

— Что, не видала? Это называется — очки. Новинка цивилизации.

— Представляем участников турнира! — закричал главный судья таким пронзительным голосом, что его, наверно, было слышно в открытом космосе. — Номер один — рыцарь Черного волка. Латы золотые, герб черный, выступает на жеребце Парашюль от Парасковьи и Шюльца.

Раздались аплодисменты и свист болельщиков.

Рыцарь выехал вперед, поднял копье и поклонился королю и зрителям.

— Маркиз Фафифакс! — закричал судья. — Латы серебряные. Герб розовый, изображающий заднюю половину свиньи. Выступает на кобыле Бругунде от Бруска и Ундины.

Аплодисменты на этот раз были пожиже, а свиста больше.

Судья начал представлять других рыцарей, а тем временем в ложе появился шут.

— Ты где пропадал, Фу-фу? — спросил король. — Мне же скучно.

— Я осла искал, — ответил шут. — Я тоже хочу

сражаться.

— Да кто же на осле сражается?— захохотал король.— Ну, ты у нас дурак! Тебя же любой победит.

— А какая разница?— спросил шут.— Я буду дурак на осле, а они— ослы на конях!

— Ну, ты даешь!— хохотал король.— Ну, ты рискуешь! Это же благородное рыцарство, опора моего трона.

— Такие шутки могут стоить головы, — сказал епископ.

— На эту голову не замахивайся,— ответил король.— Мне без шута нельзя. Кто мне будет правду говорить? Не ты же?..

— Я никогда не лгу, ваше величество,— быстро ответил епископ и отвернулся к камергеру.

— Поединок первый. Рыцарь Черного волка и рыцарь Трехльвиного трилистника! — объявил главный судья. — Первый раунд.

Все рыцари, кроме двух, уехали с поля. Участники поединка разъехались в разные стороны.

Барабаны забили дробь.

Стадион умолк. По сигналу судьи рыцари прищипорили коней и помчались навстречу друг другу.

Слышался только топот и барабанный бой. Казалось, что два танка вот-вот столкнутся лбами.

Но рыцари промахнулись и помчались дальше, придерживая коней.

— Второй раунд! — закричал судья, пока рыцари разворачивались у борта.

Снова забили барабаны.

На этот раз кони пронеслись близко друг от друга, копыта ударились в щиты и сломались с таким треском, словно какой-то великан сломал о колено вековой дуб. Черный волк удержался в седле, а вот рыцарь Трехльвиного трилистника вылетел из седла и грохнулся о землю.

Раздались бурные аплодисменты. Король топал ногами от восторга.

Пока уносили побежденного рыцаря, победитель, откинув забрало, проехал мимо трибун, и девушки бросали в него цветами.

— Алиса, — раздался рядом тихий голос.

Это был шут. Он подошел сзади и наклонился, чтобы никто не слышал.

— Что? Вы нашли Пашку?

— Нашел. И все погубил.

— Ну, что случилось? Говорите скорей!

— Тише. Я его нашел. Я знал, где искать. Его спрятали у себя дома родители ведьмы, которую он спас от костра.

— И вы его видели?

— Видел. Я сказал ему, что ты его ищешь и просишь скорей возвращаться.

— И он?..

— Он совсем уж было согласился, но дернул меня черт за язык рассказать, как мы его защищали на обеде от маркиза и Черного волка.

— И что же?

— Он как закричит: «Ах, они хотят со мной сразиться! Так они свое получают. Не могу я бежать от них, словно заяц. Это, говорит, юному биологу не к лицу».

— Так и сказал?

— Так и сказал. А кто такие биологи?

— Трудно объяснить. В общем, мы занимаемся животными и цветами.

— Садовники? Кучера? Ах нет... вы же благородные, — усмехнулся шут, — если не притворяетесь...

— Ты же знаешь, что притворяются, — сказала королева-мачеха, у которой был замечательный слух.

— Кто притворяется? — спросил король, который услышал только последние слова.

— Я, ваше величество, — ответил шут. — Я всю жизнь притворяюсь, чтобы кто-нибудь не счел

себя глупее, чем ваш любимый дурак.

На поле уже появилась другая пара рыцарей, и снова застучали барабаны и подковы.

— И что же теперь будет? — спросила Алиса.

— Он велел тебе передать, что, как только победит этих рыцарей, тут же возвратится с тобой в джунгли.

— Не нравится мне это, — сказала Алиса. — Они его в лепешку сотрут.

— Не исключено, — сказал шут Фу-фу. — Хотя помни, что многое здесь только кажется страшным.

— Мне это и Фуукс говорил, — сказала Алиса.

— Вот видишь...А кто такой Фуукс?

— Он далеко живет. Вы с ним не знакомы.

— Если далеко, то конечно...

Третий поединок закончился вничью. Рыцари раз пять съезжались, но все промахивались. Пришлось их под свист трибун снимать с соревнований.

В перерывах играл оркестр, зрители ели мороженое и пирожки, один рыцарь выехал с плакатом, на котором было написано: «Защищаю честь прекрасной дамы Вероники».

Все стали спрашивать, кто такая Вероника?

Даже король заинтересовался и спросил у камергера:

— Почему я с ней не знаком?

Тут судья объявил, что Вероника — бабушка рыцаря. Все успокоились.

Пашки все не было. Как бы не перехватили его на дороге.

Когда кончила бой последняя, десятая пара, на поле снова выехал рыцарь Черного волка.

Изабелла сказала:

— Вот теперь начинается самое интересное!

Пронзительный голос судьи возвестил:

— Рыцарь Черного волка вызывает на роковой поединок до первой крови любого рыцаря королевства!

Из оркестра поднялся музыкант и трижды

протрубил в рог.

Наступила тишина.

Никто не отозвался.

Музыкант снова поднялся и снова протрубил в рог.

Никто не явился.

В третий раз музыкант поднёс рог к губам, но протрубить не успел, потому что дальние ворота со скрежетом растворились и из них выехал рыцарь.

Алиса привстала. Неужели Пашка? Нет, для Пашки он слишком толст.

— Я, маркиз Фафифакс, готов сражаться с тобой, рыцарь Черного волка, до полной победы или первой крови! — воскликнул рыцарь.

— Победитель получает оружие, обмундирование и коня проигравшего, — заявил судья.

— Знаем! Знаем! — кричали на трибунах. — Пускай начинают.

Рыцари бок о бок подъехали к королевской ложе.

Король обернулся к епископу:

— Надеюсь, кровь ненастоящая? Я этого не выношу.

— Не беспокойтесь, ваше величество. Им выдано по пузырьку с красными чернилами. Черный волк победит маркиза в третьем заходе с небольшим преимуществом.

— Разрешаю вам поединок, мои дорогие смельчаки! — воскликнул король, поднимаясь со своего места. — Подавай сюда кубок, — обернулся он к камергеру, — все вам приходится напоминать.

Камергер раскрыл сундучок, стоявший у его ног, и вынул оттуда высокий хрустальный кубок.

Король поднял кубок в руке и произнёс:

— Победитель получает этот приз! Вручит его наша гостья, заграничная принцесса Алиса.

Зрители захлопали, многие начали вставать, чтобы разглядеть неизвестную принцессу.

«Где же Пашка?— волновалась она между тем.— Куда он запропастился? Сидишь здесь, тратишь время понапрасну, а вдруг его уже на костёр ведут?»

— Приготовились! — крикнул судья.

Рыцари только опустили забрала, как ворота справа от Алисы распахнулись от сильного удара и на поле выехал третий рыцарь.

Он был в серебряных латах, на его щите была нарисована красная стрела.

Глава 16. Роковой поединок

Алиса чуть было не крикнула ему: «Пашка, скорей обратно!»

Но осеклась. Пашка ее не услышит, а если услышит, не послушается. Да и королю с епископом этого слышать не надо.

— Это он! — сказал епископ.

— Это он! — сказал камергер.

— Это он? — спросил король, роняя на колени мороженое.

Рыцари на стадионе оторопели от такой наглости. Они стояли и ждали.

Доспехи Пашке были велики— правда, этого никто, кроме Алисы, не заметил, потому что остальные Пашку без доспехов не видели. Наверно, подумала Алиса, он себя чувствует как зернышко в просторной ореховой скорлупе. Но даже в больших латах Пашка был раза в два меньше любого из своих врагов.

— Эй!— закричал он, не поднимая забрала.— Кто тут вызывал на поединок? Я готов к бою.

— Опоздал! — воспротивился главный судья. — Вызов уже принят. Это не по правилам.

— Да я его без правил на куски разорву!— завопил маркиз.— Он рабов освобождает!

И, тяжело развернувшись, он пустил своего коня навстречу Пашке.

— Нет!— крикнул Черный волк, цепляя копьём

маркизова коня за попону.— Он — моя жертва. Я первый его вызывал! Я ему покажу, как защищать моих служанок!

Помощникам судьи пришлось захватить взбесившихся рыцарей крючьями и тащиться за ними по земле, как якоря за кораблем в бурю.

Король разозлился и стукнул кулаком по барьеру.

— Всех разгоню!— закричал он, перекрывая весёлый гул стадиона.— Прекратите безобразие!

По знаку камергера из ворот выбежали стражники и окружили рыцарей. Минут через пять удалось установить на стадионе порядок. А вот в королевской ложе порядка не было. Епископ наскакивал на короля, вот-вот заклет:

— Не разрешайте ему драться, ваше величество, отдайте его мне. Я его на костре сожгу.

— Он рыцарь! — возражал шут. — Он не хуже наших чугунных болванов!

— Никакой он не рыцарь!—возмутился камергер.— У него документы фальшивые.

— Самый настоящий рыцарь! — спорила королева-мачеха. — Я с его родителями знакома. У них замок в живописной местности с прудом и лебедями.

Стражники подхватили под уздцы рыцарских коней и подвели их к королевской ложе.

— Я его знаю!— вмешалась в спор Алиса.— Он благородный рыцарь, но еще совсем мальчик. Его надо отпустить домой.

— Возраст не помеха,— отвечал епископ.— Мы и новорожденного сжечь можем.

— Все ясно! — рявкнул король, когда ему надоело слушать эту перепалку. — Выношу свое решение.

Он встал во весь рост, поправил корону, стряхнул с колен лужу мороженого и заявил:

— Мы тут посоветовались с приближёнными и решили...

Стадион замолк. Всем, разумеется, хотелось

посмотреть бой — ведь за билеты деньги заплачены. Кроме того, у Пашки оказалось много болельщиков: слухи о его подвигах уже распространились по всему городу.

— Мы решили, — продолжал король, — позволить бой.

— Уррра! — закричали на стадионе.

— Я протестую, — зашипел епископ. — Я буду жаловаться.

Но его никто не слушал.

— Золотой рыцарь Черного волка, — продолжал король, — будет биться с победителем пары маркиз — рыцарь Красной стрелы. Это справедливо. Кубок достанется окончательному победителю.

Под бурю аплодисментов король уселся в кресло.

— Я — справедливый человек, — сказал он. — Притом мудрый.

— Правильно, — улыбнулся камергер. — Вы самый справедливый и мудрый. А этот мальчишка никогда не одолеет маркиза, не говоря уж о моем племяннике.

— Это я и имел в виду, — сказал король. — Кто-нибудь его обязательно ухлопает.

Алиса почувствовала, как слезы навертываются у нее на глаза. Изабелла протянула ей свой платочек и сказала:

— Видишь, как опасно приукрашивать древнюю романтику.

Рыцарь Черного волка и судьи освободили середину поля. Стражники выстроились вдоль ограды. Забили барабаны в оркестре.

Пашка и маркиз разъехались к воротам. Конь у Пашки был небольшой, худенький, видно, подобран по росту. А когда соперники поскакали навстречу друг другу, казалось, что маркиз раздавит Пашку, как слон зайца.

Но этого не произошло.

Копья противников со всего размаху врезались в щиты, и от этого удара Пашка, как более легкий, вылетел из седла, взвился высоко в воздухе и приземлился метрах в двадцати.

Тут бы поединок и кончился в пользу толстого маркиза.

Но помогло чудо: подпруга седла у маркиза лопнула и он вместе с седлом свалился с коня, шмякнулся оземь и замер.

От неожиданности стадион онемел.

Алиса схватилась за барьер, чтобы перепрыгнуть и бежать к Пашке на помощь. Изабелла вцепилась в нее. Алиса попыталась вырваться, но увидела, что Пашка медленно поднимается на ноги. Он пошатывался — видно, как следует ему досталось. Он поднял забрало и приложил к шишке на лбу железную перчатку, поморщился, соображая, что делать дальше, а потом под приветственные крики зрителей подошел к лежащему на земле маркизу, достал меч и приставил его к горлу своего противника.

«И где же он успел выучить правила?» — изумилась Алиса, у которой после всех волнений

руки и ноги отнялись.

Постояв, Пашка спросил судью:

— А что мне делать дальше?

Судья растерялся: он не рассчитывал, что мальчишка победит могучего маркиза, и боялся присудить Пашке победу. У маркиза были влиятельные друзья, и судье могло не поздоровиться.

Спас положение шут. Он громко сказал королю:

— Из одного чугунного болвана вылетел дух. Чего же мы с вами ждем? Пускай второй попробует!

Король был не очень доволен, но согласился:

— Пускай начинает поединок с Черным волком.

По его знаку стражники подхватили бесчувственного маркиза и поволокли к воротам.

К стражникам подбежал оруженосец Грико, чтобы им помочь. Алиса встретила с ним взглядом, Грико подмигнул ей, и она тут подумала, что подруга у маркиза лопнула не случайно.

Стражники взяли под уздцы маркизова коня, чтобы его увести, но Пашка закричал:

— Это не по правилам. Конь и доспехи достаются мне.

— Этого еще не хватало, — озлился камергер. — Он еще будет нас учить рыцарским правилам!

— И я, — продолжал Пашка, — прошу отдать трофейного коня и сбрую тому торговцу, у которого я брал займы мою лошадь.

— Этого не будет! — закричал камергер.

— Это по правилам, — возразил шут. — Так надо. Если король разрешит разок нарушить правило на турнире, в следующий раз нашего любимого короля прирежут в постели.

— Ты с ума сошел, — возмутился король. — Ты чему их учишь?

— Так каково ваше решение? — спросил шут как ни в чем не бывало.

— Конь и доспехи маркиза принадлежат рыцарю

Красной стрелы, — объявил король. — Мы строго следим за правилами.

Тут же на поле выскочил торговец, подхватил коня и был таков.

Рыцарь Черного волка уже ждал своего соперника. Золотые латы сверкали, над шлемом покачивались алые перья. Он проверил подпругу и дал своему коню кусок сахара.

Пашка отыскал глазами Алису на трибуне и помахал ей.

— Вы все-таки знакомы? — спросил король. — Не нравится нам это.

— Я этого не скрывала.

Пашка поднял руку, чтобы опустить забрало, — рыцарь Черного волка уже потянул поводья, посылая коня вперед.

— Обходи его, Пашка! — крикнула Алиса изо всех сил. — Вспомни, как на хоккее защитника обходил!

Хорошо бы Пашка услышал. Второй раз на землю грохнуться — недолго и ногу сломать.

— Подсказывать нельзя, — сказал камергер. — И тем более колдовские слова.

— Почему колдовские? — спросила Алиса.

— Хоккей — никому не известное слово. Наверно, колдовское. И вообще нам следует присмотреться к принцессе.

— Это не слово, — сказала Алиса. — Это имя одного рыцаря.

— Правильно, — пришла на выручку Изабелла, — я с ним знакома.

Алиса отыскала руку Изабеллы и пожала ее.

Изабелла чуть улыбнулась холодной и гордой улыбкой королевы-мачехи.

Пашка услышал подсказку. Он не спешил навстречу, а поджидал врага недалеко от своей стены, хотя зрители начали свистеть, решив, что рыцарь Красной стрелы трусил. А когда рыцарь Черного волка приблизился, Пашка сумел ловко отклониться в сторону и соперник пролетел мимо, как неуправляемая ракета, не успев придержать

коня. И когда конь в последний момент отвернул от стены, он вылетел из седла и со всего хода врезался в стену головой.

— О-ох! — стонал стадион, потому что все видели, как голова Черного волка ушла глубоко в плечи.

— Дьявол! — воскликнул епископ. — Он от меня не уйдет.

Все ждали, встанет рыцарь или нет.

Лишь король не беспокоился.

— Сейчас встанет, — сказал он. — У него только кости помялись, пустяки. Со мной так уже было — и ничего, царствую.

Алиса взглянула на короля и только теперь поняла, почему у него такое сплющенное лицо.

И в самом деле, не прошло и минуты, как Черный волк приподнялся на руках, потом встал на колени и принялся выволакивать из ножен длинный меч.

Пашка соскочил с коня и осторожно приближался к сопернику.

Когда он был шагах в десяти, рыцарь Черного волка уже встал на ноги, обнажил меч и был снова готов к бою.

Он надвигался на Пашку, как бульдозер. Зрелище было внушительное особенно потому, что над широкими плечами выдавалась только макушка шлема и остатки красных перьев.

— Ну, вот теперь твоему парню не поздоровится, — не без удовольствия сказал король. — Не надо было сердить моего рыцаря.

Пашка с трудом поднял обеими руками тяжелый меч, но Черный волк со страшным рычанием взмахнул своим и выбил меч из Пашкиных рук. Добро бы только выбил, но и перерубил его.

Пашка остался обезоруженным.

— Беги! — крикнула Алиса.

Она обернулась к Изабелле, чтобы та помогла спасти Пашку, но ее кресло пустовало. Надо же! В самый нужный момент королева куда-то ушла!

Черный волк снова занес меч, наверно, чтобы разрубить Пашку пополам, но Пашка увернулся и извлек из кармана свой знаменитый перочинный ножик, который был по сравнению с оружием его врага не больше чем булавкой.

Следующий удар Черного волка был так ужасен, что меч, просвистев по пустому воздуху, вонзился на полметра в землю.

Рыцарь страшно закричал, вытаскивая оружие из земли, а за это время Пашка успел, пользуясь свободной секундой, раскрыть свой перочинный ножик.

Рыцарь развернулся, снова рассёк воздух мечом. На этот раз меч ушёл в землю по самую рукоять.

— Нечестно!— кричали вельможи. — Убегать нельзя!

— Убей его! — вопил камергер.

— Держись, Красная стрела! — кричали с трибун.

Черный волк тужился, стараясь вытащить меч из земли. Судья подбежал к нему и стал помогать. Они тянули меч вдвоем, а Пашка тем временем спокойно подошел к рыцарю и прошелся перочинным ножом по его латам.

Рыцарь бросил меч и, подняв громадный железный кулак, обернулся к Пашке.

И вот тогда все зрители на стадионе буквально легли от хохота.

Как известно, рыцарские доспехи скреплены кожаными завязками.

Эти-то завязки Пашка и перерезал своим знаменитым самозатачивающимся перочинным ножом.

И когда Черный волк поднял железный кулак, чтобы пригвоздить Пашку к земле, железные штаны упали вниз и стреножили его, как буйного коня.

Черный волк рванулся к Пашке, но потерял равновесие и, запутавшись в доспехах, рухнул на землю. Теперь уж окончательно.

Пашка не спеша подошел к поверженному врагу и

поставил ему ногу на грудь.

Стадион буквально раскалывался от рукоплесканий.

— Добей его! — кричали зрители. — Он известный мерзавец и угнетатель. Не жалей!

Но уже подбежали судьи, а король взмахнул платком, измазанным в мороженом.

Стражники схватили Пашку и заломили ему руки назад.

— Немедленно прикажите казнить его! — требовал камергер. — Он нанес нам оскорбление, победив лучших рыцарей. Кто же теперь будет нас бояться?

— Сжечь его! — настаивал епископ. — Он победил дьявольской хитростью!

Но в то же время все зрители на стадионе, заглушая угрозы вельмож, скандировали:

— Мо-ло-дец!

И ещё:

— Ку-бок по-бе-ди-те-лю!

Над дальней трибуной взвился плакат:

*Вот какие молодцы
Побеждают в Жанглецы?*

— Все правильно, — сказал король, которому нельзя было отказать в сообразительности. Он встал и взял в руки кубок. — Приведите ко мне победителя.

Судьи увидели жест короля и бросились поднимать рыцаря Черного волка.

— Ну и дурачье, — поморщился король. — Этак они накликают целое восстание. Ведите другого.

Торговец между тем выскочил на поле и увел оттуда обоих коней. Никто, кроме Алисы, этого не заметил.

Пашка, под охраной стражников и судей поднялся по боковой лестнице к королевской ложе. Под рукоплескания стадиона и кислые улыбки вельмож король вручил ему хрустальный кубок и пожал руку.

Глава 17. Победитель не уйдет от наказания

— Ну, обошлось, — сказала Алиса с облегчением и отправилась было к Пашке, чтобы увести его домой.

— Не обольщайся, — услышала она голос шута. Алиса удивилась, какой у него печальный вид.

— Вы что, Фу-фу? — спросила она.

— Не верь улыбкам королей, — сказал шут. — Иначе быстренько без головы останешься.

— А что они могут сделать?

Краем глаза она наблюдала за Пашкой. Он снял шлем и не без удовольствия принимал поздравления от вельмож. Вельможи пожимали ему по очереди руку, вежливо осведомлялись: «Где вы учились рыцарскому искусству?», глаза у них были злые, а рыцарь Красной стрелы принимал все это за чистую монету.

— Что они могут сделать? — повторил шут в задумчивости. Как будто они могли сделать столько гадостей, что трудно решить, какую выбрать. — Главное, сбежать до обеда, — сказал он наконец. — За обедом они Пашку обязательно отравят. Даю слово.

— Но мы же сейчас уйдем. Хватит.

— Уйдешь, как бы не так.

— Вот и отлично, — сказал король, глядя на Пашку с нежностью. — Теперь попрошу на ужин. Мы славно повеселимся. Надеюсь, мы все останемся друзьями?

Последние слова относились к маркизу и рыцарю Черного волка, которые стояли сзади, мрачные, как снеговые тучи. Рыцарь Черного волка стал до удивления похож на короля: глаза и губы выпучились, подбородок и нос высунулись вперед, а щеки ушли вглубь.

— Простите, — сказал Пашка, который все еще улыбался, — но мне надо срочно возвращаться домой.

Король взял его под руку.

— Слушай, рыцарь, — сказал он. — Нехорошо получается. Даже нечестно. Кубки ты получаешь, богатырей моих побеждаешь, а принять королевское гостеприимство не желаешь. Зазнался, что ли?

— Нет, что вы, — сказал Пашка. — Я не хотел вас обидеть.

— Вот и отлично, — сказал король. — Перерыв двадцать минут. Чтобы через полчаса все были в зале. Вот только руки вымою, и начнём.

Король пошёл к выходу, остальные — за ним. Только тут Алисе удалось пробиться к Пашке. Пашка шествовал, как индюк, обняв одной рукой шлем с перьями, другой — хрустальный кубок.

— Тоже мне, рыцарь, — прошептала Алиса. — Спасай тебя теперь.

— Это меня спасти? — удивился Пашка. — Да я всех рыцарей одной рукой могу побороть.

— Что-то я этого не видела, — сказала Алиса. — Первый вылетел из седла, потому что ему кто-то подпругу подрезал, и я даже почти знаю, кто это сделал. А второго ты победил, потому что хитрее и хоккеем занимался. А по части силы ты им не соперник.

— Хотя бы и так, — ответил Пашка. — Но кубок-то я получил и король меня поздравлял. А ты — спасать...

— погоди ты, — перебила его Алиса, — хвалиться будешь в кружке биологов. В средневековой жизни я лучше тебя разбираюсь. Главное, удрать до ужина.

— Почему? Поужинаем и поедем. Я жутко голодный. Эти поединки совершенно выматывают.

— На ужине тебя обязательно отравят, — сказала Алиса. — Или как-нибудь еще укокошат.

— Ты с ума сошла! За что?

— А мало ты им здесь крови попортил?

— Чепуха, несмотря на отсталость, они всё-таки рыцари.

— Тогда оглянись, рыцарь, — раздался голос

шута, который, оказывается, бесшумно шел рядом. В двух шагах сзади, почти наступая на пятки, вышагивали два стражника с обнаженными мечами.

— Ты думаешь, это почёеный караул? — спросил шут ехидно.

— А вы не вмешивайтесь в чужие разговоры, — грубо ответил шуту рыцарь Пашка.— Довольно того, что вы пытались меня отговорить от турнира, словно последнего труса.

— Ты зазнался,— заметила Алиса.— Это очень опасно. У тебя здесь мало друзей.

— Слишком мало, — согласился шут. — И убежать будет нелегко.

На улице их обогнали маркиз с Черным волком. Маркиз нарочно толкнул Пашку локтем так, что тот чуть не упал и уронил шлем. Черный волк наподдал шлем ногой, и оба рыцаря захохотали.

— Да я вам...— начал Пашка.

Но его противников и след простыл.

Шут наклонился к уху Алисы:

— Попробуем убежать, когда дойдем до дверей. Там темно, ты знаешь. По моему знаку побежите. Грико уже запряг карету королевы Изабеллы, они нас ждут.

Алиса кивнула.

— А пока уговори своего рыцаря слушаться тебя.

Пока они шли ко дворцу, болельщики узнавали Пашку, махали ему и кричали:

— Поздравляем, Красная стрела! Ждем на следующем турнире!

Пашка улыбался, а потом сказал почти серьёзно:

— Странно, что никто автографа не попросил.

— Да они же здесь поголовно неграмотные!— сказала Алиса.— Пашка, опомнись и постарайся меня слушаться. Если ещё чего-нибудь выкинешь, считай, что на биологическую станцию вход тебе запрещен. Ни в какие джунгли ты с нами не поедешь.

— А я, может, вообще решил здесь остаться,— ответил Пашка.— Буду защищать бедных и слабых. А если станут меня притеснять, уйду в разбойники, буду совершать набеги на баронов, как Робин Гуд.

— Прелестная мысль,— заметил сзади шут.— Ты еще и из лука умеешь стрелять, как Робин Гуд?

— Научусь, — не смутился Пашка.

Алиса поняла, что придётся прибегнуть к последнему средству.

— Кроме того, — сказала она, — обо всем станет известно твоей маме. Я даю тебе честное слово.

— Ну уж...— рыцарь Красной стрелы рухнул с высот на землю.— Можно обойтись и без таких угроз.

Они миновали двор и вошли в заднюю дверь дворца.

— Как скажу, побежишь,— шепнула Алиса и протянула руку, чтобы не потерять Пашку в темноте.

Они вошли в переднюю, за ней начиналась тёмная лестница наверх.

Но достичь темноты они не успели.

Глава 18. Суд во дворце

Через всю комнату в ряд стояли стражники, а впереди них — камергер. Алиса почуяла неладное, дернула Пашку в сторону, а он со своими шлемом и кубком был неповоротлив, как бегемот.

Из боковых дверей тоже вышли стражники.

— Именем короля,— сказал камергер.— Рыцарь Красной стрелы, колдун и самозванец, арестован.

— Не было такого королевского приказа!— сказал шут.— Это ты сводишь счеты.

— А мы его прямо к королю отведем. И там разбаремся, кто из нас врет, а кто и клеветает, — ответил камергер.

Алису отшвырнули от Пашки. Ему заломили руки назад, кубок и шлем грохнулись на пол. Клубок стражников с Пашкой в середине покатился вверх по лестнице.

До Алисы донесся Пашкин слабый крик:

— Вы не имеете права, я вам не подчиняюсь!

— Право, право...— вздохнул шут, подбирая брошенный кубок.— Говорил я ему.

— Скорей, надо освободить Пашку! — умоляла шута Алиса.

— Ох, уж эти дети! Как ты его освободишь? Пошли к королю. Может, все-таки это недоразумение.

В обеденном зале было пусто. Только слуги суетились у столов, расставляя тарелки.

— Кто-нибудь видел короля? — спросил шут.

— Они в тронный зал побежали,— сказал слуга.— Очень спешили. Даже рук не помыли.

— Ну и ну,— покачал головой шут, и все бубенчики на колпаке запели.— Чтобы ужин отложить — такого даже не помню.

Король был в тронном зале. Там пахло пылью и между колонн, куда не доставали уборщики, висела занавесями паутина. Вдоль колонн толпились вельможи и рыцари, когда только успели сбежаться?

Алиса с шутком вошли через боковую дверь как раз в тот момент, когда король устраивался поудобнее на троне, говоря склонившемуся к нему епископу:

— Только попрошу поскорее. Я еще рук не мыл. Не могу же я садиться за обеденный стол с грязными руками.

— Ваша воля, король,— заметил епископ.— Но ваши отец и дед никогда не мыли рук. Это не мешало им быть великими правителями.

— Мой отец был великий обжора,— возразил король.— А дед— великий пьяница. А ты, епископ, враг прогресса. Введите обвиняемого.

В зале появился рой стражников. Они разошлись

веером, и оказалось, что между ними стоит мальчишка в порванной грязной одежде. Пашка сильно уменьшился без лат и щита, и гонора у него поубавилось.

— На колени! — заявил камергер.

— И не подумаю, — огрызнулся Пашка.

В зале захихикали. Пашка не был опасен никому.

— Давай обвиняй.

— Мы обвиняем этого молодого человека, — епископ сделал шаг вперед, — в том, что он с помощью колдовской силы нарушил покой нашего государства. Он ограбил уважаемых людей, обманом победил наших лучших рыцарей и вытащил из огня ведьму. За это он заслуживает смерти.

— Смерть! — закричали вельможи. — Смерть!

— А сами кубок вручали, руку жали, — сказал с горечью Пашка.

— Ай-ай-ай. Ведь я в самом деле ему кубок вручал, — согласился король, — что же получается, меня обманули?

— Разумеется, — сказал епископ.

— А вот это неправда. Меня никто обмануть не может. Иначе бы я и не был королем. Я с самого начала обо всем догадался. Но не мог же я казнить его на стадионе. Это бы не понравилось народу, который не выносит моих драгоценных рыцарей и лично тебя, дорогой епископ. И наверно, за дело, потому что такого жестокого охотника за ведьмами в нашем королевстве еще не было. Но все равно для порядка мы должны примерно наказать смутьяна.

Епископу было противно слушать эту речь. Даже его клюв почернел от негодования. Но он взял себя в руки и, как ни в чем не бывало, продолжал:

— Свидетели, подойдите сюда!

Камергер подтолкнул маркиза Фафифакса и Черного волка.

Рыцари поклонились королю.

— В честном ли бою победил вас этот мальчишка? — спросил епископ.

— Обманом! — прошипел Черный волк приплюснутыми губами.

— Колдовством! — сказал маркиз и плюнул в Пашкину сторону.

— Больше свидетелей нет? — спросил епископ. — Вот видите...

Алиса выбежала из-за колонны.

— Я— свидетель,— сказала она.

— Вы иностранка! — сказал епископ.

— Пускай говорит,— усмехнулся король.— Мы же все равно решим, как нам будет удобнее.

— Да здравствует король! — закричали придворные.

— Все это нечестно,— сказала Алиса, стараясь не заплакать от злости.— На стадионе никакого колдовства не было. Все видели...

— Ну и что? — спросил король. — Значит, плохо глядели.

— Кроме того, он иностранный рыцарь. Из моего королевства. Изабелла может подтвердить. И я очень прошу, отпустите его. Я прослежу, чтобы он больше сюда не возвращался.

— Не унижайся перед ними, Алиска, — сказал Пашка.

Шут забежал сбоку и начал уговаривать короля:

— И зачем нам с вами осложнения с соседями? Нам и внутренних бед хватает. Еще войной на нас пойдут...

— Молчи, шут,— ответил король.— Соседи далеко. Какое им дело до бродячего мальчишки? А вот мои собственные вельможи близко. Кто мне опаснее: мальчишка или епископ? Сегодня я епископу помогу, завтра и он меня не забудет. К примеру, намечаю я отремонтировать дворец, а денег в казне нет...

— Об этом стоит подумать, — заметил епископ.

— Вот видишь. А ты мне: соседи, соседи, иностранное мнение... Продолжай, епископ.

— Тут некоторые, — сказал епископ, — пугают нас иностранными державами. А кстати, кто может поклясться, что это настоящая принцесса?

— Ну, ты уж слишком, епископ, — прервал его король. — Она Изабеллина племянница с материнской стороны.

— Не уверен, — сказал епископ. — Но дело не в этом. Если вас, король, беспокоит законность, я сейчас такого свидетеля приведу, что пальчики оближешь. Никакая заграница не пикнет.

— Хорошо бы. Страсть не люблю международных осложнений. Веди свидетеля.

По знаку епископа двери отворились, и монах, подпоясанный веревкой, втащил на веревке маленькую девочку. Она была в разорванном платье, лицо ее было измазано и зарезано.

— Сейчас же отпустите ее! — крикнул Пашка. Эту девочку Алиса где-то видела.

— Ага, узнал? — обрадовался епископ. — Кто она такая?

— Это просто маленькая девочка, — сказал Пашка. — Перестаньте её мучить.

По побеленному лицу шута скатилась большая слеза. Где же Изабелла?

— Теперь им ничем не помочь, — прошептал шут.

— А ты знаешь этого человека? — спросил епископ у девочки.

— Этот дядя меня из дров вынул и домой отвел, — сказала девочка. — Дядя, зачем они меня снова взяли?

Епископ торжествовал:

— Вот, король. С громадным трудом моим сотрудникам удалось снова обнаружить эту ведьму на чердаке, где ее прятали родители. Никто не избежит нашего правосудия. Хоть десять раз из костра ведьму вынимай, а мы ее снова туда же!

— А в чем, кстати, ее вина? — спросил король. — Что-то уж очень она мала для ведьмы.

— Для ведьм не существует возраста, — сказал епископ, — бывают даже новорожденные ведьмы. Нам

на нее донесли соседи. Она рисовала на песке колдовские фигуры.

— Я рисовала картинки, — сказала девочка, — а не фигуры.

— И одна из фигур была похожа на ваше величество, — сказал епископ. — Вы знаете, что это значит?

— Чур меня! Я мог от этого заболеть и даже умереть! — перепугался король. — Это всем известно.

Вельможи роптали и старались не глядеть на колдунью.

— Я доброго короля рисовала, — сказала девочка.

— Никакой пощады, — рявкнул король. — Все они одна компания.

— Включая принцессу и королеву Изабеллу, — поспешил уточнить епископ.

Но король уже опомнился.

— Тебе бы всех арестовать, — сказал он, — хватит тебе рыцаря с ведьмой. Делай с ними что хочешь. А для наших родственников твои руки коротки!

Епископ поклонился. Он-то добился своего.

— Можно зачитать ваш указ? — спросил он, не скрывая торжества.

— Уже заготовили? — совсем не удивился король.

— Ваш указ готов, — сказал камергер, разворачивая свиток с подвешенной снизу печатью: — «Мы, король и повелитель, приказываем колдуна и самозванца, известного под именем рыцаря Красной стрелы, а также его подругу ведьму сжечь на костре. Собственноручно подписано. Король».

— Нет, так не пойдет! — сказал король.

У Алисы шевельнулась в сердце надежда. Но она тут же исчезла, потому что король продолжал:

— Не годится рыцаря жечь. Отрубим им головы, и дело с концом. О гуманизме не забывайте.

— Да здравствует наш добрый король! — закричали придворные.

— Ну и ладошки,— сказал король.— Дай-ка подмахну. И ужинать. Ведь так и от голода помереть можно.

Он взял протянутое ему камергером орлиное перо, расписался под указом и сказал Пашке, поднимаясь с трона:

— Лично против тебя, рыцарь Красной стрелы, я ничего не имею и даже с удовольствием наблюдал за твоими поединками. Как порядочный человек я подтверждаю награждение кубком. Пусть этот кубок останется с тобой неразлучно до самой твоей смерти.

Раздались аплодисменты и крики: «Да здравствует король!»

И король быстро соскочил с трона и бросился в заднюю дверь, чтобы не потерять ни минуты. Ведь ему надо было вымыть руки, а ужин мог остыть.

Глава 19. Палач подтверждает

— Ваше величество,—бросилась за королём Алиса.—Это уже никуда не годится...

Короля она не догнала, а стражники по знаку камергера тут же схватили Алису за руки и заткнули ей рот. Это было сделано так ловко, что она растерялась и видела вокруг только высокие сапоги и кожаные животы стражников.

Она тыкалась в тумбы-ноги, как мышонок, окруженный слонами, а когда ноги разошлись, поняла, что стоит посреди опустевшего зала.

Никого нет. Только слуги гасят свечи.

Лишь на возвышении у трона пригорюнился шут Фу-фу. Его набеленное лицо изборождено потеками слез, дурацкий колпак сполз на ухо... Алиса взяла себя в руки и громко сказала, хоть и сама не верила в то, что говорила:

— Хватит слезы лить! Сколько можно! Пошли к королю. Я не дам ему пожирать компот, пока он не перестанет безобразничать.

— Очень он тебя послушает!— воскликнул шут.—

К тому же он боится, что епископ его отравит или камергер зарежет. Это же сплошной скорпионник. Ну, кто просил твоего Пашку приезжать сюда и устраивать представление?

— Если вы не идете, я иду без вас.

— И сама голову потеряешь, и парню не поможешь, — ответил шут, не двигаясь с места. — А без меня короля не найдешь, заблудишься во дворце.

— Может, вам нужны деньги? Вы их любите? Я обещаю, что, как только вернусь, пришлю вам, сколько пожелаете. Мне помогут.

— Глупая. Раз в жизни я переживаю бескорыстно, и то мне не верят!

В этот момент до них донесся звук трубы. Такой тоскливый, словно волк заблудился в черных коридорах.

— Ну вот, — сказал шут. — Ну вот. Мы опоздали.

— Как опоздали?

— Начинается казнь.

Алиса схватила шута за полосатый рукав и так дернула, что он потерял равновесие, скатился вниз, но тут же вскочил на ноги и бросился к двери.

Алиса за ним.

Они бежали по черным переходам и лестницам, казалось, что конца им не будет.

— А где Изабелла? — крикнула Алиса на бегу.

— Она побег вам готовила, — ответил шут. — Но все зазря. Против них нужна, по крайней мере, дивизия с пушками. Уговорами их не проймешь.

Неожиданно в глаза брызнул свет.

Они сбежали по лестнице к небольшой площади. С одной стороны площадь ограничивал дворец, с трех других стояли дома — серые, мрачные, высокие, с узкими окнами.

Посреди площади возвышался деревянный помост.

На помосте — большая колода. Рядом с ней — Пашкин кубок.

По одну сторону колоды стояли Пашка и девочка-ведьма. Пашка держал девочку за руку и успокаивал ее. Девочка рыдала.

Еще бы, подумала Алиса, второй раз за день казнят.

Пашка был бледный как полотно. И даже немного дрожал. Но держался.

По другую сторону колоды переминался с ноги на ногу огромный роста человек с длинной завитой бородой, в красной короткой накидке и черных штанах. Как на костыль, он опирался на страшных размеров топор. Это был палач. Там же стоял епископ.

Помост был окружён цепью стражников.

За ними толпились вельможи и рыцари, торговцы и придворные, которых Алиса уже видела у короля на обеде и на стадионе.

Народ попроче глядел на это представление из окон домов и из переулков, вливавшихся на площадь.

— Вот видите, — сказал епископ, делая шаг к краю помоста. — Как велика милость нашего короля. Вместо того чтобы сжечь этих колдунов на костре, он подарил им гуманную кончину — от

руки нашего уважаемого мастера.

Палач поклонился зрителям.

Затем епископ обернулся к осужденным и спросил:

— Раскаиваетесь ли вы в своих страшных преступлениях?

Девочка ответила:

— Не знаю.

А Пашка пожал плечами. Может, надеялся, что все это сон?

— Есть ли у тебя последнее желание или жалоба?— спросил епископ у ведьмочки.

— Я к маме хочу, — сказала она.

В толпе послышался недовольный ропот. Все здесь верили в ведьм, но всё-таки некоторым стало жалко девочку.

— Она же только притворяется девочкой!— воскликнул епископ.

Люди замолчали. Ведь в самом деле, если веришь в ведьм, приходится верить, что они умеют притворяться девочками.

— Есть ли у тебя, колдун и самозванец, последнее желание?— спросил епископ у Пашки.

— Отпустите меня, — сказал Пашка. — И я уеду.

Вельможи и рыцари стали улюлюкать и кричать:

— Трус! Кончай его, палач! Позор!

Тогда Пашка покраснел, разозлился и закричал, перекрывая свист и крики:

— Ничего я не струсил! Вы сами трусы! Не надо мне вашей пощады..

— Может, это ему только кажется? — спросила Алиса у шута.

Шут покачал головой и сказал:

— Уже не кажется..

Епископ махнул рукой.

Барабанщики затараторили в барабаны.

Алиса понимала, что нужно бежать, прекратить это издевательство. Но, как в дурном сне, ноги не слушались её, язык прилип к горлу, и она

стояла словно восковая кукла, глядя, как палач не спеша протирает суконкой и без того блестящий топор, а его помощники ведут Пашку к колоде и заставляют опуститься на колени.

И в этот момент Алиса услышала, что сзади кто-то бежит к ней. Она не могла отвернуться от помоста, но чувствовала, как до её плеча дотрагивается мягкая рука, и ей вдруг захотелось услышать мамин голос: «Ну, просыпайся же, Алиса, в школу опоздаешь».

Но голос принадлежал королеве-мачехе:

— Алиса, ты меня слышишь?

— Где вы были, королева? Почему вы опоздали?

— Нельзя падать духом. Еще не все потеряно. Я пришла, чтобы напомнить об одном древнем обычае.

— Скорей! О каком обычае? О каком?

Палач кончил вытирать свой любимый топор, вырвал волос у себя из бороды, подбросил его вверх и на лету разрубил под аплодисменты вельмож.

— Неужели не слышала? Если чистая, юная девушка объявит осужденного своим женихом...

— Вспомнила! — крикнула Алиса. — Стойте!

Но из-за грохота барабанов ее никто не услышал.

Она бросилась сквозь густую толпу вельмож и рыцарей, извиваясь как змея и пуская в ход острые локти и колени. Ее пытался остановить толстый маркиз, к ней тянулись лапы стражников и монахов, но вот она, придерживая белое платье, взлетела по шатучей лесенке на помост и встала рядом с палачом.

Палач уже занес топор над головой Пашки.

— Стойте! — закричала Алиса.

Барабаны продолжали бить.

Но рядом уже стояла королева-мачеха. Она властно подняла тонкую руку, и этому знаку барабанщики подчинились.

Епископ скривился, словно у него заболел зуб.

Наступила мертвая тишина, только слышно было, как быстро и громко бьётся Пашкино сердце.

— Слушайте принцессу! — сказала Изабелла.

— Слушайте, — сказала Алиса. Она заговорила негромко, но ее слова долетали до самых верхних этажей домов и проникали в переулки. — Есть старинный обычай. Юная девушка может взять осужденного в женихи, и тогда его должны отпустить.

— Правильно! — раздались голоса на площади. — Был такой обычай.

— Его давно отменили! — спохватился епископ. — Его уже нет!

— Кто его отменял? — строго спросила Изабелла. — Поднимись сюда, старый плут, и поклянись перед народом королевства, что этот обычай отменен.

— Не отменен! Не отменен! — кричали на площади.

— Отменён! — завопил маркиз.

И вдруг послышался тонкий, почти детский, но очень пронзительный голос. Это говорил громадный палач, который возвышался над всеми, как гора:

— Мне лучше знать про этот обычай! Я специалист. Никто этого обычая не отменял, только давно не находилось девушек, которые хотели взять в женихи осуждённого, тем более колдуна. Мне этот обычай страшно невыгоден, но я — честный палач.

— Тогда я беру этого рыцаря себе в женихи, — сказала Алиса.

— Ура! — закричал шут, который уже развязывал Пашке руки и помогал ему подняться с колоды. И добавил: — Но тебе, Алиса, придется выходить за него замуж. Не завидую.

— Оркестр — свадебный марш! — приказала королева-мачеха.

Оркестр послушно заиграл торжественный марш, Алиса протянула Пашке руку и пошла с ним к лестнице, вниз с помоста. Палач махал им вслед

топором.

— Скорей! — сказала Изабелла. — Сейчас они спохватятся. Лошади ждут в том переулке.

— Ты чего, Пашка? — крикнула Алиса.

Но Пашка рванулся назад.

— Ведьмочку! Ведьмочку я им не оставлю!

— Не думай об этом! Ты всех погубишь! — испугался шут.

Но Пашка уже подхватил ведьмочку и метнулся вслед за остальными.

— Дорогу молодым! — закричал тонким голосом палач. — Да здравствует древний обычай! Кубок не забудьте!

Изабелла быстро шла первой, и вельможи, рыцари, стражники и монахи волей-неволей расступались перед ней.

Глава 20. Бегство из города

Они не успели добежать до переулка, как сзади донесся тонкий голос:

— А ведьму зачем взяли? Ведьмочку мне верните!

— Обман! — пришел в себя епископ. — Держи их!

До входа в переулок оставалось всего шагов двадцать. Навстречу уже бежали два стражника. Они выставили свои алебарды, но королева-мачеха сверкнула глазами и приказала не терпящим возражений королевским голосом:

— Назад! Как вы смеете!

Стражники остановились. Где уж им, беднягам, разобраться, кого слушать, а кого хватать?

У входа в переулок толпились зрители, которые сразу расступились и образовали коридор, в конце которого задом к площади стояла карета. Над ее крышей возвышалась лохматая голова оруженосца Грико, который сидел на козлах. Он поднял руку, торопя друзей.

За спинами беглецов люди сразу сомкнулись, и стражники, гнавшиеся за ними, волей-неволей

задержались, расталкивая упрямых зрителей.

Первым в карету прыгнул Пашка с девочкой на руках, потом Алиса, потом шут с Пашкиным кубком, а когда карета уже тронулась, — королева-мачеха. Сейчас она меньше всего была похожа на королеву: пышные волосы растрепались, щеки покраснелись, а корону она где-то потеряла.

Колеса кареты застучали по булыжной мостовой. Гул толпы и крики сразу затихли.

— Ну уж теперь-то все? — спросила Алиса.

— Вряд ли, — ответил шут, выглядывая в заднее окошко. — И не представляю, как из города вырваться. В любой момент они могут закрыть ворота.

— Эх, нет у меня коня и меча, — вздохнул Пашка, — я бы их задержал.

— Нет, вы только на него посмотрите, — засмеялась Изабелла, которая достала зеркальце и гребень. — Не успели убежать, как он снова расхрабрился.

Пашка надулся. Обиделся.

— В самом деле, молчал бы, — не удержалась Алиса. — Сколько неприятностей из-за твоего легкомыслия.

Она поглядела в окно. Совсем близко из домов выглядывали удивлённые лица: никому ещё не приходилось видеть, чтобы карета с королевским гербом неслась по улицам как сумасшедшая. Королевским каретам положено ездить с достоинством.

— Мне так вас не хватало, — сказала Алиса Изабелле.

— Я надеялась, что Пашке удастся со стадиона спастись. Вот и побежала искать Грико. Мы с ним вывели мою карету из конюшни. А потом перегнали ее к площади казней. Чуть не опоздали.

Карета замедлила ход.

— Сейчас будут ворота, — сказал шут.

— Посторонись, Фу-фу, — сказала Изабелла. —

Жалко, я где-то корону обронила.

Изабелла откинула окошко и выглянула наружу.

Карета встала.

— Ложитесь на дно, — прошептал шут своим спутникам.

Алиса услышала ленивый голос начальника караула ворот:

— Кто едет, по какому делу?

Ему ответил холодный голос королевы Изабеллы:

— Нахал, ты не узнаешь свою вдовствующую королеву-мачеху?

— Как же без короны узнаешь? Вы бы мне лучше документ показали.

— Ты где, болван, видел, чтобы королевы с собой документы возили?

— Я, конечно, не видел, но слышал.

— Ужасно, решетка ворот опущена, — простонал шут.

— Ах так! — возмутилась Изабелла, распахивая дверь кареты и выпрыгивая на мостовую. — А теперь ты меня узнаешь?

— Узнаю, ваше величество, по платью узнаю! — ответил стражник. — Поднимай решетку, опускай мост! Их величество изволят гневаться!

Завизжали железные цепи.

— Мне что, — разглагольствовал стражник. — Мне велено документы спрашивать и после обеда никого из города не выпускать. Конечно, бывают исключения... И в кареты заглядывать приказано. Мне их превосходительство камергер говорил: «Да будь, говорил, там твои родные мама-папа, все равно проверяй, чтобы не было контрабанды или беженцев. Если не проверять, у нас полгорода разбежится».

— Погоди, — сказала Изабелла. Послышалось шуршание материи и звон.

— Кошелек достала, — шепнул шут. — Правильно. Единственный способ. Ну что они там медлят?

Сзади послышался шум. Алисе показалось, что она различает крики и стук копыт. Как медленно

поднимается решетка!

— Вот, держи, — сказала Изабелла. — Сдачи не надо.

— Тогда другое дело, — сказал стражник. — Что такое? Кто там скачет?

Тут же раздался голос Изабеллы:

— Грико, гони!

— А вы?

— Я их

постараюсь
задержать! Меня не
тронут!

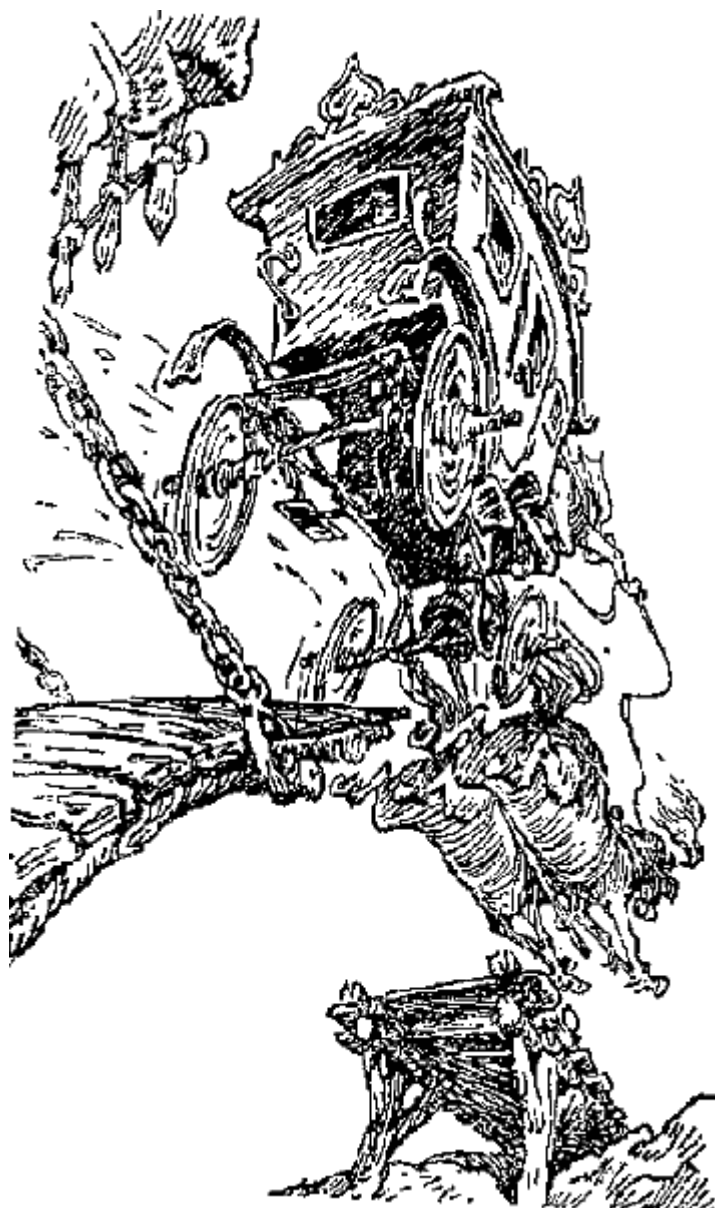
Карета рванула с
места, все быстрее
и быстрее.
Загрохотали колеса,
уж близко топот
копыт... И сквозь шум
слышны слова
Изабеллы:

— Счастливого
пути, принцесса
Алиса!

Карета вдруг
накренилась назад,
словно взбиралась
на гору.

— Эх,
залетные! —
закричал на лошадей
Грико. — Не
подкачайте!

Карета взлетела
на подъемный мост, который еще не успели
опустить, лошади прыгнули через широкую щель,
карета пролетела, словно лыжник с трамплина,
ударилась передними колесами о дорогу, каким-то
чудом осталась цела и покатила прочь от города.

Глава 21. Прощай, шут!

— Все живы? — спросил шут.

— Я жива, — сказала ведьмочка. — Мы скоро приедем к маме?

— Я себе вторую шишку набил, — сообщил Пашка. — Как на турнире.

— Потерпи, — сказала Алиса. Она тоже ушибла коленку, но не стала жаловаться. Все равно не поможешь.

Шут встал коленями на сиденье и смотрел в заднее окошко.

— Ждут, пока мост опустят, не решаются прыгнуть, — сказал он. — Тоже мне, смельчаки.

— Они Изабеллу не убьют? — спросила Алиса.

— Сейчас не убьют, не посмеют. Но вообще-то говоря, ей отсюда надо уезжать. Обязательно отравят. Давно бы отравили, но Изабелла сама себе готовит. И меня тоже, если я вернусь. А может, зарежут. Не такая уж важная птица. А жалко...

— Давайте спрячемся где-нибудь и переждем, — сказал Пашка, — а потом вернемся в город и увезем Изабеллу. Опасно ее оставлять.

— Нет, вам пора возвращаться, — сказал шут. — Они сейчас все королевство на ноги поднимут. Как-нибудь без вас разберемся.

— Но вы-то с нами? — спросила Алиса.

— Нет, мне с вами нельзя. Я, можно сказать, из другой истории. Вот девчонку вам придётся с собой взять. Может, воспитаете...

Карета подпрыгивала на ухабах — дорога была паршивая. Вот карета взбирается на холм, где Алиса встретила с маркизом и Грико...

— Скорей! — крикнул шут. — Они выскочили из города!

— Я и так гоню из последних сил, — слышался голос Грико. — Одно колесо еле держится — вот-вот отвалится.

Шут приоткрыл дверцу кареты и высунулся наружу.

— Сворачивай на боковую дорожку. И гони до оврага. Знаешь, где?

— В овраге остановись так, чтобы карета дорогу перегородила.

Карета покатила вниз.

И снова сквозь стук колес донесся топот коней.

Все ближе, ближе...

Шут подхватил девочку.

— Держитесь! — крикнул он ребятам.

Карета накренилась, разворачиваясь, и замерла.

Пассажиры попадали друг на друга. Дверь распахнулась. За дверью стоял Грико.

— Торопитесь, — сказал он, подхватывая девочку, которую ему передал шут.

Шут выскочил следом.

Когда Алиса спрыгнула на землю, она увидела, что карета стоит поперек дороги, которая с двух сторон стиснута крутыми заросшими откосами. Пашка покинул карету последним.

— Беги за шутом! — крикнул Грико.

В руке у него был меч.

Он подтолкнул Пашку с Алисой к кустам. Шут с девочкой на руках уже карабкался вверх.

— А ты? — спросила Алиса.

Рыцари были уже совсем рядом, по ту сторону кареты. Они придерживали коней, чтобы не врезаться в нее.

— Я их задержу! Прощай, Алиса.

— Я останусь с ним, — заявил Пашка. — Они его убьют!

Алиса схватила его за руку и дернула к кустам.

— Ничего они со мной не сделают, — крикнул Грико. — Недаром я учился на рыцаря. Я их задержу, а потом убегу и отправлюсь путешествовать. Или моряком стану.

— Держи их! — кричал маркиз, но с лошади не слезал.

— Хватай!— кричал рыцарь Черного волка, вертя сплющенной головой.

В последний раз Алиса увидела оруженосца с вершины склона. Лохматый Грико стоял на крыше кареты и отбивался мечом сразу от десяти рыцарей, которые страшно мешали друг другу на узкой дороге.

— Прощай, Алиса!—крикнул Грико.— Может, я еще приплыву в твое королевство.

— Скорей!— торопил ребят шут.—Они уже пустили по нашим следам стражников. Пашка, забирай свой кубок, а то мне тяжело.

— Вы его не забыли? Вот здорово! — обрадовался Пашка.

— В такую минуту заботиться о пустяках!— сказала Алиса и про себя подумала, что некоторые мальчишки до старости остаются детьми.

От стражников удалось убежать. Шут долго вел беглецов по лесу, путая следы, переходя вброд ручьи и пересекая каменные осыпи.

Алиса устала так, что готова была на все за минуту отдыха. Но терпела. Шуту было труднее. Он тащил на руках девочку.

И когда Алиса уже решила сесть на землю и умереть, лес расступился, беглецы оказались на краю поляны.

Посреди нее стоял небольшой ржавый космический корабль, на борту которого было написано: «Посетите магазин Фуукса!»

— Твоя карета? — спросил шут.

— А вы как догадались?

— Я все знаю, — ответил шут. — Иначе бы не выжить в этом государстве.

Он поставил девочку на ноги.

— Обещаете о ней позаботиться?

— Обещаем,— сказала Алиса.

— Тогда прощайте. Счастливого пути.

Пашка с Алисой, держа ведьмочку за руки, пошли к кораблю.

— Я тоже на нем прилетел,— сообщил Пашка.

— Знаю, — сказала Алиса. — Ты в нем значок потерял.

У корабля они оглянулись. Шут стоял на краю леса. Был он маленький и печальный. Он стянул с головы дурацкий колпак и помахал ребятам. Бубенчики зазвенели тонкими голосами.

— Не хочется мне их здесь оставлять, — сказала Алиса.

Пашка помог ей и ведьмочке залезть внутрь корабля.

— Жалко будет, если их отравят, — сказал Пашка. — Они нам здорово помогли.

Он закрыл люк. Стало темно.

— Куда бы поставить кубок, чтобы не разбился? — спросил он.

— Держи в руках, — сказала Алиса. — Жених... Ей было грустно.

Глава 22. Снова Фуукс

Путешествие обратно было быстрым и незаметным.

Правда, ведьмочка канючила и просила пить, а воды на корабле не нашлось.

Зажглась надпись: «Планета Пенелопа. Можно выходить».

Люк открылся со скрипом, словно городские ворота.

Снаружи был вечер. Мимо пролетела стая светящихся птичек с длинными хвостами.

Было тепло, как всегда на планете Пенелопа, в славном городе Жангле-многоточие.

В траве суетились светлячки.

Дверь на кухню Фуукса была приоткрыта. Из щели лился жёлтый свет, и доносился детский смех.

— Ну вот, — сказала Алиса. — Вроде бы обошлось.

Она поглядела на Пашку, который спрыгнул из

люка и стоял рядом.

Даже в сумерках было видно, какой он грязный и оборванный. Словно недели две непрерывно сражался с драконами.

Алиса опустила ведьмочку на землю. Ведьмочку тоже надо будет приодеть. Да и сама принцесса...

Ведьмочка вырвала руку и побежала к дому.

— погоди,— сказала Алиса. — Ты их там перепугаешь.

— Ой, смешно! — ответила ведьмочка.

Она уверенно распахнула дверь на кухню, и в лицо путешественникам ударил сноп света. Черным силуэтом, как в театре теней, ведьмочка замерла на пороге.

— Памила! — раздался женский крик. — В каком ты виде! Сейчас же переодевайся и мой руки. Совершенно невозможно оставить вас с отцом!

Алиса с Пашкой по узкой тропинке подошли к двери и осторожно заглянули внутрь.

Незнакомая женщина решительно раздевала ведьмочку. Над тазом с горячей водой поднимался пар.

Чисто умытые мальчишки, сыновья Фуукса, прыгали рядом и кричали:

— Не пускай таких

грязнуль

В славный город

Жангленуль!

— Ничего не понимаю, — сказала Алиса.

Мальчишки оглянулись и увидели Алису с Пашкой.

— А эти еще грязнее, — удивился один из мальчишек.

— Прекратите, дети, — раздался голос от двери.

Там стоял Фуукс. Он был в халате, усеянном звездами. Черные очки и громадный нос придавали ему зловещий вид, который никак не соответствовал его веселому голосу.

— С возвращением, друзья! — воскликнул он. — Проходите, проходите прямо в магазин и

подождите меня одну минуту.

Он схватил ребят за руки и потащил через кухню к двери в магазин.

Вслед им неся голос женщины:

— О других ты думаешь, а обо мне никогда. Я возвращаюсь домой с конференции по прерывной квантовой терминологии, а дома все вверх дном. Дети по пояс в варенье, дочки вообще не видно, а появляется она в виде какой-то нищенки, измазанная с головы до пят... Потом ты в своем маскарадном костюме с накладным носом, еще какие-то грязные дети... Клянусь, что заставлю тебя отказаться от этой дурацкой лавочки и заняться делом. Или мы с детьми покинем тебя...

Дверь за Пашкой и Алисой захлопнулась, и до них доносились лишь отдельные звуки, как две мелодии, — низкая и суровая — Фууксовой жены, и высокая прерывистая — самого Фуукса.

Сова все так же висела кверху ногами на суку.

На бочке лежали разноцветные бумажки.

На полу валялись осколки разбитой вазы.

Часы пробили семь раз, всего час назад Алиса была в этой комнате.

Хлопнув дверью, в магазин ворвался Фуукс.

— Еле вырвался. Вы довольны? — спросил он. — Приключения были? Документы пригодились?

— Бальтаз-уу-ур! — раздался из-за двери крик. — Немедленно снимай маскарад и накрывай на стол.

— Иду, кисочка! — крикнул Фуукс. — Ну ладно, увидимся, заходите, всегда рад... Может быть, куда-нибудь слетаем.

Фуукс помахал ручкой и бросился обратно, на ходу стаскивая нос с приклеенными к нему черными очками. Халат распахнулся на бегу, и из-под него показались тонкие ноги в штанах в обтяжку, одна штанина красная, другая — синяя, словно у средневекового шута.

Дверь захлопнулась и снова растворилась.

Оттуда высунулась Памила и подмигнула Пашке.

— А я ведьма! — сказала она басом...

...На Сувенирной улице всё было по-прежнему. Светились витрины, гуляли туристы.

Самой бедной была витрина магазина Фуукса.

Керосиновая лампа освещала белый листок бумаги.

— Ты читал? — спросила Алиса.

— Еще бы, — сказал Пашка. — Все и началось, когда я прочел.

— И не жалеешь?

— Ты с ума сошла! Да я бы сейчас все повторил!

— Нет, ты безнадежен, — сказала Алиса.

Пашка крепче обнял хрустальный кубок и сказал, словно ничего не случилось:

— Ну, ты идешь? Нас ведь ждут.

Глава 23. Вы не поверите, где мы были!

Юные биологи стояли на площади перед гостиницей, ждали Алису и Пашку.

— Идут! — крикнул Джавад.

— С ума сойти! — ахнула Машенька Белая, увидев, как они подбегают к гостинице. — Что с вами случилось? Пашка, ты на помойке валялся? Алиса, что за платье на тебе?

Алиса только сейчас вспомнила, что забыла вернуть Фууксу платье принцессы.

— Откуда ты такую вазу приволок? — спросил Джавад.

— Ребята, вы себе не представляете... — начал Пашка.

— Еще как представляем, — ответил серьезный Аркаша. — Мы с ног сбились, вас разыскивая. Ну ладно еще Пашка, он романтик, но от тебя, Алиска, мы этого не ожидали.

— Где ты шишку такую заработал? — спросила Маша. — Ты дрался?

— Если б вы знали... — снова начал Пашка.

— Я знаю только, что на чужой планете вы убежали от нас неизвестно куда и ничего нам не

сказали. Товарищи так не поступают. — Аркаша был неумолим.

— Не вините их слишком строго, — сказала, подойдя незаметно, вдовствующая королева-мачеха Изабелла. — Я уверена, что Алиса ни в чем не виновата. А что касается вашего друга Пашки, он не смог устоять перед искушением. А потом уже было поздно...

— Вы его не знаете...— начал было Аркаша, но посмотрел на Алисину физиономию и осекся. Алиса стояла, разинув рот, и глядела на королеву-мачеху, как на самое настоящее привидение. Королева сменила синее длинное платье с серебряными узорами на легкий серый комбинезон с зеленой ветвью галактической биологической службы на груди. А в остальном...

— Давайте знакомиться, ребята, — сказала королева-мачеха. — Меня зовут Светланой. Я работаю на лесной станции Пенелопы. В ближайшие две недели вы будете моими гостями — вместе будем жить в джунглях, собирать коллекции, купаться и загорать.

— Вас зовут Светланой? — спросил Пашка. — Я не ослышался?

— Нет, мой дорогой рыцарь, — ответила королева-мачеха.

— И вас не отравил епископ?

— Как видишь, нет.

— И вы никогда не были в том королевстве?

— В каком?

— Пашка совсем зарпортовался, — сказала Машенька. — Видно, участие в драках не проходит бесследно.

— Вы нам потом все расскажете, ребята, — улыбнулась Светлана. — А сейчас быстро умываться, переодеться — моя машина уже ждет. Нам надо до ночи добраться до лесной станции.

Алиса зашла к себе в комнату, сняла платье, включила душ, присела на секунду в кресло и поняла, что снова подняться она не в силах.

Ноги отнялись от усталости.

Конечно, это могло быть миражем, иллюзией, шуткой... никакая это не рыцарская планета...

Но ссадина на Алисиной коленке была самой настоящей.

И кубок, который Пашка потащил к себе в комнату, прижимая, как мама любимого младенца, был настоящим.

В дверь постучали.

— Можно, Алиса? — В дверях стояла Светлана.

Она сразу увидела ссадину на распухшей коленке.

— Ты это где?

— В карете, — сказала Алиса. — Когда через ров прыгали.

— Ты ее как следует промой, я тебе пластырь принесу.

— Ничего, само заживет, — сказала Алиса. — Ой, как спать хочется!

— Потерпи еще немного, — сказала Светлана. — Через час будем на месте.

— Ладно, — Алиса заставила себя подняться с кресла, — потерплю. Скажите, Светлана, это все шутка для туристов? Аттракцион?

— Я, конечно, не знаю, что ты имеешь в виду, но думаю, ты ошибаешься.

— Но этого не было? В самом деле не было?

Светлана рассмеялась.

— Откуда мне знать? Я сегодня весь день провела в лаборатории. Почти никуда не выходила. Иди, иди, мойся. На тебя смотреть страшно.

Алиса открыла дверь в душ.

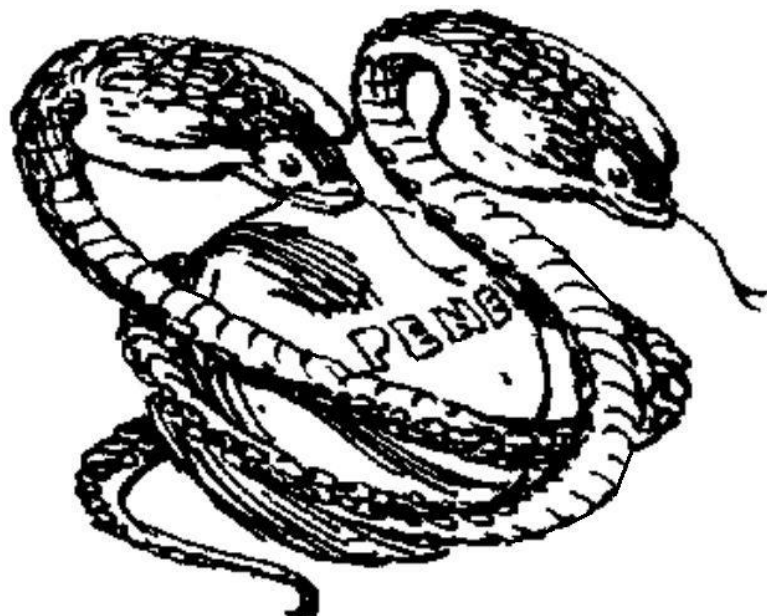
— Я тебе тут одну вещь на столик положу, — сказала Светлана. Что-то звякнуло. — А то Пашка хватится, с ума сойдет от горя. Как же ему, бедному, без оружия жить в настоящих джунглях?

Послышались легкие шаги. Щёлкнула, закрываясь, дверь. Алиса выглянула в комнату.

На столике лежал Пашкин перочинный нож с множеством лезвий. Тот самый, которым рыцарь

Красной стрелы разрезал завязки на латах Черного волка, о чем еще долго будут вспоминать в городе, где живет, если ее не отравили, королева-мачеха Изабелла.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

КАНИКУЛЫ НА ПЕНЕЛОПЕ

Глава 1. Половина рогатой собаки

На планете Пенелопа, в диких, нехоженных джунглях, над рекой, названия которой еще не придумали, стоят две палатки. В голубой живут Пашка Гераскин, Аркаша Сапожков и Джавад Рахимов. В белой— Алиса Селезнева и сестры-близнецы Маша и Наташа Белые. Юные биологи прилетели сюда на каникулы с Земли, потому что планета Пенелопа почти не исследована.

Чуть выше по склону, за деревьями, виден домик биостанции. В домике живет красивая женщина, биолог Светлана.

То утро начиналось так.

Сначала встала Маша Белая, сделала зарядку и принялась готовить завтрак. Никто не заставлял её этим заниматься, но сегодня дежурит Пашка Гераскин, а если на него положиться, сядешь за

стол не раньше полудня.

Вторым поднялся Аркаша Сапожков, схватил зубную щетку и полотенце, побежал к речке. Он спешил. Он любил повторять, что жизнь коротка, а надо так много успеть!

Пока он чистил зубы, с обрыва скатились Алиса с Наташей Белой.

Они с разбега нырнули в прохладную воду, обрызгав Аркашу с ног до головы, и наперегонки поплыли к тому берегу.

Наконец не спеша, солидно к реке спустился Джавад, подталкивая перед собой Пашку Гераскина, который сегодня вообще решил было не подниматься с постели. Джавад сразу понял, что в самом-то деле Пашке попросту не хочется утруждать себя хозяйственными делами. Поэтому он сдернул с Пашки одеяло и заставил его встать, применив грубую физическую силу. Пашка сопротивлялся и кричал, что у него страшный радикулит, он не может разогнуться и вскоре умрёт, а виноват в этом будет жестокий толстяк Джавад.

Джаваду надоело слушать стенания Гераскина, он подтащил его к берегу и бросил в воду. Снова целый фонтан брызг обрушился на туалетные принадлежности аккуратного Аркаши. Теперь, прежде чем вытираться, ему пришлось бы выжимать полотенце.

Аркаша опечалился. Он с укором глядел на уплывших к середине реки товарищей и вдруг увидел нечто невероятное!

По тому берегу медленно шел крупный пушистый зверь, похожий на собаку колли, но с рогами на лбу. У зверя не было задних ног и хвоста. Голова на месте, передние ноги на месте, грудь на месте, а больше ничего. Можно бы понять, если бы зверь умирал, истекал кровью оттого, что кто-то откусил ему заднюю часть. Ничего подобного: зверь совершенно не обращал внимания на недостачу, а с задумчивым видом разглядывал

купающихся биологов.

— Маша!— закричал Аркадий, не сообразив, что может спугнуть зверя.— Скорей неси камеру! Такого мы ещё не видели!

К сожалению, зверь услышал этот вопль. Он поглядел на Аркашу, покачал рогатой головой и, не теряя достоинства, скрылся в кустах.

Тут наверху обрыва показалась Маша и спросила:

— Ты что кричал?

— Эх! — с горечью сказал Аркаша. — Ты бы еще завтра пришла. Где камера?

— Зачем тебе камера?

— Сфотографировать половину собаки с рогами.

— Аркаша, — сказала Маша совершенно серьезно. — Ты пробыл на солнце всего десять минут. Когда же ты успел перегреться?

К берегу подплыл Пашка Гераскин, который уже забыл о том, что у него радикулит и он проведет весь день в постели.

— Нырять! — крикнул он Аркаше, прыгая на одной ноге, чтобы вытрясти из уха воду. — Вода сказочная!

— Ну вот, — сказал Аркаша, который нашел нового виновника своим бедам. — Распугали криками половину собаки.

Но Пашка не расслышал. Он спросил Машу:

— Завтрак готов?

— А кто сегодня дежурный?— спросила в ответ Маша.— Пускай он и займется.

— А кто? — спросил Пашка.

— Ты.

— Не может быть.

Пашка подумал две секунды и сказал;

— Есть предложение: если ты сегодня за меня подежуришь, я за тебя опишу всех твоих улиток и головастиков.

Маша только отмахнулась. Свои трофеи она никому не доверяла. И Пашка, разумеется, отлично об этом знал.

— Алиса, — сказал Аркаша, видя, что остальные тоже выходят из воды. — Ты видела на том берегу половину зверя?

— Чего?

— Переднюю половину собаки с рогами.

— А где она лежит?

— Она не лежит, она ушла, — сказал Аркаша. Он уже понял, что никто ему не поверит, поэтому даже не стал слушать насмешки, а подобрал мокрое полотенце, щетку, скользкое мыло и начал взбираться наверх.

— Маша, о чем это он? — спросила Алиса.

— Я только сняла яичницу, — сказала Маша, — как слышу его дикий вопль: неси камеру! Я сначала решила спросить, зачем она ему. А он отвечает, что видел половину собаки с рогами..

— Знаешь, что удивительно, — сказала Алиса, вытирая полотенцем короткие светлые волосы, — Аркаша совершенно не способен придумать такую шутку.

— Это точно, — подтвердил Пашка и посмотрел на тот берег.

И все поглядели туда же.

Берег был пуст.

А тем временем Аркаша поднялся наверх, подошел к палатке, чтобы повесить сушить полотенце, и увидел, как за палаткой медленно идет задняя половина неизвестного пушистого животного — пара ног, живот и длинный хвост.

— Ой! — сказал Аркаша.

Он уже никого не звал, не бежал за камерой, он просто смотрел.

Задняя половина на секунду приостановилась, помахала хвостом и исчезла в чаще.

Ребята, поднявшись с реки, увидели, что Аркаша замер у палатки с полотенцем в протянутой руке.

— Что случилось? — спросил Джавад. — Снова увидел рогатую собаку?

— Не знаю, — сказал Аркаша слабым голосом.

— Почему не знаешь?

— Потому, что это была задняя половина, и я не видел, есть ли у нее рога.

Глава 2. Дикарь ловит рыбу

В тот же день, перед обедом, случилась неприятность. Утонул батискаф.

Батискаф привезла с собой Машенька Белая. Она— прирожденная подводница, родители еле отговорили её вживить себе жабры, чтобы вообще переселиться под воду.

Батискаф у Машеньки особенный. Единственный в своем роде. Он надувной, чтобы всегда можно было положить в сумку и везти с собой куда хочешь.

Что такое надувной батискаф? Пузырь с воздухом. Глубоко ему не опуститься, сожмет давлением. Но в озерах, на мелководье ничего другого Машеньке не нужно.

Она садится в лодку, надувает двойную оболочку шара, привязывает к нему груз, чтобы не плавал на поверхности, складывает внутрь свои камеры, записные книжки, магнитофон, очиститель воздуха, прочее добро, забирается туда же, перекачивается через борт и уходит ко дну. Понемногу обитатели озера или речки привыкают к тому, что в их владениях поселился пузырь, и не обращают на него внимания. Это Машеньке и нужно.

Чтобы Маша не забыла, что нужно идти обедать или спать, к оранжевому поплавку, который плавает над батискафом, прикреплен шнурок, который тянется на берег и дальше, до самого лагеря. Если Маши долго нет, дежурный дергает за шнурок и внутри пузыря-батискафа трещит звонок. Тогда Маша отцепляет груз, поднимается наверх и возвращается в лагерь.

В озере много живности, но нет крупных хищников, и никто на Машу не нападает. Вернее, не нападал до последнего дня.

В тот день Джавад, как всегда, вывез Машеньку в лодке на середину озера, а когда она погрузилась, поплыл обратно к лагерю.

Маша снимала, как рыбы строят песчаные замки, и записывала их голоса.

Вдруг она увидела, что сверху опускается большая сеть. Странно, подумала она, кто бы мог заниматься здесь рыбной ловлей?

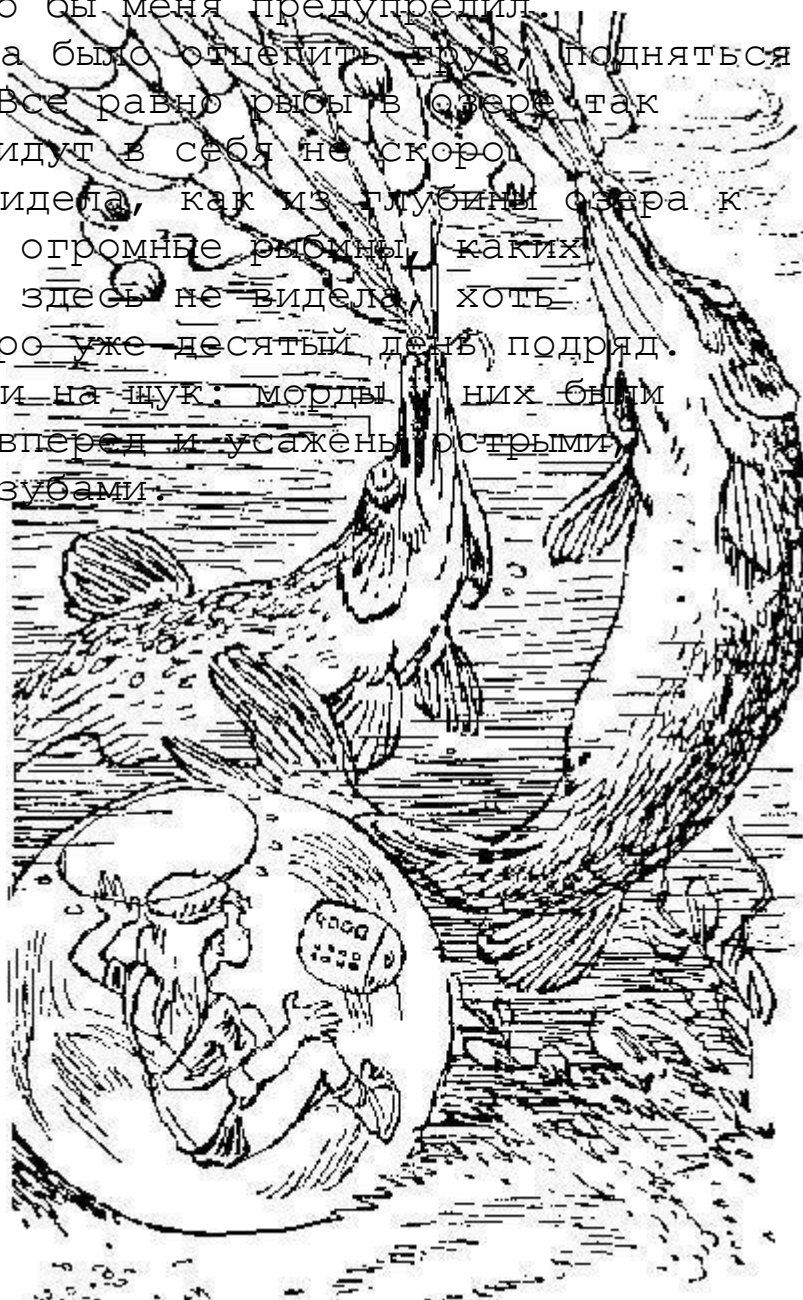
Снизу хорошо было видно, как под сетью мечутся рыбы. Сеть потащила рыб наверх. Из динамика, который улавливал голоса рыб, доносились тонкие, почти неслышные крики — жители озера были страшно напуганы. Сеть пошла кверху, крики рыб стали затихать.

— Кто мог такое придумать?— вслух сказала Машенька.— Это похоже на Пашку с его причудами. Но он обязательно бы меня предупредил.

Машенька решила было отменить груз, подняться и все выяснить. Все равно рыбы в озере так напуганы, что придут в себя не скоро.

И вдруг она увидела, как из глубины озера к сети несутся две огромные рыбы, каких Машенька ни разу здесь не видела, хотя опускалась в озеро уже десятый день подряд.

Они были похожи на шук: морды у них были сильно вытянуты вперед и усажены острыми загнутыми назад зубами.

Рыбы догнали сеть и начали рвать ее зубами, но сеть оказалась крепкой, она лишь вытягивалась, но не рвалась.

Как же Машенька их раньше не заметила? В сети оказались еще две или три такие же зубастые хищницы. Они грызли сеть изнутри.

Все это заняло меньше минуты. Сеть между тем поднялась на поверхность, вода взбаламутилась и сомкнулась вновь.

Машенька быстро принялась отключать приборы и собирать записи, готовясь к подъему. Она была очень сердита и в то же время озадачена. Благодаря этому печальному случаю ей удалось сделать открытие: найти первых на Пенелопе крупных хищников.

Но этого быть не могло! Еще на Земле Маша заучила наизусть рассказ о том, как была открыта планета Пенелопа, удивительное небесное тело, будто специально созданное для туристов...

Корабль «Малая Медведица» под командованием известного галактического капитана Полугуса Земфирского возвращался к своей родной планете Пилегее и вдруг у звезды Кассандра обнаружил планету, которую никто раньше не видел.

Планета была покрыта зелеными лесами, их омывали синие океаны, над ними возвышались снежные горы. Среди деревьев порхали бабочки и летали птицы, по деревьям скакали синие, зеленые и оранжевые белки, в траве прыгали золотые кузнечики...

Прохладной ночью вода в речках была теплой, а в жару становилась холоднее. Фрукты на деревьях были только спелые, дождь шел лишь в стороне от людей, а ветер бывал лишь слабый до умеренного.

Полугус Земфирский провел на планете два месяца, каждый день купался в прозрачных реках, катался на лыжах со снежных гор, загорел и поправился на тринадцать килограммов, но не нашел там ни одного разумного существа, ни одного крупного хищника, ни одного комара, ни

одной ядовитой змеи.

Не удивительно, что капитан с трудом собрал в лесах и полях свою команду и еле уговорил подчинённых вернуться домой. С печалью покидали космонавты удивительную планету.

— Жди нас,— твердили они, словно опасались, что планета сойдет с орбиты и умчится в другой конец Галактики.— Жди нас, как Пенелопа древнегреческого путешественника Одиссея.

Они были очень начитанными людьми.

И планету называли Пенелопой.

Вскоре на Пенелопу полетели специальные экспедиции. Рассказ Полугуса Земфирского подтвердился, и было решено сделать её туристским заповедником для всей Галактики. Пусть отдыхают здесь жители всех планет, но при одном условии: леса, поля, океаны Пенелопы должны сохраняться в совершенной неприкосновенности.

В тот момент, когда Машенька протянула руку, чтобы отцепить груз, обе хищницы, кипя гневом, набросились на пузырь и вцепились в него. А надувной батискаф, кстати, не рассчитан на то, чтобы его рвали зубами.

Через секунду его внешняя оболочка не выдержала, и воздух громадными пузырями устремился вверх. Но пузырь еще поднимался, потому что внутри камеры оставался воздух.

Машенька сообразила, что, как только пузырь выскочит наверх, он съежится. Она схватила записную книжку и в тот момент, когда пузырь разрезал поверхность воды, открыла сверху люк и выпрыгнула наружу.

Пузырь выпустил воздух и медленно, словно тряпка, пошёл ко дну.

Машенька быстро поплыла к берегу. Она запомнила, какие у этих «щук» зубы. И если они с такой злостью нападали на пузырь и сеть, уж ногу-то откусить им ничего не стоит.

Она махала руками, словно хотела поставить

рекорд мира по плаванию вольным стилем, а когда наткнулась на что-то твердое, не сразу сообразила, что это крутой берег.

Еще через две секунды она уже стояла на берегу и, откинув с лица мокрые волосы, старалась рассмотреть, кто же виновник всех её приключений.

Озеро было довольно длинным и узким, метров сто.

На том берегу у сети, полной рыбы, стоял незнакомый Машеньке высокий молодой человек в плавках и короткой куртке из шкуры оленя. У него были длинные, до плеч, светлые волнистые волосы. На руке широкий блестящий браслет.

— Что вы наделали! — закричала Машенька.

— Здравствуй, — ответил молодой человек. — Ты меня перепугала. Я и не знал, что здесь водятся подводные девочки. Хорошо, что ты не попала мне в сеть.

— Мне не до шуток, — ответила Маша. — Вы утопили мой батискаф, а меня чуть не сожрали щуки.

— Чуть-чуть не считается, — ответил молодой человек. — Давай знакомиться. Как тебя зовут?

— Меня — Маша Белая. Но не в этом дело. Кто разрешил вам ловить рыбу в этом озере? Разве вы не знаете, что на Пенелопе нельзя охотиться, рыбачить, жечь костры, рубить деревья?

— Не может быть! — удивился молодой человек. — Я, видишь ли, дикарь. Принципиальный дикарь. В отличие от вас, городских жителей, живу в полном согласии с природой. Живу, как ветер дует...

— Разве вы местный житель? — удивилась Машенька. — На Пенелопе местных жителей нет и никогда не было.

— Нет, — сказал молодой человек. — Я — вольный бродяга. Мой дом — вся Галактика. Я дикарь.

— А здесь вы что делаете?

— Я никому не задаю вопросов и никому не даю

отчета. Считай, что мне тут нравится. Эта планета еще не загажена цивилизацией.

Им приходилось говорить громко, потому что между ними лежало озеро.

Правда, погода была тихая, безветренная, даже птицы примолкли и насекомые перестали стрекотать.

— Но раз вы приехали сюда, то должны уважать правила, которые установлены для всех, — упорствовала Маша.

— А я неграмотный, — засмеялся дикарь. — Я совершенно неграмотный.

Маша от удивления замолчала. Она и не подозревала, что могут существовать неграмотные люди. Может, этот дикарь шутит?

— Кроме того, я голоден, — сказал дикарь.

— Если вы голодный, приходите к нам, мы вас накормим.

— Спасибо на добром слове.

Дикарь взвалил на плечо тяжелую сеть с рыбой и пошел прочь. Кусты расступились и сомкнулись за ним. Словно и не было человека.

Маша долго глядела ему вслед. Может, ей все это почудилось?

Ничего себе почудилось, если батискаф лежит на дне, приборы погибли, камеры промокли, и еще неизвестно, как нырять в озеро и доставать пузырь, если там появились хищники...

Глава 3. Дикарь пьет чай

Аркаша со Светланой с утра спорили, как описывать местные насекомоядные цветы. Было их вокруг немало — синих, красных, белых, каждый питался одним видом тли или мух — все другие мухи могли безбоязненно садиться на цветы.

Они так увлеклись, что не заметили, как подошла мрачная Машенька.

— Сидите и ничего не знаете, — сказала она.

— Что случилось? — спросила Светлана. — Что —

нибудь с батискафом?

— Ничего особенного,— сказала Машенька, кладя на стол слипшуюся записную книжку.— Батискаф утонул, камеры и записи погибли, в озере водятся громадные хищники, какой-то дикарь ловит рыбу, а вообще-то ничего особенного.

Светлана ничем не показала, что удивлена или взволнована. Несмотря на свои горести, Машенька залюбовалась ею. Густые королевские черные волосы тяжелыми волнами опускались на узкие плечи, и даже удивительно было, как Светлана носит на голове такую тяжесть.

— Ну!— Светлана засмеялась теплыми синими глазами.— Расскажи сначала, и подробнее.

Когда Маша закончила рассказ, все отправились к озеру. К ним присоединился и Пашка, который захватил с собой большой крюк на тросе. С помощью этой удочки вытащили из воды батискаф, похожий на пустой мешок, разложили его на берегу и принялись вынимать из него промокшие вещи и приборы.

— Ума не приложу,— сказала Светлана, — откуда здесь мог появиться такой странный человек? Ты говоришь, он называл себя дикарем? Надо будет сегодня же позвонить в город. Зачем они пускают сюда туристов с рыболовными сетями?

— Смотрите! — крикнул Пашка.

Громадная рыбина с длинной зубастой мордой выскочила из воды и вновь скрылась. Только круги пошли.

— К сожалению,— сказала Светлана, — хищники тебе не почудились. Теперь в озеро путь заказан. А ведь мы только в прошлом году изучали его фауну, ничего подобного здесь не было.

— А они выросли за год, — предположил Аркаша.

Вечером за ужином на веранде домика Светланы только и разговоров было, что о дикаре.

— Он в самом деле красивый?— спросила Наташа, близняшка Машеньки, но куда более легкомысленная.

— Может, и красивый, — ответила Машенька.—
Только мне он не понравился.

И в этот момент раздался голос:

— Почему же не понравился? Обычно я нравлюсь женщинам и детям. Потому что я добрый и веселый.

Из синих сумеречных кустов, усыпанных разноцветными светлячками, вышел дикарь и поднялся на веранду.

— Я решил воспользоваться приглашением любезной девочки, с которой познакомился сегодня.

Дикарь вежливо поклонился Наташе, которая сидела к нему ближе всех, а Наташа широко открыла глаза и сказала невинно:

— Простите, я вас вижу первый раз в жизни. Что было истинной правдой.

Дикарь был в той же оленьей куртке, синих кожаных штанах с бахромой сбоку, как у древних индейцев, и в сапогах со шпорами. Волосы он перехватил тонкой золотой ленточкой, на которую садились ночные бабочки, полагая, что это цветок. У дикаря были большие, светлые, добрые глаза в черных ресницах, короткий, чуть вздернутый нос и подбородок с ямочкой. Совершенно очаровательный дикарь, подумала Алиса, но вслух говорить этого не стала.

— Зачем же так меня обижать?— сказал дикарь сокрушенно.— Я же не нарочно вас утопил.

Тут он увидел Машеньку, понял, что ошибся, широко улыбнулся и сказал:

— Прошу прощения, я не подумал, что сюда привозят близнецов. Так вы меня не прогоните? У меня кончился чай, а без чая цивилизованному дикарю просто невыносимо. Кроме того, мне сегодня скучно.

И, не ожидая приглашения, дикарь уселся на свободный стул.

— Здравствуйте,— сказала Светлана.— Значит, это вы сегодня испортили день нашей Машеньке?

Может, такое начало разговора было не очень вежливым, но Светлана, как известно, человек прямой.

— Ах! — воскликнул дикарь, глядя в упор на Светлану. — Сплошные чудеса! Я оказался гостем прекрасной женщины. А это все ваши дети?

— Это мои друзья, — сказала Светлана. — А кто вы?

Дикарь улыбнулся, но ничего не ответил.

Алиса спросила:

— Вам покрепче?

— Как можно крепче, — сказал дикарь. — Обожаю все крепкое. Меня самого природа не обидела силой и ловкостью. Передайте сахар.

Дикарь подвинул к себе сахарницу и насыпал в чашку ложек пять сахару.

— Ну вот, — сказал он, отпив глоток и расплывшись от счастья. — Лучше чая, чем здесь, я в жизни не пил. Клянусь Черной туманностью.

Вдруг Аркаша вскочил, чуть не опрокинув стол.

— Я же говорил, а мне не верили!

Дрожащим пальцем он показывал на освещенную площадку перед верандой — там медленно шла задняя половина собаки с пушистым хвостом. Правда, остальные опоздали обернуться и увидели только, как чей-то хвост исчезает в кустах.

— Я клянусь, что у нее нет головы! — воскликнул Аркашка.

— Все ты придумываешь, — сказал Пашка. — Чем же она ест?

— Лучше здесь ничему не удивляться, — сказал дикарь. — Иначе окажешься в дураках. Я сегодня рыбу в озере ловил. Сварил — горькая, в рот не возьмешь. Представляете мое разочарование? Пришлось обедать консервами.

— Кстати, — Светлана проявила настойчивость, — вы так и не рассказали нам, как сюда попали.

— Как я сюда попал? — дикарь протянул Алисе чашку и попросил: — Пожалуйста, ещё одну, покрепче. Как я сюда попал? Так же, как и вы,

на космическом корабле. Я приехал сюда в поисках дикого уголка. Скоро в Галактике не останется места, чтобы любитель природы мог отдохнуть спокойно.

— А где вы живете? — спросила Светлана.

— В лесу. Мне ничего не нужно. Рюкзак, палатку, одеяло и надувную подушку. Вот и все. А не будет одеяла, проживу и без него. Я иду по лесам и полям. Где мне нравится, останавливаюсь и живу, пока не надоест...

— Но разве вам не сказали, что здесь нельзя ловить рыбу и охотиться? Это же заповедник.

— Я не варвар, — сказал дикарь. — Я просто естественный человек. Я беру у природы лишь то, что нужно мне для пропитания. Я не граблю, а прошу природу поделиться со мной. Я — часть ее. Если бы я не поймал сегодня в озере этих несчастных рыб, их бы сожрали зубастые хищники. — И он обернулся к Машеньке: — Правильно?

— Правильно, — сказала Машенька. — Я сама видела.

— Так что я безопасен и хочу дружить с людьми и зверями. И пусть мне все платят взаимностью, хорошо?

Он оглядел сидящих за столом, доверчиво улыбаясь, как бы уговаривая их стать его друзьями. И неудобно было отказать такому человеку. Только Машенька отвела взгляд. Она вспомнила, что батискаф погублен и в озеро ей больше не опуститься. А дикарь, словно угадав её мысли, добавил:

— А тебя я спас. Если бы не я, ты увидела бы этих чудовищ слишком поздно. И они разодрали бы тебя на кусочки. Вот так-то. Мы всех любим, а нас любят далеко не все. Это, к сожалению, закон природы.

Он допил чай, потянулся и сказал, поднимаясь:

— Большое спасибо. Теперь я жду вас к себе в гости. Моя палатка в ложине на том берегу. И не

сердитесь на меня. Я никому не желаю зла.

С этими словами дикарь перемахнул через перила.

— Пойдите!— закричала вслед Алиса.— Вы же не сказали, как вас зовут.

— Зовите меня Дикарем,— ответил он.—Я не обижаюсь на это прозвище.Просто Дикарем.

И он исчез, только суетились мотыльки и шуршали листья.

— Какой интересный парень, — сказал Пашка. — Настоящий дикарь.

— А ты уж готов пойти по его стопам, — возмутилась Машенька.

Пашка ничего не ответил, а Светлана сказала:

— Все-таки когда человеку хочется рыбы, он берет удочку.Зачем же загребать большой сетью?

— Может, у него не было удочки? — сказала добрая Наташа.

— Я ему дам крючок, у меня есть, — сказал Пашка.

Глава 4. Там был город

Ночью прошел короткий, бурный ливень, словно специально для того, чтобы утро, когда Светлана с Пашкой и Алисой собрались в дальний поход, было свежим.

Путь их лежал вверх по реке, на плоскогорье, где еще никто не бывал. Там суше, чем в джунглях, и должны быть неизвестные растения и животные.

Алиса несла кинокамеру и передатчик, Аркаша — гербарную папку и блокнот, Светлана — рюкзак с пищей и сумку с приборами. Еще Светлана захватила парализующий пистолет. Правда, еще ни разу на Пенелопе не довелось пустить его в дело, хоть Пашка Гераскин давно смотрел на него с вождением.

Аркаша проводил путешественников до реки. Он с ними пойти не мог, потому что занозил ногу.

Его долго было видно: он стоял, поджав ногу, как журавль.

Шли не спеша, по плотному песку, по лугам, заросшим высокой травой, по редким, без подлеска рощам.

— Светлана, — спросила Алиса, — ты этому Дикарю поверила?

— Странный он какой-то, — сказала Светлана. — Я вчера ночью позвонила в инспекцию. Они никому не давали разрешения провозить на Пенелопу рыболовные сети.

— Но они о нем знают?

— Много туристов приезжает на Пенелопу со всех сторон Галактики. Некоторые живут в лесу. Но о нём никто не слышал.

Путь пересекал неширокий ручей. Потеплело, солнце поднялось выше.

— Осторожнее, — сказала Светлана. — Я пойду первой. А вдруг здесь водятся хищные рыбы?

Над ручьём синими лентами летали бабочки, словно держались друг дружке за хвосты. На том берегу прямо на земле лежало гнездо с пятнистыми яйцами. На него спикировала большая черная птица с красным загнутым клювом. Птица строго поглядела на путешественников, но Алиса сказала ей:

— Не обращай на нас внимания.

Птица послушалась. Она примерилась и ткнула клювом по ближайшему яйцу.

— Она же не хозяйка гнезда, — догадался Пашка. — Это воровка! Её прогнать надо.

— Не надо, — сказала Светлана. — Пусть все идет своим чередом. Алиса, возьми кинокамеру.

Алисе не хотелось снимать такую варварскую сцену, но ученый есть ученый — не всегда будешь наблюдать то, что тебе нравится.

Птица деловито проклевывала яйца.

Разбив последнее яйцо, она отступила в сторону, словно любуясь результатами своего труда.

И вдруг в дырочке, пробитой в одном из яиц, показался маленький красный клювик. Клювик начал расширять отверстие, и птица тут же подпрыгнула к яйцу и принялась помогать тому, кто рвался из яйца наружу. Через минуту черный с желтым, мокрый и головастый птенец вылез на солнышко. А из других яиц уже выбирались его братья и сестры.

— Ну вот, — сказала Светлана, когда путешественники снова двинулись в путь. — Видите, как опасно судить по нашим меркам. Если птица клюет яйца — значит она разбойник. А она не разбойник, а заботливая мамаша.

— До свидания, мамаша, — сказал Пашка, глядя, как суется птица: последний птенец никак не мог выбраться наружу.

Вскоре начался подъем на плоскогорье.

Речка стала уже, из нее высывались обкатанные камни, и вода бурлила вокруг.

Затем деревья расступились, и впереди показалась широкая долина, на которой стояли большие корявые деревья, а между ними шумела под ветром высокая прямая трава.

— В прерии должны водиться бизоны! — воскликнул Пашка и, изображая краснокожего охотника, спрятался в траве.

Светлана с Алисой не спеша пошли по каменистой полосе в траве, внимательно глядя по сторонам, чтобы не пропустить чего-нибудь интересного.

Вдруг Светлана остановилась и спросила:

— Алиса, тебя ничего не смущает?

Алиса в тот момент смотрела на двухголовую ящерицу, спящую на круглом камне.

— Нет, — сказала она.

— А ты погляди вперёд.

— Ничего особенного.

— А под ноги.

— Ничего... не может быть!

Алиса поняла, что они идут по заросшей

дороге, сложенной из каменных плит.

— Может, здесь какие-нибудь звери...— начала Алиса и замолчала, потому что никаких таких зверей на Пенелопе не было.

— Значит, когда-то на Пенелопе жили разумные существа, которые умели строить дороги,— сказала Светлана.— А это переворачивает все наши представления о планете.

Они остановились. Еще бы. Вот уже несколько лет, как Пенелопа открыта, здесь построен город, гостиницы, санатории, парк с развлечениями, работают учёные, и все глубоко убеждены в том, что никаких разумных существ на Пенелопе нет и никогда не было.

— Пошли дальше? — спросила Алиса.

— Сейчас. Пашка, беги сюда!

Пашка замешкался. Он что-то искал в траве.

— Скорее!

— Сейчас!

Пашка что-то нес в руке.

Он запыхался от бега.

— Смотрите!

На его ладони лежал большой, совсем не заржавевший болт.

— Что вы на это скажете?

— А мы уже знаем, — сказала Алиса.

— А чего же вы молчали? Разве вы не понимаете...

Они пошли дальше по дороге. Трава подступала к ней вплотную, кое-где дорога вообще скрывалась под ней, наверное, поэтому дорогу не заметили, когда снимали планету с воздуха.

И тут, в тени громадного раскидистого дерева, они увидели развалины дома.

Развалины густо заросли лианами и кустарником— и в десяти шагах не разглядишь. Остатки стен были изрезаны извилистыми трещинами. Вокруг в траве были разбросаны камни, словно какой-то гигант в гневе разломал дом на куски.

— Наверно, это было очень давно,— сказал Пашка.

— Не так давно, — ответила Светлана. — Разломы на камнях довольно свежие.

Еще один разрушенный дом скрывался под следующим деревом. Деревья стояли словно памятники, обозначая дома. Можно было даже подсчитать, что когда-то здесь стояло десятка три зданий, одинаково разрушенных неведомой силой.

— Какая загадка!— восклицал Пашка.— Какая изумительная тайна. Наконец-то!

— Пошли, ребята, к дальним деревьям, — сказала Светлана.

Деревья впереди были вдвое крупнее своих собратьев.

Там скрывались самые большие здания города. Они были так же жестоко разрушены, как и остальные, но по остаткам стен и размеру глыб можно было догадаться, какими крепкими и обширными они когда-то были.

— Здесь было землетрясение,— задумчиво сказал Пашка, глядя на развалины. — И все погибли под руинами.

— Кто все? — спросила Алиса.

Светлана остановила её жестом. В развалинах кто-то шевелился.

— Не бойтесь, женщины,— сказал Пашка.— Здесь не бывает крупных хищников.

— Но здесь не бывает и разрушенных городов,— попробовала возразить Алиса.

Но Пашка не слышал. Он подбежал к проёму в обрушенной стене и крикнул:

— Эй! Кто здесь?

Шуршание прекратилось.

Светлана схватила Пашку за руку и оттащила назад, свободной рукой доставая из кобуры парализующий пистолет. Она не любила случайностей.

Из проёма вылез встрепанный Дикарь в

распахнутой оленьей куртке.

— Привет! — радостно воскликнул он. — Добро пожаловать!

Глава 5. Дикарь в городе

— А вы что здесь делаете?— строго спросила Светлана. — Почему вы здесь?

— Не думайте, что я— виновник гибели города,— засмеялся Дикарь. — Клянусь вам, я не прикладывал рук к этому безобразию. И, оказавшись здесь случайно, удивился не меньше вас.

Дикарь легко спрыгнул с горы мусора и присел на камень.

— Кстати,— сказал он. — Раз уж вы пришли, не найдется ли куска хлеба? Понимаете, заблудился, проголодался, а домой возвращаться не хочется. Вам тоже, наверно, пора обедать.

— А в самом деле? — спросил Пашка.

Светлана улыбнулась, раскрыла рюкзак с продовольствием, Алиса расстелила на траве скатерть.

Дикарь сказал Алисе:

— Давай помогу тебе порезать хлеб и колбасу.

— Нет, — сказала Алиса, — у вас руки все в земле. Вымойтесь сначала.

— В природе нет грязи, — засмеялся Дикарь. — Это предрассудок.

Но тут он взглянул на Светлану и добавил:

— Бегу, бегу. Я могу еще спорить с девочкой, но когда такие прекрасные глаза смотрят на меня с осуждением, я тут же превращаюсь в послушного мальчика.

Дикарь громадными прыжками понесся к ручью, Пашка подхватил флягу — и за ним. Светлана подумала вслух:

— Чего это он оказался так далеко от дома?

— Вы думаете, он следит за нами?

— Нет, Алиса. Зачем ему следить? Но мне

кажется, что он здесь не случайно.

— Почему?

— Погляди.

У пролома в стене лежала куча свежей земли.

— Давайте я загляну внутрь, — сказала Алиса. — И мы все узнаем.

— Нет.

Возвратились Дикарь с Пашкой. Дикарь рассказывал Пашке что-то веселое. Пашка слушал, раскрыв рот. Видно, у Дикаря была фантастически развита интуиция. Он словно почувствовал, о чем говорили Светлана с Алисой, потому что, подойдя поближе, сказал:

— Кстати, мы не первые, кто нашел этот город. Поглядите на кучу земли у входа. Кто-то здесь ужа побывал. И знаете, что я думаю?

— Что?

— Наверно, там жил какой-то зверь. А потом его кто-нибудь съел. Вообще-то внутри ничего интересного. Обломки и мусор.

Они уселись обедать. Пашка насыпал в воду немного ананасовой эссенции, хлеб был свежий и пышный, сыр с большими дырками, колбаса розовая, а холодное мясо нежное, словно крем. Дикарь проглотил, не разжевывая, целый бутерброд и сказал:

— Вы меня просто закормите. Я потеряю боевую форму. А вам будет трудно от меня отделаться.

— Нам колбасы не жалко, — сказала Светлана.

— Спасибо. Но вы уже, наверно, догадались, что я попадаюсь вам на пути вовсе не из-за обжорства.

— А из-за чего? — спросил Пашка.

— Я влюбился в Светлану. С первого взгляда, безнадежно и навсегда. А разве ты бы на моем месте не влюбился?

Пашка вдруг покраснел:

— Не знаю.

«Ну и дурак», — подумала Алиса. Но вслух сказала:

— И я бы на вашем месте обязательно

влюбилась. Но знайте, что множество смелых рыцарей погибло, сражаясь за право называть Светлану своей прекрасной дамой.

Светлана улыбнулась, а Дикарь обрадовался:

— И я бы рад, — сказал он. — Но, как назло, здесь нет ни одного рыцаря, который бы согласился выйти со мной на поединок. Давай договоримся, Алиса. Как только ты прослышишь о таком рыцаре, сразу зови меня.

— Перестаньте, — сказала Светлана, правда, без злости. Ведь трудно найти женщину, которая сердилась бы, когда говорят о ее красоте. — Лучше скажите, когда и почему погиб этот город?

— Очень просто, — сказал Дикарь, доедая третий бутерброд. — Его разрушили.

— Но кто мог это сделать?

— Здесь была война. Достаточно посмотреть на развалины, чтобы понять, что город обстреливали. Посмотрите...

Дикарь легко вскочил, подошел к обвалившейся стене и показал на дыру, кое-как заложенную камнями.

— Видите, сюда попал снаряд, но защитники дома успели кое-как залатать рану. И таких дыр я видел несколько. А это что? Неужели эта трещина появилась от старости? Нет, как меня ни убеждайте, я утверждаю: здесь бушевала война. Поверьте моему опыту.

— А что у вас за опыт? — спросила Алиса.

— Я видел войну и сам воевал, — сказал Дикарь.

— Где же была такая война? — удивилась Алиса. — В цивилизованной Галактике войн не бывает.

— Не обо всём ты знаешь, моя девочка. У меня была трудная молодость.

— Невероятно, — сказала Светлана, подходя к дыре в развалинах. Ей очень не хотелось соглашаться с Дикарем, но ничего другого она придумать не могла.

— Но если прекрасной Светлане приятней

думать, что войны не было, а это просто причудливые скалы, я заранее согласен, — сказал Дикарь, кладя руку Светлане на плечо. Светлана повела плечом, сбросила руку и отошла.

— Наверно, — сказала она, — больше ничего интересного мы здесь не найдём. Кто за то, чтобы собираться в обратную дорогу?

— Как же так! — удивился Пашка. — Мы еще совершенно не обследовали плоскогорье!

Но Алиса пришла Светлане на помощь.

— Я устала, — сказала она, — становится жарко, и пока мы дойдем до лагеря, наступит вечер.

— А вы, — сказала Светлана Дикарю, — можете оставаться здесь. Мы найдём дорогу без вашей помощи.

— Ни в коем случае! — возразил Дикарь. — Я буду вас охранять. А вдруг на вас нападут дикие звери?

— Здесь нет диких зверей, — сказала Алиса.

— Ах, как мало мы еще знаем об этой планете, — сказал Дикарь. — Давай помогу, Алиса, собрать со стола и вымыть посуду. Я не люблю быть нахлебником.

Глава 6. Тигры на дороге к дому

Дикарь подобрал с земли тяжелую дубину и закинул ее на плечо.

— Похож я на Геркулеса? — спросил он. — Вот убью льва, буду ходить в его шкуре.

— Какое счастье, что львов здесь нет, — сказала Светлана.

— Нет — это слишком категорично, Светочка, — сказал Дикарь. — На любой уважающей себя планете водятся львы или драконы. Только надо их найти... чтобы убить... И снять шкуру. Пока они не успели снять шкуру с тебя.

— Откуда в вас столько кровожадности? — Светлана поморщилась. Ей не нравилось, когда малознакомые люди называли её Светочкой.

— Я самый миролюбивый человек во всей Галактике,— сказал Дикарь.— Меня не тронь, и я не трону.

Пока шел этот разговор, Алиса собирала рюкзак, а Пашка достал свой знаменитый перочинный нож и принялся отпиливать сухой сук.

— Ты чего? — спросила Алиса.

— Да так, вооружиться решил,— сказал Пашка, словно шутил, хотя вовсе не шутил.

— Мне кажется,— сказала Алиса, — что на тебя начинает влиять наш новый знакомый.

Дикарь услышал.

— Ничего удивительного. Я— романтик. А в Пашке тоже живет романтик. Нет ничего опаснее для молодого духа, чем обыденность. Живёшь, работаешь, скучаешь...

— Неправда,— сказала Алиса. — Нет ничего интереснее науки!

— Разумеется,— вежливо поклонившись, согласился Дикарь.— Нет ничего более увлекательного для горячего юноши, чем отыскать новый вид червя или подсчитать число чешуек на хвосте у какой-нибудь ящерицы..

Пашка не вмешивался в разговор. Сук с треском отломился, и Пашка принялся его обстругивать.

— Ну, ты готова, Алиса? — спросила Светлана. — Давай сюда рюкзак.

— Ни в коем случае,— возразил Дикарь. — Неужели я позволю прекрасной женщине, в которую я влюблен, нести этот рюкзак?

Он ловко перехватил рюкзак у Алисы, перекинул через плечо и подмигнул Пашке.

— Учись,— сказал он.— И помни. Мы рыцари. Мы боремся со львами и защищаем прекрасных дам.

Светлана пошла первой, не оборачиваясь. Она почему-то сердилась на Дикаря, но это его не смущало. Алиса подумала, что, если бы Светлана рассердилась на неё, она бы места себе не находила. А Дикарь хоть бы что...

Пашка шагал рядом с Дикарем, закинув на плечо

дубинку и стараясь подражать его походке. Дикарь улыбнулся и тихо сказал, наклонившись к Пашке:

— Избрав себе кумира, мой друг, не подражай ему в мелочах.

Солнце припекало, путники немного устали и растянулись цепочкой вдоль реки. Светлана ушла довольно далеко вперед. Дикарь крикнул ей:

— Дорогая, нельзя так беспечно ходить по джунглям. Я не успею прийти к вам на помощь...

— Удивительная навязчивость, — сказала Светлана. — Особенно если учесть, что мне ничего не грозит.

И как бы в ответ на её слова в кустах послышалось рычание.

— Ну вот, — сказал Дикарь, сбрасывая на землю рюкзак. — А вы настаивали. Я же...

Но он не успел закончить фразу.

Желтая тень промелькнула среди ветвей.

Поджарый, покрытый короткой желтой шерстью зверь одним прыжком вылетел на тропинку, перегородив путь.

Светлана замерла.

Зверь стоял неподвижно.

С белых, загнутых клыков капала на песок слюна.

Раздался громкий плеск. Это Пашка прыгнул в воду и поплыл от берега, держась за дубинку, как за спасательный круг.

Дикарь поднял свою дубинку и пошёл навстречу хищнику.

— С дороги! — крикнул он зверю. — Кто смеет вставать на пути человека?

Зверь присел на задние лапы, его длинный голый хвост метался по земле, поднимая сор и пыль.

— Ну, — сказал Дикарь. — Уж не боитесь ли вы меня?

И тогда зверь, обозленный таким обращением, прыгнул прямо на Дикаря. Дикарь не рассчитал

своих сил, дубинка вылетела у него из руки, а сам он покотился по тропинке.

Неизвестно, чем бы кончилось это приключение, если бы Светлана не вспомнила, что у неё на поясе висит парализующий пистолет.

Раздался негромкий хлопок.

Зверь, словно натолкнувшись на невидимую стену, упал на землю у самых ног Светланы. Его хвост два дёрнулся и замер.

Светлана села на землю, уронила пистолет и заплакала.

— Ну что вы, — бросилась к ней Алиса, которая даже перепугаться толком не успела. — Не переживайте так...

— Я не за себя, — попыталась улыбнуться Светлана. — Я за вас, дураки... Я как представила себе, что он до вас доберётся... Ну как же я раньше о пистолете не догадалась? Ну какая же я дура...

— Кем-кем, а душой бы я вас никогда не назвал, — сказал Дикарь, поднимаясь с земли и

протирая ушибленный локоть. — Вы оказались героиней в этой маленькой стычке.

Он подобрал дубину, подошёл к зверю и ткнул его носком башмака в оскаленную морду.

— Такой и льву не уступит...

Светлана смахнула тыльной стороной ладони слезы и поднялась.

— Ноги не держат, — созналась она, — ну и перетрусил же я.

— Пашка! — крикнула Алиса. — Ты чего это вздумал купаться в такое время? Плыви обратно.

Пашка уже возвращался.

— Не смейся над ним, — сказала Светлана Алисе.

— Я и не смеюсь, — сказала Алиса.

— По крайней мере, — сказал Дикарь, — Пашка поступил разумнее остальных. Он проявил хладнокровие.

Алиса широко раскрыла глаза. Ничего себе хладнокровие — бухнулся в речку.

— Он понял, что нет нужды подставлять себя под удар неразумного хищника. Если бы этот зверь нас растерзал, Пашка добрался бы до лагеря и сообщил о нашей судьбе.

Дикарь говорил серьезно, и Пашка даже кивал головой, соглашаясь, потому что боялся, что его будут ругать или, что еще хуже, будут смеяться.

Впрочем, Алисе почудилась издевка в голосе Дикаря.

Светлана сказала:

— Я была права. Здесь, оказывается, водятся тигры и львы.

— Хотя эта штука, — добавил Дикарь, перекидывая через плечо рюкзак (он снова улыбнулся, словно забыл о приключении), — больше похожа на крысу-переростка.

— Это тигрокрыс, — сказал Пашка.

Глава 7. Вести из города

Поднялся ветер, откуда-то набежали сизые тучи, и пошёл дождь.

— Ну, как назло,— сказала Алиса, смахивая с лица капли.— И хищники и дождь.

— Зато нашли таинственный город,— утешал ее Пашка. Он хотел, чтобы все поскорее забыли о его купании.

— Ничего в нем нет таинственного,— сказал Дикарь.— Я уже смотрел. Этим развалинам миллион лет, и когда жители уезжали отсюда, они забрали с собой все до последней нитки.

— Это решать не нам, а археологам,— сказала Светлана. — Наверно, сегодня вечером мне следует отправиться в город...

— Куда вам ехать на ночь глядя?— возразил Дикарь. — Завтра с утра я вас провожу.

— Нет, спасибо,— сказала Светлана.— Вы уже проявили себя достойным защитником женщин и детей...

— Вы заблуждаетесь, Светочка,— улыбнулся Дикарь.— Я мог свалить этого крысенка кулаком. Но не хотел вам мешать.

— Со мной ничего не случится. Сяду в машину, через час я уже в городе...

— А ребят оставляете на произвол судьбы? А вдруг какой-то тигрокрыс...

— Ребята переночуют в доме... Или поедут со мной.

— Ни в коем случае!— закричала Алиса. — Светлана, вы хотите загубить нам каникулы? Нас же отправят домой.

— Прямо не знаю, что делать...

— Сначала напоите меня чаем,— сказал Дикарь.— А потом вместе подумаем.

Светлана несла пистолет в руке, и он поблескивал под дождем.

Показалось серое, мутное от капель дождя озеро.

— Не хватало, чтобы кто-нибудь простудился,— сказала Светлана.

— В Москве климат хуже, но ничего с нами не случается,— сказал Пашка.— Я вообще специально под дождем хожу. Для закалки.

— Правильно,— сказал Дикарь. — Мой покойный папа всегда выпускал меня на снег босиком.

— А вы откуда родом? — спросила Светлана.

— Мой дом — вся Галактика.

Тропинка на обрыв была скользкой, и Дикарь протянул Светлане руку, чтобы помочь взобраться.

— Спрячьте пистолет,— сказал он с усмешкой.— Здесь тигров нет.

Тигров не было.

Но в лагере, у белой палатки, стоял взъерошенный, промокший, печальный Аркаша.

— Что еще случилось? — спросила издали Светлана, готовая к худшему.

— Её убили, — сказал Аркаша.

— Кого?

— Рогатую собаку.

— Да не пугай ты нас, пожалуйста,— взмолилась Светлана.

— Я не пугаю. Посмотрите.

На земле под деревом лежала передняя половина мохнатой собаки с рогами во лбу. Собака была мертвой.

— Ну и чудеса,— сказал Дикарь.— А где ее вторая половина?

— Не знаю.

— Значит,— сказал Дикарь,— тигры добрались и до лагеря. Ты права, Светочка, давай отправим детей в город. Нельзя рисковать, если тигры пожирают собак прямо в лагере. И что за манеры. Сожрал половину и убежал!

— Нет,— возразил Аркаша.— Вы не правы. Вы не знаете. Это совершенно отдельная половина собаки. Я видел, как она гуляет в таком виде. А ее задняя половина тоже встречается.

— И тоже живая? — засмеялся Дикарь. Он обернулся к Светлане.— Придется с археологией

подождать. У детей не выдерживают нервы.

— А вы? — спросил Пашка.

— Со мной ничего не случится. Я постерегу ваше добро.

— Но ведь здесь тигрокрыс!

— Он меня не съест.

— Тогда, — сказал Пашка, — я остаюсь с вами. Я могу быть вам полезен. Между прочим, я не желаю прятаться в городе от каких-то крыс.

Аркашка хлопал ресницами, он-то ничего не знал о тиграх. Наконец ему удалось вставить слово:

— Я не знаю, о чем вы говорите, но клянусь, что эту собаку никто не ел. Поглядите, она же просто так кончается на половине.

И в самом деле, собака не была разорвана или разрезана, а просто кончалась, словно расплывалась в воздухе.

— Хватит, — сказала Светлана, — у меня голова раскалывается. Не слишком ли много для одного дня? Тигры, города, разрезанные собаки, а что еще будет?.

Откуда-то издалека донесся глухой, угрожающий рев, зашумели, откликаясь на него, деревья, порыв ветра срывал листья.

— Где остальные? — спросила Светлана.

— Джавад спит, а близнецы в домике, — сказал Аркаша. — Вы в самом деле видели тигра? Он похож на земного? А какая у него окраска?

В Аркаше проснулся исследователь.

Через полчаса все собрались на веранде. Путешественники привели себя в порядок, умылись и, если не считать Дикаря, переоделись.

Пока Машенька готовила чай, Светлана попыталась созвониться с городом. Но никто в инспекции не отвечал — наверно, ушли домой. Светлана позвонила в туристский центр. Но и там никто не подошёл.

— Вспомнил! — сказал Дикарь, наблюдавший за Светланой. — Вспомнил! Сегодня в городе

карнавал. Я позавчера ездил туда за консервами, и меня приглашали. Все они на карнавале. Давайте лучше пить чай.

Ребята были взбудоражены событиями, Светлана расстроена и встревожена, только Дикарь вел себя так, будто ничего не произошло.

Он вдруг начал рассказывать о приключении с тигром, осмеял самого себя и восхвалял находчивость Светланы. Все смеялись, Светлана покраснела, а Алиса подумала, что Дикарь не так уж плох.

— А завтра что вы делаете?— спросил Пашка, который был страшно благодарен Дикарю, что тот ни словом не обмолвился о его прыжке в реку.

— Завтра? Разве можно планировать жизнь на столько часов вперед? Представь себе, я пойду ночью обратно, меня сожрут хищники. И никто меня не пожалеет...

— Не говорите глупостей,— сказала Светлана. — Вы можете остаться у нас.

— Спасибо за приглашение...

И тут зазвонил видеофон. Так резко, что звон его разнесся по всему лесу.

Светлана чуть не опрокинула стул и бросилась в комнату. Все обернулись к открытой двери.

Дикарь подхватил стул, поставил его на место и сказал:

— Ну вот, они отгуляли на карнавале и теперь вспомнили, что забыли нас пригласить.

На большом экране видеофона появилось лицо пожилого человека с короткими усами.

— Светлана! — сказал он. — У вас все в порядке?

— Не совсем...

— Все здоровы?

— Все здоровы. Я старалась дозвониться к тебе в инспекцию, но никто не подходил.

— И не мог подойти. Ну хорошо, что хоть у вас все в порядке...

— А что случилось?

— Я говорю с резервного пульта на космодроме,— сказал старый инспектор. — Потому что моей конторы больше не существует.

— Как так?

— Вы ничего не слышали?

— Ничего.

— В Жанглетоне землетрясение. Часть города разрушена. Несколько человек ранено. Нарушена связь...

По изображению пошли полосы...

— Опять! — крикнул старик. — Я выключаю связь.

— Но что нам делать?

— Оставайтесь у себя. Когда все утихнет, я свяжусь с вами...

Экран замигал, и изображение исчезло. Лишь лёгкое шуршание доносилось из видеофона.

— Ну вот,— в общей тишине сказал Дикарь.— Я же говорил, что идеальных планет не бывает. У каждой из них в запасе для доверчивых людей есть землетрясения, извержения вулканов, бури, тигры и ядовитые змеи. Кстати, смотрите под ноги. Здесь водятся ядовитые змеи...

С этими словами Дикарь перепрыгнул через перила и быстро пошел к лесу.

— Куда вы? — закричала Алиса. — Возьмите хоть фонарь!

— Фонарь?— обернулся Дикарь.— Чтобы меня видели все, кому не лень? В ночном лесу, кишасщем хищниками, человек должен быть таким же, как и они, незаметным, коварным и быстрым.

Что-то зашевелилось в кустах.

— Вернитесь! — закричала Светлана.

Дикарь отпрыгнул в сторону и выхватил из кармана небольшой пистолет. Подождал секунду и пошел дальше.

Он растворился в темноте и шуме дождя. Алиса посмотрела на Светлану.

— А у него есть...

— Я видела, — сказала Светлана.

Глава 8. Они любят друг друга!

Поздно ночью старый инспектор смог улучшить несколько минут и позвонил снова. Он выслушал новости, которые сообщила Светлана. Новости ему не понравились, он попросил всех быть осторожными, не уходить из лагеря. И ещё сказал, что, вернее всего, туристов с Пенелопы вывезут. Вид у него был измученный, невыспавшийся, дела в городе были плохи.

Утром погода исправилась. Хотя дул холодный ветер и по небу бежали быстрые облака, дождь перестал и туман, окутавший к утру весь лес, рассеялся.

— Сегодня остаёмся в лагере, — сказала Светлана. — Но ничего страшного. У нас накопилось множество дел, надо разбирать коллекции, приводить в порядок снимки и записи. Объявляю день камеральных работ.

За завтраком Пашка сказал:

— Как там наш Дикарь? Добрался ли?

— Думаю, ничего с ним не случилось, — сказала Светлана. — У него склонность к театральным эффектам.

— А если он наступил на ядовитую змею? — спросила добрая Наташа. — Или тигр на него напал...

— Надо бы сходить проведать его, — сказал Пашка.

— И не мечтай, — сказала Светлана.

— А если он истекает кровью?.

— У него есть передатчик, я его спрашивала, — сказала Светлана. — Только он не захотел оставить своих позывных. Все. Кто дежурный? Ты, Джавад? Дежурный моет посуду, а остальные за работу!

Пашке работать не хотелось. Некоторое время он покрутился в лаборатории, потом сказал, что, наверно, простудился и хочет отдохнуть. Никто

не возражал, и он отправился в палатку.

В палатке он пробыл недолго. Быстро натянул башмаки, накинул непромокаемую куртку, сунул в карман свой знаменитый перочинный нож, затачиватель ран и плитку шоколада, потом подошел к окошку палатки, чтобы убедиться, что никто не выглядывает из домика.

Пусто, тихо, лишь воет ветер.

Пригнувшись, Пашка выбрался из палатки, бегом пересек открытое пространство и скатился к реке. Прежде чем его отсутствие заметят, пройдет какое-то время. Он уже будет далеко.

Пашкой руководило не только беспокойство за судьбу Дикаря, но и любопытство. Могло же так случиться, что Дикарь встретился со стадом тигров и теперь лежит в палатке, не в силах добраться до передатчика и сообщить, что истекает кровью. Но в то же время Пашка сильно рассчитывал на то, что Дикарь жив и можно поглядеть, как живёт этот таинственный враг цивилизации.

...Хорошо, что его предупредила какая-то птица— громко и испуганно закричала над головой.

Впереди, метрах в трех, из травы поднималась трехугольная змеиная голова.

Этого еще не хватало! Опять Дикарь прав. Насколько он мудрее всех учёных, включая даже прекрасную Светлану, подумал Пашка, отступая на шаг и глядя под ноги,— вдруг там еще одна змея. Он прав: никому нельзя верить, ни одной планете. Планеты уважают только сильных, только борцов и героев.

— А ну, с дороги!— крикнул Пашка змее.— Я — человек! Я здесь господин!

Змея тем временем выползла на холмик. Она была невелика, с полметра, и, вернее всего, подумал Пашка, вовсе не ядовитая. Пашка вытащил нож и метнул его в змею, чтобы отрубить ей голову. Нечего делать змеям в двух шагах от лагеря.

Нож пронесся рядом с головой змеи и воткнулся

в землю. Змея не уползла, а зашипела и раздула шею.

Надо подобрать нож. Но как это сделать? Пашка пошёл вокруг, глядя под ноги, чтобы не наступить на какого-нибудь гада. Когда он снова поглядел на змею, то увидел, что змея, увеличившись до метра, успела отрастить вторую голову. И эта вторая голова тянулась к Пашке.

Пашка остановился. Придется взять еще правее. И главное, не бояться. Если убежать от каждой паршивой змеи...

Третья голова вытянулась так, что закрыла Пашке путь назад. Тут же возникла и четвертая. Она увеличивалась на глазах, пришлось отпрыгнуть вбок. Теперь на холмике сидело внушительное чудовище— четырех... нет, уже шестиголовое, отовсюду Пашке грозили разинутые пасти и ядовитые зубы.

Вот это страшно...

Пашка замер. Вдруг змее надоест преследовать или она примет его за сухое дерево...

Змея не унималась. Она словно издевалась над Пашкой.

Пашка не хотел, но закричал:

— На помощь!.. Помогите!

Крик получился слабый, конечно, его не услышать в лагере. И никто его теперь не спасет...

Глаза змеи, пустые, словно стеклянные, блестели в метре от лица.

— Помогите!

Пашка зажмурился.. «Ну зачем я только не послушался Светлану!..»

Эту, может последнюю, Пашкину мысль прервали сухие хлопки выстрелов. Пашка раскрыл глаза.

Трах! — одна из голов поникла. Трах! — вторая разлетелась на куски. Трах! — третья отлетела, отрезанная от шеи...

Змея собралась в клубок и с легким шуршанием умчалась в заросли.

И будто ее не было.

Как в страшном сне.

— Что, перепугался, мой отважный друг?

В нескольких метрах от Пашки, пряча пистолет за пояс, стоял Дикарь.

— Я бы тоже на твоём месте перепугался. И вообще— урок на будущее. Если не вооружён, лучше отступить перед незнакомой опасностью.

— И вы так всегда делаете?

— Всегда,— сказал Дикарь.— Отвага должна быть разумной. Ты куда идёшь?

— К вам в гости, — сказал Пашка.

— И что ж тебя на это надоумило?

— Я боялся, а вдруг что-нибудь случилось...

— Ты беспокоился обо мне?

— Да.

Пашка старался не смотреть на Дикаря. Он понимал, какую чепуху несёт,— он, мальчишка, беспокоился о настоящем супермене...

Но Дикарь не смеялся. Он взял твердыми длинными пальцами Пашку за подбородок, поднял

его лицо. Глаза у него были такими печальными – вот-вот заплачет.

– Неужели на свете есть люди, которым не все равно, жив я или нет? И это ты, Пашка? Ты, мой маленький друг?

Дикарь обнял Пашку за плечи, и они не спеша, как самые близкие товарищи, пошли через заросли к палатке Дикаря, которая одиноко стояла посреди небольшой полянки.

Когда до палатки оставалось несколько шагов, Дикарь нажал на драгоценный камень на своем браслете. Легкий щелчок донесся со стороны палатки, воздух заколыхался, будто пролетел порыв ветра.

– Что это? – спросил Пашка.

– Я снял защитное поле, – сказал Дикарь. – Я не люблю, когда в палатку забираются, если меня нет дома. Представляешь, какой-нибудь тигр порвет мои любимые игрушки. Заходи, будь гостем.

Палатка была большой, круглой, как половинка шара. Пашка почему-то думал, что это будет хижина из толстых бревен с одним окошком – амбразурой, чтобы отстреливаться, если на тебя нападут...

Правда, внутри обстановка была куда более романтической. Там стояла походная койка, на которой были брошены грудой шкуры, у постели на полу валялся большой синий рог, оправленный в серебро, стояли высокие сапоги и походная фляга, обтянутая змеиной кожей.

Посреди палатки – белый кубик электропечки, на которой стоял котелок. В нем бурчала, пузырилась каша. А за печкой что-то большое, накрытое пластиком. С потолка свешивалась переносная лампа, сделанная из уха веронского дракона, а пол был покрыт ковром, сшитым из оранжевых шкур.

– Ну как? – спросил Дикарь. – Нравится? Хочешь чего-нибудь выпить? Джин, виски, водка,

пурсанский круц, спирт, настоянный на яде нага или что-нибудь покрепче?

— Спасибо, я не пью,— с достоинством ответил Пашка, который отлично понял, что Дикарь шутит.

— Ну и великолепно. Тогда отведай крельного сока— это с Фальмагусы. Я там как-то охотился на вертушаек, освободил от их гнета одну деревню, и старейшина подарил мне целую бочку этого сока. Кстати, за каждую его каплю на Сириусе дают по алмазу. Я мог бы сказочно разбогатеть. Но разве в этом счастье?

— Не в этом,— сказал Пашка, осторожно отхлёбывая из маленького стаканчика. Сок был кисловатый, приятный, но, в общем, ничего особенного. Странные вкусы на Сириусе.

— Нравится? — спросил Дикарь.

— Угу.

— А мне нет,— сказал Дикарь. — Я рад, что ты не забыл обо мне.

— Можно с вами пойти на охоту? — спросил Пашка.

— А почему ты решил, что я иду на охоту? Может, я спешу в Жанглетон спасти людей, пострадавших от землетрясения...

— Тогда я тоже!

Пашка вскочил, хлопнул себя по боку и понял, что свой драгоценный нож он забыл на месте схватки с многоголовой змеей.

— Ты ножик потерял?— догадался Дикарь.— Возьми мой. Мне для тебя, честно говоря, ничего не жалко.

И он протянул Пашке изумительный кинжал, рукоять которого была сделана из голубой кости.

— Ну, что вы,— смутился Пашка. — Я не могу...

— Все можно. Если тебе что-то предлагают, никогда не отказывайся. Кстати, его рукоять сделана из зуба акулоида-людоеда. Я за ним гнался четыре часа. Это было... Извини.

Дикарь поглядел на часы. Видно, ему пора уходить. Он сказал:

— Конечно, я мог бы взять тебя с собой.

— В Жанглетон?

— Нет, у меня другие дела. А к тебе есть личная просьба. Правда, я не знаю, умеешь ли ты хранить тайны?

— Умею, — сразу ответил Пашка. — Честное слово.

— Я другого ответа и не ждал. Тогда слушай: мы со Светланой полюбили друг друга...

— Не может быть!

— Ты еще мало знаешь женщин. Чаще всего они наиболее резки к тем, кого любят. Уж поверь моему опыту.

— Я вам верю, — сказал Пашка.

— Понимаешь, — продолжал грустно Дикарь, — как много препятствий на пути к нашему счастью...

— Вы так полюбили друг друга за три дня? — удивился Пашка.

— Нет. Мы любим друг друга уже четвертый год. И я здесь из-за любви к Светлане...

— Ну вот... — сказал Пашка разочарованно. Грустно, когда твой герой оказывается простым влюбленным. Ведь ни одна женщина не стоит того, чтобы из-за нее лететь на другую планету и терпеть лишения, когда на свете есть столько интересных дел и приключений.

— Ты во мне разочаровался? — спросил Дикарь со свойственной ему пронизательностью.

— Нет, что вы! — сказал Пашка. — Это ваше дело.

— Теперь слушай: ты вчера видел по видеофону старика?

— Да.

— Это главный инспектор заповедников планеты. Он жестокий и злой старик. Он никогда не простит Светлане, если она соединится со мной. Поверь, если он узнает, что Светлана меня любит, он найдет способ ее погубить.

Пашка застыл. Перед ним раскрывались страшные тайны. Трудно представить, что такое может

существовать на мирной Пенелопе.

— Ты понимаешь, — продолжал Дикарь, — почему мы должны таиться? Поэтому Светочка так строга со мной, хотя, поверь, ее сердце обливается кровью. Сколько еще можно притворяться? Ответь мне, есть ли предел её страданиям?

— Нет.

— Поэтому я должен Светлану украсть. Понятно?

— Да.

— И ты должен нам со Светланой помочь.

— А как?

— За разрушенным городом у меня спрятан небольшой космический корабль. На нем мы улетим. Сейчас ты вернешься в лагерь и до вечера неотлучно будешь при Светлане. Но ни слова — она не простит мне, что я доверился мальчишке. Она не понимает, что ты уже настоящий мужчина.

Пашка только кивнул.

— Вечером, как стемнеет, ты позовешь Светлану на берег озера. Найдёшь предлог. Я буду вас ждать. Как только мы со Светланой уйдем, ты поднимешь тревогу. Только не сразу, дашь нам уйти подальше. И когда тебя будут спрашивать — стой на своем: ты видел, как Светлану украл неизвестный дикарь, а она сопротивлялась.

— Ясно.

— Твоя задача: от Светланы ни на шаг. Охраняй ее. Инспектор что-то подозревает. Я на тебя надеюсь.

— Я сделаю все, что могу, — сказал торжественно Пашка.

— А теперь беги. Встретишь змею брось в неё мой нож. Он самонаводящийся.

— Я пошел, — сказал Пашка.

Дикарь вышел с ним из палатки. Стало совсем холодно. Снова собирался дождь.

— Погоди минутку, — сказал Дикарь.

Он вынес из палатки шапку, сделанную из хвоста какого-то зверя. Хвост был длинный — его

хватило на то, чтобы обернуть вокруг головы, а сзади он свисал на спину. Пашка сразу стал похож на охотника из романа Фенимора Купера.

— Беги. Я на тебя надеюсь.

Палатка Дикаря давно скрылась за деревьями. У Пашки сжималось сердце: в его руках — счастье двоих людей.

Он подумал, что лицо инспектора ему сразу не понравилось. Это было неправдой, но Пашка умел себя убеждать.

Глава 9. Где живет собака?

Пашка вышел на открытый берег озера и тут увидел, что навстречу ему кто-то спешит.

Светлана!

Неужели она так неразумна, что сама, без свидетелей идет к своему возлюбленному? Но ведь Дикаря сейчас уже, наверно, нет дома.

— Стойте! — закричал Пашка. — Стойте, Светлана! Его нет дома.

Светлана подбежала ближе.

— Ты куда делся? — спросила она. — Я чуть с ума не сошла, когда ты пропал.

Пашка только отмахнулся.

— Я был у него, — сказал он. — Там все в порядке. Можете не беспокоиться.

— За кого я должна беспокоиться? — притворилась удивленной Светлана. — Как тебе не стыдно. Ты что, маленький, что ли? В такой тревожный день убежать и никому ни слова!

Пашка вздохнул. Светлана вела себя правильно. Ведь она думает, что Пашка не в курсе ее дел. А открыться нельзя, хотя, честно говоря, Пашке смертельно хотелось намекнуть ей, что у нее есть верный союзник — Павел Гераскин.

Светлана хотела пойти напрямик к лагерю, через луг, но Пашка остановил ее:

— Не надо, там многоголовые змеи. Дикарь еле справился с ними, когда они меня окружили.

— Ты опять выдумываешь?

Пашка только развел руками. Разве можно спорить с женщиной?

— Ладно, пошли напрямик, — сказал он. — Дикарь подарил мне самонаводящийся нож.

Но тут Светлана, конечно, передумала, и они пошли дальним путем, у самой кромки воды. Светлана молчала, сердилась. Пашка тоже решил помолчать.

Наверху, у палаток, стоял Джавад, держа парализующий пистолет.

Пашку кольнула ревность. Светлана никому не доверяла свой пистолет. Хоть Пашка и просил её об этом. А вот Джаваду дала.

— Нашелся? — сказал Джавад. — Я так и думал, что он к своему Дикарю побежал.

— Никто не звонил? — спросила Светлана.

— Звонил инспектор из города. Сказал, что постарается сегодня приехать.

— Хорошо бы, — сказала Светлана.

И не глядя больше на Пашку, она быстро прошла в свой домик.

— Ну и дурак же ты, — сказал Джавад. — Что у тебя за сооружение на голове?

— Шапку Дикарь подарил, — сказал Пашка небрежно. — Кстати, мне пришлось сразиться с многоголовой коброй.

— И до сих пор жив? — спросил Джавад не без ехидства.

С веранды сбежал Аркаша с ведром в руке.

— Джавад, — сказал он, — Светлана просила проводить меня к реке, за водой.

— Пошли, — сказал Джавад, взвешивая пистолет в руке.

«Нет, — подумал Пашка, — здесь меня никто не понимает...»

— Ой! — воскликнул Аркаша. — Откуда у тебя это?

Аркаша показывал тонким пальцем на шапку.

— Подарили, — коротко ответил Пашка.

— Кто подарил? Говори сейчас же!

— Дикарь ему подарил. У них дружба, — сказал Джавад. Пашка понял, что Джавад ему завидует. Ну и пусть.

— Он разбойник! — закричал Аркаша тонким голосом. — Его нужно немедленно выгнать с планеты!

— Что ещё такое? — спросил Пашка. — Кого выгнать?

— Твоего Дикаря. Вот кто убил рогатую собаку! Это её хвост.

— А ты откуда знаешь? — спросил Пашка.

— Я видел. Я, честное слово, видел заднюю половину с хвостом, когда она здесь гуляла. Я бы никогда не спутал...

— Ничего удивительного, — сказал Пашка. Надо было защитить честь друга. — Он мне сам рассказывал. Он нашел заднюю половину, уже мёртвую. Вот и сделал из хвоста шапку. И мне отдал.

— Я тебе не верю!

Светлана вышла на шум.

— Что здесь еще происходит?

— Пашкина шапка сделана из рогатой собаки, — сказал Джавад. — Аркашка узнал.

— Дикарь ее случайно нашел, — упорствовал Пашка.

— Когда же? — спросил Джавад.

— Сегодня утром.

— И сразу сшил шапку?

— И сразу сшил.

— И ты этому поверил?

— Дай сюда шапку, — сказала Светлана. — Я покажу ее инспектору.

— С удовольствием, — сказал Пашка, снимая шапку. — Светлане отдам. Хотя инспектору я бы ее показывать не стал.

Он подмигнул Светлане, чтобы она поняла, как опасно давать в руки инспектору такое оружие против ее возлюбленного.

Но Светлана или не поняла, или хитрила.

Пашка надеялся, что она сообразит, как себя вести.

Ребята ушли наконец за водой. Пашка с облегчением вздохнул. Не жалко ему было шапки, и не в собаке дело. Наверняка Дикарь ни в чем не виноват. Хотя Пашка в глубине души допускал, что Дикарь мог и застрелить собаку, не задумываясь над такими пустяками. Нельзя сказать, что Пашка одобрил бы такой поступок. Но он, по крайней мере, понимал романтическую душу Дикаря. Дикарь был влюблен. И этим многое объяснялось.

Пашка собрался было пойти в дом, поглядеть, что делает Светлана— обещал же глаз с нее не спускать. Но в этот момент из-за дома, где кончалась дорога из города, выскочил маленький мобиль на воздушной подушке, в котором сидел старик с неприятным лицом— инспектор. А снизу от реки показались Джавад с Аркашей. Аркаша что-то возмущенно кричал, а Джавад шел на шаг сзади, нес в одной руке пистолет, в другой — ведро.

Пашка оказался точно в центре, к которому стремились старик и ребята. Старик вылез из мобиля и с интересом слушал, как Аркаша набросился на Пашку:

— Это все ты со своим Дикарем!

— Что еще случилось? — спросил Пашка.

— Там еще одна мертвая половина собаки,— возмущался Аркаша.— Джавад тоже видел. Теперь ему не отвертеться. Он перебил всех собак. Это же преступление!

— Ну-ка, объясните, молодой человек,— сказал инспектор.— Кто здесь убивает собак?

— Дикарь. У Светланы есть шапка. Он шапку Пашке подарил. Я когда первый раз увидел, то страшно удивился, а потом заднюю половину увидел. Вы себе не представляете, какое это зрелище...— Аркаша вдруг замер с открытым ртом.

Рот медленно-медленно закрылся. Аркаша сказал:— Эврика! Я догадался!

Светлана стояла на веранде.

— Кром, как хорошо, что ты приехал!

— Здравствуй, девочка,— сказал Кром.— Сначала я хочу узнать, что здесь происходит с половинами собак. Что это еще за загадка?

— Я ее решил,— сказал Аркаша.— Но перед тем как все рассказать, я должен отыскать переднюю половину, только живую, а потом засесть в засаду.

— Боюсь, что это исключается,— сказал инспектор, поднимаясь на веранду. — Мы решили свезти все туристские группы на космодром и, как только придут корабли, вызванные с ближайших систем, всех эвакуировать. Планета закрывается.

— Но мы же не туристы!— воскликнул Пашка. Надо было любой ценой задержать инспектора. Ужасно представить, какое разочарование постигнет возлюбленных, если инспектору удастся увезти Светлану!

Аркаша с Джавадом побежали в дом, чтобы послушать, о чем там будет идти разговор.

О Пашке забыли.

Но он уже знал, что делать.

Он со всех ног бросился к навесу за домом, где стоял большой мобиль Светланы, на котором приехали биологи. Недаром Пашка занимался в техническом кружке, даже конструировал гоночные мобили. Он знал, что сделать, чтобы мобиль не мог двинуться с места. Он не стремился к собственной выгоде. Он должен был защитить хрупкое счастье своего друга.

Когда Пашка вошел в комнату, все слушали рассказ инспектора о событиях в городе. Светлана вопросительно подняла брови, а Пашка кивнул ей: не беспокойся, я сделал все как надо. Светлана пожала плечами.

— А теперь, — сказал инспектор.— Расскажите

мне о таинственной собаке.

— Боюсь, что вы мне не поверите,— сказал Аркаша,— потому что такого не бывает.

— Все на свете сначала не было, а потом началось,— задумчиво сказал инспектор. Он был маленький, лысый, и даже удивительно, как он мог угрожать Светлане.

— Я думаю,— сказал Аркаша ученым тоном,— что мы столкнулись на этой планете с принципиально новым типом животных. Что мы видели? Сначала одну половину, потом другую, которые гуляют раздельно. Значит, это для них естественно?

— Ну и что же? — сказала Наташа Белая.

— Не перебивай. Я считаю, что рогатые собаки живут не только в пространстве, но и во времени. Передняя половина собаки уже гуляет по сегодняшнему дню, а задняя пока что остается во вчерашнем.

— Ой,— сказала Наташа.— Ты, Аркашка, гений.

— Боюсь, это слишком смело, чтобы сразу поверить,— сказал инспектор, но Аркаше эти слова пришлись по душе.

— Конечно,— сказал он,— слишком смело. Но все на свете сначала не было, а потом началось.

Инспектор улыбнулся.

— Знаете, как Дикарь на них охотится?— сказал Аркаша.— Он выслеживает совершенно беспомощную заднюю половину собаки и отрезает у нее хвост. А передняя половина гибнет от боли. Светлана, покажите шапку.

Инспектор мельком взглянул на шапку и отложил её.

— Это очень интересно, но сейчас,— он взглянул на часы,— важнее другое. Я обещал в городе, что через час привезу вас обратно. Сами понимаете, свободных машин в городе нет и ваш мобиль тоже нужен.

— А Дикарь?— спросил Аркаша.— Неужели вы оставите его здесь?

— Этого не случится,— сказал инспектор. В его

словах Пашке послышалась угроза. — Как только мы перевезем вас на космодром, я вернусь за ним.

Пашка взглянул на Светлану. Ему показалось, что она побледнела. Ещё бы, такое крушение планов!

— Может, Светлана останется здесь?— спросил Пашка.— Чего ей с нами в город мотаться?

Светлана сделала вид, что удивилась.

— Нет уж,— сказала она.— Во-первых, я по второй специальности медик и могу пригодиться в городе, а во-вторых, я боюсь тигров и змей.

— Пашка,— сказала Алиса, глядя на друга с подозрением.— Ты говоришь такие странные вещи, что я начинаю сомневаться...

Она не договорила, в чем сомневается, потому что Машенька сказала:

— Надо быстро собираться. Ведь у нас все материалы, коллекции разбросаны.

— Может, оставим их здесь?— спросил инспектор, но все так зашумели, что он махнул рукой и сказал:— Тогда я помогу вам грузить добро в мобиль.

Пашка спокойно пошел со всеми. Генератор тяготения был надежно спрятан в кустах. Мобиль никуда не поедет.

— Ты чего не собираешься? — спросил инспектор.

— А мне нечего собирать... все уже в рюкзаке,— соврал Пашка.

Ветер дул все сильнее. Пашка пожалел, что отдал шапку Светлане. Может, пойти в дом и взять ее? Все-таки подарок.

Он помог Аркаше перетащить громадную стопу гербарных листов, потом поднялся на веранду. Шапка лежала на стуле. Светлана звенела какими-то склянками. Каково ей, несчастной, подумал с грустью Пашка. Не хотел бы он оказаться на ее месте. Он надел шапку.

—Светлана, — слышался голос инспектора. — Что-то случилось с твоим мобилем. Ты на нем давно ездила?

«Начинается», — подумал Пашка и отошел в угол веранды, откуда было все видно.

Инспектор сидел в кабине мобиля, нажимал на кнопки. Машина жужжала, но, разумеется, не приподнималась ни на миллиметр.

«Давайте пробуйте, — не без злорадства подумал Пашка. — Наша фирма работает как часы».

Минут через десять инспектор вылез наружу. Джавад и Машенька, которые старались помочь ему, стояли рядом.

— Мертвое дело, — сказал инспектор. — Как всегда, беда одна не приходит. Что же делать?

Темная туча опустилась над лагерем. Вот-вот должен был хлынуть ливень.

— Не отчаивайтесь,— сказал инспектор. — Я слетаю в город на своей блохе. Через час буду здесь с большим мобилем и привезу механика.

Через минуту его машина исчезла за деревьями.

Алиса подошла к Пашке и тихо спросила:

— Ты ничего не делал с мобилем?

Пашка удивился.

— Зачем мне это?

— Как зачем? Чтобы остаться здесь. С тебя станет...

— Алиска, да ты подумай, что говоришь!— постарался возмутиться Пашка. Только это получилось не очень убедительно.

Алиса отошла.

А Пашка подумал, что он получил отсрочку. Но надолго ли?

До вечера еще далеко. Через час вернется инспектор с механиком. Всех увезут. И Светлану, разумеется. И все погибло. Как же он не догадался, что инспектор не откажется от мысли их увезти отсюда?

В его распоряжении всего час. Один час.

Пашка стоял под деревом.

Туча навалилась на поляну, придавила вершины деревьев.

И вдруг, словно открылись краны, с неба рухнули толстые, упругие струи воды.

Глава 10. В поисках Дикаря

Пашка несся через поляну. Может, повезет? Может, Дикарь уже вернулся. Только бы он был дома...

Дождь хлестал так, что дышать нечем.

Пашка не думал о тиграх или змеях— в такую погоду ни одна тварь не высунет носа наружу. Раз Пашка грохнулся, проехал животом по луже. Но если ты уже насквозь промок, это не играет

роли.

Вот и лужайка. Мокрая, исхлестанная ливнем палатка.

Стараясь перекрыть рёв падающей воды, Пашка крикнул:

— Дикарь!

Дверь в палатку была застегнута на молнию.

— Дикарь!— кричал Пашка, тряся упругую дверь. Палатка пружинила, раскачивалась. Никто не отзывался.

Пашка нащупал застежку и потянул ее вверх. Дверь отогнулась, и Пашка быстро, чтобы не залило дождем, пролез в палатку и затянул вход.

В палатке было почти темно.

— Дикарь,— позвал Пашка без всякой надежды.

Никто, конечно, не откликнулся.

В палатке почти ничего не изменилось. Только пластик в дальнем конце был откинут. Видно, Дикарь, спешил, отбирая нужные ему вещи.

То, что осталось, никак не вязалось с хозяином палатки.

Там были свалены какие-то инструменты, буры, приборы, скафандр средней защиты, поблескивал мощный космический передатчик. Несколько собачьих пушистых хвостов валялось между приборами, а сверху поблескивал боевой бластер, точно такой же Пашка видел как-то в музее на Марсе, но совершенно новый, зловещий.

Пашка взял его в руки. Бластер был тяжелый. Пашка положил его обратно. Он думал, зачем Дикарю все эти штуки? Ведь он же...

Но когда человек хочет верить своему другу, он всегда найдет оправдание. Конечно же, решил Пашка, ведь Дикарь— космический разведчик-следопыт. И этот бластер у него не для развлечения. На неисследованных планетах надо быть готовым к любым неожиданностям.

Но где же может быть Дикарь? Наверно, он волнуется, ждет того момента, когда они со Светланой смогут убежать с этой проклятой

Пенелопы. А если опоздаешь, все погибло.

Дикарь говорил, что у него здесь космический корабль. На нем они должны убежать. Но где же?

Пашка стукнул себя по лбу. Так, в суматохе, свое имя забудешь, сказано же: у разрушенного города. За час туда не успеть.

Но не возвращаться же в лагерь, не ждать же, пока всех увезут в город.

Больше Пашка не раздумывал ни секунды.

Если бежать напрямик, то можно срезать половику пути.

Но вскоре Пашка пожалел, что побежал напрямик. Лес стал гуще, лианы и колючки тянулись к нему со всех сторон, словно хотели остановить. Стало темно, не было видно, как корни ставят подножки одинокому человеку, бегущему через лес. Кто-то страшно ухал над головой, словно подгоняя Пашку. Листва смыкалась черным потолком, и оттуда срывались капли размером с яблоко.

Конца лесу не было. Пашка мечтал лечь и передохнуть, но не смел остановиться, потому что понимал, что этот лес — живой. Он ждет, когда человек свалится, и тогда опутает его корнями и лианами, чтобы высосать, как паук муху.

И вдруг впереди свет. Поляна.

Поляна поросла высокой, по пояс, травой. Волны ветра и дождя пригибали стебли травы, и Пашка увидел, что по поляне бежит стая передних половинок собак.

«Когда же эти половины соединятся?» — подумал Пашка. Он верил, что Аркадий, который когда-нибудь станет великим ученым, правильно разгадал их тайну. Наверно, их половинки соединятся в полночь.

Пашка устало брел по траве, как по воде, разгребая стебли руками. Трава нехотя расступалась перед ним и сразу смыкалась сзади.

Впереди снова вставали стеной деревья. Может, он сбился с пути?

И тут впереди и чуть правее раздался гулкий и

длинный удар. словно кто-то стукнул палкой по стальной двери.

И сразу все стихло. Даже дождь измельчал и осторожно постукивал по травинкам маленькими каплями.

Может, это Дикарь проверяет двигатели своего корабля? Может, что-то с ним случилось?

Пашка забыл об усталости.

Он побежал, забирая вправо, туда, где в стене леса виднелась прогалина.

Глава 11. Пашка исчез

Прошло, наверно, минут десять с тех пор, как инспектор уехал за помощью. Все вещи, хоть в спешке, кое-как, но уложены в машину, палатки оставили стоять – может, пригодятся. Тем более что они мокрые.

Аркаша сидел в машине, осторожно раскладывая гербарные папки. Он был расстроен больше всех, потому что был уже на пороге важных открытий. Маша с Наташей помогали Светлане собирать приборы на биостанции. Джавад гулял с пистолетом по веранде, охранял лагерь.

А вот Пашки нигде не было.

«Умеет же человек пропадать, – подумала Алиса. – Куда же он опять запропастился?»

Алиса решила не поднимать шума. Она накинула куртку и спустилась с веранды.

– Ты куда? – спросил Джавад голосом сурового часового.

– В палатку, – сказала Алиса, – поглядеть, не забыли ли чего.

– Иди, – сказал Джавад. – В случае чего я тебя прикрою.

– Спасибо, – сказала Алиса, стараясь попасть ему в тон. Мужчины любят, чтобы их принимали всерьёз.

Подойдя к палатке мальчиков, Алиса обернулась. Веранда почти скрылась за стеной

дождя. Тёмный силуэт Джавада маячил на веранде.

Она заглянула в палатку. Хорошо бы, Пашка там спал. Она даже представила себе, как он спит, — на боку, рука под щекой, и посапывает.

Кровать Пашки была пуста. На полу валялись какие-то бумажки, один башмак, объектив от аппарата. Всё-таки они свиньи, мальчишки, подумала Алиса. Ну кто будет за ними убирать? Она знала, что у девочек Машенька уходила последней, и уж она не оставит за собой беспорядка.

Пашкино поведение в последние дни смущало Алису. С того момента, как появился этот Дикарь с его романтическими наклонностями, Пашка как обезумел. Он даже стал ходить, как Дикарь, ступая сначала на носок, а потом на пятку, — сам-то он, конечно, не замечал, что подражает.

И сегодня он бегал к Дикарю, а когда вернулся, на его физиономии было написано: «Ах, что я знаю, но вам, простые смертные, не скажу». Почему-то он глаз не сводил со Светланы и даже ей подмигивал. Что еще они с Дикарем задумали?

И тут Алиса поняла, что Пашка решил здесь остаться. Все уедут, а он, герой, останется.

Но для того чтобы привести свой план в исполнение, Пашке надо где-то надежно спрятаться — не в палатке и не в соседних кустах. А что, если Дикарь обещал Пашке помочь? Сказал, что они останутся в джунглях вдвоём — два дикаря, два настоящих бродяги!

Ну конечно же, Пашка скрывается в палатке у Дикаря.

Алиса взглянула на часы. Прошло минут пятнадцать с тех пор, как уехал инспектор. Позвать Джавада, чтобы он проводил ее до Дикаря? Нет, пускай уж он охраняет лагерь... Алиса вышла из палатки.

— Джавад! — крикнула она, перекрывая шум дождя.

— Чего? — донесся его голос.

— Я посплю в палатке, что-то устала. Когда будете уезжать, не забудьте меня.

Эта мысль показалась Джаваду очень забавной.

— Обязательно забудем! — закричал он. Смех его сливался с журчанием воды и шумом деревьев.

Через несколько минут Алиса уже стояла на поляне, где жил Дикарь.

— Павел, — сказала она строго, подойдя к двери, — выходи сейчас же. Твои жалкие попытки остаться в джунглях разоблачены следопытами.

Палатка загадочно молчала.

— Есть здесь кто-нибудь живой? — спросила Алиса.

Молчание.

— Дикарь, — сказала Алиса. — Можно войти?

Молчание.

— Что еще за детские шутки! — рассердилась Алиса. — Двое мужчин прячутся от одной девочки.

Она нашла застежку, открыла молнию и вошла в теплый и сырой полумрак палатки.

— Ну, где вы прячетесь?

Она вынула из кармана фонарик, с которым никогда не расставалась.

Кровать из звериных шкур, печка с кастрюлей каши на ней, лампа, груда оборудования... Луч фонаря упал на пол. Мокрые следы вели через палатку. Пашка был здесь. И совсем недавно — следы не успели высохнуть.

Пашка не застал своего нового друга. Покрутился, покрутился и побежал куда-то дальше. Может, он вернулся и они разминулись? Нет, надо знать Пашку с его упрямством, он никогда не вернется, если уж задумал здесь остаться. Значит, он знает, где искать Дикаря. Но где? Алиса этого не знала.

Она остановилась перед грудой приборов, рассматривая передатчик, тяжёлый бластер, разбросанные, словно забытые в спешке, хвосты половинчатых собак... Дикарь тоже куда-то спешил.

Он— совсем не тот, за кого себя выдает. Никакой он не дикарь, только изображает из себя веселого простака. Но зачем?

В палатке делать нечего. Алиса подумала, что похожа сейчас на последнюю жену Синей Бороды, которая забралась в тайную комнату и трепещет: вдруг кто-то войдёт и застанет ее здесь.

Она вышла на дождь. Уж полчаса прошло с тех пор, как Пашка сбежал. Плохо дело, придётся возвращаться и рассказывать обо всём Светлане. Мало ей других неприятностей.

И тут до Алисы донесся далекий глухой удар. Взрыв.

Что в той стороне? Разрушенный город? В разрушенном городе они встретили Дикаря.

Дождь сразу утих, словно взрывом разметало облака. Может, рискнуть— пройти в ту сторону, к разрушенному городу? Ведь там кто-то есть. А кому там быть, кроме Дикаря и Пашки?

Алиса еще несколько секунд колебалась— идти ей или все-таки вернуться, но в конце концов она решила, что лучше найти Пашку самой.

Правда, до города далеко. Придется спешить.

Алиса сбежала к реке и побежала по берегу, поближе к воде, где был песок и потому не так скользко.

Глава 12. Говорящий тигрокрыс

Второй взрыв, куда ближе, Алиса услышала, когда пробежала мимо кустов, где в прошлый раз они встретили тигрокрыса. Теперь уже никаких сомнений не было: кто-то есть в разрушенном городе. Наверно, с городом связана какая-то важная тайна.

Дождь почти перестал, иногда в просветах облаков мелькало солнце, и тогда сразу начинало парить.

Ни одна птица, ни одна бабочка так и не показались— видно, все еще прятались в своих

гнёздах и норах.

В воздухе была какая-то тревога, что-то должно было случиться...

И в этот момент земля дрогнула. Качнулись вершины деревьев, взвыл ветер, под ногами застонало, словно кто-то громоздкий стремился выбраться наружу.

Алиса не удержалась на ногах и полетела на песок, ушибив локоть. Когда она попыталась встать, новый толчок снова бросил ее на песок. Ей показалось, что нависший над ней обрыв начал осыпаться: вот-вот погребет ее. Но ничего поделать она не могла, потому что лежала, вцепившись в какие-то травинки, а земля, такая надежная, оказалась зыбкой и коварной.

Постепенно дрожание и грохот утихли. Алиса смогла поднять голову – часть обрыва съехала к реке и глыбы земли остановились всего в метре от Алисы.

Алиса медленно поднялась и стала отряхивать с себя песок и грязь. Больше всего ей хотелось броситься обратно в лагерь... Она даже попыталась утешить себя тем, что Пашка, наверно, давно уже возвратился. Но, уговаривая себя вернуться, Алиса уж сделала первый шаг вперед, к разрушенному городу. Хуже нет, чем возвращаться с полпути. А землетрясения на открытом месте, на берегу совсем не страшны. Кто боится землетрясений?

– Ну, кто боится землетрясений? – спросила Алиса вслух.

– Ты, – ответил низкий, хриплый голос.

В десяти шагах от Алисы, широко расставив когтистые лапы, вытянув вперед голову, стоял громадный, выше ее, тигрокрыс.

Алиса даже не пыталась убежать. Она отлично поняла, что этот зверь настигнет ее одним прыжком. Может, нырнуть в реку, как Пашка, переплыть ее?..

– Не убегай, – сказал тигрокрыс.

Он говорил! Ей не показалось!

И все-таки Алиса постаралась заглянуть за спину зверю. Тигрокрыс оказался примитивным хищником.

— Это я говорю, не удивляйся, — сказал тигрокрыс. Пасть его открывалась и внутри шевелился розовый язык.

— Если хищник разговаривает, мелькнула мысль, значит он не намерен на тебя нападать. Значит, с ним можно договориться. Это ведь только в сказках волки говорят: «Я тебя съем, Красная Шапочка». В жизни хищники никогда не беседуют со своими жертвами — так можно с голоду помереть.

— Я и не убегаю, — сказала Алиса. — Просто уж очень много событий. И ливень, и землетрясение, и вот вы...

— Чтобы с тобой разговаривать, мне нужно произносить звуки. А чтобы произносить звуки, мне нужен рот, язык и зубы, — сказал тигрокрыс.

— Но у вас есть рот, язык и зубы, — сказала Алиса.

— Вот именно. Поэтому я с тобой и разговариваю.

Наступила пауза. Довольно неловкая, потому что Алиса ничего не поняла, а тигрокрыс понял, что Алиса ничего не поняла. Почему-то Алиса подумала: «Вот я стою, а там, может, Пашка ждет меня. Он ждет, а я тут со зверями разговариваю». И тут до нее дошло: вот кто, оказывается, хозяин планеты. А Дикарь на него с дубинкой бросался, Светлана стреляла из пистолета; хорошо еще, что только усыпила. Впрочем, и он хорош, пугает прохожих... А что, если он не нападал, а только хотел поговорить? Ведь была бы сейчас у Алисы с собой какая-нибудь пушка, могла с перепугу и убить тигрокрыса.

— Простите, — сказала Алиса. — Вчера мы вас приняли за хищника...

— Ничего. Это входило в наши замыслы. Мы за вами внимательно следили. Очень внимательно. Сначала не возражали, а теперь говорим: уезжайте отсюда. Вам ясно?

— А почему мы должны уезжать отсюда?

— Вы оказались, такими же, как и те. И чем скорее вы уедете, тем лучше. Даю вам три дня сроку.

Тигрокрыс повернулся и скрылся в кустах.

— Да постойте же! — крикнула Алиса.

Она бросилась вслед за ним, зажмурившись, потому что мокрые ветки хлестали по лицу, и не заметила, как врезалась в теплый, шерстистый бок тигрокрыса.

— Ой, — сказала она. — Вы меня испугали...

— Я не пугал, — сказал тигрокрыс. — Я жду вопроса. Ты бежала за мной, потому что хотела что-то спросить.

— Вы, наверное, сердитесь, что Светлана в вас выстрелила? — спросила Алиса. — Но ведь вам никакого вреда от этого не было. А Светлана защищала нас.

— Человек, — сказал тигрокрыс скучным голосом, — при чем тут одинокий выстрел? Я о нем готов забыть. Мы недовольны людьми. Уходите.

— А почему вы это говорите мне? Ведь есть же взрослые люди в городе...

— Я не хожу в город, — рассудительно ответил тигрокрыс.

Он был прав. Алиса представила себе, как такое чудовище придет в Жанглетон и попытается поговорить с туристом.

— Пришли бы в лагерь.

— Там есть пистолет, — сказал тигрокрыс. — В меня станут стрелять.

— Но ведь это только усыпляющий...

— Когда я усыплен, — сказал тигрокрыс со свойственной ему логикой, — я не могу говорить. Ты тратишь время. Скажи людям, чтобы ушли.

— Но мне же не поверят.

— Почему? Разве не все равно, с кем говорить? Ты можешь говорить здесь с любым существом. Почему тебе не поверят?

— Ну, представьте себе, я возвращаюсь обратно и говорю, что встретила чудовище, которое мне велело передать, чтобы все люди улетали с планеты..

— Теперь я ничего не понимаю.

К удивлению Алисы, чудовище уселось на камень, подперло когтистой лапой морду и задумалось.

— Значит, один человек может говорить другому то, чего в самом деле нет? — спросил наконец тигрокрыс.

— К сожалению, бывает и так, — вздохнула Алиса.

— Значит, один человек может делать то, о чем не знают другие люди? И чего они бы не одобрили?

— Так бывает, — осторожно сказала Алиса. — Вернее, так бывало раньше, а теперь так почти не бывает...

Тигрокрыс тяжело поднялся с камня и сказал загадочно:

— Никогда нельзя принимать решений, не посоветовавшись с виновной стороной.

Пока Алиса обдумывала эту фразу, тигрокрыс ушел.

Алиса вернулась на берег реки. Несмотря на разговор с тигрокрысом, она все-таки решила сначала отыскать Пашку. Плоскогорье уже близко...

Странное животное. Совершенно не похож на разумное существо... Но ведет себя как хозяин планеты. Может, в разрушенном городе раньше жили тигрокрысы?

Подъем на плоскогорье показался коротким, и вот она уже стоит на краю равнины, над которой поднимаются могучие деревья.

Никого не видно.

По заброшенной дороге Алиса пошла к

развалинам.

Впереди, где в прошлый раз они встретили Дикаря, что-то чернело. Когда Алиса подошла поближе, оказалось, что это вывернутое с корнями громадное дерево. Комки земли были разбросаны метров на сто вокруг. За деревом виднелась широкая воронка — все, что осталось от развалин большого дома.

Алиса стояла на краю воронки, и оглядывалась по сторонам, стараясь понять, куда же могли деваться люди. Вдруг услышала знакомый уже глухой голос:

— Ты не знала о том, что здесь случилось?

Алиса оглянулась. Никого вблизи. Голос доносился сверху. Где же прячется тигрокрыс?

На торчащем высоко в небе корне вывороченного дерева сидела большая темно-зеленая птица. Это она говорила голосом тигрокрыса.

— Как же я могла знать? — удивилась Алиса. — Я же была далеко.

Птица широко разевала клюв, старательно выговаривала слова.

— А он тебе не сказал?

— Кто?

— Тот, кто сделал два взрыва.

— Я даже не знаю, кто это сделал. Хотя подозреваю, что Дикарь.

— Вы его называли Дикарем. Вы с ним ели и пили коричневую воду.

— Чай, — сказала Алиса. — Эта вода называется чай.

— И он не сказал?

— Ничего он мне не сказал. Вообще он странный человек.

— Это непостижимо, — сказала птица.

Для Алисы было непостижимо, куда делся Пашка.

— Скажите, — спросила она. — А этот Дикарь был здесь один?

— Сначала он был один. Потом к нему пришёл маленький человек, — сказала птица.

— А где они теперь?

— Они ушли, — сказала птица. — Он сделал мне больно. Мне давно не делали так больно, как этот Дикарь.

— Может, я могу вам помочь? — спросила Алиса у птицы.

— Нет, — коротко ответила птица. — Ты мне не поможешь.

Птица расправила крылья. Изнутри они оказались голубыми. Она быстро поднялась в небо и полетела к дальнему лесу.

Пашка с Дикарем куда-то ушли. Где же их искать?

Алиса вскарабкалась на торчащие к небу корни, чтобы с высоты оглядеть окрестность.

Вдали что-то блестело. Космический корабль?

Глава 13. Дикарь собрался улетать

Пашка прибежал на плоскогорье за полчаса до Алисы. Дерево, которое Алиса увидела вывороченным с корнями, тогда стояло накренившись — первый взрыв не смог его свалить. У дерева сидел на корточках Дикарь, подготавливая новый взрыв.

Пашка обрадовался, увидев друга.

— Дикарь, — закричал он, — Дикарь!

Дикарь вскочил и побежал к нему навстречу.

— Ложись! — крикнул он страшным голосом.

Он сбил Пашку с ног, и тут же раздался оглушительный взрыв. Вокруг летели обломки камней, комья земли. Когда все утихло, Дикарь поднялся на ноги и сердито сказал:

— Носятся здесь самоубийцы.

— Я же не знал, что вы взрываете, — сказал Пашка. — Можно было человеческими словами объяснить...

Дикарь только отмахнулся и пошел к сваленному дереву. Пашка бежал сзади и говорил:

— Я же не так просто прибежал. Надо спешить...

— Я и спешу, — сказал Дикарь.

— Но вы всего не знаете...

В этот момент началось землетрясение, которое свалило с ног Пашку и Дикаря.

Пашка подполз к своему другу и прижался к нему. Земля перестала содрогаться...

Дикарь оттолкнул Пашку, поднялся и сказал:

— Задержка, задержка, а каждая минута на счету.

— Я к вам так спешил...— сказал Пашка.

Пашка был как гонец, израненный, умирающий, который добегает до царского шатра, чтобы сообщить, что приближаются враги. А царь занят другими делами.

— Зачем спешил? — спросил Дикарь, поднимаясь на кромку воронки.

— Он приехал.

— Кто он?

— Ваш враг, инспектор.

— Куда приехал? — спросил Дикарь, оглядывая воронку сверху.

— В лагерь приехал. Понимаете?

— Ну и что?

Дикарь начал осторожно спускаться внутрь воронки.

— Он хочет увезти нас со Светланой.

— Ну и что?

Дикарь начал разгребать руками землю.

Пашка в полном отчаянии пытался растолковать Дикарю, что случилось.

— Он хотел всех посадить в машину и увезти в город...

— Так чего же не увез?

— Я им помешал. Я же знал, что тогда вы не сможете соединиться со Светланой.

— С какой еще Светланой?

Дикарь злился, он не находил того, что искал.

— Вы же сказали, чтобы я не спускал глаз со Светланы.

— Ну и не спускал бы.

— Вот я и сломал машину, чтобы они не смогли уехать.

— Сломал?

— Но инспектор уехал в город за новой машиной. Прошло больше часа, он, наверно, уже вернулся...

— Ах ты, какая неудача,— сказал Дикарь.— Нет хуже услужливого дурака. Уехали бы в город. А теперь тебя хватятся, будут разыскивать. Еще сюда прибегут.

— Зато Светлана спасена.

— На что мне твоя Светлана...— Дикарь не договорил. Из-под земли показался угол черного ящика. Дикарь сел на корточки, разгребая землю. Через несколько секунд ящик оказался в руках Дикаря.

И тут Пашка увидел, как земля с краев воронки начала осыпаться— все быстрее и быстрее... Комья застучали по спине и затылку Дикаря, который ничего не замечал.

— Дикарь! — закричал Пашка. — Вас засыплет!

Дикарь все мешкал. И опоздал. Земля покрыла его с головой. Пашка с ужасом смотрел, как его друг исчез.

Раздумывать было некогда. Пашка прыгнул внутрь воронки и стал быстро разгребать землю руками, словно щенок, который откапывает любимую кость. Земля была рыхлая, с краёв воронки сыпались новые комья. Но, к счастью, и Дикарь не сдавался — вот уже показалась его голова.

— Я думал, не вылезу!— крутил головой Дикарь. — Там лопата. Скорей же!

Пашка бросился за лопатой. Дикарь торопил его, ругался, а когда ему удалось освободить руки, передал Пашке тяжелый черный ящик, а сам, опираясь на лопату, выбрался следом.

Пашка поставил ящик на край воронки и понял, что обижен на Дикаря. Хотя бы спасибо сказал.

Дикарь никак не мог вылезти наверх. Земля

осыпалась под ним, тянула обратно. Он протянул Пашке лопату и приказал:

— Тяни!

Пашка тянул из последних сил. Вот-вот и его самого затянет внутрь. Но все кончилось благополучно. И вот они стоят рядом на краю воронки.

— Проклятие!— сказал Дикарь, пытаюсь вытащить комья земли из когда-то золотых волос. — Все это подстроено. Точно тебе говорю, подстроено. Я еще с ними рассчитаюсь.

— С кем? — спросил Пашка.

— Со мной лучше не шутить. Ну ладно, пошли.

— Куда?

— Чем меньше будешь задавать вопросов, тем дольше проживешь,— ответил Дикарь, поднимая ящик. Он спустился к дереву. Пашка увидел в траве два туго набитых мешка.

— Бери один, — сказал Пашке Дикарь.

Мешок оказался легким, словно был набит мехом.

— Что в нем?— спросил Пашка, закидывая мешок на плечо.

Дикарь взял другой мешок.

— Собачьи хвосты,— сказал Дикарь.— Целое состояние. На Паталипутре модницы за них отдадут что угодно.

— Это вы столько собак убили? — удивился Пашка.

— А что их оставлять, что ли? Это же уроды!

— Нет,— сказал Пашка.— Они не уроды. Они просто живут во времени. Передняя половина сегодня, а задняя — вчера.

— Вот умора,— захохотал Дикарь. — А я думал, чего они такие. Значит, она смотрит, а хвоста еще нет.

— Не смейтесь, — сказал Пашка; он был огорчен, что Дикарь так вел себя на планете. — Они же умирают. Они обязательно умирают, если отрезать хвост.

— Ещё смешнее, — хохотал Дикарь, — нет хвоста, и разрыв сердца. Я умру от смеха. Когда я расскажу об этом, все помрут...

Впереди показался небольшой космический корабль.

Настроение у Пашки было гадкое. Как будто он сам в чем-то виноват.

— Это ваш корабль? — спросил он.

— Мой.

— Так вы не возьмете Светлану?

— Я передумал.

— Я не понимаю, — сказал Пашка, — я так старался...

— Забудь об этом, — сказал Дикарь. — Мы с тобой вольные бродяги...

— Но ведь вы же говорили...

— Мало ли что я говорил. Полетишь со мной. Я из тебя воспитаю отличного волчонка. Мы с тобой будем желанными гостями в Сером облаке. С этим ящиком...

— Нет, — сказал Пашка. — Меня ждут.

— Неужели ты не романтик? — удивился Дикарь. Корабль был уже близко.

— Романтик, но, наверно, другой...

— Романтик должен быть авантюристом, — сказал Дикарь. — Ни одна душа в Сером облаке не верила, что я смогу достать черный ящик с сокровищами Кандоры, который потеряли лигмейцы, когда бежали с этой планеты. А я достал. Видишь, как просто!

— Кто бежал с этой планеты?

— Те, кто нарушил мой покой, — сказала змея, поднимая голову из травы.

Это была большая зеленая змея.

В мгновение ока Дикарь бросил мешок, выхватил пистолет и ударил по змее смертоносным лучом.

— Но она говорила... — ахнул Пашка.

— Теперь больше не заговорит.

Дикарь подхватил мешок и, подбежав к кораблю, открыл люк и кинул его внутрь.

— Давай свой мешок, — сказал он Пашке.

Пашка передал мешок. Трудно переносить такое разочарование.

— И Светлану вы совсем не любили? — спросил он, хотя можно было бы и не спрашивать — и так ясно.

— Кого? Эту девочку? Ты не представляешь, какие красотки ждут меня в Сером облаке... Неужели ты не понял, что мне нужно было от тебя отделаться? А ты, мой друг, перестарался.

Ослепительно улыбаясь, Дикарь поставил на край люка черный ящик.

— Так ты летишь со мной?

В голове у Пашки проносились быстрые мысли. Он уже все понял. Дикарь — космический разбойник.

Пашка отрицательно покачал головой.

— Ну, как знаешь...

— Пашка! — раздался далекий крик.

По полю бежала Алиса.

— Еще чего не хватало! — сказал Дикарь и выхватил пистолет.

— Не смей! — закричал Пашка.

И бросился к нему.

Дикарь спрятал пистолет. Он все еще улыбался.

— Ты мне послужишь, — сказал он, схватил Пашку за пояс и забросил, как мешок, в люк корабля. — Они не посмеют стрелять, если ты будешь со мной.

Он прыгнул в люк и задраил его.

Алиса все это видела. Она уже была совсем близко.

Но опоздала.

Корабль приподнялся над землёй, трава полегла от удара разгонных двигателей.

С лёгким шипением корабль поднялся над долиной и пошёл вверх.

Глава 14 «Считаю до десяти...»

Алиса смотрела, как поднимается, уменьшаясь, корабль, а по ее щекам катились слезы.

Она не заметила, как сзади опустился мобиль и из него выскочил старый инспектор.

— Он похитил парня? — спросил инспектор.

— Да, — сказала Алиса. — Пашка не хотел улетать...

— Все будет хорошо.

Он включил связь.

— Прием, — сказал он. — Прием.

Загорелся экран видеофона. На нем возникло лицо молодого человека в форме космического патруля.

— Капитан Симон, — сказал старик. — Ты меня принимаешь?

— Отличная связь.

— Дикарь две минуты назад стартовал с плоскогорья. Ты его сейчас можешь засечь на локаторе. Объяви тревогу среди спасательных кораблей, которые летят к Пенелопе. Особо опасный преступник.

— Там Пашка, — сказала Алиса.

— Учти, — продолжал старик. — На борту корабля похищенный мальчик. Требуется предельная осторожность. Корабль может быть вооружён.

— Не беспокойтесь, инспектор, — сказал молодой капитан. — Мы его не упустим.

Экран погас.

— Не расстраивайся, Алиса, — сказал старик.

— Я клянусь, Пашка не подозревал, что Дикарь — преступник.

— Мы тоже не догадались. Только сейчас поняли, что под видом дикаря скрывается один из последних космических пиратов Серого облака. Это мы виноваты.

— Так вы в самом деле не знали? — раздался уже знакомый Алисе глухой голос. — Только не стреляйте. Он только что меня убил. Это очень больно.

Говорила змея. Большая зеленая змея.

— Ничего мы не знали,— сказала Алиса,— сколько раз вам нужно повторять одно и то же.

— И о взрыве не знали?

— Нет.

— И когда он ловил рыбу в озере, вы тоже в этом не участвовали?

— Нет.

— И не охотились с ним?

— Нет.

— Кто вы? — спросил инспектор.

— Это странно,— сказала Алиса. — Сначала со мной разговаривал тигрокрыс, потом птица, а теперь змея, но все одним голосом. Как будто один и тот же человек переодевается.

— Девочка права,— сказала змея. — Это говорю я, планета Пенелопа.

— Понятно,— сказал старик.— Мы давно чувствовали неладное. Эта планета слишком правильно организована.

— Я организована так, как мне удобнее, — сказала змея.

— Вы хотите нас изгнать?— спросил старик.

— Много лет назад ко мне уже прилетали подобные вам. Они построили город, как раз на этом плоскогорье. Они начали бурить меня, они рубили деревья, они убивали животных, которых я вырастила. Я предупреждала их. Я хотела показать им, что все здесь, до последней мошки, это я. Одна я. Я создала хищных животных. Они не послушались. Они рыли во мне ямы, разыскивая металлы. Я наслала на них дожди и бури. Они не послушались. Я пыталась говорить с ними— они стреляли в моих посланцев. Тогда я разрушила их город. И те, кто остались живы, убежали.

— Но мы же старались вас не тревожить.

— Поэтому я терпела. Мне было интересно. Но потом все началось снова... Тот человек, который улетел...

— Он не человек. Он давно изгнан из общества.

— Я не знала, что люди могут враждовать между собой. Я думала, что вы все такие же...

— Так, значит, это вы сделали тигрокрысов, хищных рыб и змей?— спросила Алиса.

— Да,— сказала змея.— Я хотела, чтобы вы ушли.

Экран приёмника загорелся.

— Мы вышли с ним на связь,— сказал патрульный капитан.— Слушайте.

На экране была видна рубка патрульного корабля.

Алиса подошла поближе.

Что-то холодное коснулось руки.

Она невольно убрала руку: громадная зеленая змея тоже смотрела в экран.

Патрульный капитан говорил:

— Дикарь, Дикарь, вы обнаружены. Мы предлагаем вам немедленно пристать к искусственному спутнику.

— Черта с два,— раздался голос Дикаря.— Прежде чем сдать вам, я взорву десяток таких, как ты.

— Но в конце концов погибнете сами,— сказал капитан.

— Вы не посмеете,— сказал Дикарь. — У меня на борту ваш мальчишка.

— Вы сейчас в центре силового поля. Через пять минут оно сомкнется. Сдайтесь добровольно...

— Не успеете,— засмеялся Дикарь.— Я уже за пределами атмосферы Пенелопы. Здесь свободная Галактика. Меня ждет корабль моих друзей.

— Корабль ваших друзей сдался нам два часа назад.

— Не верю!

— Придется поверить. Я соединяю вас со спутником.

Сиплый голос произнёс:

— Он прав, Дикарь, нас схватили. Ты узнаешь меня, неустрашимого бродягу?

— Черт возьми, это подстроено...

— Считаю до десяти...— сказал молодой капитан.
...До лагеря ехали мобилем.

Инспектор сказал, что Пашка вернется только к вечеру.

Змея, не спросив разрешения, забралась с ними в мобиль и оказалась очень разговорчивой. До самого лагеря она не переставая задавала вопросы. Алиса с инспектором устали на них отвечать.

А когда мобиль затормозил у веранды и Светлана с ребятами выбежали их встречать, змея, забыв, что не все с ней знакомы, вышла из машины вместе с Алисой, обмотав ее плечи, положив голову ей на плечо, чтобы не прерывать беседу.

Можно представить, что подумала Светлана, когда она увидела, что Алиса, измазанная в земле, мокрая и растрепанная, выходит из мобилея, подобно статуе древнегреческого героя Лаокоона, а змея при этом довольно громко, глухим басом рассуждает:

— Меня, надо признаться, растрогало то, что вы отменили воздушные полёты надо мной, чтобы не беспокоить птиц и насекомых. Поэтому тем более горьким было разочарование...

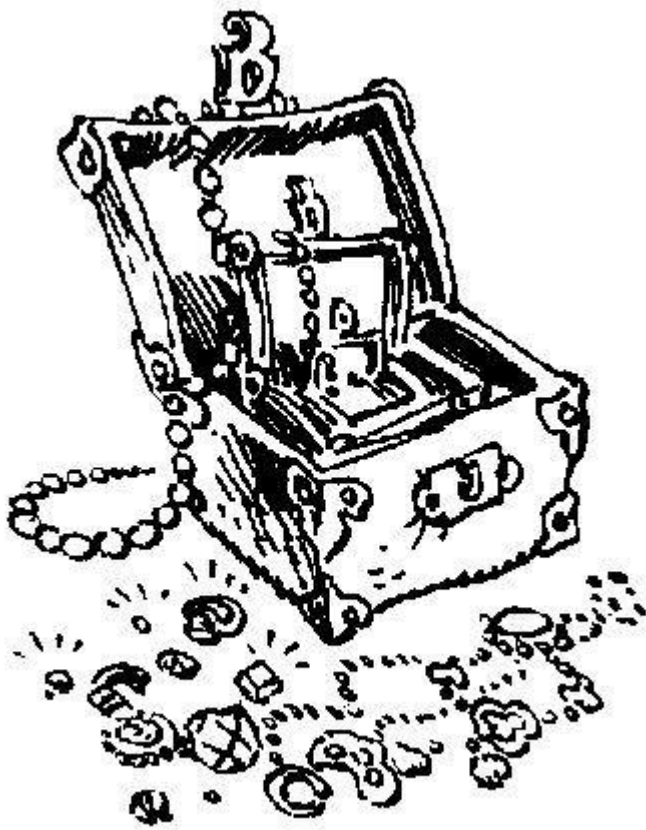
Алиса покорно кивала головой.

При виде Алисы Светлана не выдержала: уж очень переволновалась за день, и грохнулась в обморок. Джавад с Аркашей еле успели подхватить ее.

А змея не обратила на это внимания — она, видно, решила, что Светлана легла спать. Она поглядела на Аркашу и сказала:

— И ещё мне хотелось бы поближе познакомиться с Аркадием Сапожковым, который догадался, что мои драгоценные рогатые собаки живут во времени...

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ШКАТУЛКА ПИРАТСКОЙ МАМАШИ

Глава 1. Приезжай на Брастак отведасть скрррулей

Вот и подошли к концу каникулы на планете Пенелопа. Пора возвращаться.

Лагерь в джунглях собран, коллекции погружены в мобиль, палатки свёрнуты и спрятаны в домике биостанции, батискаф Машеньки Белой запакован в рюкзак, коллекцию бабочек Джавад бережно держит на коленях...

Из леса медленно вышел зверь тигрокрыс и копает передней ногой землю, печалится, расставаясь с друзьями. За ним появилась стая собак. Хвосты гуляют отдельно, головы — сами по себе.

— Ничего не забыли? — спросила Светлана.

— Аркашу Сапожкова забыли, — сказала Наташа Белая. — Только что тут был.

— Он оставил в лаборатории шесть самых драгоценных гербарных папок, — сказал Пашка

Гераскин.

— Не мудрено, — сказала Алиса Селезнева, — их у него восемьсот двадцать, вчера до самой ночи пересчитывал.

— И все самые драгоценные, — добавил Джавад.

— И я схожу попрощаюсь с тигрокрысом, — сказала Алиса.

— Ни в коем случае, — возразил Пашка. — Он тебя заговорит.

— Постой-ка, — вспомнила Светлана. — Я вчера в городе взяла для тебя письмо, сунула его в карман и забыла. Прости.

Светлана протянула письмо Алисе.

— Ой, какая марка! — воскликнул Пашка. — У меня такой в коллекции нет.

— Еще бы, — Алиса посмотрела на обратный адрес. — Это из Брастака. — На марке был изображен объееный черно-зеленый котенок с одним голубым глазом посреди лба.

— Какой миленький, — сказала Наташа Белая. — Почему их к нам на Землю не привозят?

— Может, они ростом с трехэтажный дом, — сказал Джавад.

— Их не могут завозить, — сказала Алиса. — Они сами иногда приезжают. На научные конференции или на переговоры.

— Они разумные? — удивилась Наташа.

— Разумнее нас с тобой. Только планета Брастак маленькая, лежит в стороне от основных путей, а брастаки — домоседы.

— Они с трехэтажный дом? — спросил Джавад.

— Нет, — сказала Алиса, — котята как котята.

Наташа засмеялась, а Алиса поняла, что не совсем правильно выразилась, поэтому добавила:

— То есть они похожи на котят. Но у них нет хвостов. Кстати, на марке нарисован их великий путешественник. Кк-ррр.

— Ты умеешь читать на их языке?

— Немножко. Как-то я была в археологической экспедиции, там подружилась с одним археологом

с Брастака. Его зовут Rrrr. Это от него письмо.

— Слушай, Алиса, — сказал Пашка. — Ты ведь марок не собираешь?

— Собираю. Флору и фауну.

— Но ведь великий путешественник — это не фауна. Отдай его мне.

— Бери с конвертом.

От дома бежал Аркаша Сапожков, стибаясь под грудой гербарных папок.

— Поехали? — спросила Светлана. — Надеюсь, больше ничего не забыли?

— Там все чисто, я проверил, — сказал Аркаша.

Мобиль приподнялся над землей и заскользил по дороге к городу. Передние половинки собак горестно завывали, а тигрокрыс помчался громадными прыжками за мобилем, добежал до поворота дороги, остановился, подняв длинный, тонкий полосатый хвост, и опустил голову. Прощайте, друзья!

— Ну и что он тебе пишет? — спросил Пашка, любуясь маркой.

— Светлана, — обернулась Алиса к биологине. — Сколько от Пенелопы лететь до Брастака?

— Никогда не летала, — сказала Светлана. — Придется тебе в городе спросить.

— Ты собираешься в Брастак? — удивился Пашка. — А как же школа?

— Rrrr приглашает меня на великий праздник, который бывает раз в три года. На этом празднике все едят скрррулей. Он меня давно обещал пригласить.

— А что такое скрррули? — спросил Аркаша. — Если это живые существа, то есть их — варварство.

— Честное слово, не знаю, — ответила Алиса. — Только он мне говорил: отведаешь скрррулей, на всю жизнь запомнишь.

— А как же твои родители? Они ведь ждут тебя? — сказала строго Машенька Белая.

— Я лучше прочту письмо.

«...Я написал на Землю, что хотел бы видеть тебя, мой старый друг, на празднике скрррулей, но твой уважаемый отец сказал, что ты улетила на Пенелопу. О, решил я, мне повезло. От Пенелопы до Брастака рукой подать. Я тут же сообщил твоему уважаемому отцу, что ты можешь побывать у нас на празднике и успеть домой к началу учебного года. Двадцать первого августа на Пенелопе останавливается лайнер, идущий на Абрадабру с остановкой на Брастаке, а двадцать шестого от Брастака стартует к Солнечной системе «Аристотель». Так что ты отведаешь скрррулей и успеешь в школу. Твой уважаемый отец провел совет с твоей уважаемой мамой, и они выразили согласие с моим скромным планом. Билет тебе заказан. С нетерпением жду тебя на космодроме. Твой уважающий профессор космической археологии, почётный член восемнадцати академий и научных обществ. Рррр».

— Вежливые у тебя друзья, — сказал Джавад.

— Ты не представляешь, какой он замечательный!

— Повезло человеку, — сказал Пашка. — Скрррулей отведаешь.

— Я тебе привезу, — сказала Алиса.

— Если бы их можно было перевозить, давно бы привезли на Землю, — сказал Аркаша. — Наверно, их можно есть только свежими.

— Сегодня двадцатое, — сказала Светлана. — Значит, тебе придётся улететь раньше, чем остальным. А мы хотели съездить на Синие озера.

— Ничего, в следующий раз съезжу, — сказала Алиса. Понятно было, что человеку интересней загадочные скрррули, чем пенелопские Синие озера.

Глава 2. «Возьми меня с собой!»

На следующий день с утра все поехали на Синие озера. Вернее, не все. У Пашки вдруг заболел

живот, и он остался в гостинице.

Алиса сама принесла ему завтрак из ресторана, но Пашка грустно поглядел на фрукты и чай с молоком и сказал:

— Уж лучше я сегодня не буду есть. Какая досада. Если меня не взяли на Брастак, хоть бы съездил на Синие озера.

— Пойми, Пашка, — сказала Алиса. — Я бы тебя с удовольствием взяла куда угодно, потому что ты мой друг. Но я не могу предупредить Рррр, что приеду не одна. Кроме того, на корабле может не быть мест. И что скажут твои родители, если ты не вернешься со всеми?

— Все это так, — сказал Пашка. — Но можно написать моим родителям, что я остаюсь с тобой. Ты же знаешь, как моя мама тебя уважает. Она совершенно не будет беспокоиться.

— Нет, Пашка, исключено, — сказала Алиса и оставила его в грустном одиночестве. А сама поехала на космодром, чтобы узнать, когда прилетает лайнер на Абрадабру.

Небольшой космодром Пенелопы, у города Жангле-многоточие, кишел туристами. Только что опустился специальный рейс с Пилагеи. Пилагейские туристы в диких, с точки зрения землянина, одеждах — юбках до земли и широких шляпах — с букетами искусственных цветов, с пустыми корзинками в руках и с маленькими магнитофонами на запястьях шли сплошным потоком.

Алиса отыскала справочного робота, у которого, как назло, сломался блок ответственности. Вместо того чтобы сообщить Алисе, когда прибывает корабль на Абрадабру, он пригласил ее гулять в парк аттракционов. Пришлось разыскивать дежурного, вместе с ним ловить робота. Время шло, так что, когда Алиса вернулась в гостиницу, до прилёта корабля оставалось полчаса. Когда она собрала свою сумку, осталось двадцать минут, переоделась —

пятнадцать, побежала к Пашке, чтобы попроситься, — двенадцать, когда обнаружила, что Пашка куда-то смылся, — десять. Завтрак был начисто съеден, видно, не так уж Пашка был болен. Притворился, специально остался, чтобы уговорить Алису.

Алиса примчалась на космодром, когда посадка на корабль заканчивалась. Длинная вереница туристов с Пилагеи — что за планета такая, куда ни прилетишь, всюду пилагейцы в шляпах и с магнитофонами — как раз покидала зал.

Хорошо еще, что с билетами не вышло недоразумений. Алиса Селезнева была в списке пассажиров. Подхватив сумку, она побежала через поле и успела к кораблю как раз в тот момент, когда последняя пилагейская туристка поднималась по трапу.

В переходнике пассажирского лайнера было пусто, лишь последняя туристка наседа на работа-стюардессу, говоря на ломаном галактическом языке — космолингве:

— Мой запасной шляпа есть драгоценный цветок, но отсутствует и непонятно.

— Найдется ваша шляпа, обязательно найдётся, — успокаивала туристку стюардесса. — Может быть, вы её сдали в багаж?

— Мой шляпа нельзя в багаж, ибо есть цветы ломались и гибли. Вы ясно? — У пилагейки были черные очки в пол-лица.

— Тебе, девочка, в какую каюту? — спросила стюардесса.

— В восемнадцатую.

— Направо, четвертая дверь, — сказала стюардесса. — Ты одна летишь?

— Конечно, одна.

— А раньше ты летала?

— Много раз, — сказала Алиса.

— Перед стартом я все равно к тебе загляну — погляжу, знаешь ли ты правила.

— Пожалуйста, заглядывайте, — сказала Алиса,

сделав вид, что не обиделась.

— Мой запасной шляпа, — сказала туристка с Пенелопы, — суть редкий цветок.

Алиса сказала:

— Но у вас же осталась хорошая шляпа, на голове.

— Девочка, суть не вмешивайся. Есть взрослый беседа. Не исключено, что потеря мой запасной шляпа связана с тобой характер. Соблазнение суть велико. Как великий сувенир.

— Как вам не стыдно так думать! — возмутилась Алиса.

— Слушай, девочка, — сказала замороженная стюардесса, которая уже не чаяла, как избавиться от туристки. — Иди в свою каюту, а то скоро старт.

Алиса пожалала плечами: не хотите, чтобы я вам помогла, не надо. Чужих шляп мне не нужно. А что касается сувениров, то у маня такие есть, о которых вы и не мечтали!

Продолжая мысленно разговор с пилагейкой, Алиса дошла до своей каюты. Она вынула из сумки зубную щётку и другие нужные в путешествии вещи, положила их на полку над умывальником. Откинула койку. По правилам положено во время старта лежать. Хоть в современных лайнерах перегрузки почти не чувствуются, но старое правило никто не отменял. Сейчас придет стюардесса и обязательно проверит. Плохо быть такой молодой. Всегда к тебе недоверие.

В дверь постучали. Вот и стюардесса.

— Войдите, — сказала Алиса.

В дверь боком влезла пилагейская туристка.

— Вы есть здесь обитаешь? — спросила она, сверкая черными очками. — Ты здесь прячет мой запасной шляпа?

— Простите, — сказала Алиса, — но сейчас будет старт и вам надо быть в вашей каюте. А то стюардесса вас хватится, старт отложат, и все будут недовольны.

— Сначала я ещё найду свой запасной шляпа,— упрямо сказала туристка.— Она есть под твоя кровать.

— Я же вам сказала!

Туристка одним длинным шагом пересекла каюту.

— Я сейчас позову стюардессу,— сказала Алиса и протянула руку к звонку. Но туристка хлопнула ее по руке маленькой корзинкой.

— И не мечтай, Алиса,— сказала она.— Ты меня погубишь.

Туристка сорвала с себя очки. У нее было лицо Пашки Гераскина. Алиса ничего и сказать не успела, как он подобрал длинное платье, под которым обнаружились ходули, упал на колени и быстро заполз под койку.

В дверь снова постучали.

— Попробуй только меня выдать,— прошипел Пашка.— Я тебя буду всю жизнь презирать. И других заставлю.

В каюту заглянула стюардесса.

— Девочка,— сказала она,— через пять минут старт. Я так и думала, что ты никогда раньше не летала на кораблях. Сейчас же ложись и пристегни себя ремнями.

Алиса, ругая про себя последними словами Пашку Гераскина, послушно прыгнула в кровать, и стюардесса пристегнула её ремнями. Тут Алиса поняла, что стюардесса вот-вот услышит, как быстро и громко дышит под кроватью этот дурак Пашка, и на всякий случай громко и надрывно закашлялась.

— Что с тобой? Ты простужена? — спросила стюардесса.

Ну хоть бы поскорее ушла!

— Нет, крошка в дыхательное горло попала.

— Я после старта к тебе загляну— погляжу, как ты себя чувствуешь. Или врача пришлю.

— Ни в коем случае,— сказала Алиса.— Я себя уже хорошо чувствую.

— Странная девочка,— сказала стюардесса и,

взглянув на часы— до старта оставалось две минуты, — поспешила к двери.

— Пашка, я тебя презираю,— сказала Алиса, когда за стюардессой закрылась дверь.— Я же тебе все объяснила, а ты применил такой низкий способ, чтобы проникнуть на корабль.

— Во-первых, не низкий,— ответил Пашка из-под кровати.— Если ты думаешь, что я ограбил какую-нибудь пилатейку, ты глубоко ошибаешься. Я честно-благородно обменял мою коллекцию значков на запасную одежду одной туристки, которая только что прилетела на Пенелопу. Клянусь тебе, она выиграла от этого обмена.

— Ты променял все значки, которые собрал на Пенелопе?

— Зато я отведаю скрррулей, а это что-нибудь да значит!

— Все равно я на тебя зла...

В этот момент зазвенел звонок— старт.

Алиса вытащила из-под головы подушку и сунула её под кровать.

— Возьми, низменный авантюрист, подложи под голову, а то ещё расшибёшь макушку.

— Ты не представляешь, какая у меня крепкая макушка,— ответил из-под кровати «низменный авантюрист».—Но пойми же, я бы никогда не смог проникнуть на корабль иначе. Мне надо памятник поставить за изобретательность.

— На планете обманщиков.

— На планете великих обманщиков. Только пилатейские туристы всегда ходят организованными группами, их даже никто не считает. Если уж пилатеец идёт на корабль, значит, у него не только билет, но и путеводитель и магнитофон, и сумка для сувениров — все как полагается.

Алису легонько прижало к кровати. Корабль начал подъем.

— Слушай, а как же твои? Они с ума сойдут, куда ты делся.

— Я оставил в комнате у Джавада письмо, в котором написал, что у тебя случайно оказался второй билет на корабль.

— Мне стыдно, что ты мой друг.

— Зато, — не сдавался Пашка, — я отведаю скрррулей.

Глава 3. Их никто не встретил

В первый день Алиса с Пашкой почти не разговаривала, злилась на него, но сколько можно злиться? Раз уж она его не выдала стюардессе, надо мириться со спутником. К тому же вдвоём лететь веселее, всё-таки почти три дня в дороге, быстрее корабли пока не летают. Плохо только, что голодно, одна порция на двоих.

Как известно, на Брастаке нет космодрома, который принимал бы галактические лайнеры. Поэтому корабль выходит на орбиту и с него спускают планетарный катер-автомат. Он высаживает пассажиров и почту и возвращается.

Когда по внутренней связи объявили, что корабль подходит к Брастаку и пассажиры, покидающие его, должны собраться в нижнем эллинге, Алиса с Пашкой уже были готовы.

Алиса подошла к катеру первой, делая вид, что не знакома с пилатейской туристкой, которая ковыляла сзади.

— Ну как, девочка, довольна путешествием? — спросила стюардесса.

— Да, спасибо.

— Питание тебе понравилось? Полюбила ли ты пирожки с заварным кремом, гордость нашего повара?

Алиса ничего не ответила, потому что пирожков ей не досталось. Все сожрал Пашка, не смог удержаться.

За Алису ответила пилатейская туристка:

— Ваш заварной пирожки есть весьма вкусно.

— Что?— удивилась стюардесса.— С каких пор пилагейцы стали есть пирожки? Ведь у вас совершенно другая кухня. Одного пирожка для пилагейца достаточно, чтобы получить расстройство желудка.

— Мой желудок есть синтетический, — поспешила с ответом пилагейка. — Есть настоящий потерян в страшный катастрофа. Теперь могу есть даже железный винт.

Пилагейка оттолкнула Алису и направилась к катеру.

— А вы куда?— еще больше удивилась стюардесса. — Ведь вся группа пилагейцев летит до Абрадабры.

— Я есть думал иначе,— сообщил Пашка, стараясь влезть в люк катера, что нелегко, если ты на ходулях.— Я буду глядеть на пейзаж Брастак, очень хвалят. И покупай новый шляпа. Мне есть стыдно возвращайся домой с одна шляпа. Вам не понять.

Наконец Пашке удалось проникнуть в люк, и он исчез внутри.

— Ничего не понимаю,— сказала стюардесса.— Все пилагейцы летят до Абрадабры, а поодиночке они никогда не летают. Надо сообщить капитану.

— Не надо,— сказала Алиса. — Ну что плохого в том, что пилагейке хочется посмотреть на Брастак? В случае чего я за ней присмотрю.

«Внимание! — сказал голос в динамике. — Катер на Брастак отправляется. Прошу срочно занять свои места».

— Еще раз спасибо за все,— сказала Алиса.— Заварной крем был очень вкусный.

Она прыгнула в катер, и стюардесса закрыла за ней люк.

— Ой, Пашка, — сказала Алиса, усаживаясь рядом с ним в кресло. — Кто тебя тянул за язык?

— Но ты ведь не представляешь, какие были вкусные пирожки. Жалко, что мало. И учти, я ничего не могу поделаться — одна ложь тянет за

собой другую.

— Знаешь, что я тебе посоветую,— сказала Алиса.— Ты лучше сними с себя весь этот камуфляж. Теперь он тебе не нужен. Меня встречают, может, с цветами, а ты в таком виде...

— Ни в коем случае! Шутить так шутить! Вся планета будет хохотать, когда узнает, что под обликом пилагейки скрывается великий шутник Павел Гераскин.

Кроме них, в катере никого не было. Туристы сюда попадают редко, Брастак — планета без достопримечательностей, да и удобств для туристов мало. На всю планету одна гостиница для гостей. В местном доме человеку не уместиться — уж очень велика разница в росте.

Катер опустился на космодроме.

— Пошли,— сказала Алиса.

— Пошли,— сказал Пашка, с трудом поднимаясь на ходули и надевая черные очки.

Люк раскрылся.

Впереди, до низкого здания вокзала, расстилалось поле космодрома, выложенное квадратными жёлтыми и голубыми плитками.

И не было на нем ни единого человека, ни одного брастака и даже ни одного робота.

Автоматический катер закрыл люк, зажуужал гравитонными двигателями, поднялся чуть-чуть над полем, замер на секунду и понесся вверх.

Земная девочка и пилагейская туристка стояли в полном одиночестве посреди поля. Дул холодный ветер, вот-вот начнётся дождь.

— Ну что?— спросила пилагейка.— Где ваши встречающие? Где есть многочисленные букеты цветов? Может, это не Брастак? И даже спросить не есть у кого.

— Перестань кривляться, Пашка. Здесь какая-то ошибка.

— Тогда нечего стоять посреди поля. Еще подхватишь насморк, единственную неизлечимую болезнь двадцать первого века. Пошли навстречу

своей судьбе и скрррулям.

Глава 4. Планета в карантине

В низком обширном зале космического вокзала с обычной круглой стойкой дежурного диспетчера, приёмными камерами багажа, креслами возле буфета всё было как на любой другой планете, за исключением одного – ни единой живой души.

– Неужели праздник уже начался и они доедают скрррулей, не дождавшись нас? – спросил Пашка. – Я этого не переживу.

– погоди ты, – ответила Алиса. – Кому приятно, если тебя пригласили в гости, а встретить забыли? Но космодромы не бывают пустыми. Это невероятно.

Алиса подбежала к справочному бюро и нажала кнопку. Экран не включился.

– Эй! – крикнул Пашка на космолингве. – Кто там гуляет по верхней галерее? Откликнитесь, встретьте космических путешественников.

Алиса подняла голову – никого.

– Кто там был?

– Какой-то человек прошел. Поглядел вниз и исчез.

– Человек?

– В черном комбинезоне и в черном шлеме.

– У тебя уже галлюцинация, Пашка, – сказала Алиса.

– Не веришь – не надо. Может, отдохнём немного? Мне надоело гулять на ходулях. Это очень утомительно.

Из маленькой двери в зал выбежал темно-зеленый котенок без хвоста с оранжевым глазом посреди лба.

– Рррр! – закричала Алиса. – А мы уж думали, что-то случилось.

– Я не Рррр, – ответил брастак, останавливаясь в десяти шагах. – Я – Мммм. Прошу вас немедленно покинуть планету.

— Как так— покинуть?— удивилась Алиса.— Мы же к вам в гости приехали, нас приглашали.

— Скрррулей есть, — добавил Пашка.

— Ничего не знаю, ничего не слышу, ничего не вижу,— ответил Мммм,— попрошу вас покинуть нашу планету.

— Но как?

— На чем прилетели, на том и улетайте.

— Но мы прилетели на автоматическом катере. Он тут же улетел обратно.

— Минутку, надо посоветоваться,— сказал Мммм.— А вы стойте. Шаг в сторону будет рассматриваться как побег.

— Чудак какой-то,— сказал Пашка.— Сам же выгоняет, сам же не велит двигаться.

— Что-то здесь случилось, — сказала Алиса.

— Тебе нельзя отказать в наблюдательности, — ответил Пашка. — Даже слепой догадается, что здесь что-то случилось. Они не очень любят гостей.

— Неправда, — вступилась за брастаков Алиса.— Они очень гостеприимны.

Мммм уже бежал к ним снова.

— Зачем вы прилетели? — спросил он. — Откуда и куда? Надолго ли?

— Нас пригласили, — сказала Алиса.

— Отведать скрррулей? — добавил Пашка.

— В этом году скрррулей не будет, — сказал Мммм.— Откуда вы приехали?

— Я с Земли, — сказала Алиса.

— А я — пилагейка, это каждому понятно.

— Меня пригласил Рррр, — сказала Алиса.

— Какой Рррр?

— Профессор археологии. Его здесь все знают.

— Минутку, — сказал Мммм. — Я посоветуюсь и вернусь. Ни шагу в сторону.

— Знаем, — сказал Пашка. — Шаг в сторону будет рассматриваться как побег.

— Здесь что-то недавно, — сказала Алиса. — Вряд ли принято говорить о том, куда им можно

шагать, а куда нет.

Вернулся Мммм.

— На планете эпидемия,—сказал он.— Заразная эпидемия. Все лежат.

— Но еще две недели назад,— сказала Алиса, — о ней и речи не было.

— Эпидемия началась десять дней назад,— сказал Мммм. — Вся планета в карантине.

— И Rrrrr болен?

— Я же сказал— все больны.

— Что же делать? Нам не на чем улететь обратно.

— Мы посоветовались и решили, что вам надо будет подождать следующего корабля в гостинице для почетных гостей. Никаких контактов с больными. Ваша жизнь в опасности. Шаг в сторону...

— Знаем, знаем,— сказал Пашка.— Вот тебе и отведал скрррулей.

— Следуйте за мной,— сказал Мммм и поспешил к выходу.

Они оказались на пустой площади. Шёл дождь. Перед дверью стояла низкая длинная машина с решеткой сзади.

— Сюда, — сказал Мммм.

Он обежал машину сзади, встал на задние лапы, открыл замок и раздвинул решетку.

— Это такси? — спросил Пашка, осторожно спускаясь на ходулях по мокрым от дождя ступенькам.

Мммм ничего не ответил. И так ясно, что это не такси.

Пашка все-таки поскользнулся и грохнулся у самой машины. Шляпа с цветами отлетела в сторону, длинное платье задралось, и обнаружили деревянные ходули.

— У вас протезы? — спросил Мммм.

— Нет,—сказал Пашка, стараясь подняться.— У нас есть такой мода, понимает? Называется высокий каблук.

Алиса помогла Пашке подняться и взобраться в машину.

Мммм со скрипом задвинул решётку и повернул ключик. Потом опустил металлическую штору.

В машине стало темно, как в подzemелье. И тесно — потолок в метре от пола. Пришлось сесть на пол.

— Да сними ты свои протезы! — сказала Алиса.

— Ни в коем случае, — сказал Пашка. — У нас на Пилагее только так и ходят. Я уже начинаю привыкать.

Машина рывком тронулась с места и поехала неизвестно куда.

— Эх, разве так встречают гостей! — сказал Пашка.

— Но у людей несчастье, эпидемия, карантин.

— Я и говорю, разве гостей встречают эпидемиями?

Глава 5. Гостиница для почетных гостей

Машина резко затормозила и замерла. Слышно было, как Мммм хлопнул дверцей, обошел машину. Заскрипела штора. Глаза отвыкли от света, и Алиса зажмурилась.

— Выходите, — сказал Мммм. — Только ко мне не приближаться, я в карантине.

Алиса спрыгнула на асфальт. За ней, громыхая ходулями и поддерживая одновременно шляпу, платье, корзиночку и сумку, выбрался Пашка.

Машина стояла в пустом дворе, с трех сторон окруженном трехэтажным зданием. Окна были закрыты, и никто не подошел к ним, чтобы поглядеть, кто же это приехал. Часть двора была завалена пустыми ящиками, бочками, там же стояли небольшие, словно из детского сада, машины.

Мммм взбежал по маленьким ступенькам к низкой двери, открыл её.

— Сюда, по одному.

— Не хочу!— вдруг взвился Пашка. — Это куда вы нас привезли?

— В гостиницу для почетных гостей.

— А почему с заднего хода?

— Парадный закрыт по случаю карантина,— сказал Мммм.

— Пошли,— сказала Алиса.— Не стоять же нам под дождем.

Они поднялись по узкой лестнице на второй этаж и оказались в обыкновенном по размерам коридоре. Мммм сразу показался маленьким и, видно, чувствовал себя неуютно.

Он поспешил к одной из дверей и остановился перед нею.

Тут Алиса заметила, как эта дверь устроена. У нее были две ручки, две замочные скважины, одна — в полуметре от пола, вторая, как полагается, на уровне пояса. Алиса сообразила, почему это так: ведь гостиница построена специально для приезжих, для высоких землян, пилатейцев и других галактических жителей, похожих на людей. Значит, им нужно открывать дверь верхней ручкой и вкладывать ключ в верхнюю замочную скважину. Но в гостинице есть дежурные, уборщицы, официанты, ростом по колено человеку. Для них и сделана вторая ручка и вторая замочная скважина.

Мммм открыл ключом нижний замок, потом протянул лапку кверху:

— Открывайте!

И отскочил в сторону.

Алиса нажала на ручку, дверь отворилась. Она оказалась в самом обычном гостиничном номере, не таком, правда, большом и удобном, как на Земле или на планете Пенелопа, но вполне привычном для человека, которому приходится немало летать по Галактике. Главное, все предметы здесь были нормального размера. Номер двойной, кровати застелены..

— Вы две женщины,— сказал Мммм, — вам будет

тут удобно.

И с этими словами он улизнул из комнаты.

Щёлкнул замок.

Алиса повернулась к двери и нажала ручку.

Ручка повернулась, но дверь не открылась.

Алиса присела на корточки, повернула нижнюю ручку— то же самое. Гостей заперли.

— Что вы наделали! — крикнула Алиса. — Как же мы выйдем отсюда?

— А вам не нужно выходить, — ответил приглушенный голос из-за двери. — Дверь в туалет справа. Как только придёт какой-нибудь корабль, мы вас выпустим и отправим домой. Мы же бережём вас от заразы. Карантин у нас, карантин.

Мммм захихикал.

И все смолкло.

— Вот тебе, бабушка, и отведали скрррулей, — сказал Пашка, садясь на кровать и отвязывая ходули. Когда здесь будет корабль?

— Двадцать шестого, — сказала Алиса.

— Через два дня. Никогда еще не сидел в тюрьме.

Путаясь в длинном платье, которое волочилось за ним, как шлейф, Пашка подошел к Алисе и прошептал ей на ухо:

— Нас могут подслушивать. Говори шепотом. Давай готовиться к побегу.

— Но если у них в самом деле эпидемия?

— Ты в это веришь?

— Сама не знаю.

— А я не верю. Обманывает нас этот Ммммыра. Клянусь тебе. Сам-то он здоровый. Почему те, с кем он советовался на космодроме, не вышли к нам?

— Может, они больны?

— Лежат на кроватках в диспетчерской?

Алиса пожала плечами. Наверно, Пашка прав. Но мало ли что бывает? Может, и в самом деле — карантин.

За окном, затянутым упругим пластиком, была

улица. На другой стороне стояли в ряд несколько многоэтажных домов. В отличие от гостиницы, рассчитаны они были не на людей. Как раз на уровне со вторым этажом гостиницы был восьмой этаж небоскрёба. А улица была пуста. Кто же ухаживает за больными, кто их лечит, кормит?

— Я уже немного проголодался, — сказал Пашка.

— Нажми кнопку. Здесь есть пищедоставка.

Но Пашка не успел отойти, как Алиса крикнула:

— Скорей, смотри!

По улице, бок о бок, шли два человека в черной облегающей одежде и в шлемах, плотно обхвативших голову. Один из них держал в руке тяжелый боевой бластер. У второго оружие висело на ремне через плечо.

Люди шли медленно, поглядывая по сторонам.

— Я видел такого на космодроме, а ты мне не поверила, — прошептал Пашка.

— Но что они здесь делают? Может, это медики...—Алиса не договорила, потому что сообразила, как нелепо медикам гулять по улице с бластерами.

Улица снова опустела.

— Ладно, — сказал Пашка. — Чем голову ломать, давай позавтракаем.

Он подошел к стандартной нише, внутри которой в ряд тянулись кнопки с маленькими рисунками над ними и прикрытое заслонкой окошко выдачи.

— Чего будешь? — спросил Пашка.

— А что здесь есть?

— Кефир, молоко, яичница...

— Не знаю, из чего здесь молоко делают.

Возьми мне гренки с вареньем и чай.

— Исполняем, — сказал Пашка, нажимая кнопки. — А мне сосиски и кофе. Где они здесь вилки и ложки прячут?

— Сбоку погляди.

Алиса все еще стояла у окна, ждала, не появится ли еще кто-нибудь на улице. Пашка возился у ниши, звенел ложками, укладывая их на

столе.

— Ну, как твои сосиски? — спросила Алиса.

— Сейчас. Что-то запаздывают.

— Подозреваю, что ты и сосисок не дождёшься.

— Почему?

— Если карантин, то некому на кухне работать.

— Роботы не болеют, — отмахнулся Пашка, но права оказалась Алиса. Пищедоставка работала, зеленый огонек горел, а заслонка не открывалась, и стол был пуст.

— Я с ума сойду, — сказал Пашка. — Мне без пищи совершенно невозможно.

— Попробуй что-нибудь другое, — сказала Алиса. — Например, печенье или вафли.

Пашка принялся нажимать все кнопки подряд. Никакого результата.

Алиса подошла к нему и нажала крайнюю красную кнопку — вызов дежурного.

Дежурный не ответил, но заслонка вдруг медленно поднялась, и вместо сосисок и чая на стол вылетела записка.

Глава 6. Беглец

— Уже что-то, — сказал Пашка. — Тише. Читай шёпотом.

— «Карантина нет, — прочла Алиса. — Вас обманули. Планета завоевана космическими пиратами. Не верьте им. Сообщите в галактический центр. Записку уничтожьте».

— Ну вот, — сказал Пашка, — а я что тебе говорил?

— Что же делать? — Алиса порвала записку в мелкие клочки.

— Я им покажу! — сказал Пашка. — Пусть только попробуют сюда сунуться. И кормить не хотят, и в плену держат, и ещё планету завоевали.

— Но кто же?

— Эти, черные, разве непонятно?

Пашка, уже привычным жестом подобрал свой

шлейф, смело направился к двери.

— Стой! — остановила его Алиса. — Все погубишь!

— Может быть, я погибну в борьбе за справедливость, но никого не погублю. Ты — девочка, ты оставайся здесь. Тебя никто не тронет.

— Остановись, неразумный, и послушай меня, — сказала Алиса. — Я старше.

— Ты? Старше?

— Да. На пять месяцев. Но не в этом дело. У меня опыта больше. Я уже раз десять в космосе путешествовала, бывала в таких приключениях, о которых тебе и во сне не снилось, и, кстати, уже встречалась с космическими пиратами. Казалось, их уже совсем разогнали, но где-то они скрывались. И пока ещё есть в Галактике отсталые планеты, от них окончательно не избавиться.

— Кажется, мне повезло, — сказал Пашка.

— Еще чего не хватало. Ты сидишь в тюрьме, рискуешь опоздать к началу учебного года, а говоришь, что повезло.

— Если опоздаю, то мне вдвое повезло. Ведь по уважительной причине.

— Ничего себе уважительная причина — переоделся в пилагейку и зайцем забрался на космический лайнер!

— Ничего ты не понимаешь, Алиса. Но ведь я спасу от пиратов целую планету. Мне за это, по справедливости, можно полгода и школу пропустить.

— И это говорит мой друг!

— Друзей не выбирают, — сказал Пашка. — Друзья сами находят. Где бы достать оружие? Могли бы с запиской переслать и какой-нибудь пистолетик. Без оружия мне будет нелегко.

— Никуда ты не пойдешь, — сказала Алиса. — Мы должны делать вид, что мы — глупые туристы, которые ровным счетом ничего не поняли и

страшно боятся заразы. Мечтают об одном — чтобы их отправили домой. Ясно?

— Ничего не ясно. Я — человек действия.

— Вот и действуй. Только молчи. Нам с тобой доверили тайну целой планеты.. А если тебя схватят, кто тогда сообщит на Землю?

— Испугалась?

— Не испугалась...

Они не успели доспорить, потому что за окном послышались выстрелы.

Пашка с Алисой осторожно выглянули наружу.

По улице бежал зигзагами пушистый брастак. За ним — два черных человека, которые палили из бластеров. Смертоносные белые лучи метались по улице, плавя камни домов, оставляя в асфальте глубокие желоба, разнося стекла.

Поравнявшись с гостиницей, котенок метнулся к ее стене и исчез. Алиса прижалась носом к стеклу, но не увидела, куда он делся.

Черные люди тоже остановились под самым окном и принялись лупить из бластеров куда-то вниз.

— Эй, вы! — крикнул Пашка. — Немедленно прекратите!

— Молчи, — Алиса оттягивала его от окна. — Ты все погубишь.

— А что же делать?

— Думать надо. Думать надо уметь.

— Значит, притворяться?

— Да, притворяться. И советую тебе нацепить свои ходули и привести в порядок парик. Может, даже лучше, что ты туристка из Пилагеи. И пускай ты будешь не простая туристка...

— А кто? — спросил Пашка, доставая из-под кровати ходули и со вздохом прикрепляя их к башмакам.

— Ты — двоюродная дочка хранителя государственной корзинки.

— Это ты сейчас придумала?

— Нет, я где-то читала о государственной корзинке. Что в ней носят, не знаю.

— А почему двоюродная дочка?

— Потому, что у пилагейцев очень сложная система родства. Бывают двоюродные и троюродные дети, сводные мужья и близнецы-погодки.

— Обязательно надо слетать на Пилагею, — сказал Пашка.

Он поднялся во весь рост, нахлобучил шляпу, поправил у пояса корзинку.

— Я есть возражаю против заточений в ваш карантин...

Послышался шорох.

Алиса обернулась. Шорох доносился со стороны доставки. Там что-то блеснуло.

— Тише, Пашка.

— Что?

— Смотри.

— Там кто-то есть. Кто там?

Из-за открытой заслонки раздался тихий стон.

Алиса осторожно заглянула внутрь.

Там, на пустом подносе, где ребята недавно нашли записку, лежал пушистый брасак.

— Вы кто такой? — спросила Алиса.

— Помогите... — прошептал котёнок, — я ничего не вижу... это ты, Алиса?

— Ой, Rrrr!

— Они гнались за мной... меня ранили...

— Пашка, — приказала Алиса. — Сейчас же к двери. Закрой на задвижку. Никого не впускай. Ты не обидишься, Rrrr, если я выну тебя вместе с подносом?

— Спрячь меня... Вы получили записку? Мы боялись, что ее перехватили.

У профессора археологии Rrrr было рассечено зарядом бластера ухо и обожжён бок.

Алиса осторожно перенесла поднос с брасаком на кровать, отыскала в сумке целебный пластырь, спасающий от ожогов и затягивающий раны.

— Потерпи, — приговаривала она, осторожно прикладывая пластырь к голове друга. — Конечно, надо бы сначала тебя обрить...

Rrrr, чтобы не стонать, прикусил острыми клыками нижнюю губу.

В дверь громко постучали.

Глава 7 «Где вы его спрятали?»

— Пашка, — прошептала Алиса. — Задержи их.

— Будет сделано, — кивнул Пашка.

— Откройте! — раздался голос за дверью.

Алиса схватила поднос и бросилась к доставке.

— Я тебя спрячу здесь, они не догадаются, я заслонку закрою.

— Нет. Они меня выследили. Они догадаются.

— Откройте, а то я вышибу дверь! — требовали снаружи.

— Это есть безобразие, — ответил Пашка. — Бедный женщина не кончил скромный туалет, а незнакомый мужчин рвётся в дверь. Я буду жаловаться свой двоюродный папа, хранитель государственная корзина на планете Пилагея.

— Плевал я на твои корзинки! — сердился голос. — Немедленно открывай.

Алиса все ещё стояла посреди комнаты: не могла сообразить, где бы спрятать Rrrr. Под кроватью нельзя — они туда наверняка залезут, и в туалет тоже...

— Быстрее, ко мне в корзинку, — сказал Пашка.

— А вдруг?..

— Некогда думать.

Алиса осторожно переложила раненого брестака в корзинку, и Пашка, сорвав со шляпы букет искусственных цветов, прикрыл ими археолога.

Дверь дрожала от ударов.

— Отходи от двери! — прогремел голос. — Стреляю!

— Не стреляйте, — крикнула Алиса. — Мы открываем.

Она схватила поднос, забросила его обратно в пищедоставку. Пашка уже шёл к двери.

— Стой, — сказала она. — Ещё секунду.

На подносе были пятна крови. Она выхватила платок и вытерла кровь, а потом приложила платок к носу, словно кровь шла из носа.

Пашка открыл дверь. Оттолкнув его в сторону, внутрь ворвался здоровенный усач в черном пластиковом мундире и в таком же чёрном, облегающем голову шлеме. На шлеме были нарисованы скрещенные космические ракеты, а над ними белый череп.

— Где вы его прячете? — спросил пират.

Пашка изобразил перепуганную и возмущенную туристку с независимой и благополучной планеты Пилагея.

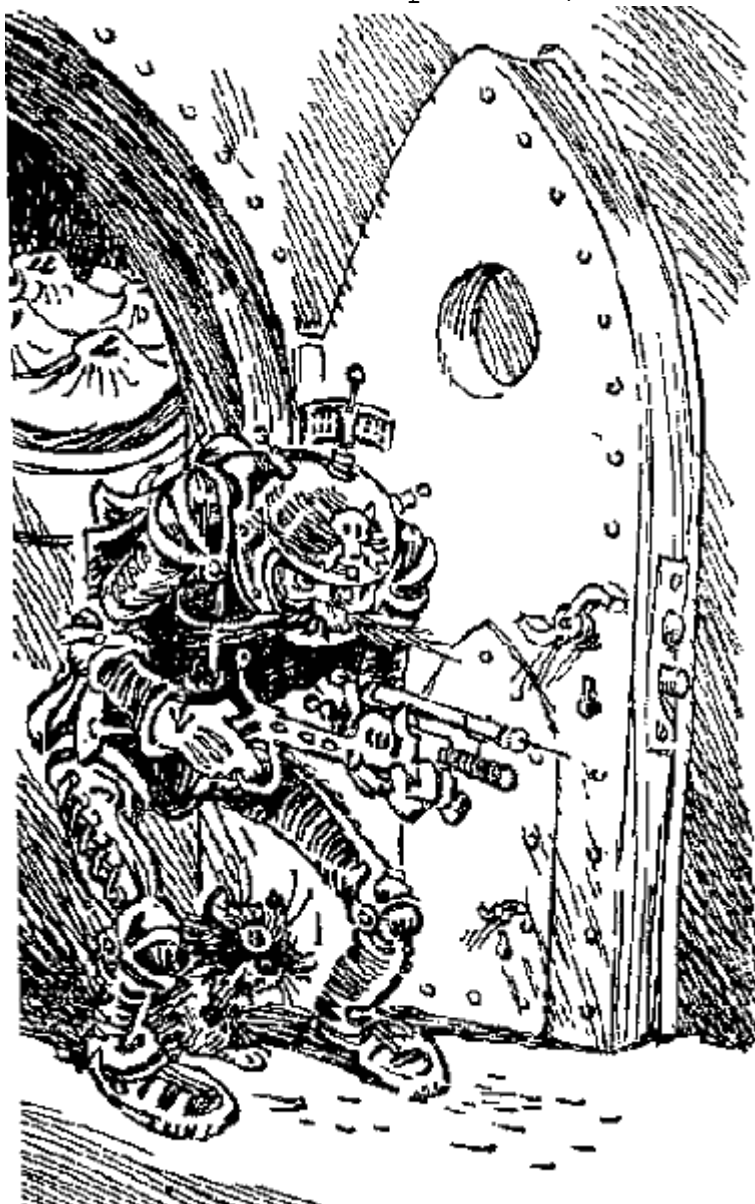
— Не смей врываться в мой квартира! — кричал он, перекрывая крик пирата. При этом он размахнулся корзинкой, норовя стукнуть ею пирата, и тот несколько опешил и даже отступил.

В комнату вбежал Мммм, сверкая оранжевым глазом, и остановился на пороге.

— Мой друг, — сказал он, — очень взволнован, прошу его извинить. Он беспокоится о вашем здоровье.

— А что случилось? — спросила Алиса.

— Прискорбное происшествие. Из карантина

сбежал один опасный и заразный больной. Представьте себе, что случится, если он вас заразит и вы распространите заразу по всей Вселенной...

— Да, да, — сказал усатый пират. — Карантин, конечно, карантин. Пусть он только мне попадет, я покажу ему, как бегать из карантина.

— Но к нам никто не приходил, — сказала Алиса. — Вы же сами дверь заперли.

— И мы тоже заперли своя сторона, чтобы инфекция не ходил в наш комната. Можете уйти к дьявол, — сказала пиллагейская туристка, сверкая черными очками. — Вы, может, сам заразный!

— Вы, дамочка, помолчите, — сказал пират, наморщив низкий лоб, и его маленькие глаза скрылись в глубоких глазницах. — Он где-то здесь прячется.

— Не позволю! — сказал Пашка.

— Лучше не спорьте, — сказал Мммм своим тоненьким вежливым голосом. — Господин Дуч — главный городской врач.

Дуч двумя шагами пересёк комнату, распахнул дверь в туалет, велел Мммм залезть под ванну, под кровать, сам заглянул в пищедоставку, провёл пальцем по подносу...

— Ну и порядки у вас, — сказала Алиса. — Какое-то варварство. И почему у вас такая странная для врачей одежда?

— Молчать! — рявкнул пират, оборачиваясь к гардеробу и вытаскивая Алисину сумку.

— Куда же вы его спрятали? — ворчал пират, вывалив все из сумки на пол. — Больше ему некуда было деться. Через пищедоставку пробрался.

— Кстати, — сказала Алиса. — У вас доставка не работает. Мы что, должны три дня голодными сидеть?

— Не беспокойтесь, госпожа, — сказал Мммм, — не беспокойтесь. — Он очень суетился; ему хотелось, чтобы туристки ничего не заподозрили. — Я

прикажу принести пищу специально для вас. Не беспокойтесь. Все будет в порядке...

Пират крутил головой, раздумывая, где еще поискать?

— Вы нам не доверяете, — возмущённо сказал Пашка. — Это есть оскорбление.

— А ну-ка, — сказал пират, — приподними юбку.

— Что? — удивилась пилатейская туристка.

— Не беспокойтесь, господин Дуч, — поспешил вмешаться Мммм, — я сам загляну.

И он скользнул по полу к юбке туристки.

— Ааййй! — завопила пилатейка на всю гостиницу.

Никогда бы Алиса не подумала, что у Пашки может быть такой пронзительный и отвратительный голос. Задрожали стекла. В шкафу оборвалась вешалка, а в туалете сама по себе хлынула вода.

— Не смейте! — кричала туристка, прижимая юбку. — Я мышей боюсь!

Пират что-то кричал, но, разумеется, его не было слышно.

В коридоре грохотали шаги, другие пираты появились в открытой двери и, раскрыв рты, смотрели, как по комнате бегают высокая неуклюжая ковыляка в большой шляпе, с корзиночкой, полной цветов, а за ней носится брастак.

— Пошли отсюда! — крикнул пират, воспользовавшись короткой паузой. — Чёрт с ними.

Мммм рад был подчиниться.

— Там наверняка ничего нет.

Пираты гоготали во все горло. Им эта сцена понравилась.

— А вы ещё в шляпе поглядите, в корзиночке моей поглядите, — наступал на него Пашка. Усатый пират Дуч уже добрался до двери. Пашка сорвал с себя шляпу и ловко запустил её в лицо пирата. Тот не успел закрыться, и жёсткий край шляпы сильно ударил его по щеке.

Пират попытался спрятаться за своих хохочущих друзей.

А Пашка метнулся к туалетному столику, схватил флакон одеколона с распылителем и пустил в пиратов струю, крича при этом:

— Дезинфекция! Дезинфекция! Карантин!

Дверь хлопнула, и в наступившей тишине слышно было только, как ММММ возится с ключами, запирая дверь.

Алиса подошла к двери, закрыла её на задвижку и сказала:

— Ну, дорогая двоюродная дочка, тебе надо выступать в театре. Какая актриса пропадает!

Глава 8. Как это случилось

Алиса тщательно обработала раны еле живого Рррр— ему сильно досталось в корзинке, потому что Пашка забыл о нем, размахивая корзинкой, как гранатой.

Пашка снял ходули и уселся в кресло, страшно довольный собой.

— Тебе больно, Рррр?— спросила Алиса, когда кончила перевязку.

— Ничего, терпеть можно,— сказал археолог.— Главное, что мы встретились.

Раздалось жужжание, потом что-то звякнуло в доставке.

— Еще кто-то идет? — вскочил Пашка.

На подносе стояла тарелка с лепешками и кувшин с водой.

— Вспомнил-таки,— сказал Пашка.— Боятся международного скандала.

Он взял кусок хлеба.

— Сухой, как камень. пожалел свежего. Для своих господ оставил.

Но все-таки принялся грызть, запивая водой. Алиса тоже взяла сухарь. Рррр отказался.

— Так что же у вас случилось? — спросила Алиса.

— Если бы мы понимали!— Рррр зажмурился от боли.— Ты, Алиса, и вы, самоотверженная дама, которая спасла меня от гибели...

— Он не дама,— сказала Алиса, грызя сухарь.— Он Пашка Гераскин, мой друг. Он узнал, что я лечу сюда отведавать скрррулей, и решил обязательно полететь со мной. А когда я отказалась его взять, переоделся пилатейской туристкой и полетел самостоятельно.

— А когда прилетели,— добавил Пашка,— я не стал переодеваться, потому что вам смешно было бы узнать, до чего мне хотелось скрррулей.

— Эх,— сказал Рррр,— не скоро теперь мы отведаем скрррулей... Я согласен, что вы, Пашка, талантливый актер, и я вам благодарен. Но когда в следующий раз будете класть меня в корзинку, пожалуйста, не машите ею так сильно.

— Обещаю,— сказал Пашка.— Простите, я увлекся.

— Так вот,— сказал Рррр.— Пираты появились на нашей планете неожиданно. Мы готовились к празднику, и вдруг на улицах наших городов появились люди в черной одежде с черепами на шлемах. Они в несколько минут захватили наши радиостанции и учреждения, электростанции и аэродромы. Мы и опомниться не успели, как оказались рабами.

— Но откуда же они появились?

— Клянусь вам, не представляю. И никто не представляет.

— Так просто и появились?

— Да. Так просто и появились. Всем жителям нашей планеты было приказано оставаться в домах и не выходить, а пираты принялись грабить наши сокровищницы, музеи, склады, дворцы.

— И вы не сопротивлялись?

— Это случилось десять дней назад. Сначала мы так растерялись, что никакого сопротивления пиратам не оказывали. Но на третий день мы поняли, что так продолжаться не может. Мы

договорились, что через два дня начнём восстание и выгоним пиратов. Ведь они не знали наших подземных ходов, они не могли проникнуть в щели и отверстия, которые для нас кажутся широкими дверями, они были обречены.

— Ну и что случилось?

— Предательство.

— Как так?

— Понимаете, ребята, когда приходит завоеватель, почти всегда находятся такие, которые думают, что им выгоднее быть на стороне сильного.

— Мы знаем... Мы читали в истории, — сказала Алиса.

— А у нас это случилось сейчас. Надо сказать, что мы, брастаки, различаемся цветом глаз.

— Мы, на Земле, тоже.

— Но на Земле это ничего не значит, а вот на Брастаке— очень много. Какой у тебя цвет глаза, такой и характер. Бывает даже, что брастак рождается с голубым глазом, но из-за плохого воспитания или по другой причине его характер портится. И тогда его глаз желтеет. У очень плохих брастакон они становятся оранжевыми...

— У Мммм оранжевый глаз.

— Ничего удивительного, он оказался одним из первых предателей. Еще неделю назад у него глаз был умеренного желто-зеленого цвета.

— А у честных брастакон какие глаза?

— Серые, голубые... Бывает, что брастак родился желтоглазым, но с возрастом его глаз голубеет.

Пашка незаметно взглянул на их гостя. У него был голубой глаз.

— Как у вас просто!— сказала Алиса.— Поглядел на глаз — и сразу ясно, с кем имеешь дело.

— Конечно,— согласился Рррр.— Если преступник попадает в тюрьму, его выпускают, только когда глаз у него становится серым или хотя бы зелёным, — значит, он исправился.

— Надо было давно всех желтоглазых послать в какое-нибудь отдельное место, — сказал Пашка, сторонник решительных мер. — Пускай исправляются в одиночестве и другим жить не мешают.

— Не думаю, что это разумно, — ответил Rrrrr. — Наверно, и на Земле не все люди хорошие.

— Встречаются и не очень хорошие, — согласился Пашка. — Я, например, иногда бываю просто невыносим. У меня в эти моменты глаза становятся совершенно желтыми. В переносном смысле.

— Ну вот, ты и сам ответил. Не будете же вы на Земле высылать людей в какое-то место, потому что вам не нравится их характер.

— Все равно у вас жить проще, — повторила Алиса.

— Да, нам проще, — согласился Rrrrr, — зато и пиратам было проще. В первый же день к ним прибежали несколько предателей и предложили свои услуги. Пираты собрали всех желтоглазых и сказали, что разделят с ними власть на планете. Некоторые согласились. Они выдали нас. Теперь выгодно ходить с оранжевым глазом. Это как бы опознавательный знак: стоит пирату увидеть оранжевый глаз, и он понимает, что это свой.

— И что случилось потом?

— Они жестоко расправились с нами. Они загнали нас в лагерь, где томятся сотни тысяч брастаков. Остальным приказано не выходить из домов. Мы голодаем, умираем от болезней, и единственная наша надежда — вы. Если вы не сможете сообщить в Галактический совет...

— Но мы сами в тюрьме, — сказала Алиса.

— Через два дня придет корабль. Вы должны обязательно на него попасть.

— Все ясно, — сказал Пашка. — Не беспокойтесь. По крайней мере, на меня можете положиться.

— А я бы не положились, — сказала Алиса. — Хватит ли тебя на то, чтобы два дня притворяться и терпеть?

– Хватит, – сказал Пашка, – не беспокойтесь. Вечером, под отдаленный шум нестройных песен, которые распевали напившиеся брастакского портвейна пираты, Rrrr, исполосованный пластырями, попрощался с ребятами и, осторожно приподняв заслонку, скользнул в доставку.

– Простите, – сказал он на прощание. – Придется вам приехать на скрррули в следующий раз.

– Что касается меня, – ответил Пашка, – то я даже доволен. Лучше приключения, чем скрррули.

– Для тебя это приключения, – сказал Rrrr, – а для нас беда. – Заслонка опустилась.

– Эх, Пашка, – сказала Алиса. – Опять ты не то сказал.

– Главное, чтобы правильно действовал. Язык мой – враг мой, это еще моя мама говорила, когда я самое первое слово произнес.

– Почему?

– Потому что все дети говорят сначала «дай» или «мама», а я сказал «ура».

– Ну, что мне с тобой делать? – вздохнула Алиса. – Иди спать.

– Иду-иду, только я все равно голодный, и ноги от ходулей болят.

Глава 9. Возвращение археолога

Алиса проснулась рано, за окном чуть рассвело. Проснулась она от голода. Очень хотелось встать, нажать все кнопки подряд и посмотреть: вдруг доставка уже работает? Потом она стала думать о Rrrr, добрался ли он до своих? Его могли подстеречь пираты или какой-нибудь желтоглазый предатель.

Соседняя кровать скрипнула. Алиса покосилась в ту сторону. Пашка осторожно сел на кровати, спустил босые ноги на пол и на цыпочках прошёл к доставке. Алиса даже улыбнулась. Оказывается, людям могут приходить одни и те же мысли. Пашка начал нажимать по очереди все кнопки. Доставка

молчала.

Алиса не выдержала и хихикнула.

Пашка обернулся.

— Ты не спишь?

— Нет, я от голода проснулась. И даже подумала, вдруг доставка заработала. А тут ты встаешь, словно мои мысли угадал.

Но гордость не позволяла Пашке сознаться, что он, как голодная обезьяна, нажимал кнопки у неработающей машины.

— Ничего подобного, — сказал он. — Я думал, а вдруг там записка есть от Рррр.

— Тогда открой заслонку и посмотри. Для этого не надо кнопок нажимать.

— Что я и собираюсь сделать, — сказал Пашка и приподнял заслонку. Там ничего не было. — Что-то спать хочется, — сказал Пашка, подходя к окну. — А на улице дождь идет.

— Еще сутки нам терпеть, — сказала Алиса. — Если не умрем от голода, то завтра уже будем на борту нашего корабля.

— Умрём.

— Не ходи по полу босиком, простудишься, — сказала Алиса.

— Где-то со вчерашнего дня сухарь оставался, — сказал Пашка. — Неужели я его нечаянно съел?

— Вчера еще, — сказала Алиса. — Давай вставать, что ли!

Когда она чистила зубы, то услышала, как гремят ходули и шуршат бумажные цветы — Пашка со вздохами превращался в пилагейку.

— И когда только кончатся мои мучения? — ворчал он.

— Знаешь что, — сказала Алиса. — Я думаю, нам пора поднять скандал. Ни одна пилагейская туристка не допустила бы, чтобы её кормили сухарями, даже в карантине.

— Я как раз собирался это сделать, — сказал Пашка.

И тут же раздался стук ходулей — Пашка шел к

двери. Он выбил по двери барабанную дробь. Потом повторил её погромче. Никакого ответа.

— Эй! — закричал Пашка. — Мы есть умрем от голода, и вы виноват!

— Слушай, — заметила Алиса, возвращаясь в комнату. — Может, обойдешься без коверканья космолингвы?

— Ничего подобного. Мне так больше нравится.

— Эй-эй, — он снова принялся молотить в дверь. — Давай мне кусок мяса!

Неожиданно дверь растворилась, и Пашка чуть не вылетел в коридор. За дверью стоял Мммм.

— Не беспокойтесь, — сказал он. — Меры приняты. Доброе утро.

— Желая питать себя, — сказала пилагейка.

Усатый пират Дуч вошёл в комнату с подносом в руках. Ему непривычно было носить подносы — бластер мешал, к тому же он зацепился мечом за дверь.

— Давайте, — сказал он не очень любезно. — Питайтесь.

Он бросил поднос на стол.

Кофейник подпрыгнул, крышка с него слетела, и всю комнату наполнил вкусный аромат горячего кофе. В миске дымилась каша, а рядом грудой лежали свежие лепешки — маленькие, на один зуб, зато их было много.

— Давно бы так, — сказал Пашка.

— Ах, что поделаешь, — развел лапками Мммм, — у нас карантин, некому готовить, я сам живу всухомятку. Ну ладно, не буду мешать, кушайте, отдыхайте, я потом к вам зайду, у меня для вас есть сюрприз.

— Интересно, что он придумал? — сказал Пашка, наливая в чашку кофе.

— Узнаем, — сказала Алиса. — Ничего хорошего.

Не успели они кончить завтрак, как дверь снова отворилась и на пороге появился Мммм.

— Вы готовы принять гостя? — спросил он.

— Смотря какого, — сказал Пашка.

— Вашего лучшего друга.

В дверях стоял черный брастак с голубым глазом посреди лба.

— Ах, не надо загадок,— сказал он.— Для моей подруги Алисы все брастаки на одно лицо. Добро пожаловать, моя подруга. Как поживает твой уважаемый папа, твоя уважаемая мама, твоя уважаемая бабушка?

— Я не узнаю вас,— сказала Алиса.

— Неужели? Как обидно. Я профессор археологии Рррр, который пригласил тебя сюда отведать скрррулей. Но, к сожалению, я не смог тебя встретить, потому что вчера лежал в кровати с высокой температурой.

— Какой же вы Рррр? — неосторожно сказал Пашка.

— А что?— обернулся к нему котенок.— Вы разве меня раньше встречали? Что-то не помню.

— Здравствуй, Рррр!— воскликнула Алиса.— Прости, что я тебя сразу не узнала. Как я рада тебя видеть!

У Пашки глаза на лоб вылезли. Ведь только вчера вечером Рррр убежал, весь оклеенный пластырем.

— Ну вот и отлично,— сказал Рррр, вскакивая на кресло.— Значит, у тебя дома все в порядке?

— Все в порядке,— сказала Алиса. — А как твои дела?

— Мои дети уже подросли. Они лежат в карантине. Как долетела?

— Ничего, долетела,— сказала Алиса.— Правда, пришлось лететь не прямо с Земли, а сделать пересадку на Абрадабре. Не было прямого корабля.

«Ну и чепуху она несет,— подумал Пашка.— Какая еще Абрадабра? — И тут же он сообразил:— Какой я дурак! Она же его испытывает. Это не настоящий Рррр!»

— Значит, ты давно уже вылетела из дома? — спросил лже-Рррр.

— Пять дней назад.

— И какая была погода?

— Погода была отличная, — сказала Алиса. — Шел дождь с грибами. Помнишь, как мы с тобой встретились на Паталипутре?

— Конечно, — обрадовался лже-Rrrr, — как же не помнить?

— И катались там со снежных гор.

— Замечательно катались! — воскликнул лже-Rrrr.

«Разумеется, — сказал про себя Пашка, — мы еще в школе учили, что на Паталипутре тропический климат, даже на полюсах».

— И какие у тебя дальнейшие планы, мой друг Rrrr? — спросила Алиса.

— У меня очень скромные планы, — сказал тот. — Я хочу тебя порадовать. Я решил составить тебе компанию и полететь с тобой на Землю.

— Как хорошо! А зачем же ты полетишь на Землю?

— На научный конгресс по археологии.

— Разумеется, там будет конгресс. Кстати, скажи мне, мой друг, какие у тебя последние открытия?

— Замечательные открытия, — сказал лже-Rrrr.

— Что, новые архары и архаровцы? — серьезно спросила Алиса.

— Кто? — удивился лже-Rrrr.

— Ведь арх-еология занимается арх-арами и архаровцами?

— Ах да, конечно, — сказал Rrrr. У него появились какие-то сомнения. Пашка подумал, что Алиса увлеклась и переигрывает. — Я нашёл много этих... археаровцев.

Мммм кашлянул, как бы предупреждая своего спутника, чтобы тот был осторожнее.

— А что, Алиса, — спросил лже-Rrrr, — не кажется ли тебе, что я немного изменился?

— Что ты, — начала было Алиса, но тут все услышали, что в доставке что-то зашуршало.

— Ты тот же самый, мой любимый, мой драгоценный спутник Rrrr!— громко сказала Алиса.

— Что там? — спросил Мммм, глядя на доставку.

— Ничего,— сказала Алиса,— наверно, проверяют систему.

— Некому проверять,— вмешался лже-Rrrr.— А ну-ка, Мммм, взгляни! Живо!

— Какой есть странный профессор на археология,— сказал Пашка.— Командует, как генерал.

— Ничего удивительного,— ответил Мммм.— Мы все уважаем профессора археологии.

Алиса не успела задержать его, как он приоткрыл заслонку и выхватил оттуда записку.

— Отдайте! — крикнула Алиса.— Это мне.

Мммм соскочил на пол и в два прыжка оказался у двери.

— Я в этом не сомневаюсь,— сказал он.— И даже могу прочесть её вслух. Здесь написано:

«Дорогая Алиса! Все в порядке. Добрался до своих. Чувствую себя лучше. Жди вестей. Твой Rrrr».

Наступила тишина. В полуоткрытую дверь заглянул пират с бластером в руке.

— Значит, комедию разыгрывала! — сказал лже-Rrrr.— Издевалась над археологом? Притворялась? Презренная землянка!

— Я не ешь понимай!— воскликнул Пашка.— Зачем вы обвиняй мой соседка?

— А вы бы, госпожа, помолчали. По недомыслию или по злему умыслу вы не донесли, что ваша соседка встречается здесь с врагами..

— То есть с заразными элементами,— поправил его Мммм.

— Неважно, как называть. Главное, встречается. И укрывает. Учтите, это вам даром не пройдет.

— Я не видел никакой элемент,— сказал Пашка. Лже-Rrrr повернулся и быстро побежал к двери.

За ним Мммм с запиской в лапке.

Дверь захлопнулась.

— Ну, попались,— сказал Пашка.— И надо было тебе над ним издеваться? Сама всегда меня ругаешь...

— Я должна была проверить, настоящий он или поддельный.

— Ну, проверила, и хватит.

— Потом я увлеклась, — созналась Алиса.

— Что же теперь делать?

— погоди,— сказала Алиса.

Она на цыпочках подбежала к двери, приложила ухо к замочной скважине. Потом поманила Пашку.

Слышно было, как в коридоре разговаривают:

— Значит, вы считаете, господин Крыс, что землянку надо убрать?

— Да, спрячьте ее как следует. Она опасна. Я думаю, что она обо всем догадалась.

— А что делать со второй?

— Вторая— наша надежда. Она так глупа, что до сих пор ничего не подозревает. Когда землянку уберут, мы постараемся её обработать... Я предлагаю следующий план...

Они отошли от двери, и больше ничего не было слышно.

— Пашка, ты понял?— быстро сказала Алиса.— Сейчас они меня заберут и спрячут.

— Я им не позволю. Лучше погибну, чем отдам тебя врагам.

— Сейчас некогда говорить красивые слова. Они думают, что ты— глупая туристка. Не разубеждай их. Всё зависит от твоего актерского таланта. Помни, ты — пилагейка, двоюродная дочка хранителя государственной корзинки. Как только вернёшься на корабль, организуешь спасение.

Алиса протянула ему руку. И вовремя.

Не успела она отойти, как дверь распахнулась и в комнату вошли два чёрных пирата.

— Девчонка, следуй за нами, — сказал один из них.

— Как так? — сказал Пашка. — А я?

— А насчёт тебя указаний не было. Сиди и жди.

Пашка с трудом сдержался, чтобы не броситься Алисе на выручку, но Алиса успела так посмотреть на него, что он спохватился. Дверь закрылась, и Пашка остался один. Один против всех пиратов Галактики.

Глава 10. Туристка любит драгоценности

Пашка с удивлением подумал, что настроение у него сносное. Казалось бы, куда хуже: планета захвачена пиратами, Алиса в тюрьме, сам он заперт в комнате, но ведь борьба не окончена, основные сражения впереди. А у какого рыцаря портится настроение перед боем?

Сначала он собрал Алисину сумку. Нельзя ничего оставлять врагам. Теперь бы неплохо вооружиться, но вооружиться нечем, только зубная щетка. Он поудобнее прикрепил ходули, надел на них резиновые наконечники, снятые с ножек кроватей. Потом положил в доставку такую записку: «Меня увозят в тюрьму. Пилагейская туристка осталась одна. Алиса».

Только он успел закрыть заслонку, как пришёл Мммм. Пашка был ко всему готов. Но Мммм его удивил.

— Я принес вам небольшой подарок, — промурлыкал он. — Вы позволите?

Мммм вынул из-за спины лапку, в которой он держал небольшую коробочку.

— Это вам на память о нашей планете.

— Спасибо, — сказал Пашка, — положите на стол. А какова есть судьба моей соседки Алисы? Она скоро вернется сюда?

— Алиса уехала к своему другу, археологу Рррр, — сказал Мммм. — Не беспокойтесь, мадам. Неужели вам не хочется заглянуть в коробочку?

— Потом, — сказала гордая пилагейская туристка. — Дома погляжу.

— Нет-нет.— Мммм подбежал к столику, вскочил на него, открыл коробочку сам. Там лежал синий сверкающий камень.

— Нравится?

«Чего ждет этот Мммм? Вернее всего, думает, что я должен обрадоваться и вцепиться в камень. Нет, мы тебя обманем». Пашка подошел к столику, небрежно взял камень, покрутил его в руках, потом положил обратно и сказал:

— У моей двоюродный папа, хранитель государственная корзинка, есть такой камень тысяча штук.

И Пашка отвернулся к окну, словно этот камень его не интересовал.

— Вам этот подарок не нравится?

— Я буду его дарить стюардессе на лайнер,— ответил Пашка не оборачиваясь, чтобы Мммм не видел, как он улыбается.

Мммм закрыл коробочку, спрыгнул на пол и пошёл к двери.

Как только дверь за ним закрылась, Пашка тут же бросился к ней и приложил ухо к замочной скважине.

— Она не хочет,— услышал он голос Мммм.— Говорит, что у нее таких тысяча.

— Я слышал. А ну-ка, дай сюда коробочку.

— Вы же сами мне ее дали, господин Крыс.

— Не возражать!

Какая-то возня за дверью, писк, потом голос Крыса:

— Так я и знал. Когда успел подменить камень на стекляшку?

— Я не подменял. Это само так получилось.

— Ах, само! Вот тебе за само! Вот тебе за воровство! А теперь отдавай настоящий сапфир.

— Нету... не бейте меня, господин Крыс.

— А что у тебя за щекой? У вас у всех защечные карманы есть. Не кусайся! Голову отверчу! Ну вот, а ты говорил.

— Я нечаянно.

— Правильно, никто не ворует нарочно. Все нечаянно. Когда меня мама в детстве била за воровство, я тоже кричал, что я нечаянно. Подсунул стекло и думаешь, если она знатная дама, то и дура. Ты мне хочешь государственное дело загубить? Заруби на носу, предатель, что мы-то отсюда уйдем, даже если большого корабля не захватим. А если ты останешься, твои земляки спросят, что ты делал при пиратах?

— Не губите меня, господин Крыс, клянусь, что это в самом деле нечаянно. Не мог же я подумать, что туристка разбирается в драгоценных камнях.

— Глупые в драгоценностях разбираются лучше всех,— сказал Крыс.— А умные книжки читают. Ты это учти на будущее.

— А вы, господин Крыс, книжки, конечно, читаете?

— Нет, на меня и умники и дураки работают. Теперь давай, быстро. Мама ждёт, как пройдёт операция. Стучи в дверь.

Мммм боком втиснулся в комнату и замер у порога. Вид у него был встрепанный.

«Ну и славно же тебя взгрел твой пиратский друг»,— подумал Пашка, а вслух сказал:

— Вы научились стучать дверь. Что ещё вы мне притащили?

— Произошла ошибка,— заговорил Мммм, глядя снизу вверх.— Я нечаянно перепутал коробочки.

— Не нужны мне ваши стекляшки, — сказал Пашка.

— Это была ошибка, заверяю вас! Виновные уже понесли строгое наказание. Извольте взглянуть на настоящий сапфир.

Мммм вспрыгнул на стол и раскрыл коробочку. Конечно, настоящий сапфир сверкал ярче стеклянного. Но большой разницы Пашка не усмотрел.

— Оу! — сказал он, осторожно держа камень в пальцах.— Если не ошибаюсь, это хороший сапфир.

— Да, разумеется, настоящий сапфир. Очень редкий. Возьмите, а?

Пашка задумался, потом закрыл коробочку и сказал:

— Нет, у меня такие есть.

— Умоляю! Мне не сносить головы!

— Кого не сносить?

— Моя голова— чик-чик...— И Мммм печально взмахнул лапкой.

— Ладно,— сжалился Пашка.— Я беру подарок. Как одолжение, чтобы вам не чик-чик.

— Вы любите драгоценности?

— О, я коллекционер драгоценностей,— сказал Пашка.— Я есть ценитель. Теперь уходи, маленький жулик.

Мммм задом попятился к двери, нащупал нижнюю ручку, открыл её и исчез в коридоре.

Пашка сразу приник к двери.

— Взяла, — прошипел Мммм.

— Я все слышал. Вроде бы клюнуло...

— Она собирает драгоценности.

— Посторонись, дай-ка я превращусь в кого-нибудь...

— Меня потрясает, господин Крыс,— сказал Мммм,— ваше умение превращаться. Как это вам удаётся?

— Это у меня от папы. Большой был негодяй.

— А что с ним случилось?

— Он как-то решил подшутить над моей мамашей, превратился в цыплёнка. Моя мамаша, женщина серьёзная, открутила ему головку.

— Какая ужасная смерть! Я представляю себе горе вашей уважаемой мамы!

— Ничего ты не представляешь. Она сказала: цыплёнку — цыплячья смерть. И пошла на кухню готовить глинтвейн крепостью в сто тридцать градусов. Моя мамаша выпить любит.

— Преклоняюсь перед ее железным характером.

— Ладно, я пошёл. А ты жди здесь.

Пашка кинулся к креслу и сделал вид, что

дремлет.

— Уважаемая госпожа пилатейка, — услышал он голос и открыл глаза. Вот уж не ожидал увидеть добродушного краснощекого мальчишку в коротких штанишках! Да, великий мастер маскировки этот Крыс! Никогда бы не догадаться!

— Кто вы? — спросил Пашка.

— Я — сын местной королевы, — сказал мальчик. — Моя мама узнала, что вы приехали к нам, и ждёт вас в гости.

— Зачем? — удивился Пашка.

— Моя мама коллекционирует драгоценности, и ей очень хотелось познакомиться с настоящей ценительницей. Мамочке скучно, не откажите ей...

— Драгоценности! — воскликнул Пашка. — Обожаю драгоценности! Идем к вашей маме.

Крыс даже сощурился от радости. Все получилось, как он хотел.

Глава 11. Пиратская мамаша

На этот раз Пашку везли в большой открытой машине, а по сторонам, спереди и сзади ехали на велосипедах черные пираты и время от времени палили из бластеров по окнам домов.

На заднем сиденье машины, которую раньше использовали для почётных гостей с других планет, устроились Пашка и Крыс. В ногах у них свернулся Мммм.

Кавалькада стрелой пронеслась по улицам, пролетела сквозь парк, засаженный карликовыми деревьями, и замерла перед дворцом. Дворец был трехэтажный, с мраморными колоннами и статуей какого-то брастака в короне перед главным входом.

— Здесь раньше жили короли, — сказал Мммм. — Потом открыли музей, а теперь его заняли наши новые господа.

— Господа или карантинные врачи? — спросил Пашка.

— Карантин— это шутка,— сказал мальчик Крыс.

— Не понимаю таких шуток,— удивился Пашка. — Зачем такая шутка?

— Потому что мы коллекционеры драгоценностей.

Шофёр распахнул дверцу, и Пашка, подобрав длинную юбку, чтобы не упасть, торжественно вышел из машины.

По сторонам широкой лестницы с очень маленькими ступеньками были навалены груды камней, кирпича, штукатурки со следами росписей, клочья ковров и гобеленов.

— Наши господа,—сказал Мммм,— такие крупные, что ради их удобства пришлось вынести из дворца все лишнее.

— Правильно,— сказал мальчик Крыс.— Всю музейную требуху выкинули. Народу это не нужно.

— Совсем не нужно,— захихикал Мммм, но Пашке показалось, что смех у него невесёлый.

Войдя во дворец, Пашка понял, что пираты превратили трехэтажный дворец в одноэтажный— сломали перекрытия, перегородки, а заодно и все украшения.

Ну и варвары, подумал Пашка, сколько придётся потрудиться реставраторам!

Они миновали первый, когда-то трехэтажный, зал. У следующей двери сидели кружком пираты и резались в карты.

— Вы куда? — спросил один из них.

— Мы к мамаше, — сказал Крыс.

— Что-то я тебя не знаю, младенец, — сказал один из пиратов.

— А вот сейчас узнаешь,— ответил Крыс и в одно мгновение превратился в невысокого, худого человека с очень белым лицом.

— Одну минутку, господин Крыс,—сказал пират и, сунув голову в дверь, сказал: — Мамаша, к тебе сынок с компанией.

— Пусть войдет, — послышался нежный голос.

Во второй половине дворца ободранные стены были кое-как прикрыты коврами. Посреди зала

стояло штурманское кресло, на котором сидела молодая розовощекая женщина в длинном белом платье и в небольшой золотой, в изумрудах, короне.

За спиной женщины стояли два черных пирата с алебардами, а перед троном — десятка два брастаков.

Когда Крыс и Пашка вошли в зал, брастаки, как один, обернулись, и их глаза загорелись желтыми и оранжевыми искрами.

Увидев Крыса, женщина что-то спросила у него на непонятном языке. Крыс коротко ответил. Желтоглазы е брастаки расступились, чтобы не попасть под ноги пирату.

Крыс обернулся к Пашке и сказал:

— Подойдите к трону. Госпожа мамаша пиратов, королева Брастака и повелительница Серой туманности, готова вас принять.

Пашка стоял в нерешительности. Мамаша должна была быть совсем не такой. Какой? Ну, с повязкой через глаз, в красном платке, кожаной куртке, цыганской юбке или кожаных штанах с пистолетами за поясом. Конечно, все это было пустое воображение. Разве в двадцать первом веке пираты такие же, как в шестнадцатом? Пашка

сделал шаг вперед. Кланяться, что ли, надо? Кланяться он не мог — ходули не позволяли.

— Подходите, мы здесь без церемоний, — сказала мамаша приятным голосом. — Крыс, подай-ка гостье стульчик. А вы, остальные, брысь отсюда!

Желтоглазые брастаки опрометью кинулись во все стороны.

— Ну вот, — сказала мамаша, — остались только свои. Можно говорить без притворства. Вы не представляете, как мне надоели эти придворные фигли-мигли. Но приходится — политика.

— Да, вы есть совершенно правы, — сказал Пашка.

Крыс принёс два стула, на один сел сам, другой подставил пилагейской туристке.

— А вы, говорят, тоже из хорошей семьи? — спросила мамаша.

Пашка залюбовался её гладкой нежной кожей, длинными ресницами, фарфоровым высоким лбом. Даже удивительно, что у неё такой взрослый сын.

— Я есть двоюродная дочь хранителя государственной корзинки, — сказал Пашка. — Вы с ним незнакомы?

— Ещё не приходилось встречаться. И как его драгоценное здоровье?

— Спасибо, не жалуется. А ваше как?

— Некогда думать о здоровье, — улыбнулась мамаша, — разве тут отвлечешься? Сразу всю планету растащат. Правда, сынок?

— Ничего не поделаешь, встречаются еще кое-где иногда недостаточно морально чистоплотные типы в наших рядах, — вздохнул Крыс. — Но в ближайшем будущем, я надеюсь...

— Всех перевешаю, — сообщила пиратская мамаша. — Дай только с делами разобраться.

Пашка потянул вниз юбку, чтобы женский глаз мамаша не увидел ходуль с резиновыми наконечниками. Её-то не обманешь.

— Скажите мне, если это, конечно, не секрет, что вы носите в государственной корзинке?

— Вообще-то это секрет...— начал Пашка.

— Ну, между нами, государственными деятелями...

— Понимаете, когда-то, в своё время...

— Ты мне скажи, что сейчас.

— Сейчас папа в корзинке завтрак носит. Два яйца всмятку и термос с кофе.

— Так я и думала!— обрадовалась пиратка.— Везде обман, везде надуют простой народ. Ну, ты меня порадовала! Теперь за дело.

Ты, говорят, драгоценности уважаешь?

— Я их коллекционирую,— сказал Пашка.

— Правильная коллекция. Я вот деньги коллекционировала. И ненавижу, когда их отменяют. На какой планете отменят— я сразу ее в черный список заносу. А теперь поумнела. Чёрт с ними, с деньгами, ты мне камушки давай.

Правильно я рассуждаю?

— Разумеется.

— А ну-ка, сынок, принеси мне из сейфа сундук с камнями. Поглядим.

Крыс встал и вышел из зала. Пиратка тут же обернулась к одному из своих телохранителей и сказала:

— Бесноватый, голубчик, будь другом, проследи за моим сынком, чтобы он чего себе в карман не положил.

Телохранитель без единого слова поспешил следом за Крысом.

— Вы даже сыну не доверяете? — удивился Пашка.

— Никому не доверяй— вот наш пиратский принцип. У меня все подозреваемые. Кроме тех, кого я уже обвинила.

— И я?

— И ты. Я тебя черт знает в чем подозреваю. Может, ты и не пилатейка, а, допустим, парень и мой враг.

Пашка весь сжался. Неужели она догадалась? Нет, это была королевская шутка. Мамаша тут же расхохоталась, словно серебряные колокольчики

зазвенели в зале. У Пашки даже мурашки по спине побежали от наслаждения. Он чувствовал, что влюбляется в мамашу, несмотря на разницу в возрасте.

— Какая вы красивая и обаятельная, — вырвалось у него.

— Мне многие это говорят, — сказала пиратша. — Что есть, то есть! Этого у меня не отнимешь. Но я и не дура.

Вошёл, прижимая к животу тяжелый сундучок, мрачный как туча Крыс.

— Ну, мамаша, — сказал он, — не ожидал! Даже родного сына...

— Много он успел спереть? — спросила королева у Бесноватого, который шёл следом.

Тот без слов разжал горсть и показал — там лежало три больших сверкающих алмаза.

— Передай сюда сундук, — сказала королева. — Ну что ты с ним будешь делать? Мальчишка еще. Не вешать же мне его. А может, повесить?

— Мамаша, — возмутился Крыс. — У нас гости.

— Сиди, сиди, я скорее вот этой пилагейке свой сундук доверю, чем тебе, паршивец. Давай сюда ключ от сейфа. Отпечаток снять не успел? Ну ничего, я сегодня вечером новый замок врежу. Так на чем мы остановились?..

С ангельской улыбкой она обернулась к Пашке.

— Вы хотели показать мне свои сокровища.

— Да, да, фамильные драгоценности, всё время с собой вожу. От моей бабушки остались.

«Так я тебе и поверил!» — подумал Пашка, стараясь сбросить с себя наваждение. Уж очень доброй казалась красавица.

В сундуке было несколько шкатулок. Одна была доверху полна бриллиантов, вторая — изумрудов, третья — жемчуга, четвертая — голубых с красными искрами тритонитов, пятая — небесных сапфиров, шестая — малиновых альвейсов, седьмая — алых рубинов, восьмая — огненных краков, а дальше Пашка и счёт потерял всем этим камням, серьгам,

кольцам и брошкам. Пиратка словно впала в транс: не могла остановиться — раскрывала шкатулку за шкатулкой, доставала бриллиантовые ожерелья и приговаривала тихим голосом:

— Музейные вещи, уникамы, мы плохого не держим...

— Мамаша,— сказал наконец Крыс. — Время не терпит. Надо решать.

— А чего решать?— с трудом оторвалась от своих драгоценностей королева. — Красиво?

— Очень!— сказал Пашка. — За такие камни и душу продать не жалко.

— Хочешь, поделюсь? Вряд ли на своей Пилагее найдёшь такой сундучок.

— Ах, разве можно сравнивать!

— Правильно, ты умная женщина. Окажешь мне небольшую услугу — поделюсь.

— Да за такие камни я готова двоюродную папу променять!— сказал Пашка. И тут ему стало стыдно перед населением планеты Пилагеи, которое он такими словами оклеветал, притом несправедливо. Нелегка доля шпиона.

Пираты переглянулись. Мамаша подмигнула сыну. Именно этого они ждали от пилагейки, так как люди часто судят о других по себе. И пираты, готовые на все ради грабежа, надеялись, что пилагейка не лучше их. И угадали.

— Я буду с тобой откровенна,— сказала мамаша.— У нас корабль сломался, а моему сыну надо срочно слетать на Землю.

— Ну и что? Пускай летит.

— У него нет билета, — сказала пиратка.

— Отдать ему мой?

— Ни в коем случае. Вы вместе полетите. Ты и он— под видом Алисы.

— Под видом Алисы?

— Конечно, у нее билет есть.

— А Алиса?

— Она останется. Забудь о ней. С тобой полетит Крыс. Под видом Алисы. А ты получишь

камни.

— Не понимаю..

— Твое дело маленькое. Иди на корабль, как будто ты с Алисой лучшая подруга, и держи язык за зубами. О карантине ни слова! Ясно?

— Всего-то?

— А нам от тебя много не нужно. Крыс, принеси-ка маленькую шкатулку, у меня на туалетном столике стоит, понял?

— Мигом, мамаша,— сказал Крыс.

— А мы с тобой по маленькой,— сказала мамаша.— Употребляешь? Вообще-то я азотную кислоту предпочитаю, но за компанию могу и обыкновенного спирта принять.

Она хлопнула в ладоши, и тут же подошел пират с подносом, на котором стояла большая бутылка и два высоких бокала.

— Вы уж простите,— сказал находчивый Пашка,— но у нас на Пилагее другое пьют. Спирт нас не берет.

— Чего же такое вы пьёте?

— Воду.

— Неужели? А я даже и притронуться к воде не могу — мутит. Так на вашей планете можно сесть на берегу речки и пьяный будешь?

— Нет, мамаша,— сказал фамильярно Пашка.— У нас с водой туго. У нас реки спиртовые. А воду в бутылках раздают.

— Как же я раньше не знала? Я бы на вас разбогатела. Возила бы к вам воду. — Она обернулась к Бесноватому:— Чего стоишь как истукан? Принеси-ка моей гостье стаканчик чистой воды, да покрепче.

— Мне рюмочки хватит,— сказал Пашка.

Они чокнулись — мамаша бокалом со спиртом, Пашка — с водой. Мамаша широко открыла рот и влила туда весь бокал, крякнула и заела грибок. Пашка осилил воду в два глотка, поморщился и сказал:

— Крепкая у вас водица!

— Чего же не закусываешь?— удивилась пиратка.

— Ничего, я завтра закушу. У нас такой обычай.

— Вот, мамаша,— сказал Крыс, входя с маленькой шкатулкой в руках.— Все как вы сказали.

— Молодец. Для нашей дорогой соратницы ничего не жалко.

Она забрала из первой шкатулки горсть бриллиантов, хотела пересыпать в маленькую шкатулку, которую принёс ей сын. Но потом отсыпала большую часть обратно, а что осталось, кинула с сожалением в шкатулку. Алмазы застучали о дно, как горох.

— Мамаша, не скупитесь,— сказал Крыс.

— Молчи,— возмутилась фарфоровая красавица,— не ты их зарабатывал, тебе легко чужим добром распоряжаться. Я зато побольше жемчуга насыплю. Жемчуг красивее.

Жемчуга она тоже пожалела, смогла расстаться только с одним сапфиром: пришлось, чтобы заполнить шкатулку доверху, подарить Пашке носовой платок, подушечку для иголок, расшитую бисером, позолоченную брошку и нитку стеклянных бус. Пашка не спорил, старался не улыбаться, хотя раньше ему такой жадности видеть не приходилось.

— Вот держи,— сказала она наконец.— Сегодня я добрая. Бери, не стесняйся.

— Очень вам благодарна,— сказал Пашка.

— Но если ты на корабле пикнешь, мои люди тебя под землей найдут. Ясно?

— Ясно.

— Ну, ладно, пойду всхрапну. Ещё вопросы есть?

— Я беспокоюсь за моя соседка Алиса. Желаю, чтобы она была здорова.

— Не беспокойтесь,— сказал Крыс.— Алиса довольна и счастлива. Следующим же кораблем она полетит домой. Слово пирата.

— А вам можно верить? — спросил Пашка.

— Как же не верить, — сказала мамаша. — Покажи ей Алису.

— Она в парке резвится.

— Покажи ее нам.

Крыс быстро ушел из зала.

Королева достала из-под трона небольшую подзорную трубу.

— Эй, Бесноватый, — сказала она, — раздвинь шторы. Пускай пилагейка на свою соседку поглядит.

Бесноватый раскрыл шторы.

За окном на лужайке была какая-то девочка.

— Ты смотри, смотри, — сказала королева, протягивая Пашке подзорную трубу.

Наклоняясь, чтобы сорвать цветок, и весело танцуя, резвилась Алиса в розовом платье и с венком из ромашек на голове.

— Удовлетворена? — спросила королева.

— Да, — сказал Пашка. — Я пойду?

— Сейчас мой Крыс вернется — и пойдешь.

Бесноватый задёрнул шторы.

Ну что ж, подумал Пашка, Алису этот Крыс изображает довольно убедительно. Только забыл, что у нее розового платья и в помине нет. И уж тем более в такой момент она не будет скакать по лужайке.

Пашка вежливо пожал руку пиратской королеве.

— До встречи, — сказал он.

— Аре-вуар, как говорят французы, — улыбнулась королева и залилась серебряным смехом. — Шкатулку тебе доставят в гостиницу.

Глава 12. Маленькая тюрьма

Алиса сидела в тюрьме. Тюрьма была чистая, теплая, без клопов и тараканов, только пахло дезинфекцией и было невероятно тесно.

Поместили Алису в тюремной столовой. Из-за нее остальные заключенные остались без еды. Но

даже по столовой Алиса могла передвигаться только на четвереньках, и то головой упиралась в потолок.

Тем более несладко было приставленному к ней сторожу— усатому пирату Дучу, который улегся в тюремном коридоре, перекрыв путь к туалету, умывальнику и тюремному двору. Так что остальным заключённым пришлось отказаться от мытья и от прогулок.

Дуч лежал на холодном жестком полу и громко ворчал:

— И чего тебя сюда принесло? Ну, завоевали мы эту планету, потешились немножко, улетим, и дело с концом, а из-за тебя мне самому пришлось стать заключенным. Представляешь, если сейчас мои соратники какой-нибудь музей чистят?

— Ну, они с вами поделятся,— отвечала Алиса через дверь.

А сама думала, как там Пашка, сумеет ли перехитрить пиратов? Если провалится, тогда все, планета Брастак погибла. И Алиса, конечно, погибла.

— Жди, поделятся! Это же не люди, а обезьяны. Дикари, варвары.

— Как вы плохо отзываетесь о своих товарищах!

— Пират пирату не товарищ. Да я к ним случайно пристал. По собственной слабости. Я — интеллигентный человек.

— Неужели?

Пират повернулся на другой бок, отпихнул ногой желтоглазого тюремщика, который хотел было пробраться мимо него по коридору, и продолжал:

— Летел я как-то мимо Серой туманности, и что-то в моем корабле сломалось. Опустился я на планете Дум-Дум, стал корабль чинить, выскакивают из кустов какие-то дикари, тащат в пещеру, разжигают костер и собираются меня сварить.

— Не может быть! — воскликнула Алиса.

— Может, собственными глазами видел,— сказал пират.— Слушай, пленница, протяни руку на кухню, дай мне оттуда ведро с водой. Спасибо. Может, прикрыть дверь, а то сбежишь, мне потом отвечать придется?

— Продолжайте, продолжайте,— сказала Алиса. — Очень интересно.

— Причиной такому безобразию,— сказал Дуч,— страшная отдаленность той планеты от культурных центров Галактики. Там люди недавно произошли от обезьян и еще не имели никаких моральных устоев. Для них своего ближнего съесть даже не стыдно.

— И как же вы спаслись?

— Только меня стали в котел окунать, как входит в пещеру сказочной красоты дама.

— Красивая?

— Ослепительно. Она только что прилетела с другой планеты. Что-то не поладила со своим народом, пришлось ей с отрядом искать счастья— вот и наткнулась на дикую планету, перестреляла вождей, запугала колдунов и стала править.

— А дальше?

— Меня в котел кладут, а я смотрю на королеву и люблю ее сказочной красотой. Увидела она выражение моих глаз, засмеялась серебряным смехом и говорит: «А ну-ка, отпустите этого несчастного. Мне нужны преданные и интеллигентные солдаты». Вот я и стал служить королеве.

— И стали пиратом?

— Не сразу, девочка, не сразу. Жизнь там была несладкая, суровая и неприхотливая. Что нагребил у дикарей, тем и живешь. Иногда съездишь в соседний район, подавишь какое-нибудь восстание или пристрелишь бунтовщика, а так жизнь без культурных развлечений, карты, выпивка, драки...

— Так зачем же вы этим занимались?— удивилась Алиса.— Если были интеллигентом?

— Был. Работал в библиотеке, играл в теннис. Но какой у меня был выбор? Не будешь подавлять и убивать, отдадут тебя людоедам, они тебя сварят и съедят. Уж лучше я буду других варить...

— И есть?

— Ни в коем случае. Я, кстати, убежденный вегетарианец. Знаете, что это такое?

— Знаю. Овощами и фруктами питаетесь.

— Правильно. Овощами и фруктами. Редко-редко позволишь себе баранью отбивную, только в качестве закуски. Так что считайте, что я жертва несчастной и неразделенной любви к пиратской королеве.

— Какая уж тут любовь, — возмутилась Алиса. — Говорили бы, что струсил. Сами же объяснили — лучше быть палачом, чем жертвой.

— Эх, молодая ты, ничего в жизни не понимаешь, даже разговаривать с тобой неинтересно, — сказал пират Дуч, — скорей бы смена пришла, все бока отлежал, вот заработаю из-за тебя радикулит...

Некоторое время они молчали.

Нет, думала Алиса, Пашке одному не справиться. Надо что-то делать. Не одна она в этой тюрьме сидит...

Алиса тихонько постучала в стенку.

Тут же послышался ответный стук.

— Ты чего там? — спросил пират. — Не стучи, а то я тебе по голове постучу, с меня спрос маленький, я рядовой солдат.

— Бывший библиотечный работник, — поправила его Алиса.

— Что было, то прошло. Кстати, чем меньше думаешь, тем здоровее становишься. Наверно, я долго проживу.

— А как же вы на Брастак попали? — спросила Алиса. В то же время она старалась придумать, как объяснить соседям, кто она такая. Ведь она не знает их азбуки.

— Проще простого, — сказал Дуч, — у нашей

королевы сынок есть по имени Крыс, известный бандит в галактическом масштабе.

— Знаю его, — сказала Алиса.

— Ну вот, почему-то они с мамашей не сжились, разошлись их разбойничьи дорожки. Но когда плохо пришлось Крысу, добрался он до нашей дикой планеты и сказал мамаше: «Чего ты проводишь свои лучшие годы в безделье и мелком разбое? Вся Галактика лежит у наших ног, только надо как следует за это дело взяться». Показал он мамаше некоторые свои трофеи и уговорил её ограбить какую-нибудь мирную планету. Его план всем нам понравился. Сели мы на корабль Крыса, рванули сюда— и все вышло по-нашему. Вот только без меня сейчас грабеж идет.

— Так идите грабьте, — сказала Алиса. — Я все равно отсюда не выберусь. Заперто же.

— Не уговаривай, мамаша мне этого не простит...

— А как же вам удалось так неожиданно планету захватить? — спросила Алиса. — Говорят, что никто и опомниться не успел.

— Это наш Крыс придумал, — сказал пират. — Он же умеет в кого угодно превращаться...

— Но ему одному бы не справиться...

— Ни в коем случае... — вдруг пират осекся и сказал сердито: — Ты что, хочешь меня на виселицу взгромоздить? Зачем государственные секреты выведываешь? Ах ты, недаром тебя сюда притащили! Еще минута— и я бы попался!

— А я и не спрашивала, — сказала Алиса. — Я же разговаривала с вами как с бывшим интеллигентным человеком, а теперь принципиальным негодяем.

— Ну уж, какие там принципы, — сказал пират. — Обстоятельства, а не принципы.

— А чего вы отсюда не улетаете? Ну, награбили, набедокурили, пора бы и домой.

— Тут никакой тайны нет, — сказал Дуч. — Дело в том, что у нас всего один небольшой корабль, а награбили мы столько, что на двадцать лайнеров

хватит. И как нам прикажешь отсюда улетать?

— Лучше всего вернуть награбленное, извиниться и уйти.

— Вот и видно, что нет в тебе романтики. Кто же это по доброй воле отказывается от награбленного? Мы не учли, что в их корабли нам не уместиться. Вот нам и нужно какой-нибудь другой корабль захватить. Завтра сюда подойдёт лайнер, который к Земле летит, мы его и захватим. Сейчас мамаша твою соседку в шляпе с цветами обрабатывает, драгоценности ей сулит, чтобы она помогла нам на корабль пробраться... А тебя изолировали. Ясно?

— Куда как ясно, — сказала Алиса и подумала: «Только бы Пашку не разоблачили. А то подойдет завтра к планете ничего не подозревающий лайнер...» — А если команда будет сопротивляться?

— У нас закон строгий, кто не с нами, тот против нас — и сразу к стенке. Ну, ладно, посплю часок.

Алиса поняла, что должна любой ценой отсюда выбраться. Любой ценой. Корабль в опасности! А Пашка об этом не знает!

Пират в коридоре засопел, видно, задремал.

— Кто здесь? — прошептал тихий голос.

— Это я, Алиса. Я с Земли, меня захватили пираты.

— Алиса? Вот встреча! А я — Рррр. Меня сегодня утром поймали. А завтра нас всех хотят расстрелять.

Голос Рррр доносился из-под потолка, где была вентиляционная решетка. Алиса подползла поближе.

— Вы слышали, — спросила она, — что говорил пират?

— Да. Надо предупредить корабль.

— На свободе остался мой друг, но он один не может справиться с пиратами. Мне надо обязательно бежать,

— Потерпи, — сказал Rrrrr, — до ночи мы обязательно что-нибудь придумаем.

Глава 13. Бегство

Время в камере тянулось медленно. Алисе казалось, что она сидит там уже несколько суток. Наконец за единственным решетчатым окошком стемнело. Алисе слышно было, как в коридоре гремят посудой, — это желтоглазые тюремщики притащили Дучу поесть. Алису покормить забыли, да она и не стала у них просить, хоть страшно была голодна. Дуч все ворчал, страдал, что его не подменяют, а потом стал считать награбленные драгоценные камни и перекладывать их из кармана в карман.

За окошком вышла луна. Алиса опасалась разговаривать со своими соседями по тюрьме, чтобы Дуч не услышал.

Наконец-то из коридора послышался храп. Дуч заснул.

— Все в порядке, — услышала Алиса голос Rrrrr, — нам удалось подсыпать ему в ужин снотворного. Его до утра пушкой не разбудишь. Тюремщики тоже спят. Держи ключ от главной двери.

Через решётку пролетел маленький ключик, меньше ногтя. Алиса осторожно подхватила его.

— Ползи направо, доберешься до конца коридора...

— А вы?

— Наша камера закрыта снаружи на засов, нам не выйти.

— Неужели я вам не могу помочь?

— Не думай о нас — в твоих руках судьба всей планеты. Спешу, скоро смена караула, тебя хватятся.

— Нет, — сказала Алиса, — так не годится. Я убегу, а вас казнят. Скажите, где дверь вашей камеры?

— Ты рискуешь.

– Скорее.

– Выход из столовой, в которой ты сидишь, в один коридор, а из нашей камеры в другой.

– Скорее!

– По коридору налево, потом еще раз налево и еще раз налево. Нет, тебе не успеть...

Дальше Алиса не слушала. Она отворила пошире дверь столовой. Дуч храпел, улегшись во всю длину коридора. Нелегко было отодвинуть тяжелого пирата к той стенке, он во сне сопротивлялся, бормотал сквозь зубы о не сданных вовремя книгах и грозился принять меры. Наверно, во сне он возвращался в старые добрые времена, когда работал в библиотеке.

За поворотом коридор был еще уже, два котёнка еле бы там разошлись, да притом он был коротким – ноги Алисы были ещё в большом коридоре, а голова уткнулась в стенку другого. Ей даже показалось, что она застряла. Навсегда. Она сосчитала до десяти, чтобы не волноваться. Нет, застревать в коридоре брастакской тюрьмы никуда не годится. Скоро ночь кончится, вот-вот смена придет...

Алиса так разозлилась на себя и на эту дурацкую тюрьму-недомерок, что даже не заметила, как изогнулась и оказалась за углом. Вот и дверь, закрытая на засов.

– Рррр, – прошептала Алиса. – Ты меня слышишь?

За дверью раздался мягкий топоток.

– Ты уже здесь, Алиса?

– Сейчас открою засов.

Как бы теперь руку освободить – локоть застрял. Наконец-то! Засов поддался не сразу. Дверь отворилась, а оттуда вывалилось сразу десять брастаксов. Алисе показалось, что она сейчас задохнется, брастаки пытались протолкнуться между ней и стеной, карабкались на плечи, щекотали лицо...

— Опомнитесь!
Возьмите себя в
руки! — крикнул
Рррр. — Алиса, как
ты себя
чувствуешь?
Сможешь ползти
задом наперед?

— Попробую, —
сказала Алиса,
отталкиваясь
локтями, чтобы
двинуться назад.
Но ничего из этого
не вышло. Брастаки
взволнованно
перешептывались.

— Трое,
забирайтесь за
поворот, —
приказал Рррр, —
будете тащить
Алису за ноги.
Остальные вместе
со мной толкают
Алису отсюда. Понятно? Начали!

Ощущение было не из приятных — брастаки
облепили ее, как лилипуты Гулливера, исцарапали
лицо, чуть не вырвали волосы, изодрали в кровь
щиколотки, но еще больше заклинили Алису. К
тому же Алиса поняла, что где-то посеяла ключ
от тюремных ворот.

— Стойте, — сказала она, — так дело не пойдет.
Сначала надо ключ найти, возьмите его и бегите.
Может, кто-нибудь из вас сумеет предупредить
корабль...

— А ты?

— Мне придется дожидаться пиратов, чтобы они
меня выволокли.

— Ни за что, — сказал Рррр. — Мы тебя не бросим.

— Ну что мне с вами делать!— рассердилась Алиса. — Неужели вы не понимаете, что главное сейчас— спасти планету...

— Мы это понимаем,— сказал Rrrrr. — Но не можем бросить тебя в беде.

— Я с вами с ума сойду,— сказала Алиса.

Где же этот ключик? Она изо всех сил старалась встать на четвереньки, уперлась спиной в потолок, да так сильно, что потолок вдруг поддался, пошел вверх с таким скрипом и скрежетом, что, наверно, перебудил весь город.

Какое удивительно приятное чувство, когда ты можешь наконец разогнуться. Алиса поднялась во весь рост, и крыша тюрьмы свалилась с её спины прямо в тюремный двор.

Ночь была темная, лунная, у горизонта, за морем маленьких домов, появилась уже розовая полоска зари. Алиса взглянула себе под ноги, спасенные ею брастаки съежились на полу, потрясённые страшной катастрофой.

— Ну вот,— сказала Алиса.— Теперь нам ключ не нужен.

Часть тюрьмы, с которой слетела крыша, казалась сверху кукольным домом. В двух метрах от Алисы в открытом сверху коридоре, словно в ящике, лежал, похрапывая, пират Дуч.

— Брастаки,— сказала Алиса, — побежали! Вам помочь?

— Мы сами,— сказал Rrrrr, — мы умеем прыгать.

Через три минуты все они были уже на свободе. Полдела сделано.

— Дальше куда?— спросила Алиса.— Где космодром?

— Отсюда далеко,— ответил Rrrrr.— Я пойду с тобой. Остальные скроются у друзей и родственников.

— До свидания,— сказала Алиса брастакам, окружившим ее.

— Успеха тебе, Алиса,— ответили нестройным хором брастаки и по знаку Rrrrr бросились во все

стороны, прижимаясь к стенам домов.

Тюрьма была выше Алисы, так что закрывала вид на ту сторону. Зато с другой стороны перед глазами были бесконечные крыши. Здесь на окраине города дома были невысокими, через некоторые Алиса без труда могла бы перешагнуть.

— Надо скорее выбраться из города, — сказал Рррр. — Мы дождемся утра в лесу.

Алиса поспешила за брестом. Она забыла, что если видит далеко вокруг, то и ее видно. Сзади донесся крик.

— Пригнись! — сказал Рррр.

Алиса обернулась.

Совсем недалеко, возвышаясь по пояс над окраинными домишками, стоял пират и глядел на нее.

Алиса пригнулась и бросилась вперед.

Впереди уже были видны первые деревья.

Луч бластера пронзил синий рассветный воздух.

— Держи ее! — закричал пират.

Алиса всей спиной ощущала, как он снова целится в нее. Она не выдержала и присела на корточки. Но выстрела не последовало — вместо этого донеслись страшные проклятия.

Вскочив снова на ноги, Алиса кинула взгляд назад. Оказалось, что пират в спешке не посмотрел под ноги и, споткнувшись о дом, рухнул во двор — только ноги в чёрных сапогах торчат кверху.

А ещё через десять минут Алиса с Рррр, перебравшись через небольшой ручей и скрывшись в густой чаще, свалились в мягкий высокий мох и долго не могли отдышаться.

— Теперь можно часа три-четыре поспать, — сказал Рррр. — Здесь нас никто не найдёт. Не бойся, Алиса, я тебя разбужу.

— А далеко отсюда до космодрома?

— За час дойдем.

Глава 14. Драматические события на космодроме

— Ваше дамское превосходительство,— разбудил Пашку голос Мммм,— пора вставать, скоро прибывает катер. Корабль «Аристотель» уже вышел на орбиту нашей планеты.

Первым порывом Пашки было вскочить— но, к счастью, он успел сообразить, что спит без парика и черных очков, ходули лежат под кроватью.. Он натянул одеяло на голову и возмущенно закричал в узкую щель:

— Это есть возмутительно! Я, чужестранная женщина, не есть одета, отдыхаю с обнаженной голова, а мужчина ходит по мой квартира. Вон отсюда!

— Простите.— Пашке видно было, как Мммм пятится к двери.— Но я стучал, а вы не откликнулись...

— Закройте за собой дверь, плебей!— закончил Пашка свой монолог.— Чтоб я вас больше не видела.

А из-за двери донесся дрожащий голос:

— А вставать все-таки придется, придется. Вы уж простите, госпожа.

— Ладно, встаю. Вы лучше бы о завтраке побеспокоились.

Пашка быстро умылся, привел себя в порядок. Потом разрешил брастаку принести завтрак.

— Как остальные, готовы?— спросил он, пока Мммм, стоя на задних лапах, расставлял на столике чашки и тарелки.

— Все в порядке, благородная госпожа,— сказал Мммм.— Я очень польщен, что вас выделила своим вниманием сама госпожа королева пиратов. Она приказала доставить вам шкатулку с драгоценностями. Шкатулку я поставил на столик у кровати.

— Ах да, шкатулка!— Пашка бросил на неё взгляд, но открывать не стал, а вместо этого спросил:— Как там моя соседка поживает? Надеюсь, ничего с ней не случилось. Мне было бы

жалко ее, такая милая девочка.

— Ничего в ней милого нет,—сказал Мммм.— Гигантское шумное существо, притом служит чужому делу.

— С ней все в порядке?

— А что? Вам что-нибудь известно?

— Что мне может быть известно, если я спала?

— Ну, тогда и не думайте об этом, — раздался голос Крыса.

Пиратский сын вошел в комнату, поскрипывая кожей мундира, отбросил сапогом с дороги Мммм, присел в кресло.

— Кончай скорее, пилагейка, — сказал он, улыбнувшись тонкими, нитяными губами. — Помнишь наш вчерашний уговор?

— Помню, помню,— сказал Пашка, давясь лепешкой,— вы мне, я — вам.

— И не вздумай шутить. Земляне на корабле у тебя в случае чего все драгоценности отнимут. А что касается нас, дорогая, то руки у космических пиратов длинные. Я лично явлюсь к тебе, чтобы придушить. Я непобедим, потому что я — зло. Добро без зла существовать не может, а то не с чем сравнивать.

— Ну зачем угрозы?— сказал Пашка.— Неужели нельзя договориться по-дружески?

— По-дружески нельзя. Совершенно исключено. Друзей в нашей профессии не бывает. Пошли.

Пашка подхватил свою сумку, в другую взял Алисину.

Крыс внимательно наблюдал за ним, прищурив белые глаза без ресниц.

— Ты чего чужое хватаешь?— спросил он тихо.— Думаешь с ней еще раз встретиться? Не выйдет. Мы ее все равно поймем.

У Пашки все внутри пустилось в пляс — поймем! Значит, Алиса убежала!

— Я не чужое,— сказал он, стараясь скрыть улыбку.— Я в надежде...

— На что?

— На то, что вы ее поймаете. Зачем ей тогда сумка? А мне она пригодится. Понятно, пират?

— Не шутишь?

— Хватай, что плохо лежит,— сказал Пашка.— Никому не доверяй, обходись без друзей. Вот мой принцип.

— Вот баба!— обрадовался Крыс.— Ну, не ожидал. От простой туристки не ожидал. Хотя, впрочем, у моей мамыши был солдат Дуч, усатый такой, ты его видела. Он раньше библиотекарем работал. Мирная профессия. А у нас считался первым головорезом.

— А почему «был»?

— Он Алису стерег. И не устерег.

— И что?

— А ничего, не задавай лишних вопросов, а то скоро состаришься и потеряешь свою неземную красоту.

Пашка с сумками в руках заковылял к двери.

— Постой, совсем рехнулась. За копейкой гонишься, а тонну золота теряешь. Оглянись, ничего не забыла?

— Нет, все со мной, — сказал Пашка.

— Смущаешь ты меня,— сказал Крыс.— А шкатулку с драгоценностями я за тобой таскать должен?

— Ах, склероз, склероз,— спохватился Пашка,— самое главное чуть не забыла!

Он вернулся, положил шкатулку с драгоценностями, подарок пиратской мамыши, к себе в сумку. Ну и ругал же он себя — всегда разведчики на мелочах попадают.

Пашку отвезли на космодром в государственном рыдване. Крыс сидел рядом, хмурился и ворчал:

— Эх, эти мамины причуды. Вышли бы в космос, взяли бы лайнер на abordаж без этих тонкостей. Чего не выношу — это тонкостей.

— А вдруг лайнер вооружен? — спросил быстро Пашка. — На нём должны быть лазеры и метеоритные пушки.

— Да ты не слушай, я так рассуждаю. Все равно

мамаша мне корабля нашего не доверит, хоть он и мой по праву. Боится, что смоюсь на нем со всеми драгоценностями. И до чего она у меня подозрительная, ты и не представляешь!

— Представляю, — сказал Пашка. — Ещё как представляю. Сама такая.

Машина остановилась на краю поля, у здания космовокзала. Там в тени скрывалось несколько пиратов.

— А ну, прячьтесь! — прикрикнул на них Крыс. — Не демаскируй!

— Да еще нет никого, господин принц.

— Когда увидят, поздно будет. Они могут сверху наблюдать.

Пираты, отгрызаясь, ушли в здание. И вовремя. Над полем медленно снижался автоматический катер.

Пашка взглянул на Крыса. И опять не уловил того момента, когда пират исчез. Вместо него рядом стояла Алиса в розовом платице, с цветочком в руке.

— А ну-ка, дай сюда мою сумку, — сказала Алиса.

— Она не твоя, а настоящей Алисы.

— Ты у меня поговори!

Пашка не стал спорить. Пускай несет. Он не спускал глаз с катера. Хоть бы кто-нибудь прилетел на нем.

— Пошли, — сказал Крыс и первым вышел на залитое солнцем поле. За ним — Пашка.

Люк катера открылся. Из люка кто-то вышел.

— Серая туманность! — воскликнул Крыс. — Еще чего не хватало. Нам ведь сообщили, что ни одного пассажира на Брастак нет.

Пашке бы помолчать, но язык — его враг.

— Это же робот, — сказал он. — Робот-стюардесса. Неужели не отличи...

Он осекся, но было поздно.

— Ах, робот! — сказал Крыс. — Ну и замечательно. Люблю роботов.

Стюардесса улыбнулась пассажирам.

— Добро пожаловать, — сказала она, — на корабль «Аристотель». Но кто из вас Алиса Селезнева?

— Я, — сказал Крыс, выходя вперед, — я возвращаюсь на Землю к папе и маме.

— Проходи, девочка, — сказала стюардесса. — Ты есть в списках пассажиров.

Пашка только тут сообразил, что у него нет билета. А вдруг его не пустят в катер? Этого нельзя допустить.

— Я есть пилагейская туристка, — сказал он, — я отстала от своей группы.

— Первый раз вижу одинокую пилагейскую туристку, — сказала стюардесса, — представляю, каково вам пришлось! Но ведь наш корабль летит на Землю. Не лучше ли вам подождать следующего?

— О нет! — воскликнул Пашка, — я не терплю одиночества.

Стюардесса отступила на шаг в сторону, чтобы пропустить пассажиров в катер, но тут послышался приближающийся треск мотора и длинный гудок. К катеру неслась низкая брастакская машина, на крыше которой, уцепившись за края открытых окошек, лежала Алиса. Машина резко притормозила у катера, Алиса спрыгнула, и машина умчалась дальше. Вслед ей от здания вокзала потянулись раскаленные лучи бластеров — это опомнились пираты.

Крыс, который уже вошел было в катер, оглянулся и замер. Стюардесса крутила головой, стараясь понять, что произошло. Один Пашка не растерялся. Он наклонился вперед и кинулся на Алису в розовом платье, чтобы она не успела превратиться в Крыса. Крыс потерял равновесие и влетел в катер, Пашка за ним. И тут же в катер вбежала настоящая Алиса. Пока Пашка старался подняться на ноги, проклиная неуклюжие ходули, Крыс успел отпрыгнуть к стене, превратиться в пирата и выхватить бластер.

— Считаю до трех,— сказал он Алисе.— Или ты выметаешься из катера, или я выбрасываю твой труп. Раз... Два...

— Господин Крыс!— закричал Пашка.— Это не есть цивилизованно! Я буду жаловаться!..

— Ты у меня тоже вылетишь из катера,— сказал Крыс.

А настоящая Алиса стояла спиной к пульту управления катером.

— Ну, пошевеливайся! Второй раз от нас не уйдёшь!

Алиса начала продвигаться к выходу. Догадается ли она нажать на кнопку тревоги, думал Пашка.

У двери стояла стюардесса. Ее розовое искусственное лицо улыбалось— стюардессы всегда улыбаются.

— Прошу занять свои места,— сказала стюардесса, словно командовала самым обычным полетом.

— С дороги!— крикнул Крыс роботу.— Эта девчонка с нами не летит.

— Невозможно,— улыбнулась стюардесса, — у неё есть билет. Это— Алиса Селезнева.

— Я тебя расстреляю!— закричал Крыс.— С дороги!

— Меня нельзя расстрелять,— сказала стюардесса.— Меня нельзя уничтожить бластером, пушкой, лазером, мазером и прямым попаданием метеорита. Советую вам занять места.

— Долой! — Пират начал стрелять в стюардессу, но улыбка так и не пропала с ее лица. В кабине стало жарко.

— Прекратите,— сказала стюардесса. — Вы можете повредить стены кабины, а так как мы уже находимся в высших слоях атмосферы..

— Где? — у Крыса даже рука опустилась.

— Это есть автоматический катер. Он уже приближается к кораблю.

Крыс стоял неподвижно.

— Давайте сюда оружие, — сказал Пашка, — а то и в самом деле стены кабины повредите.

— Нет, — сказал Крыс. — Игра ещё не кончена.

Он положил бластер на стол и снова превратился в Алису.

Но Пашка, который внимательно следил за пиратом, увидел, что бластер оставлен без присмотра, кинулся к нему и успел схватить раньше, чем ложная Алиса протянула к нему руку.

— Отдай сейчас же, пилатейская дура. Все равно у тебя все драгоценности отнимут.

Он прыгнул на Пашку, они покатались по полу, а бластер отлетел в сторону. Алиса бросилась к Пашке на помощь, и неизвестно, чем бы кончилась эта схватка, но стюардесса ласковым голосом, словно привыкла к таким дракам в своём маленьком катере, сообщила:

— Катер прибыл к кораблю «Аристотель». Прошу пассажиров перейти на корабль.

Люк отлетел в сторону, словно кто-то рванул его с той стороны. В проёме люка стоял космонавт в форме капитана Глубокого космоса.

— Прекратить драку! — сказал он тихо.— Дети! Пашка поднялся на ноги. Конечно, в глазах

капитана это все выглядело детской дракой. Две одинаковые девочки и странное существо в платье пилатейки, но без парика, а со стриженной мальчишеской головой.

Капитан наклонился и поднял бластер.

— Откуда вы добыли оружие? — спросил он.

За его спиной стояли еще два космонавта.

— Мы не дети, — сказал Пашка. — Вот эта девочка — известный космический пират Крыс.

— Какая? — поморщился капитан.

Пашка и Алиса показали на Крыса, а Крыс — на Алису.

— Кто из вас нажал на кнопку тревоги? — спросил капитан.

— Я, — сказала Алиса. — Но без Пашки я бы не справилась.

— Пашка? — спросил Крыс. — Какой еще Пашка?

Пашка приподнял подол юбки, и все увидели, что он стоит на ходулях.

— Никакая я не пилатейская туристка.

— Предатель! — закричал Крыс. — Какую змею мы пригрели с мамой!

— Теперь вы верите? — спросила Алиса у капитана.

Вторая Алиса, что в розовом платье, сказала:

— Я сдаюсь. Я — космический пират Крыс, и запирается нет смысла. Я проиграл. Где здесь у вас тюрьма?

— Предупреждаю, — сказал Пашка, подхватывая с пола свою сумку, — он может превратиться в кого угодно, даже в вас, капитан. Посадите его в такую каюту, где даже маленькой щели нет.

— Это правильно, — сказала девочка в розовом платье, — меня нужно тщательно сторожить.

Глава 15. Вроде бы все удалось...

Наверно, полчаса пришлось все объяснять капитану, а тем временем судовой доктор, задумчивый, похожий на садовую лейку, перевязал

Алисины ссадины и царапины. Капитану не легко было во все поверить— за двадцать лет, которые он водил космические корабли на дальних трассах, ему не приходилось сталкиваться с такой дикой историей: шайка пиратов захватила целую планету и ещё собирается взять в плен мирный лайнер.

Надо было принимать решение. Капитан приказал радисту передать срочную гравиограмму— через час ее получат на Земле, еще через час — в Галактическом совете. Пока суд да дело, корабль продолжал кружить на орбите вокруг планеты.

В ожидании указаний из Галактического совета капитан приказал привести к нему пирата.

Крыс смиренно встал у двери. Он все еще изображал Алису в розовом платьице.

— Пускай Крыс перестанет притворяться,— сказала Алиса.— Мне неприятно, что он похож на меня.

— Разумеется, — быстро ответил Крыс Алисиным голосом. — Но ведь все кого-то изображают. Твой друг Пашка не только пилагейскую туристку изображал, но и готов был всех предать.

— Я и не думал предавать,— улыбнулся Пашка, который сидел в своем обычном мальчишеском виде. — Вы о военной хитрости когда-нибудь слышали?

— Я обо всем уже слышал, — ответил пират. — И уверен, что, если бы мы победили, ты бы остался пилагейкой и присоединился бы к нам, как бывший библиотекарь.

— Эх, — махнул рукой Пашка, — он ничего не понимает в дружбе.

— Дружбы не бывает,— сказал Крыс, — кто сильнее, тот и друг. Это же и червяку ясно.

— Хватит,— сказал капитан.— Психология у вас, прямо скажу, отвратительная, и прошу вас вернуться в свой облик.

— Пожалуйста,— сказал Крыс и превратился в профессора Rrrr. — Пожалуйста, сколько угодно.

— Опять не то, — сказала Алиса.

— А кто знает, какой у меня обычный вид?— спросил Крыс.— Я так далеко зашел на пути порока и преступлений, что уже все забыл. И это не удивительно. Наверно, я сам бы испугался, увидев себя в естественном виде. Не все ли равно, на кого я похож. Главное, я сдался и готов отвечать на любой вопрос. Никого не пожалею.

— Даже собственную маму?— спросила Алиса.

— А уж ее тем более,— сказал Крыс,— нет более отвратительного существа на свете, чем моя мамаша. Это она дала мне в детстве порочное воспитание. Я мог бы стать космонавтом, инженером, садовником, но воспитание не оставило мне выбора — я стал преступником. И поздно раскаиваться.

Все увидели, как из единственного голубого глаза лже-Рррр выкатилась большая зеленоватая слеза.

— Не обращайтесь внимания,— сказал он и закрылся лапкой.— Глаз у меня чужой, но слезы мои настоящие.

— Куда вы намеревались лететь? — спросил капитан.

— Домой. Но уверяю вас, мы бы по дороге обязательно передрались. Так у нас всегда бывает. Мне, можно сказать, повезло, что я к вам в плен попал. Все-таки живым останусь. И ещё со временем перевоспитаюсь. Как вы думаете, капитан, для меня ещё не все потеряно? Могу ли я искупить свою вину честным трудом?

— Не верьте ему, капитан, — сказала Алиса.

— Но ведь каждый может перевоспитаться, если он захочет, — сказал добрый доктор, похожий на лейку. — Я знаю несколько таких случаев...

— Капитан,— в дверь заглянул радист.— Получен ответ из Галактического совета.

— Покажи, — сказал капитан.

Радист протянул ему гравиограмму. Капитан

прочел ее и сказал:

— Нам предписывают оставаться на орбите до прилета патрульного крейсера.

— Почему? — спросил доктор. — Чтобы передать им пленных?

— Пираты могут удрать с планеты на своем малом корабле, бросив добычу. Если они это сделают, мы должны узнать, куда они направляются...

— Но у нас на борту пассажиры...— сказал доктор.

— Корпус нашего «Аристотеля»,—сказал капитан,— сделан из суперсплава. Нам пиратские пушки не страшны.

— А когда прилетит патрульный крейсер? — спросил Крыс.

— Это вас не касается,— сказал капитан.— Не верю я вашему раскаянию.

— Вы ошибаетесь, капитан,—сказал печально Крыс, вытирая слезы.— Я искренне раскаялся.

Крыса увели...

Алиса с Пашкой пошли обедать в кают-компанию. За соседним столом сидела компания пиллагейских туристок. При виде их Пашка шепнул Алисе:

— Если бы они знали...

— Еще не поздно,— сказала Алиса. — Может быть, тебе стоит переехать на Пиллагею. Сойдешь там за своего.

— Я подумаю,—сказал Пашка.—Расскажи мне теперь, как ты из тюрьмы убежала.

Когда Алиса кончила свой рассказ, она сказала:

— Скорей бы крейсер прилетал. Ты не представляешь, как я беспокоюсь за брастаков.

— Это зависит от того, в каком он сейчас секторе. Капитан сказал мне, что ожидает его завтра.

— Страшно представить, как пираты злобствуют. Они, наверно, уже догадались, что Крыс попался. Как ты без меня жил?

– Познакомился с красавицей.

– С какой еще красавицей?

– С пиратской мамашей, – сказал Пашка.

Пилагейские туристки вдруг затараторили.

Показывали пальцем на пол. Там бежал большой черный таракан.

– Гадость какая, – сказал Пашка.

– Насекомое как насекомое, – сказала Алиса. – Конечно, на корабле ему не место. Надо доктору сказать – на кухне, наверно, завелся. Ну, продолжай.

Таракан на мгновение задержался, глядя на Алису, потом быстро побежал дальше, к каютам.

Пашка продолжал:

– Пиратская мамаша решила меня подкупить – ей надо было, чтобы я не выдал Крыса. Она даже поделилась со мной награбленными драгоценностями.

– Какими еще драгоценностями?

– Алмазами, жемчугом. Компот допьешь, покажу. Целую шкатулку мне подарила. Только я подозреваю, что потом она все камни подменила на стекла. Иначе зачем она мне ее сразу не отдала, а только потом прислала?

– Смотри, не забудь отдать камни брастакам.

– На что мне чужие драгоценности?

Алиса быстро допила компот.

– Пошли.

Пашка выплюнул косточку и тоже встал.

Но они не успели дойти до дверей кают-компания.

В дверях стоял пират. С бластером в руке.

– Ни с места, – сказал он, – всем оставаться на своих местах. Корабль захвачен.

Глава 16. Полная шкатулка пиратов

Отодвинув пирата в сторону, в кают-компанию вошла женщина изумительной красоты, с плеткой в руке. Лицо ее казалось фарфоровым, курчавые

черные волосы спадали на плечи. Фарфоровые голубые глаза отыскивали Пашку.

— Подойди сюда, мальчик, — сказала она нежно и засмеялась, словно зазвенели серебряные колокольчики.

Пашка подошел. Он ничего еще не понимал.

Пиратская мамаша медленно подняла руку, и хлыст взвизгнул в воздухе. Пашка схватился за щеку рукой, но не закричал. Стиснул зубы. Снова свистнул хлыст — красная полоса протянулась через руку Пашки.

— Я тебя научу, мерзавец, — сказала мамаша, — как обманывать королеву. Вот какая ты туристка!

— Мамаша, — сказал Крыс, входя в кают-компанию и отбрасывая кулаком Алису, которая кинулась на помощь Пашке. — Мамаша, зачем такие жестокости, не принятые в цивилизованном мире? Мы должны благодарить этого наивного мальчика, а ты его наказываешь.

— Поблагодарить я его всегда успею, а вот обмана не терплю, ты же знаешь.

Снова свистнул хлыст. Пашка от боли упал на колени.

— Успеете, всему свое время. Каждая минута на счету. Пока перегрузим добро да улетим, полдня пройдет, а патрульный крейсер уже в пути.

Пилагейские туристы тараторили на своем языке, никак не могли понять, что к чему. Пираты загоняли в кают-компанию других пассажиров и членов экипажа. Последним ввели капитана. Он был связан и жестоко избит.

Доктор-лейка увидел, что Пашка весь в крови, и нагнулся над ним.

— Как не стыдно, — сказал он, — взрослая женщина...

— А тебе я ноги отломаю, — сказала королева пиратов.

— Мамаша, он доктор, он нам пригодится.

— Я нового себе куплю.

— А твой радикулит?

— Ладно, пускай живет. Мы его с собой возьмем. Где шкатулка? А то все камушки растащат.

— Здесь, госпожа, — сказал пират Бесноватый, — протягивая королеве шкатулку, которую она подарила Пашке.

— Может, кто-нибудь интересуется, как мы сюда попали? — спросила королева и усмехнулась. — Проще простого. Благодарите этого гадкого мальчишку. Он свою роль играл, а мы — свою. Мы понимали, что Крысу вряд ли удастся захватить целый корабль, и решили: пускай его захватят в плен. Непонятно? А ну-ка, Бесноватый, подойди сюда.

Королева поставила шкатулку на стол, открыла ее, выгребла оттуда камни, высыпала себе за корсет белого платья и откинула дно шкатулки.

Дно оказалось двойным.

— Эта шкатулочка досталась мне по наследству от бабушки, а он ее выкрал из склада Космических скитальцев, которые уже миллион лет назад улетели в соседнюю Галактику. Бесноватый, на стол!

Бесноватый взобрался на стол.

— Покажи им, миленький!

Бесноватый поставил в шкатулку ногу, и все увидели, как его нога уменьшилась и исчезла, и вскоре он весь скрылся в шкатулке.

— Теперь он стал размером в ноготь, — сказала королева. — И ждет своего часа. Как мы все ждали. Так что ваш Пашка нас собственными руками на корабль пронёс.

— А когда меня в каюту посадили, — сказал Крыс, — я в таракана превратился, в шелку выскочил, у всех на глазах прошел к Пашке, достал шкатулку, открыл и выпустил наружу тридцать пиратов во главе с моей мамашей. Опля-ля!

— Представление окончено, — сказала мамаша, подняла шкатулку, опрокинула ее, и оттуда вывалился на пол Бесноватый.

— Можно бы и поосторожнее, — проворчал он.

— Я пошел на мостик, — сказал Крыс, — сейчас подойдет наш кораблик. Мы начнем перегружать добро на «Аристотель». Все пассажиры останутся на Брастаке, так что собирайте вещички. Команда тоже. С собой мы возьмем только мальчишку. У нас с ним особые счета.

— И доктора, — сказала мамаша. — Меня радикулит замучил. Все время в походах, в набегам — сквозняки и ветры..

Только тогда Алиса вдруг догадалась:

— Так вот, значит, как вы планету Брастак завоевали!

— Молодец, девочка, умница, — сказала королева. — Крыс со шкатулкой под видом брастака всю планету объехал и всюду наших людей оставлял. Потом по моему сигналу пираты вышли из своих укрытий.

— Королева, — сказал доктор, похожий на лейку, — я как врач говорю вам, что этот молодой человек нуждается в медицинской помощи. У него кровоточащие раны. Я намерен его перевязать.

— Ничего, до свадьбы заживет, а мы ему еще добавим, — усмехнулась королева.

— Я настаиваю, — сказал доктор. — В ином случае я отказываюсь лечить ваш радикулит.

— А я тебя заставлю.

— Нет уж, не заставляйте, — сказал доктор. — Не получится. Меня пиратами не запугаешь.

— А если разрешу, вылечишь?

— Разумеется.

— Бесноватый, проводи их до амбулатории и пригляди за ними.

Глава 17. Средство от пиратов

— Это безобразие, — возмущался доктор, пока Бесноватый вел пленников к амбулатории. — Это варварство, и я буду жаловаться.

— Не скоро тебе, кастрюля, придется

жаловаться,— сказал Бесноватый. Он успел отнять у какой-то пилатейской туристки шляпу с цветами и надел ее набекрень.

— Молодой человек,— сказал доктор Бесноватому.— Попрошу вас внутрь амбулатории не входить.

— Это еще почему? — удивился Бесноватый.

— А потому что вы можете занести микробы. Всю Галактику исколесили, а руки, как я погляжу, не моете.

— Вчера мыл,— обиделся пират.

— И без мыла.

— Откуда у меня мыло?— сказал пират.— Нет у меня мыла. Алмазы есть.

— Вот и можете в любой момент заболеть,— сказал доктор.— Задумайтесь над этим.

Он открыл дверь, пропустил Пашку вперед и захлопнул ее перед носом пирата.

— Как она тебя отделала!— сказал доктор, покачав квадратной головой. — Больно?

— Больно.

— Терпи.

— А я терплю,— сказал Пашка сквозь зубы.

Доктор возился в стеклянном шкафу, вынимая какие-то бутылки, шприцы и инструменты.

— Может, обойдемся без уколов?— спросил Пашка. — У меня не очень болит.

— Нет уж, неизвестно, что она этим хлыстом делает, может, своих пиратов стегает. Ты же сам слышал— мыла нет, алмазы есть...

— Но что нам делать, доктор?— спросил Пашка.— Так горько сознавать, что я во всем виноват.

— Не вини себя, юноша. Что делать, если они оказались хитрее?

— Сейчас мы с вами— единственные люди на корабле, кто хоть немножко на свободе. Скоро причалит их корабль, начнут выгружать ценности, и всех, кроме нас, отправят на Брастак.

— Ах, мальчик, не расстраивай меня... А ну-ка, повернись этой щекой. Наверно, шрам

останется.

— Это даже красиво. Вы что-нибудь придумали?
Ой, больно!

— Разумеется, у меня много мыслей. Например, есть у меня снотворное. Но его надо съесть...

Дверь приоткрылась, и возникла физиономия пирата Бесноватого в шляпе с цветами.

— Ну, скоро вы там?

— Сейчас, уйдите, не мешайте.

Дверь за пиратом закрылась.

— Да, обедать они не собираются, — сказал Пашка. — Неужели мы сдадимся, доктор?

Доктор подошел к стеклянному шкафу и задумался...

— Эврика! — сказал он, вынимая из шкафа небольшой флакон с распылителем.

— Что?

— Эврика, как сказал Архимед, когда догадался, что тело теряет в своем весе столько, сколько весит вытесненная им вода.

— Знаю, учили в школе, но при чем тут Архимед?

— Когда мы уходили в рейс, мне дали этот флакон для испытания на диких животных.

— А как он действует?

— Он еще не испытан. И то, что годится для животных...

Вошел Бесноватый.

— Королева велела вести вас в кают-компанию. Через пятнадцать минут начнем погрузку.

Пашку буквально раздирало от желания узнать, что же придумал доктор.

— И вы думаете... — спросил он осторожно, когда они шли по коридору.

— Ничего я не думаю, — ответил доктор. — Не мешайте мне. Ах, как рискованно...

— Что рискованно? — спросил Бесноватый.

— Я думаю о новом средстве лечения радикулита вашей королевы...

— А вы не думайте, доктор, — ухмыльнулся пират. — Если ее скрючит, ничего страшного. Обойдемся без нее. Может, меня в короли выберут. Не исключено..

Они вошли в кают-компанию. Королева сидела на круглом табурете от рояля, который вывинтили до самого верха, да еще прикрыли подушкой, чтобы пиратка была выше всех. Ее поддерживали телохранители, чтобы она не свалилась.

— Ай, как я тебя отделала! — сказала она весело, увидев, что Пашка заклеен пластырями. Ты у меня будешь мальчиком для битья. Как плохое настроение или кто меня разозлит, буду вымещать гнев на тебе.

— Это вам даром не пройдет, — сказал капитан. Он лежал связанным на полу.

— Молчать, — сказала королева. — Кто сильнее, тот и командует.

Вошел Крыс.

— Все готово, — сказал он. — Наш корабль с первой партией драгоценностей пристал к борту. Можно готовить пленных.

Пашка краем глаза увидел, что доктор осторожно полез в карман. Вот он достает флакон и выходит вперед.

— Что там у тебя? — подозрительно спросила королева. — Смотри, не умори нас.

— Каждый врач, — сказал доктор, — дает торжественную клятву не причинять вреда здоровью людей. Я тоже давал такую клятву. Не беспокойтесь. Что-то воздух здесь нечистый, надо освежить.

— А ну спрячь свою дезинфекцию! — крикнул Крыс. — Сейчас же.

Но доктор, как ни в чем не бывало, не спеша опрыскивал из распылителя кают-компанию.

Ничего не случилось.

Пираты смотрели на него во все глаза. В воздухе запахло ландышами.

— Бог с ним, — сказала королева, — помогите

мне сойти с трона!

Доктор прошел рядом с Пашкой, Пашка вдохнул странный и свежий запах. «Приятный запах», — подумал он. Он нашел пустое кресло и уютно устроился в нем. «И охота была мне, — подумал он, — суетиться?»

Доктор прошел совсем близко от пиратской королевы.

Никто больше не обращал на него внимания. Пираты начали было стогнать пленников к двери, но потом один из них почему-то раздумал, отошел в сторону, улыбнулся и махнул рукой.

— Гони их сам, — сказал он своему соседу.

— Нет уж, — ответил тот, — пускай сама королева этим занимается.

Раздался грохот. Оказывается, телохранители, которые поддерживали королеву, отошли от нее и она, не удержавшись на вертящемся стуле, упала на пол.

— Что за безобразие! — сказала она. — Я же могла ушибиться!

— Обойдешься, — сказал телохранитель.

В дверь заглянул пират и сказал:

— Все готово к приему пленных.

Принюхался к приятному запаху и добавил:

— Кто желает, может их туда отогнать. Что касается меня, то я устал на этой службе...

— Сынок, помоги мне подняться, — сказала королева, лежа на полу.

— Сейчас, — сказал Крыс, подошел к ней и сел рядом.

— У тебя, мамаша, закурить не найдется? — спросил он.

— Сам достань из сумочки, — сказала королева, — мне лень шевелиться.

— Обойдусь без курева, — ответил Крыс, вытянулся во весь рост на полу и задремал.

Доктор, продолжая нажимать на кнопку распылителя, выбежал из кают-компания. Когда он через минуту вернулся, то первым делом подбежал

к капитану, отбросил в сторону пустой пузырек и сказал:

— Все в порядке. Они безвредны.

Он наклонился над капитаном и начал развязывать путы.

— Эй,—сказала лениво королева,— ты не прав, доктор. Нельзя его распутывать, он в плену.

— Молчите уж,— сказал доктор.

Алиса стояла посреди кают-компания и ничего не могла понять. Пираты потеряли всякий интерес к тому, что происходит вокруг. Пилагейские туристы сели в кружок на пол и тихонько запели какую-то песню, Пашка, обклеенный пластырем, дремал в кресле. Что случилось? Алиса хотела было подойти к доктору и спросить, но лень было двигаться. Она стояла и смотрела, как капитан поднимается и растирает затекшие руки.

— Чем это вы их? — спросил капитан у доктора.

— А помните, нам перед отлетом выдали новое средство от хищников?— спросил он. — Я вам показывал.

— А как оно действует?

— Оно совершенно безвредно, но вызывает необоримый приступ лени. Да вы сами посмотрите!

Алиса лениво проследила взглядом за пальцем доктора-лейки. И увидела, что пальма, стоявшая в кадке в углу кают-компания, бессильно опустила листья.

— Даже растения не могут бороться с ленью.

— Великолечно,— сказал капитан. — А как вы?

— А вы?— ответил вопросом на вопрос доктор.

— Я?— Капитан пожал плечами.— Я— капитан корабля и отвечаю за все, что здесь происходит. Как же я могу лениться?

— Вот вы и ответили на вопрос,— сказал доктор.— А я— врач. Лень— это атавизм, то есть отмирающее свойство человека. Человек будущего забудет об этом чувстве.

«Ой, какой ужас,—подумала Алиса.— Неужели я— человек прошлого?» Она хотела крикнуть капитану,

что тоже владеет собой, но ничего не получилось. Просто-напросто рот не открылся.

— И долго это средство действует? — спросил капитан.

— Я думаю, до завтра они будут отдыхать.

— Придется их оставить здесь. Боюсь, что мало сейчас на корабле людей, которые могли бы нам помочь.

— Я пойду в радиорубку, ладно? — раздался голос.

Алиса увидела, что к капитану подходит радист.

— Да, — сказал капитан, склонив голову набок и внимательно глядя на радиста. — Приятно убедиться... — сказал он, махнул рукой и совсем другим, командирским голосом продолжал: — Немедленно свяжитесь с патрульным крейсером и скажите, чтобы они прибавили ходу. Если возможно. Сообщите вкратце, что здесь произошло.

— Ой, что-то душно, — сказала королева пиратов и лениво сняла с себя розовую, словно фарфоровую, маску.

Алиса быстро отвернулась, увидев, какое в самом деле у королевы лицо. Это жуткое зрелище помогло ей совладать с собой. Ну, уговаривала она себя, еще один шаг, ещё шаг... Неужели придется так вот бороться с собой до завтрашнего дня?

— Подождите, — сказала она капитану, который уже собирался запереть дверь в кают-компанию. — Я с вами.

— А я? — спросил Пашка.

— Скорей, девочка, — сказал капитан.

Алиса подошла к Пашке и помогла ему подняться.

— Неужели нет какого-нибудь противоядия от лени? — спросила Алиса, пока доктор запирает дверь.

— Ещё не придумали, — сказал доктор. —

Спасает только работа.

И Алиса потащила Пашку в каюту, чтобы он немного поспал.

* * *

Когда Пашка с Алисой спускались на поле Московского космодрома, он вдруг остановился.

— погоди,— сказал он. — Мне надо обязательно один вопрос задать. А то я забываю.

Пашка подбежал к шумной группе пилагейских туристов.

— Простите,— сказал он.— Зачем вам корзинки?

— Ах!— закудахтали туристки, размахивая своими корзинками.

— А если мы снесем яйцо, куда его положить?

— Вы несете яйца?

— А разве это позорно?

— Нет, простите, я не привык к этому.

— Нельзя же бросать детей на произвол судьбы.

— А что же тогда в государственной корзинке?

— В государственной корзинке! О!

Государственное яйцо!

— Как сложно, — вздохнул Пашка.— Сколько планет, столько и обычаев. И скрррулей мы так и не отведали...

СОДЕРЖАНИЕ

От автора.....	
.....5	

ДЕВОЧКА С ЗЕМЛИ

ПУТЕШЕСТВИЕ АЛИСЫ

Фантастическая повесть

Преступница

Алиса.....	9
Сорок три зайца.....	15
Ты слышал о трех капитанах?.....	24
Пропали головасты.....	31
Советы доктора Верховцева.....	40
Кустики.....	48
Загадка пустой планеты.....	52
Что рассказали ушаны.....	61
Нам нужен говорун.....	66
Мы купили говоруна.....	77
Курс к системе Медузы.....	82
Такое печальное изобретение.....	86
Парализованные роботы.....	95

Погоня за леди	
Винтер.....	106
Птенец птицы	
Крок.....	112
Зеркальные	
цветы.....	121
Мы смотрим в	
прошлое.....	126
Шпион.....	
.....	133
Где	
девчонка?.....	
.138	
В	
плену.....	
...146	
А в это	
время.....	157
Толстяк	
врет.....	162
Пленник в	
подземелье.....	172
Конец	
путешествия.....	1
76	

МИЛЛИОН ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Часть первая НОВЫЕ ПОДВИГИ ГЕРАКЛА

Глава 1. Авгиева	
лаборатория.....	187
Глава 2. Появление	
Геракла.....	191
Глава 3. Второй день	
рождения.....	199
Глава 4. Пожалейте	
маслят.....	203

Глава 5. Куда улетают комгуси?.....	209
Глава 6. Джинн в корабле.....	214

Часть вторая ЗАГРАНИЧНАЯ ПРИНЦЕССА

Глава 1. Мы летим в джунгли Пенелопы!.....	223
Глава 2. Пенелопа и Жангле- многоточие.....	225
Глава 3. Все беды от романтики.....	229
Глава 4. Свня ула.....	232
Глава 5. Все для шпиона.....	235
Глава 6. Два лица Фуукса.....	238
Глава 7. Где Пашка Гераскин?.....	242
Глава 8. Документы для принцессы.....	245
Глава 9. Латы в металлолом.....	248
Глава 10. Обиженный маркиз.....	255
Глава 11. Другой Жангле.....	258
Глава 12. Номер с ванной для принцессы.....	261
Глава 13. Королевский обед.....	266
Глава 14. Жалобы на рыцаря.....	270
Глава 15. Начинается турнир.....	274
Глава 16. Роковой поединок.....	280

Глава 17. Победитель не уйдет от наказания.....	288
Глава 18. Суд во дворце.....	291
Глава 19. Палач подтверждает.....	296
Глава 20. Бегство из города.....	301
Глава 21. Прощай, шут!.....	305
Глава 22. Снова Фуукс.....	307
Глава 23. Вы не поверите, где мы были!.....	310

Часть третья КАНИКУЛЫ НА ПЕНЕЛОПЕ

Глава 1. Половина рогатой собаки.....	313
Глава 2. Дикарь ловит рыбу.....	316
Глава 3. Дикарь пьет чай.....	321
Глава 4. Там был город.....	325
Глава 5. Дикарь в городе.....	329
Глава 6. Тигры на дороге к дому.....	332
Глава 7. Вести из города.....	336
Глава 8. Они любят друг друга!.....	340
Глава 9. Где живет собака?.....	347
Глава 10. В поисках Дикаря.....	355
Глава 11. Пашка исчез.....	357

Глава 12. Говорящий тигрокрыс.....	357
Глава 13. Дикарь собрался улетать.....	364
Глава 14. «Считаю до десяти...».....	368

Часть четвертая
ШКАТУЛКА ПИРАТСКОЙ МАМАШИ

Глава 1. Приезжай на Брастак отведавать скрррулей..	372
Глава 2. «Возьми меня с собой!».....	375
Глава 3. Их никто не встретил.....	379
Глава 4. Планета в карантине.....	382
Глава 5. Гостиница для почетных гостей.....	385
Глава 6. Беглец.....	389
Глава 7. «Где вы его спрятали?».....	392
Глава 8. Как это случилось.....	396
Глава 9. Возвращение археолога.....	399
Глава 10. Туристка любит драгоценности.....	404
Глава 11. Пиратская мамаша.....	408
Глава 12. Маленькая тюрма.....	416
Глава 13. Бегство.....	420
Глава 14. Драматические события на космодроме....	425
Глава 15. Вроде бы все удалось.....	432

Глава 16. Полная шкатулка
пиратов.....435
Глава 17. Средство от
пиратов.....437

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство просит отзывы об этой книге
присылать по адресу:

125047, Москва, ул.
Горького, 43.

Дом детской книги.

Литературно-
художественное издание

ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО
ВОЗРАСТА

Кир Булычев
ДЕВОЧКА С ЗЕМЛИ

Ответственные редакторы
М. С. Брусиловская, И. Б.

Пронина

редактор

Художественный

И. З. Левинская
Технический редактор
В. К. Егорова
Корректор
А. А. Гусельникова

ИБ № 12529

Подписано к печати с готовых
диапозитивов

15.05.89. Формат 84X1087». Бум.
типогр. № 1.

Шрифт академический. Печать
высокая.

Усл. печ. л. 23.52. Усл. кр.-отт.
24.78. Уч.-изд. л.

26.65. Тираж 200 000 экз. (2-
й завод

100 001–200 000 экз.). Заказ №
2211.

Цена 1 р. 40 к.

Орден Трудового Красного Знамени и
Дружбы народов издательство
«Детская литература» Государственного
комитета РСФСР по делам
издательств, полиграфии и книжной
торговли.

103720. Москва. Центр. М. Черкасский
пер., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени ПО –
Детская книга –

Росглавполиграфпрома Государственного
комитета РСФСР по делам
издательств., полиграфии и книжной
торговли.

12/018. Москва, Суцевский вал.
49.

Кир Булычев

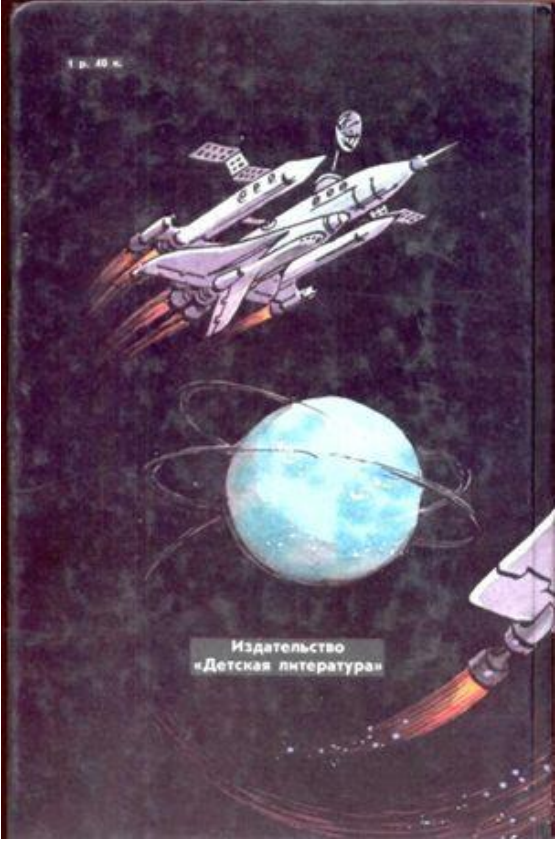
Б90 Девочка с Земли: Фантастические
повести/

Худож. Е. Мигунов. – Переизд. – М.:
Дет. лит., 1989. – 446 с ил.

ISBN 5-08-002116-0

В книге две фантастические повести:
«Девочка с Земли» и «Миллион приключений».
Героиня обеих повестей, девочка Алиса – юный
биолог, совершает путешествия на другие
планеты.

Гр. 40 к.

Издательство
«Детская литература»